УАЙТ

БОРЬБА РЕЛИГИИ С НАУКОЙ

Я 157/366

Э. Д. УАЙТ

БОРЬБА РЕЛИГИИ С НАУКОЙ

ОГИЗ
1931
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ
СОЮЗА ВОИНСТВУЮЩИХ БЕЗБОЖНИКОВ СССР

Я 157
366

Э. Д. УАЙТ

БОРЬБА РЕЛИГИИ С НАУКОЙ

ПЕРЕВОД
Д. Л. ВЕЙС

ПРЕДИСЛОВИЕ
А. РАНОВИЧА

32-3106

ОГИЗ — „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД 1932

2020226159

Уполн. Главлита № Б-13930. Заказ № 43. Тираж 3000.

Тип. «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Непримиримая вражда между наукой и религией столь же старинна, как и сама религия. Наука, строящаяся на познании объективного, материального мира, исходящая из данных опыта и практики, находится в принципиальном противоречии с религией, представляющей фантастическое, искаженное отражение действительного мира, основывающей свои положения на чудесном откровении и черпающей свой материал в области сверхъестественного. Исконная вражда между подлинной, нефальсифицированной наукой и религией принимает различные формы — от прямых насильственных действий против науки до видимости вооруженного мира. Но она в рамках классового общества не прекращается; она исчезнет лишь тогда, когда исчезнут социальные условия, порождающие и поддерживающие религию, а вместе с ними и сама религия.

Борьба между религией и наукой имеет — со стороны науки — своих героев и своих мучеников, не раз вдохновлявших своей самоотверженностью и героизмом поэтов и художников. Но история этой борьбы, которая вскрыла бы ее социальный смысл на всех ее этапах, еще не написана. Между тем она была бы лучшей иллюстрацией того, как возникают и отмирают классовые идеологии, наглядным доказательством партийности науки и философии.

Буржуазные историки культуры неохотно касаются этой темы и уж во всяком случае неспособны понять причины и условия вековечного конфликта между наукой и религией. В 1873 г. Дж. Дрэпер выпустил книгу о «Конфликте между наукой и религией» (русский, искаженный цензурой, перевод—«История отношений между католицизмом и наукой», СПБ, 1876). Верный своей идее о чередовании «века разума», «века веры» и «века исследования», Дрэпер дает собственно суммарную историю развития науки, останавливаясь лишь бегло на спорах относительно «природы мира», «древности земли», «критерия истины» и «управления вселенной». Но, констатируя наличие противоречий между наукой и религией, Дрэпер не видит здесь вопроса принципиального. Дело, по его мнению, лишь в непримиримом духе католической церкви. Зато «примирение реформации с наукой не только возможно, но и легко бы произошло, если бы только протестантские церкви жили по правилу, которому учил Лютер». Для примирения католицизма с наукой «препятствия, может быть, неодоли-

мы», но не для протестантства: «в одном случае надо одолеть ожесточенную смертельную вражду, в другом — восстановить дружбу, которую расстроили недоразумения».

Взаимоотношений между религией и наукой слегка касается и небезызвестный Э. Бутру в своей книге «Наука и религия в современной философии». Истории борьбы он отводит всего два десятка страниц, вся же остальная книга имеет целью, по выражению Плеханова, «разогреть и подать под новым соусом старое учение о «двойственной истине». Подробно разбирая Конта, Спенсера, Ритчля, Геккеля, Джемса, наш «разогреватель» проводит ту мысль, что религия и наука развиваются в разных планах, и потому в конфликте между ними нет стороны правой и виновной. Напротив, «когда борются две силы, одинаково жизненные и плодотворные (это религия жизненна и плодотворна!), они развиваются и растут благодаря самому конфликту... Так обстоит дело с наукой и религией. Борьба закаляет и ту и другую». По существу книга Э. Бутру, этого «ученого приказчика теологов», является апологией религии против научного мировоззрения.

Эндрью Диксон Уайт занялся вопросом о взаимоотношениях между религией и наукой под влиянием тех треволнений, какие ему самому пришлось испытать, когда он осмелился — чрезвычайно умеренно и благонамеренно — выступить... не против религии и даже не против церкви, а лишь против американского ханжества.

Около 1870 г. Уайт вместе с Э. Корнеллом учредил в Нью-Йорке научный институт, который, не в пример прочим американским высшим учебным заведениям, должен был быть независимым, как заявили его учредители, от какой бы то ни было политической партии, или от той или иной религиозной организации. Этот внецерковный (но отнюдь не безрелигиозный) институт вызвал бурю негодования со стороны церковников и их «дипломированных лакеев» и навлек на Уайта кучу неприятностей. Вынужденный выступить в защиту своей идеи о том, что борьба религии против науки вредна не только для науки, но и для религии, Уайт занялся историей этого вопроса и в течение четверти века неутомимо собирал материал для своей книги, вышедшей впервые в 1894 г.

Верный мысли о «двойственности истины», Уайт озаглавил свою книгу «История борьбы науки с богословием в христианстве». Уже в заглавии таким образом Уайт подчеркивает, что если б о г о с л о в и е и боролось против науки, то это не означает, что между религией и наукой существует непроходимая пропасть. Напротив, успехи науки, по мнению Уайта, служат лишь на пользу религии — конечно религии «чистой», религии просвещенного буржуа. Так, заканчивая главу, где не без юмора описана борьба с наукой по вопросу о существовании антиподов, Уайт констатирует кой-какие «печальные результаты» борьбы; они состоят в том, что «попытки Евсевия, Василия и Лактанция умертвить научную мысль, усилия Августина оспорить ее, старания Козьмы сокрушить ее при помощи догматов, упорство Бонифация и Захария в насильственном ее подавлении... все это привело лишь к созданию у лучших умов убеждения, что наука и религия

— враги». «С другой стороны, — продолжает Уайт, — какую выгоду борцы за науку извлекли для религии? — Несомненно гораздо более достойное представление о мире, гораздо более облагораживающее понятие о силе, проникающей мир и управляющей им».

В другом месте он говорит, что в ошибках и прегрешениях как католической, так и протестантской церкви «не было вины религии; то была вина того близорукого нанизывания на тексты писания богословских догм, которым.... узколобые крикуны всегда склонны подменять религию».

Такого рода высказываниями Уайт неоднократно резюмирует отдельные главы своей книги, содержание которых прямо опровергает эти его поповские утверждения. Попытки — довольно впрочем слабые — Уайта реабилитировать религию ценою жертвы богословием производят поэтому впечатление дипломатического лицемерия, желания разоблачить религию, сохраняя вместе с тем репутацию благонамеренного буржуа, боящегося обвинения в потрясении основ.

Другой основной грех Уайта, свидетельствующий о его буржуазной ограниченности, заключается в том, что ему совершенно недоступно понимание тех глубоких социальных корней, которые питают религиозное мракобесие и поддерживают неугасимую ненависть церкви к науке и ее достижениям. Он не видит тех общественных сил, которые помогают развитию науки или, наоборот, его задерживают, он не знает, что религия — классовая идеология. Он поэтому живописует борьбу религии с наукой как чисто идейную борьбу, ведущуюся в области мысли и нисколько не связанную с конкретной исторической обстановкой. И наука, и религия развиваются сами из себя, часто сталкиваясь, иногда примиряясь; но превосходство науки, как позитивного знания, над религией заставляет богословие сдавать одну позицию за другой.

В сущности Уайт видит не б о р ь б у религии против науки, а лишь п р и с п о с о б л е н и е богословия к науке, его примирение, хотя и вынужденное, с выводами положительного знания. С благодушием сытого буржуа он отмечает торжество науки и лишь мимоходом в эпически спокойном тоне сообщает о жестоких гонениях на науку со стороны церкви. Он с чисто американским оптимизмом констатирует, что «отныне физические и естественные науки могут развиваться нормально, не боясь, что богословие их выхолостит или церковь подавит».

Реальная действительность в классовом обществе опрокидывает это оптимистическое построение Уайта. «Накопление знаний, — говорит Плеханов, — лишает почвы религиозные верования, но делает это только в той мере, в какой существующий порядок не мешает распространению знаний и пользованию ими для критики взглядов, унаследованных от старых времен». Да и сама наука развивается не в силу собственного самодвижения и не в изолированных от влияний реальной жизни научных кабинетах, а в силу общественных потребностей и в конкретном социальном строе, который определяет собою и направление, и меру развития науки.

Развитие промышленного капитализма на основе быстрого роста производительных сил вызвало небывалый расцвет естествознания. Конец XIX в. и начало XX в. знаменуют собою революцию в естествознании, которая привела в смятение многих буржуазных ученых, оказавшихся неспособными «вместить» все новейшие достижения. Открытие радия, введение понятия электромагнитной массы, электронная теория материи, изучение колоссальных скоростей движения электрических частиц, новое в области астрофизики, общая теория относительности — все это подорвало старые принципы физики, химии, механики, заставило пересмотреть принципы сохранения и превращения энергии, закон постоянства химических элементов, ньютоновское понятие о массе и т. д. Произошел, по выражению физика А. Пуанкаре, «всеобщий разгром принципов».

В 1908 г. Ленин писал, что современная физика «идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм».

Но сознательным носителем диалектического материализма может быть только революционный пролетариат, и по мере роста организованности и боевой мощи мирового пролетариата буржуазия все больше чурается подлинно революционного материалистического мировоззрения и становится все более реакционной.

Загнивание капитализма в эпоху империализма, когда капиталистическая система становится помехой для дальнейшего развития производительных сил, приводит к реакции во всех областях философии, науки и даже техники. Ведь буржуазия заинтересована в развитии техники лишь в той мере, поскольку оно содействует увеличению эксплоатации, выкачиванию побольше прибавочной стоимости. Поэтому в нынешний период безысходного мирового кризиса, когда колоссальные массы товара не находят сбыта, а многомиллионные армии безработных являются источником дешевой рабочей силы, буржуазия намеренно задерживает рост техники. В самой системе капиталистической монополии заложены основания для технического застоя. «Поскольку устанавливаются, хотя бы на время, монопольные цены, постольку исчезают до известной степени побудительные причины к техническому, а следовательно и ко всякому другому прогрессу, движению вперед; постольку является, далее, экономическая возможность искусственно задерживать технический прогресс» (Ленин). В обстановке нынешнего мирового кризиса эта возможность становится необходимостью.

В своем докладе Лондонскому международному конгрессу по истории науки и техники т. М. Рубинштейн привел интересные материалы из книжки Рейта о «Задержке технически-хозяйственного прогресса». Картели-монополисты скупают патенты специально для того, чтобы не дать им ходу. Крупные изобретения в области химии кладутся под сукно, а у изобретателей за плату отнимают право видеть свое изобрете-

ние примененным на практике. Предприятия получают премии за меньший выпуск продукции, а превышение продуктивности штрафуется. Все это ведет к сохранению отсталой техники, к демобилизации научно-исследовательских сил, к задержке развития теоретических дисциплин.

Единственная область, в которой буржуазия поддерживает прогресс техники и поощряет изобретателей, это — область военной техники, так как подготовка новой мировой войны — в первую очередь против СССР — последняя ставка мирового капитала. Но военная техника, оставаясь строгой тайной, не может оплодотворить научную мысль и окрылить исследователя, работающего не в специальной области военного дела. Практика технического регресса нашла и своего идеолога в лице известного философа Осв. Шпренгера, последняя книга которого «О философии жизни» дает философское обоснование этому проявлению загнивания капитализма.

Если таков «прогресс» техники, то чего можно ожидать от нынешней буржуазной науки? Конечно диалектика объективного мира неизбежно прокладывает себе путь и в буржуазную науку, отражается, хоть и искаженная партийными интересами господствующего класса, и в головах буржуазных ученых, и Ленин подчеркивал «естественно-исторический материализм, т. е. стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием». Но поскольку речь идет о теоретических обобщениях и философских выводах, подлинное диалектически-материалистическое мировоззрение для буржуазной науки в целом неприемлемо.

Даже у нас, в условиях диктатуры пролетариата, Ленин указывал, что «без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не могут выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания». Само собою разумеется, что у буржуазных ученых вопросы мировоззрения представляют самый слабый пункт. «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов» (Ленин).

Если буржуазия в период подъема заинтересована в развитии техники и прикладных наук, то она никоим образом не может примириться с диалектическим материализмом и пролетарским атеизмом, она не согласна выпустить из своих рук идеологическое влияние на массы и расстаться с испытанным оружием идеализма и религии. И послушные

«приказчики класса капиталистов» усердно и ревностно выполняли и выполняют социальный заказ своих господ, протаскивая поповщину в науку.

Особый разгул поповщины отмечается в последние годы, годы обострившейся классовой борьбы в странах капитала, годы жесточайшего кризиса, потрясшего все устои капиталистического строя и предвещающего гибель всей капиталистической системы.

В такой области, как физика, — науке, по существу изучающей объективный материальный мир, — безраздельно господствуют идеализм и фидеизм. Даже автор квантовой теории материалист Планк накануне 1931 г. писал: «Вера и наука могут хорошо ужиться между собою, наконец наука невозможна без веры. Вера нам нужна, мы ее ищем. Нужно что-то спокойное, что поддержало бы нас в этом пестром хаосе повседневной жизни, на что мы могли бы опереться». Величайший математик Эйнштейн договорился до какой-то космической религии, в которой «индивидуум чувствует полную суетность человеческих желаний по сравнению с благородством и чудесным порядком, который открывается для него в природе и в мире мысли». «На основании истории, — продолжает Эйнштейн, — многие расматривают религию и науку как непримиримых антагонистов. Основания для этого легко найти... Но с другой стороны, я утверждаю, что космический религиозный опыт является сильнейшей и благороднейшей побудительной силой при научных изысканиях». Интересно однако не то, какие взгляды высказывает л и ч н о Эйнштейн, а то, что из его т е о р и и относительности и ее махистских установок богословы типа Флоренского делают выводы о земле, как о центре вселенной, и о боге, как о ее творце. А Уайт думал, что эти теории давно похоронены.

Планк и Эйнштейн — лучшие представители западно-европейской науки, и если они заключают прямой союз с поповщиной, то надо ли удивляться, что астрофизик Эддингтон предсказывает конец света, переход организованного мира в состояние неорганизованного хаоса, — прямо из католического «Dies irae»—«тот день рассеет мир во прах». Нехватает только ссылки на царя Давида и Сивиллу. А знаменитый физик Милликен, изучая так называемые космические лучи, приходит к выводу, что теория космических лучей «дает прямые экспериментальные указания» в том смысле, что «творец постоянно находится за работой». Виталисты вроде Дриша и Блейера восстанавливают под различными соусами поповское понятие о душе. В биологии дарвинизм вытесняется всевозможными идеалистическими поповствующими теориями — от бергсонианства до номогенеза и автогенеза, а Осборн проповедует теорию о человеке третичного периода, тем самым выключая обезьяну из числа предков человека и оставляя лазейку для «теории» сотворения человека богом.

Наряду с таким мирным проникновением поповщины в науку продолжает существовать и преуспевать ничем не прикрытая чисто поповская «наука», проповедующая давно похороненные Уайтом теории. Католические богословы всерьез разрабатывают «священную эмбриологию», где «доказывается» со ссылками на физиологию, что «бог соз-

дает душу и соединяет ее с зародышами тотчас же по зачатии», издаются различные учебники «пастырской медицины», где в двадцатом веке проводится мысль, что «возможность возникновения болезней в результате бесовского влияния каждый верующий католик должен признать как факт, стоящий вне всяких сомнений». В изданной в 1929 г. книжке Кеди и Гаубеля «Книга природы» описывается сотворение жизни на земле совсем в духе Козьмы Индикоплевста; другой американский писатель Вильямс с невозмутимой серьезностью доказывает неопровержимость библейской космогонии, мифов о сотворении Адама и Евы, о потопе и т. д.; а некий профессор биологии Эттербек пишет о себе, что он «в течение многих лет научных и духовных исследований... пытался согласовать непогрешимое писание с научной истиной», и само собою разумеется, что истина у него остается на стороне «непогрешимого писания».

Стремление церкви подчинить себе науку нисколько не ослабело, но оно принимает новые формы. Если в XVI в. ученых, несогласных с учением церкви, сжигали, то в XX в. их покупают. В «научных» радиопередачах с ватиканской радиостанции участвуют профессора математики, физики, биологии. Ватикан назначил премию в 10 000 лир золотом тому ученому, который сумеет применить квантовую теорию для доказательства бытия божия; и найдется конечно немало проституировавшихся «приказчиков теологии», которые постараются заработать эту премию. Богослов Лебра откровенно пишет: «Католики, несколько застигнутые врасплох и раздраженные свободомыслием первых эволюционистов, давно уже признали, что против неверующих ученых недостаточно выдвигать неизвестную им религиозную догму, недостаточно также высмеивать отдельные ошибки науки. К научным проблемам можно подходить только с научными методами.» Поэтому церковь прикармливает, кроме находящихся «в ее распоряжении тысяч верных информаторов-миссионеров», целую плеяду ученых специалистов, получающих специальные задания от церкви. В частности, на средства Пия XI снаряжены были экспедиции Шебесты в дебри Малакки, чтобы добыть там доказательства прирожденности идеи бога у первобытных семангов.

Но и средневековые методы борьбы с наукой не забыты. Вскоре после книги Уайта, по мнению которого отныне волк богословия будет мирно уживаться с ягненком науки, вышли «Мировые загадки» Геккеля. Книжка вызвала форменную бурю. «Нет числа тем теологам,— пишет Ленин, — которые ополчились на Геккеля. Нет такой бешеной брани, которой бы не осыпали его казенные профессора философии. Весело было смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике мумий — может быть первый раз в жизни — загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которые надавал им Эрнст Геккель. Жрецы чистой науки и самой отвлеченной, казалось бы, теории прямо стонут от бешенства, и во всем этом реве философских зубров... явственно слышен один основной мотив; против «метафизики» естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против естественно-исторического мате-

риализма. Он — материалист, ату его, ату материалиста». Травля приняла такие размеры, что на Геккеля в 1908 г. было совершено покушение. А через тридцать лет после того, как Уайт признал эволюционное учение в вопросе происхождения видов прочно установленным, в штате Теннеси издан закон, гласящий: «Установлено генеральным собранием штата Теннеси, что впредь запрещается всем учителям колледжей и всех нормальных или вообще общественных школ штата... обучать каким бы то ни было теориям, отрицающим истинность рассказа о божественном сотворении человека, как учит библия, и внушать вместо этого мысль, что человек произошел от животных низшего порядка. Также установлено, что всякий учитель, признанный виновным в нарушении сего закона, будет судим за это преступление». Очевидно знаменитое американское просперити исчезло и на фронте идеологическом.

В Америке и Европе идет усиленный поход на школу со стороны церковников. Даже в дошкольном воспитании Монтессори и ее последователи проводят на практике внедрение церковных навыков.

Могущественная католическая церковь до сих пор сохраняет в силе провозглашенную в 1870 г. ватиканским собором анафему тому, «кто будет говорить, что нельзя совершать чудеса или что их никогда нельзя знать с достоверностью; кто будет говорить, что человеческие науки должны быть развиваемы в таком духе свободы, чтобы позволено было считать их утверждения истинными даже в том случае, когда они противоречат богооткровенному учению». Эту теорию церковь в союзе с фашизмом проводит неуклонно. А реальная угроза быть выброшенным на улицу и испытать все прелести безработицы — достаточно грозное орудие в руках церковников и фашизма, чтобы заставить учительство следовать их указке.

Таким образом, вопреки прогнозу Уайта, борьба религии против науки продолжается и притом со старых, давно как-будто окончательно сокрушенных позиций. Да иначе в классовом обществе, основанном на эксплоатации масс, и быть не может. «Раз понята связь вещей,—говорит Маркс в письме к Кугельману,—рушится вся теократическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы».

Вполне естественно поэтому, что в периоды подъема революционной волны прогрессивная буржуазия, к изумлению всяких позитивистов, неспособных понять социальные корни явления, прибегает к поповщине для защиты своих классовых интересов. Революция 1848 г. показала, что рабочие «повально были заражены социализмом, и при этом, по весьма понятным соображениям, отнюдь не пылали особенной любовью к законности тех средств, с помощью которых они надеялись завоевать господство... Что же оставалось делать немецкой и французской буржуазии для своего спасения, как не выбросить втихомолку свое свободомыслие, совсем наподобие развязного франта, который, когда его все более и более начинает одолевать морская болезнь, бро-

сает дымящуюся сигару, которой он раньше хвастливо щеголял у борта корабля. Один за другим былые насмешники стали превращаться в весьма благочестивые создания; они стали отзываться с почтением о церкви, ее учениях и обрядах и даже сами принялись их проделывать, поскольку, понятно, нельзя было их обойти. Французские буржуа стали отказываться по пятницам от мяса, а немецкие терпеливо потели на своих церковных сидениях, выслушивая до конца бесконечные протестантские проповеди. Со своим материализмом они попали в беду, и последним и единственным средством спасения общества от полной гибели стал лозунг: «религия должна быть поддержана в народе». К несчастью своему, они это открыли лишь после того, как сделали все, что было в человеческих силах, чтобы навсегда разрушить религию.»

Эти блестящие строки Энгельса лучше всего характеризуют марксистское понимание смысла союза между буржуазным государством и поповщиной, а развитый Лениным принцип партийности философии и науки дает нам ключ к уразумению всех зигзагов борьбы между религией и наукой, которая ведется до сих пор и которая нашла свою наибольшую остроту в период жесточайшего кризиса капиталистического мира.

Современный кризис буржуазной науки — это кризис буржуазного строя, и он найдет свое разрешение в крушении капитализма, препятствующего свободному развитию диалектическо-материалистического мировоззрения.

Но означает ли кризис буржуазной науки кризис науки вообще? Отнюдь нет. Поскольку наука изучает объективный мир, она стихийно идет к утверждению диалектического материализма. Геккель, по словам Ленина, показал, «что есть устой, который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и просто конфузионизма. Этот устой—е с т е с т в е н н о - и с т о р и ч е с к и й м а т е р и а л и з м. Убеждение «наивных реалистов» (т. е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы объективно реального внешнего мира, есть неизменно растущее и крепнущее убеждение массы естествоиспытателей... Ход развития естествознания, несмотря на все его шатания и колебания, несмотря на всю бессознательность материализма естественников, несмотря на вчерашнее увлечение модным «физиологическим идеализмом», отбрасывает прочь все системы и все ухищрения, выдвигая снова и снова «метафизику» естественно-исторического материализма».

Стихийный напор диалектики и материализма в науку получает свое философское оформление и теоретическое обобщение в Стране Советов, где у власти стоит законный носитель диалектического материализма — революционный пролетариат, где ведется борьба против всех и всяческих пережитков религиозной идеологии, борьба за подлинную науку, против механистических и идеалистических извращений ее. Это служит достаточным залогом того, что крушение буржуазного строя не означает банкротства науки вообще и что мировая революция сумеет найти опору в марксистко-ленинской науке.

Понятно, от такого типичного буржуазного исследователя, как Уайт, не следует ожидать понимания и вскрытия глубоких социальных причин, определяющих содержание борьбы между научным и религиозным мировоззрением. Он способен дать и дает лишь внешнее более или менее добросовестное — насколько позволяют его классовые симпатии — описание перипетий этой борьбы. Он перерыл огромное количество малодоступного, редкого и... изрядно скучного материала, над которым он работал десятки лет. Его карьера дипломата давала ему для этого необходимый досуг (кстати, свою книгу Уайт закончил в Санкт-Петербурге, где он находился тогда в качестве посла США при царском дворе).

В отличие от Дрэпера он не делает разницы между католичеством и протестантством. Напротив, он подчеркивает, что они соперничают между собою в мракобесии, и одно не лучше другого, что протестанты и без index'а умеют подавлять всякую искру свободной мысли, что если они не имели инквизиционных судов, они имели достаточно других суровых мер воздействия на инакомыслящих, что своим ханжеством и лицемерием они перекрыли откровенную звериную злобу католиков.

Собранный и систематизированный Уайтом материал (в подлиннике книга Уайта, которую мы даем в сильном сокращении, занимает 88 печатных листов), независимо от его либерально-поповских рассуждений, убедительно доказывает непримиримость подлинной науки с религией и показывает, что только становясь на путь материалистического познания мира, наука действительно двигалась вперед.

Поэтому книга Уайта представляет ценность для нашей антирелигиозной пропаганды. Антирелигиозник-пропагандист найдет в ней интересный материал, который надо лишь марксистски осмыслить, руководствуясь указанием Ленина, что при использовании буржуазных ученых надо «уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов».

А. Ранович.

ГЛАВА I.

ОТ АКТА ТВОРЕНИЯ К ЭВОЛЮЦИИ.

I. ВИДИМАЯ ВСЕЛЕННАЯ.

Среди массы скульптур, украшающих европейские соборы и носящих на себе яркую печать средневековой теологии, следует отметить одну часто встречающуюся группу, олицетворяющую собой старинный взгляд на происхождение вселенной.

Всемогущий бог изображен в человеческом образе; он сидит в позе, выражающей благодушное настроение, и создает солнце, луну и звезды, свешивая их с небосвода, поддерживающего «небо наверху» и покрывающего «землю внизу».

Морщины, покрывающие лоб создателя, свидетельствуют о том, что ему приходится напрягать свою мысль в этой работе; натянутые мускулы на его плечах говорят о тяжелом труде. Вполне естественно, что скульпторы и художники средних и начала новых веков изображали его в полном соответствии с тем его образом, который создан был писателями того времени: бог наслаждается в седьмой день вполне заслуженным после шести дней мысли и труда отдыхом при радостном одобрении небесных духов.

В воплощениях этой идеи в скульптуре, живописи, стеклописи, мозаике и гравюре, созданных многочисленными художниками в средние века и в первые два столетия нового времени, нашло себе выражение верование, развивавшееся в течение тысячелетий и определявшее мировоззрение людей вплоть до наших времен.

Начало его лежит в далекой старине человеческой истории; следы его мы находим почти во всех памятниках великих цивилизаций, а в различных священных книгах всего мира верование это занимает самое выдающееся место. Почти во всех них мы находим образ творца, несовершенным подобием которого является человек и который создал в буквальном смысле своими руками видимую вселенную.

Среди этих воззрений для нас особый интерес представляют теологические теории Халдеи. Недавно расшифрованные ассирийские надписи показывают, что древние религии Халдеи и Вавилонии создали предание о сотворении мира, которое в важнейших своих чертах, дол-

жно быть, послужило источником соответствующих рассказов священных книг евреев и христиан. В двух рассказах, неискусно слитых в «Книге бытия», а также в рассказе, упомянутом в «Книге Иова» и в «Притчах Соломона», мы имеем то же примитивное представление о творце и сотворении мира, где творец представляет собой увеличенное человеческое существо, созидающее мир собственными руками.

Эта идея со временем несколько видоизменилась. Древние мыслители, особенно в Египте, стали высказывать предположение, что главным фактором при сотворении мира были не руки и пальцы творца, а его г о л о с. Отсюда возникло верование, что земля и небесные тела были созданы с л о в о м всемогущего творца.

Среди ранних «отцов церкви» этот взгляд на сотворение мира стал основным; он укрепил в христианстве веру в сотворение мира буквально руками или голосом бога. Время от времени отдельные теологи, как например Григорий Нисский или св. Августин, пытались несколько одухотворить это грубо материальное представление. Несмотря на всю их готовность принять буквальный текст священного писания, они все же боролись против представления о действительном сотворении мира руками высшего существа; но верх одерживали более материальные представления, находившие себе выражение не только в скульптурах, мозаике, живописи на стекле соборов, в раскрашивании требников и псалтырей, но и (к концу средних веков) в иллюстрациях к библии и в общей литературе.

Среди англо-саксонцев это древнее материальное представление о сотворении мира получило выражение у двух поэтов. В VII в. Кедмон переложил рассказ о сотворении мира, заимствовав его из «Книги бытия» и придав ему самый буквальный материальный смысл. А спустя тысячу лет Мильтон придал столь же материальную форму рассказу о сотворении мира, с той только разницей, что различные представления «Ветхого завета» он смешал с идеей «творческого слова», взятой из «Нового завета».

Таково ортодоксально-религиозное воззрение на с п о с о б сотворения мира.

Следующий пункт в развитии богословского взгляда на творение касается вопроса о материи, из которой был сотворен мир. Этот вопрос теология разрешила в том смысле, что до сотворения мира не существовало никакой материальной субстанции и что «бог сотворил все из ничего». Были попытки высказать несколько иное предположение, а именно, что масса «без формы и в хаотическом виде» существовала до сотворения вселенной; но доктрина эта была отвергнута огромным большинством «отцов церкви». Особенно сурово выступал против всяких инакомыслящих в этом вопросе Тертуллиан, который утверждал, что если бы существовала какая-либо материя до сотворения мира, то об этом в писании было бы сказано, а раз об этом ничего не говорится, то это служит лучшим доказательством того, что ничего подобного не существовало.

Св. Августин, у которого можно найти намеки на предположение о существовании до сотворения мира какой-то материи, примирял этот

свой взгляд с господствующим воззрением простым указанием, что «хотя мир был создан из какой-то материи, но эта последняя была создана из ничего».

Вселенская церковь очень упорно отстаивала эту точку зрения. Четвертый Латеранский собор объявил, что бог создал все из ничего, и в настоящее время еще огромное большинство верующих всяких вероисповеданий придерживается этого взгляда. В этом пункте силлабус Пия IX и вестминстерский катехизис вполне между собой сходятся.

Решив в таком духе вопрос о способе создания мира и о материале, из которого он был создан, теологам надо было еще установить в р е м я, которое потребовалось для его сотворения.

Здесь теология встретилась с затруднением. Первый из двух рассказов о сотворении мира, изложенных в «Книге бытия», растягивает процесс сотворения мира на шесть дней, при чем подробно перечисляется произведенная за данный день работа. Но второй рассказ говорит о «дне», в который «бог сотворил землю и небеса». Благодаря подробности изложения и доступности для умов громадного большинства теологов, первый вариант стал господствующим. Но еврейские мыслители, подобные Филону, и христианские, вроде Оригена, создали более возвышенные представления о творце и его работе и внесли в взбаламученное море христианской теологии идею о сотворении мира сразу, в один момент, при чем они опирались не только на указанный второй рассказ «Книги бытия», но и на другие тексты.

В результате было признано считать правильным и безопасным объяснение согласно о б о и м текстам, а именно: бог каким-то таинственным образом создал мир в шесть дней, и все же он сотворил все это в один момент. Несмотря на возражения пользовавшихся большим влиянием «отцов церкви», как например Ефрема Сирина, утверждавших, что бог сотворил мир именно в шесть дней, состоявших каждый точно из двадцати четырех часов, указанного компромисса все же придерживались другие не менее влиятельные «отцы», вроде св. Афанасия и св. Василия на Востоке и св. Августина и св. Гилярия на Западе.

Конечно, примирить эти два положения, противоречие между которыми было ясно для всякого здравомыслящего человека, было очень трудно. Но путем ловкой манипуляции текстами, искусной игры отдельными фразами, обильным применением метафизики было достигнуто примирение между этими двумя совершенно противоречивыми толкованиями, и люди стали верить, что мир был сотворен в шесть дней, допуская в то же время, что создание мира произошло сразу в один момент.

Некоторые из усилий, сделанных для примирения двух рассказов библии, заслуживают особого упоминания. «Отцы церкви», как западные, так и восточные, создали огромную литературу по вопросу о примирении обоих рассказов. Что касается сотворения мира в целом, то была развита целая теория о скрытых силах чисел. Филон Иудей, придерживавшийся того взгляда, что мир был сотворен сразу, считал в то же время, что мир был создан в шесть дней; так как «из всех чисел шесть является наиболее продуктивным», сотворение небесных тел на четвер-

тый день он объяснял «гармонией числа четыре»; создание животных на пятый день он объяснял пятью чувствами; появление человека на шестой день он приписывал тем же благодетельным силам, скрытым в числе «шесть», которые сделали это число предельным для акта творения; что же касается главнейшего седьмого дня, для отдыха, то в числе «семь» он видел огромное количество таинственных сил.

Св. Иероним причину неодобрения произведений второго дня видел в том, что число «два» таит в себе какое-то очень большое зло; много столетий спустя эту мысль возродил теолог Беде в Британии.

Св. Августин утверждал следующее:

«Существуют три класса чисел: более совершенные, совершенные и менее совершенные. Шесть является первым совершенным числом, поэтому мы должны говорить: не потому шесть является совершенным числом, что бог закончил все свои труды в шесть дней, а, наоборот, бог закончил всю свою работу в шесть дней потому, что шесть является совершенным числом».

Такого рода рассуждения продолжались в течение всех средних веков и еще спустя год после открытия Америки.

Нюренбергская хроника утверждала:

«Сотворение вещей объясняется числом шесть, делители которого — один, два, три — облекаются в форму треугольника».

Обе эти идеи — о сотворении всего из ничего и о создании мира в один момент и вместе с тем в шесть дней — были развиты дальше другими религиозными мыслителями средних веков.

Так, Фома Аквинский заимствовал от Августина идею, на многие века устранившую трудность разрешения задачи; по его учению, бог создал субстанцию вещей в один момент, но на разделение этой субстанции, оформление и укрепление ее он потратил шесть дней.

Первые реформаторы придерживались тех же взглядов, и в частности Лютер оказался вполне достойным своих предшественников. С обычной смелостью он сначала объявил, что Моисей «выразился просто и ясно и его следует понимать без всяких аллегорий и метафор», а поэтому «мир со всеми его созданиями был сотворен в шесть дней». А затем он приступает к доказательству того, как все сотворение мира путем великого чуда произошло в один момент.

Кальвин был противником идеи о создании мира в один момент Он считал, что мир был сотворен в шесть дней. «Акт творения, — говорит он, — продолжался шесть дней, чтобы нам не было утомительно созерцать его всю нашу жизнь».

Когда в XVIII в. Бюффон пытался установить некоторые простейшие геологические истины, теологический факультет Сорбонны принудил его составить и опубликовать в высшей степени позорное отречение, кончавшееся следующими словами: «Я отказываюсь от всего, что написано в моей книге относительно образования земли и вообще от всего, что может противоречить тексту моисеевых книг».

Установив таким образом способ сотворения мира, вещество, из которого он был создан, и срок, потребовавшийся для его создания, теологи занялись вопросом о точной д а т е сотворения мира.

Огромное число церковных учителей пришло на основании изучения библейского текста к заключению, что сотворение мира произошло приблизительно за 4 тысячи лет до христианской эры. Д-р Джон Лайтфут, вицепрезидент Кембриджского университета и один из выдающихся гебраистов своего времени, заявил, что в результате тщательнейшего изучения священного писания он пришел к выводу, что «небо и земля, центр и периферия были созданы все вместе в один и тот же момент и вместе с ними и облака, полные воды», и что «произошло это, равно как и сотворение человека — 23 октября, за 4004 года до рождества христова, в 9 часов утра».

Это утверждение Лайтфута представляло собой дальнейшее развитие метода исследования, на основании которого Беде в VIII в. и Винцет из Бове в XIII в. объявили, что сотворение мира должно было произойти весной. Но увы! через 200 лет после торжественного заявления Лайтфута о точном часе сотворения мира было открыто, что как раз в это время в больших городах Египта давно уже жил весьма культурный народ, наслаждавшийся всеми плодами высоко развитой цивилизации, и что в это же время в Азии другие народы, вряд ли менее культурные, достигли высокой ступени развития.

Установив способ сотворения мира, вещество, из которого он был сотворен, время потребовавшееся на это, и точную дату его, богословы не удовольствовались этим и занялись разрешением самого важного вопроса: кто же именно создал вселенную?

Для разрешения этого вопроса церковь создала разные теории, все одинаково туманные и все покоящиеся на текстах священного писания. Одни теологи считали, что творцом вселенной был третий член троицы — святой дух, который по словам библии «реял над поверхностями вод». Другие утверждали, что истинным творцом вселенной было второе лицо троицы — сын божий, ссылаясь при этом на многие тексты из «Нового завета». Эти же теологи еще считали настоящим творцом мира бога-отца, основываясь на двух формулах, известных под названием «апостольского и никейского символа веры» и приписывающих акт творения «богу-отцу всемогущему, творцу неба и земли». Были и такие, которые, ссылаясь на слова из «Книги бытия» «да сотворим мы», полагали, что в сотворении мира активную роль играла вся троица. Наконец, были теологи, которые путем любопытных метафизических рассуждений приходили к мысли, что в сотворении мира участвовали два лица из троицы.

Все эти различные стадии развития схоластической теологии находили себе выражение в церковном искусстве, особенно в соборной скульптуре, раскрашенных стеклах, мозаике и иллюстрациях требников.

Создатель мира иногда изображается в качестве третьего лица троицы, в виде голубя, летающего над хаосом; иногда в качестве второго лица — в образе юноши; иногда в качестве первого лица — в лице почтенного и пожилого отца; иногда в виде двух лиц — молодого и пожилого; а иногда в образе всей троицы, при чем отец и сын оба носят папскую тиару и каждый из них держит в губах кончик крыла голубя, изображающего святой дух.

Но эти изображения не представляли собою еще наиболее полного воплощения средневековой идеи. Иногда создатель изображался в виде единого тела с тремя лицами, обнаруживая таким образом сходство христианских идей с индийскими верованиями, возникшими за много веков до появления христианства и представлявшими высшее существо как состоящее из единого тела с тремя лицами Брамы, Вишны и Сивы.

Но вначале нового времени один из гениальнейших художников, Микель Анджело, воплотил в своих фресках на сводах Сикстинской капеллы первый вариант сотворения мира согласно тексту «Ветхого завета». На его картине всемогущий отец — первое лицо троицы — дан в образе величественного и почтенного человека, окруженного ангелами и несомого могучими ветрами, реющего над огромным небосводом и постепенно создающего отдельные части вселенной. Простым жестом он отделяет свет от темноты, собирает воедино материки, образует под ними океаны, сотворяет солнце, луну и планеты и заставляет их вращаться вокруг земли.

К этим воззрениям с начала появления христианства присоединилась еще одна идея. Согласно первому библейскому рассказу свет, а вместе с ним различие между днем и ночью, был создан в первый день творения, между тем как солнце и луна были созданы только на четвертый. Для объяснения этого были написаны груды книг, церковных и псевдонаучных, под тяжестью которых погребена была та простая истина, что библейский текст является выражением первобытного представления, по которому свет и тьма — это нечто совершенно независимое от небесных тел, а солнце, луна и звезды существуют только для того, чтобы увеличить свет, чтобы «отделить день от ночи» и «чтобы управлять днем и ночью».

Пережитки этого верования мы встречаем у первых «отцов церкви», в частности у Амвросия. В своем произведении о сотворении мира он говорит: «Мы должны помнить, что свет дня это одно, а свет солнца, луны и звезд — другое, и что солнце своими лучами только увеличивает дневной свет. Ибо рассвет начинается до восхода солнца, а солнце только усиливает блеск дня». Эта идея вошла целиком в церковные мировоззрения и глубоко укоренилась в умах верующих в средние века. Она нашла себе воплощение в средневековых мистериях, при исполнении которых во время представления акта отделения творцом света от тьмы давались указания в роде следующего: «А теперь покажите холст, разрисованный наполовину в черный, наполовину в белый цвет». На фресках целого ряда итальянских церквей (в Венеции, Флоренции и других городах) мы находим следующее изображение: творец помещает на небесах два круга одинаковых размеров, каждый соответствующим образом окрашен, а под ним надпись, указывающая, что один означает свет, другой — тьму.

Таким образом, вплоть до самого последнего времени все религии укрепляли в умах верующих представление о том, что мир был создан в буквальном смысле голосом или руками всемогущего творца, причем все было сотворено из ничего, в один момент или же в шесть дней,

и произошло это за тысячи лет до рождения христа и сделано это для удобства жителей земли.

В церкви в первые годы ее возникновения безраздельно господствовало представление о прямом, материальном сотворении мира при помощи средств, какие употребляет человек. Это представление, заимствованное библией из вавилонских сказаний о создании мира, осталось непоколебленным в теологии в течение всех средних веков вплоть до новейшего времени. И все же время от времени появлялись люди, в роде Скотта Эригены и Дунса Скотта, которые, несмотря на всю свою ортодоксальность, все же проявляли проблески понимания эволюционных процессов в природе.

Во второй половине XVI в. эти эволюционные теории приняли более определенную форму у Джордано Бруно, которому, повидимому, удалось предвосхитить основную идею так называемой «небулярной гипотезы». Джордано Бруно заплатил за это в 1600 г. смертью на костре инквизиции, и эволюционные идеи его, казалось, развеялись вместе с дымом от костра.

Однако в течение следующих двух веков теория эволюционного развития видимой вселенной стала быстро завоевывать умы ученых. Плеяда гениальных мыслителей — Коперник, Кеплер, Галилей, Декарт и Ньютон — нанесла старому представлению о сотворении мира несокрушимый удар, под которым теологическая концепция погибла навсегда. Эти пять человек дали миру новое откровение, оказавшееся фатальным для старой теории сотворения мира, так как они показали, что во вселенной во всем господствует закон, а не всемогущий каприз. Всем известно, с какой жестокостью церковь обрушилась на этих ученых, и даже против Ньютона, объявившего себя верующим христианином, церковь выступила с резкими обвинениями, указывая, что, установив закон тяготения, он «лишал бога непосредственного действия его трудов, приписываемого ему священным писанием, и передал это действие материальному механизму и что он заменил провидение тяготением».

Много способствовало ослаблению теологического мировоззрения учение Декарта, согласно которому вселенная образовалась из всепроникающей материи, приведенной в определенную систему при посредстве движения в согласии с физическими законами. Хотя Декарт всю жизнь испытывал смертельный страх перед церковью, все же идеи его находились в резком противоречии с космогоническими взглядами христианства и сыграли немалую роль в борьбе науки с религией.

В конце XVIII столетия Иммануил Кант развил небулярную теорию (теорию туманностей), дав ей прочную опору на основе законов Ньютона. В то же время Лаплас подкрепил ее математическими вычислениями изумительной силы и размаха, твердо установив таким образом, что как наша солнечная система, так и другие солнца, планеты, спутники являются результатом подчинения туманных масс естественным законам.

Несмотря на бешеное сопротивление всего церковного мира, теория, не без основания обвиненная в «атеизме», все же утверждалась

все больше и больше. Гершель и другие астрономы открыли много газообразных туманностей и при помощи математических и физических рассуждений указали, что теория эта прекрасно объясняет огромное количество фактов. Однако, когда при помощи усовершенствованных телескопов астрономы убедились, что многие туманности, которые считались газообразными, на самом деле оказались состоящими из множества звезд, противники небулярной теории из лагеря церковников возликовали и сделались горячими приверженцами астрономии, так как последняя, по их мнению, полностью подтверждает сказанное в библии. Все туманности, — говорили они, — совершенно одинаковы; раз некоторые из них состоят из множества звезд, то таково же должно быть строение всех туманностей, и следовательно, последние не могут представлять собой сгущений газообразных масс.

Движение науки несколько приостановилось. Общепризнанной стала следующая доктрина: единственная причина, почему мы не можем разложить все туманности на группы отдельных звезд, это несовершенство наших телескопов. Но тут подоспело открытие спектра и спектрального анализа; было установлено, что раскаленное газообразное тело дает несплошной спектр, а раскаленное твердое тело — сплошной. И вот исследование туманностей при помощи спектроскопа показало, что многие из них газообразны. Отсюда естественно возникло предположение, что в этих массах туманностей, находящихся на различных стадиях сгущения, мы имеем перед собой реально совершающийся процесс развития, а механическая теория теплоты, развития в XIX в., помогла объяснить некоторые важные стороны этого космического процесса.

Небулярная гипотеза снова окрепла, а красивый опыт Плато (1850 г.) с вращающимся жидким шаром, если не окончательно подтвердил ее, то во всяком случае послужил ей прекрасной иллюстрацией.

Когда церковники убедились, что простым отрицанием установленных наукой положений о сотворении мира нельзя удержать авторитет священного писания, они стали предпринимать попытки примирения данных науки с библейскими сказаниями. Во главе таких теологов в Англии стоял Гладстон, который пытался «примирить» между собой оба библейских варианта о сотворении мира с положениями астрономии, геологии, географии, физики и химии. Результатам таких попыток дал недавно хорошую оценку один из пользующихся большим авторитетом у современных церковников профессор теологии Кембриджского университета: «Мы не знаем — говорит он — ни одной попытки примирить библейские сказания с точными требованиями современной науки, которая не прибегала бы к казуистике или насильственному толкованию».

Научные завоевания вынудили ряд теологов переменить позицию. От утверждения об абсолютной непререкаемости библейских сказаний они перешли к критике священных книг. Они оказались при этом вынужденными подтвердить, что оба библейских варианта абсолютно противоречат друг другу и что они представляют собою не божественное откровение, дошедшее до нас через священников и жрецов, а лишь от-

рывки сказаний, мифов и теологических воззрений, собранных вместе и изложенных более или менее систематично в «Книге бытия».

Затем пришли археологи и филологи, принявшиеся с большим рвением за изучение древних документов и памятников (Опперт, Иенсен, Шрадер, Смит, Делич и др.), а также ученые, занявшиеся расшифровкой старинных текстов, особенно надписей, найденных в большой библиотеке Ассурбанипала в Ниневии. В результате своих исследований они нашли в этих старинных памятниках сказания о сотворении мира, полностью совпадающие в главнейших чертах с библейским изложением. Мало того: ученые эти твердо установили, что эти халдейские и вавилонские мифы, легенды и теории гораздо более раннего происхождения, чем столь сходные с ними соответствующие сказания евреев, изложенные в «Ветхом завете». При этом они высказали вполне естественное предположение, что свои предания о сотворении мира евреи заимствовали от халдеев, среди которых им пришлось жить в те отдаленные времена.

На основании ассирийских документов, а также других источников многие христианские теологи вынуждены были признать, что библейские рассказы о сотворении мира, с которыми приходилось «примирять» все научные открытия в течение почти двух тысяч лет и которые стояли преградой на пути Коперника, Галилея, Ньютона и Лапласа, просто были списаны или заимствованы из легенд и мифов, перешедших к евреям от их древних халдейских соседей.

Итак, можно считать вполне установленным, что в борьбе с наукой библейская космогония потерпела полное и окончательное поражение, и библия в настоящее время служит для нас простым памятником старины, при помощи которого, как и при посредстве многих других остатков старины, мы стараемся восстановить прошлую историю человечества.

2. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ О ЖИВОТНЫХ И ЧЕЛОВЕКЕ.

На стеклах одного из окон Ульмского собора средневековый художник изобразил всемогущего творца, занятого сотворением мира: из его божественных рук только что вышел слон в полном снаряжении, готовый для похода. Такого рода изображения можно часто встретить в раскрашенных рукописях и даже в первых печатных книгах, при чем как венец творения показан первый человек, которого всемогущий творец приготовляет из куска глины и из ребра которого он не без усилий извлекает первую женщину.

Это воззрение на сотворение человека ведет свое происхождение с доисторических времен, появляясь под различными формами в различных древних космогониях. В некоторых египетских храмах можно и сейчас еще видеть изображения нильских богов, лепящих из глины людей. То же действие приписывается в ассирийских таблицах вавилонским богам. Отсюда это воззрение перешло в священные книги евреев и христиан.

«Отцы церкви» восприняли библейский рассказ в буквальном смысле и, постаравшись примирить оба библейских варианта, положили его в основу церковного учения о происхождении человека. В начале IV в. это учение было утверждено Лактанцием, который прибавил к нему еще доказательство филологического характера, заявив, что созданное богом последнее существо «получило название человека, потому что оно было сделано из земли — homo ex humo» [1].

Во второй половине того же века это воззрение было поддержано Амвросием. Еще большее влияние оказал на христианство в этом вопросе Августин, высказавший в своем «Комментарии к книге бытия» знаменитое положение: «Ничто не может равняться по силе своей убедительности с силой священного писания, ибо последнее убедительнее, чем все проявления человеческого ума».

Реформация не внесла никаких изменений в создавшееся положение, так как Лютер настаивал на буквальном понимании библейского текста и всякие аллегорические и мистические толкования решительно отвергал. «Зачем было — говорит Лютер — Моисею выражаться аллегорически, когда он имел в виду не аллегорические существа и не аллегорический мир, а реальные существа, которых можно видеть, чувствовать, осязать? Моисей называет вещи их настоящими именами, и то же должны делать и мы... Я полагаю, что животные возникли сразу, по слову божию, так же, как и рыбы в морях».

Не менее твердо придерживался буквального смысла библейского текста и Кальвин. Он предупреждает инакомыслящих, что «они оскорбляют творца и что их ожидает печальный конец». Он настаивает на том, что все виды были сотворены в шесть дней, каждый из которых состоит из утра и вечера, и что с тех пор не возникло ни одного нового вида. Что касается затруднений, связанных с библейским изложением сотворения мира, то он объясняет их тем, что «бог пожелал этим дать доказательство своего могущества, которое наполнило бы нас удивлением».

Римско-католическая церковь упорно отстаивала эту точку зрения. В пользу ее высказался в XVII в. Боссюэ, книга которого «Discours sur l'histoire universelle» сделалась основным пособием не только по церковной, но и по всеобщей истории, которым во французской школе пользуются до настоящего времени. В этой книге он утверждает, что бог действительно создал человека из земли.

Не отставала от католической церкви и протестантская. Д-р Лайтфут, вице-президент Кембриджского университета, пытался примирить обе главные легенды «Книги бытия» и утверждал, что «чистых пород животных было создано по семь каждого вида, из них три пары для размножения, а седьмое для жертвоприношения Адама после его падения, которое бог предвидел», нечистых же было создано по одной паре.

Все это понималось в столь буквальном смысле, что нам теперь это трудно даже представить себе. Всемогущий бог изображался в тео-

---

[1] Homo — по латыни «человек», humus — «земля»; homo ex humo — «человек из земли».

логической литературе, в иллюстрированных библиях и в церковном искусстве вообще совсем как почтенный нюренбергский игрушечный мастер. Доходило до того, что в некоторых библиях бога рисовали в виде портного, который с ножницами в руках шьет из звериных шкур одежду для Адама и Евы. Все эти представления легко укладывались в неискушенных умах. А когда были открыты ископаемые формы животных, то теологи, нисколько не задумываясь, объявили их «образцами божьих творений, которые великий творец отверг или одобрил», «набросками будущих творений», «предметами, помещенными в недрах земли, чтобы поразить человеческое любопытство», и т. п.

Следующим вопросом, привлекшим к себе интерес теологов, был вопрос о делениях животного царства.

Естественно, что здесь прежде всего обращало на себя внимание разделение животных на вредных и полезных. Но тут сейчас же возникает вопрос: как мог всеблагий бог создать тигров и змей, шипы и чертополох? Ответ теологов гласил: все дело в грехе. 1800 лет люди развивали теорию, что до грехопадения Адама не было смерти, и поэтому не существовало ни жестокости, ни злобы.

Некоторые типичные выводы из этой доктрины заслуживают того, чтобы на них вкратце остановиться. Августин утверждал, что растительный и животный мир были прокляты из-за греха человека. Двести лет спустя эта мысль была подтверждена Беде, который говорил: «Вредные и опасные животные были созданы для устрашения человека (ибо бог предвидел, что человек согрешит), для того, чтобы он получил представление о конечном наказании в аду».

В XII в. эта точка зрения была высказана Петром Ломбардским в его произведении «Sententiae» («Мысли»), ставшем катехизисом средневековой церкви. Он утверждал, что «ни одно творение не было бы вредным, если бы человек не согрешил; они стали вредными с целью устрашения и наказания порока или одобрения и совершенствования добродетели; они созданы были безвредными, и только грех человека сделал их вредными».

Наконец, ни XVIII, ни XIX вв. не внесли ничего нового по этому вопросу среди теологов. Представители самых различных христианских исповеданий все были согласны между собой в этом вопросе. И только в новейшее время, когда геология открыла остатки большого количества вымерших за много веков до появления человека на земле плотоядных животных, из которых у многих сохранились еще в желудках полупереваренные остатки других животных, наука одержала победу над богословием.

Смущал теологов факт существования животных, считавшихся «излишними». Особенно занимался этим вопросом Августин. «Сознаюсь — говорит он — я не знаю, зачем были созданы мыши и лягушки или мухи и черви... Все создания или полезны, или вредны, или излишни для нас... Что касается вредных созданий, то они служат или для нашего наказания, или для дисциплинирования, или для устрашения, дабы мы не дорожили земной жизнью и не любили ее». «Что же касается излишних животных, то — говорит он — они хотя и не необходимы

для нас, но они дополняют и завершают всю картину вселенной». Лютер, бывший последователем Августина во многих вопросах, не отставал от него и в этом. Для него муха была не только излишним существом, но и вредным, ниспосланным дьяволом, чтобы мешать ему при чтении.

Другой темой многочисленных толкований священного писания и теологических рассуждений был вопрос о различии между сотворением человека и других живых существ. Все теологи, начиная от Василия и Августина до Фомы Аквинского и Боссюэ и от Лютера до Весли, особенно подчеркивали то обстоятельство, что бог создал человека «по образу своему». На основании текста библейского рассказа христианская религия считала, что человек был создан отдельно и собственноручно творцом, в то время как многочисленные животные были вызваны к жизни из земли и воды голосом создателя.

Тут возник естественный вопрос о различных видах среди животных. Огромное большинство теологов было единодушно в том мнении, что все виды животных были созданы в начале времен, получили наименование от Адама, сохранились в ноевом ковчеге и с тех пор не претерпели никаких изменений. Это мнение превратилось в религиозную догму. Но, подобно многим другим церковным догмам, происхождение ее надо искать не в христианстве, а в язычестве. Мнение о постоянстве видов ведет свое начало скорее от Платона и Аристотеля, чем от Моисея и Павла.

Затруднения стали возникать для приверженцев этой догмы по мере того, как зоология шла вперед и открывала все увеличивающееся число видов. Однако в средние века и еще долго после реформации затруднения эти разрешались очень просто: ноеву ковчегу придавали все большие и большие размеры.

Стремление некоторых религиозных и светских писателей проникнуть в природу живых организмов, узнать, что они представляют собой, наблюдалось давно. За три века до появления христа Аристотель занялся исследованием природы, и его идеи и труды в этой области многие столетия служили руководством для ученых.

Но это стремление к проникновению в сущность явлений природы встретило резкий отпор в господствовавшем в раннем христианстве чувстве, что в виду близкого наступления конца мира всякое изучение природы является ненужным; эта идея нашла свое выражение в «Новом завете» и с особой силой проповедывалась Лактанцием и Августином. Вот почему в течение древних и средних веков изучение природы было заброшено. Если кто и проявлял интерес к явлениям природы, то исключительно для иллюстрирования библейских сказаний. Слишком сильное старание проникнуть в тайны природы считалось обычно весьма опасным и для души и для тела; такие занятия допускались лишь с целью вящшего восхваления божьей славы. Великие труды Аристотеля были забыты. Ранние христианские мыслители обращали на него очень мало внимания, а те, кто вспоминал его, не развивали его идей, а превращали его в нечто совершенно противоположное ему по духу и методу.

Вместо трудов Аристотеля они выдвинули «Physiologus» и «Bestiaries», в которых библейские рассказы, легенды о святых и фантастические измышления были смешаны с набожными намерениями и детской наивностью. Место исследования занял авторитет библии в толковании «Physiologus» и «Bestiaries», которые оставались главными источниками человеческих знаний в области живой природы в течение свыше тысячи лет.

Но и эти жалкие попытки исследований природы встречали нередко порицание со стороны строгих властителей церкви, и в V в. такое порицание со стороны церковного собора во главе с папой Геласием встретили и указанные произведения.

Таким образом вместо научного исследования природы в средние века развилось воззрение на природу в духе священного писания, усматривавшее во всем мудрую целесообразность творца, и этот церковный взгляд держался в умах верующих от IV вплоть до XIX в.

Как и все средневековые дисциплины, и это «священное естествознание» развивалось исключительно теологическими методами. Пренебрегая чудесами, которые могло бы раскрыть перед ними вскрытие простейшего животного, эти «натуралисты» пытались бросить свет на природу при помощи хитроумного употребления библейских текстов, изысканий в области жития святых и обильного применения метафизики. Отсюда многочисленные рассказы об единорогах и драконах, упоминаемых в библии. Отсюда такие вклады в науку, как рассказы о том, что василиск убивает змей своим дыханием и людей своим взглядом, что преследуемый лев заметает свои следы кончиком своего хвоста, что самка пеликана вскармливает своих детенышей собственной кровью, что змеи, прежде чем напиться, откладывают свое жало в сторону, что гиены могут разговаривать с пастухами, что некоторые птицы рождаются от плодов определенного дерева, когда последние падают в воду, и т. д. и т. п.

Одним из наиболее блестящих представителей таких «натуралистов» был францисканец англичанин Бартоломей. В своей книге «Свойства вещей» он о библейском василиске говорит следующее: «От его прикосновения листья сохнут и сгорают; жало его столь велико и опасно, что все, к чему он приближается, погибает бесследно; и все же ласка превосходит его, так как укус ласки смертелен для него. Тем не менее укус василиска смертелен для ласки, если она не поест предварительно руты. И хотя василиск смертельно ядовит при жизни, он теряет свою вредность, когда его сжигают и превращают в пепел. Пепел его очень полезен в алхимии, способствуя превращению металлов».

Бартоломей просвещает нас также относительно животных в Египте и говорит:

«Если крокодил находит человека на берегу реки, то он убивает его, затем плачет над ним и проглатывает его».

Само собою разумеется, что наш францисканец-естествоиспытатель посвящает много внимания «драконам», о которых говорится в библии. Вот как он описывает его: «Дракон является самым большим из всех змеев, часто он выходит из своей пещеры, подымается в воз-

дух, своим движением он производит сильный ветер, и море вздувается от его жала, и он имеет гребень, и он высовывает свой язык, и он имеет зубы, как пилу, и сила его заключается не только в зубах, но и в хвосте, и он причиняет боль не только укусом, но и жалом. Он убивает всех, кого встречает на своем пути. Часто четверо или пятеро их соединяют вместе свои хвосты и подымают вверх свои головы и несутся над морем в поисках добычи. Между слонами и драконами происходит вечная война, ибо дракон бьет слона своим хвостом, а слон опрокидывает дракона своим хоботом... Причина, почему дракон жаждет крови слона, заключается в том, что последняя холодна, и дракон стремится охладить себя ею. Иероним говорит, что дракон представляет собой животное, страдающее вечной жаждой, и поэтому он всегда держит открытой свою пасть против ветра, чтобы таким образом утишать огонь своей жажды. Вот почему, когда он видит корабли, несущиеся на всех парусах, он летит против них, чтобы попасть под струю холодного ветра, и опрокидывает их».

Эти идеи монаха Бартоломея пользовались большой популярностью среди верующих. Его книга была переведена на важнейшие европейские языки. Еще в XV в. она выдержала не менее десяти изданий на латинском языке, четыре — на французском и различные перепечатки из нее — на голландском, испанском и английском языках. Проповедники считали ее особенно полезной для освещения путей господних по отношению к человеку.

Тот же вид науки процветал и в «Bestiaries». В этой книге мы находим такой же богатый «естественно-научный материал». Вот один из многочисленных примеров. «Львица рождает детенышей, которые остаются три дня безжизненными. Затем приходит лев, дышит на них и оживляет их... Точно так же Иисус христос был лишен жизни в течение трех дней, но бог-отец воскресил его во славу свою».

Церковные проповедники усиленно пользовались этой наукой для религиозных целей. Феникс, возрождающийся из пепла, доказывает учение о воскресении; строение и вредные действия обезьян свидетельствуют о существовании демонов; тот факт, что некоторые обезьяны не имеют хвостов, свидетельствует о лишении сатаны его славы; ласка, «постоянно меняющая свое место, олицетворяет собой тип человека, отстраненного от слова божия и не находящего себе покоя».

Время от времени среди людей, свободных от контроля церкви, появлялись исследователи, работавшие в более правильном направлении. В XII и XIII вв. Абд Алатиф писал об естественной истории Египта в вполне научном духе, но он был отвергнут всеми, как мусульманин.

Зато вполне в духе своего времени писал Гиральд Кембрийский, в книге которого о топографии Ирландии отводится много внимания животным этого острова. Этот духовный писатель говорит, например, об орлах: «Орлы живут так долго, что почти спорят с вечностью; точно так же и святые, сбросив с себя ветхого человека, и преобразившись в нового, обретают благостные плоды вечной жизни». И в другом месте: «Орлы часто летают так высоко, что крылья их опаляются солнцем;

точно так же и те, кто пытается разгадать в священных писаниях глубокие и скрытые тайны небесных мистерий, падают вниз, как-будто крылья их самонадеянной фантазии опаляются огнем».

У одного из писателей следующего столетия, Альберта Великого, появляются проблески критицизма: в своей книге о животных он выступает против широко распространенного взгляда, что некоторые птицы растут на деревьях и питаются их соком и что некоторые животные зарождаются в воде от гниющего дерева.

Применение естествознания для религиозных целей продолжалось и после реформации. Лютер часто пользовался этим методом, в применении которого ему не уступали и его последователи. В 1612 г. Вольфганг Франц, профессор теологии в университете Лютера, написал священную историю животных, выдержавшую множество изданий. В ней содержится весьма остроумная классификация, описывающая «натуральных драконов», имеющих три ряда зубов в каждой челюсти, при чем благочестиво добавляется: «главный дракон — это дьявол».

Однако, дух скептицизма не исчезал окончательно даже у теологов. В самом начале XVII столетия опубликовал свои «Путешествия по Палестине» Эжен Роже. Что касается всего, о чем упоминается в священных книгах, то здесь он проявляет себя вполне правоверным христианином. Своему произведению он предпосылает карту, на которой точно указывает все важнейшие места, упоминаемые в библейской истории: место, где Самсон убил тысячу филистимлян ослиной челюстью; пещеру, в которой жили Адам и Ева после изгнания их из рая; место, где заговорила валаамова ослица; место, где Иаков боролся с ангелом; место, где стоял соляной столб, в который превратилась жена Лота; место у моря, где Иона был проглочен китом, и «точное место, где апостол Петр словил сто пятьдесят три рыбы».

Что касается естественной истории, то он с большой теологической ученостью описывает василиска. Животное это, по его словам, имеет в длину полтора фута, напоминает по внешнему виду крокодила и убивает людей одним своим взглядом. Он сообщает нам, что провидение мудро и милосердно защитило человека от этого чудовища, создав для него необходимость громко крикнуть два или три раза перед тем, как оно уходит из своей пещеры; божественная мудрость в творении выразилась между прочим и в том, что чудовище должно посмотреть своей жертве в глаза и на определенном расстоянии, прежде чем взгляд его может проникнуть жертве в мозг и оттуда в сердце. То же божественное милосердие выявилось в том, что петух своим пением может убивать василиска.

А между тем в этом произведении верующего миссионера чувствуется уже влияние Бэкона и проблески экспериментальной науки: передавая множество басен про саламандру, он сообщает нам, что легенды относительно способности саламандры жить в огне оказались неверными и что к этому выводу он пришел на основании опыта, положив одну такую саламандру на горящие уголья. Точно так же он производил опыты с хамелеоном и нашел, что многие рассказы об этом животном не заслуживают доверия.

Во второй половине того же столетия Готтингер в своем «Теологическом исследовании истории творения» выступает против веры в феникса; но выступление это целиком основывается на священном писании.

В подтверждение своих сомнений он приводит следующие доводы: во-первых, «бог сотворил животных парами, между тем как у феникса пары нет»; во-вторых, «Ной, вступая в ковчег, привел с собой по семь видов каждого животного, у феникса же не встречается столько видов»; в-третьих, «мы не имеем ни одного достоверного свидетельства, что кто-либо когда-либо видел эту птицу»; в-четвертых, «те, кто утверждает, что феникс существует, расходятся между собой в описании его».

В виду таких выступлений против саламандры и феникса, нам не приходится удивляться, что в конце этого века скептицизм распространился и на василиска. Проф. Кирхмайер из Виттенбергского университета называет все, что говорится в прежних теологических книгах о фениксе и василиске, бабьими сказками. Что касается феникса, то он отрицает его существование не только потому, что Ной не взял с собой в ковчег такой птицы, но и потому, что «птицы вообще образуются из яиц, а не из пепла». Но от единорога он отказаться не может и не может допустить, что это —носорог, при чем ссылается на Иова и Марко Поло и заявляет: «Кто может отрицать существование этого животного, раз в священном писании упоминается о нем с явной похвалой?» Что касается других больших животных, о которых говорится в священном писании, то он допускает, что бегемот, это — слон, а левиафан — кит.

Эти зародыши скептицизма понемногу развивались, и вскоре Даннгауер сделал еще один шаг вперед и выступил даже против веры в единорога, настаивая, что это носорог — и ничего больше; все же главное направление в изучении природы продолжало оставаться строго теологическим. Еще в 1712 г. Самуил Бохарт опубликовал большой труд о животных священного писания. О характере этой работы легко судить по названиям глав, из которых приведем некоторые для примера: «О валаамовой ослице», «О тысяче филистимлян, убитых Самсоном ослиной челюстью», «О золотых тельцах Аарона и Иеровоама», «О голубе Ноя и голубе, появившемся при крещении христа» и т. д. в том же духе Представляя собою смесь всевозможных рассказов о животных, заимствованных из священного писания, с фактами и рассуждениями, извлеченными из наблюдений натуралистов, произведение это насквозь проникнуто теологическим духом.

Таким образом, исследование природы в течение почти двух тысяч лет было подчинено целиком теологии, и только в середине XVI в. появляются зачатки нового метода — метода, имеющего целью не восхваление творца, а установление точных фактов. Этот новый путь в естествознании связан с именем Эдуарда Уоттона в Англии и Канрада Геснера на континенте Европы; они предприняли обширные наблюдения, результаты которых были ими тщательно записаны и классифицированы.

Этот новый метод исследования природы вскоре привел к образованию обществ, преследовавших ту же цель. Так, в 1560 г. в Неаполе была основана Академия для исследования природы. Однако, встревоженные церковники поспешили закрыть ее и снова задержали почти на целых сто лет всякие попытки такого рода. Только в 1645 г. в Лондоне начались собрания, из которых возникло общество, развившееся впоследствии в Королевское общество наук. Затем образовались академии наук во Франции и Италии, за ними последовало возникновение подобных же учреждений в других частях света, и началось новое, победоносное движение настоящей, не фальсифицированной теологией науки.

Конечно, церковники поняли всю опасность для них этих новых учреждений. В Италии принц Леопольд Медичи, покровитель Флорентийской академии, пожертвовал интересами последней ради кардинальской шапки, которой его подкупили. С того времени до наших дней этот метод подкупа стал характерным для всех пап в их борьбе с наукой. Во Франции церковники нередко вмешивались в дела академий. Общеизвестным примером такого вмешательства является унижение, которому подвергли Бюффона за установление простой научной истины. В Англии протестантизм был не менее враждебен Обществу наук, открыто объявленному им атеистическим.

Одно обстоятельство смягчало в этот период борьбу теологии с наукой. Хотя новые исследователи окончательно отказались от средневекового метода, столь дорогого для церкви, они почти все оставались сторонниками церковного воззрения на сотворение мира, продолжая думать, что вселенная была создана непосредственно творцом для пользы, поучения, радости и забавы человека.

Это обстоятельство примирило до некоторой степени теологов с новыми учеными, и, таким образом, наука, хотя и освобожденная несколько от старых ограничений, все же продолжала оставаться на службе теологии, иллюстрируя как бы своими выводами библейскую доктрину о сотворении мира, доктрину, заимствованную, как мы уже знаем, из халдейских и других древних мифов и легенд.

Середина XVII в. ознаменовалась новой победой науки над теологией. В это время Франческо Реди опубликовал результаты своих исследований по вопросу о самопроизвольном зарождении. До того времени общепринятая доктрина гласила, что вода, грязь и падаль получили от творца способность порождать червей, насекомых и множество малых животных. Это учение получило особое одобрение со стороны Августина, так как оно освобождало бога от сотворения всех этих бесчисленных, презираемых видов животных, Адама — от их наименования, и Ноя — от совместной жизни с ними в ковчеге. И вот Реди положил конец этому воззрению. Тщательными исследованиями, опровергнуть которые оказалось невозможным, он доказал, что каждое из этих животных происходит от яйца, которое кладется другим таким же животным; следовательно, первое животное данного вида должно было быть создано, получить наименование и быть сохранено от сотворения мира.

В начале XVIII в. д-р Неемия Грью, член Королевского общества, опубликовал свой труд «Священная космология», в котором он резко выступает против отрицающих мудрые намерения творца мира. Обсуждая вопрос о «целях провидения», он говорит: «Журавль, в котором мяса мало, кладет всего лишь два яйца в год, фазан же и куропатка, дающие много мяса, кладут и высиживают от пятнадцати до двадцати». Он решительно отвергает тот взгляд, что вредные вещи в природе созданы грехом, и указывает, что и они приносят пользу, и что если «крапива жжет, зато она дает превосходное лечебное средство для детей и скота», если «терновник причиняет вред человеку, зато он служит прекрасной изгородью», если он «иногда зацепит хозяина, зато рвет вора». «Ласки, коршуны и другие хищные животные приучают нас к бдительности; вши вынуждают нас соблюдать чистоту тела, пауки — домов, а моль — одежды».

Этот взгляд восторжествовал над старым учением, видевшим во вредных животных и растениях результаты греха, и получил распространение и в других странах, хотя многие указывали на слабые стороны его, а Гете, например, воспользовался им как темой для стихотворения, восхвалявшего предусмотрительность творца, создавшего пробковое дерево для обеспечения пробками винных бутылок.

Своего апогея эта теологическая доктрина достигла в Англии в первой половине XIX в., когда Королевское общество объявило восемь премий, по тысяче фунтов стерлингов каждая, для авторов, которые напишут и напечатают произведение о «могуществе, мудрости и доброте бога, нашедших себе выражение в сотворении мира». На этот призыв отозвалось множество авторов.

Однако, несмотря на это преобладание теологической точки зрения, истинно научный метод продолжал развиваться, и перед теологией возникали все большие и большие трудности. Исследователи все более и более убеждались, что число различных видов значительно больше, чем это предполагалось до сих пор. Таким образом все более невероятным казалось предположение, что каждый из этих многочисленных видов был создан отдельно творцом, представлен перед Адамом для получения названия и взят парами или в числе семи в ковчег Ноя. Но это было ничто в сравнении с трудностями, вызванными данными о распределении животных.

Еще в первые века христианства вопрос этот стал перед теологами. Задумывался над ним и Августин. В своем «Граде божьем» он говорит о нем следующее: «Но тут возникает вопрос о всех тех видах животных, которые не приручены человеком и не возникают из земли, подобно лягушкам, как, например, волки и другие того же рода... Как они могли попасть на острова после потопа, уничтожившего все живые существа на земле, за исключением взятых Ноем в ковчег... Некоторые, конечно, можно думать, достигли островов вплавь, если последние лежали очень близко от берега; но ведь некоторые острова расположены так далеко от берега, что невозможно допустить, чтобы животные могли добраться до них вплавь. Возможно также, что некоторые животные были перенесены человеком в эти земли, в которые он соби-

рался переселиться, с целью создать себе предмет для охоты; наконец, нельзя отрицать и того, что животные могли быть перенесены ангелами по специальному поручению бога».

Но к XVII в. затруднения, связанные для теологов с этим вопросом, приняли такие размеры, о которых Августин не мог и думать. Фактором, особенно усилившим их, были путешествия, предпринятые Колумбом, Васко-де-Гама, Магелланом, Америго Веспуччи и другими мореплавателями эпохи великих открытий. Еще более серьезные затруднения возникли, когда большие острова южных морей начали подвергаться исследованиям. Каждый мореплаватель открывал множество новых видов животных и человеческие расы в таких частях света, где, по учению теологов, не могло существовать никаких людей.

Впервые с упоминанием об этих затруднениях мы встречаемся у выдающегося миссионера-иезуита Иосифа Акосты. В своем произведении «Моральная и естественная история Индии» он доказывает неубедительность доводов Августина по вопросу о распределении животных. «Кто может допустить, — говорит он, — что при таком продолжительном путешествии люди станут брать на себя труд перевозить в Перу лисиц, в особенности тот вид, который носит название «Acias» и грязнее которого я никогда не видал? Кто скажет, что они таким же образом перевезли с собой тигров и львов? Такая мысль была бы воистину смехотворной. Люди, отправлявшиеся в столь долгое и неизвестное путешествие, несомые против своей воли бурей, были счастливы, если им удавалось спасти свою собственную жизнь, а не то, чтобы еще брать с собою волков и лисиц, заботиться о них и кормить их в море».

Под влиянием всех этих новых фактов Абрагам Милий опубликовал в Женеве в 1667 г. книгу «О происхождении животных и переселениях народов». Эта книга, как и вышеуказанное произведение Акосты, служит ярким свидетельством того потрясения, которому открытие Америки подвергло теологическое мировоззрение. Книга была выпущена с особого одобрения епископа Зальцбургского; в ней указывается, что разрешение вопроса о распределении животных можно найти в библии, где говорится: «Пусть земля создаст живые создания — каждое в своем роде». Милий доказывает, что древние философы были согласны с Моисеем и что «земля и воды и особенно солнечные лучи и прекрасное небо в соединении с влажной и гнилотворной особенностью почвы могут послужить основой для образования рыб, сухопутных животных и птиц». С другой стороны, он очень резко выступает против тех, кто думает, что человек мог произойти таким же путем, как и животные. Но особенное внимание Милия привлекает к себе вопрос о р а с п р е д е л е н и и животных. На него оказало сильное влияние открытие в Америке и на отдаленных островах океана множества видов, совершенно не встречающихся в других странах, и особенно его смущает тот факт, что все эти виды совершенно отсутствуют по соседству с горой Арарат. Он признает, что объяснение распределения животных является самой трудной частью задачи. Если даже допустить, что птицы могли в Америку прилететь, а рыбы — приплыть, то спра-

шивается: «Как быть с дикими животными, которые не могут ни летать, ни плавать?» Относительно же птиц он также задает вопрос: «Разве не существует множества крылатых созданий, которые летают с такой медленностью и трудом и испытывают такой ужас перед водой, что у них нехватает даже смелости пуститься в полет через широкую реку?» Что же касается рыб, то «они, — говорит он, — не любят оставлять свою родину, а, между тем, в водах Америки и Восточной Индии существует множество рыб, совершенно неизвестных другим странам, присутствие которых поэтому не может быть объяснено теорией естественного распространения».

Наконец, тем, кто предполагает, что сухопутные животные могли быть распространены по земле человеком для своей пользы или удовольствия, он задает вопрос: «Кому захочется взять на корабль львов, медведей, тигров и других диких и вредных животных? Кто доверит себя им и кто захочет развести этих животных в новых желанных краях?»

В конце-концов, он приходит к выводу, что растения и животные впервые возникли в тех местах, где они найдены. Это свое мнение он подкрепляет текстами из библии, в которых земле приписывается творческая сила.

В XVIII в. положение вещей для теологии стало еще хуже. Чтобы выйти из затруднения, один из церковных писателей, бенедиктинец Дом Кальмет, высказал мысль, что все виды одного рода первоначально были представлены только одним видом; он особенно настаивал на этом, так как этот взгляд давал возможность объяснить сбор всех животных в ноевом ковчеге. Эта мысль, несмотря на огромную опасность, которую она таила в себе для теологии, получила широкое распространение, и даже Линней склонялся к ней. Однако сам Линней, несмотря на свое знаменитое заявление в пользу постоянства видов, нанес смертельный удар старой теории. В своем знаменитом труде «Система природы», опубликованном в середине XVIII столетия, он перечисляет четыре тысячи видов животных, и всем мыслящим людям становилось все более очевидной невозможность наименования всех их Адамом и скопления их в ноевом ковчеге.

Все более и более затруднительным становился также вопрос о географическом распределении животных. По мере того как исследования стали производиться в различных частях света, опасность для теологии становилась все более ощутительной. Открытие в Южной Америке тихоходов вызвало целый ряд мучительных вопросов: как могли столь медленно передвигающиеся животные удалиться на столь огромное расстояние от горы Арарат?

Исследования в Австралии и соседних областях сделали положение еще хуже, так как в этих областях была найдена большая группа животных, коренным образом отличающихся от фауны других частей света. Так перед теологами предстал вопрос, как совместить факт нахождения кенгуру в ковчеге с его существованием исключительно в Австралии. Правда, это животное обладает способностью хорошо прыгать, но как можно при помощи прыжков преодолеть горы, равнины и

океаны на пути от горы Арарат к Австралии? И если даже допустить, что между Австралией и ближайшим материком существовала когда-то сухопутная связь, то спрашивается: почему по этому пути не прошли в Австралию львы, тигры, верблюды?

Таким образом, к концу XVIII в. теологическая теория сотворения мира потерпела окончательное поражение. В XIX в. делались еще попытки некоторыми теологами поддержать старую точку зрения, но все они оказались, конечно, совершенно бесплодными. Дальше фанатических утверждений, что в библии заключена вся истина, наука же представляет собой сплошную ложь, теологи не шли. Ясно, что на сколько-нибудь сознательного человека эти утверждения действовать не могут. И подобно тому как ряд астрономов от Кеплера до Ньютона разрушил старую астрономию, согласно которой земля стоит в центре вселенной, и всемогущий творец сидит над небесным сводом и вращает своими руками небесные тела вокруг земли, так теперь новое поколение биологов окончательно опровергло старое представление о том, что создатель собственными руками создал всех животных и придал каждому из них свойственную ему своеобразную форму. Новые ученые развили совершенно другую систему, к рассмотрению которой мы сейчас и перейдем.

3. БОГОСЛОВИЕ И НАУКА ОБ ЭВОЛЮЦИИ В ЖИВОЙ ПРИРОДЕ.

Итак мы видели, как возникла идея о сотворении мира и его обитателей, путем творческого акта со стороны бога, имеющего образ человека, обладающего человеческими атрибутами и вызвавшего материю к жизни при помощи своего языка и губ или рук и пальцев.

Мы видели, что идея эта возникла очень давно, что она существовала уже в халдейско-вавилонской и египетской и по всей вероятности также и в других ранних цивилизациях; что главные черты ее перешли оттуда в священные книги евреев и от последних в христианскую церковь, где она поддерживалась теологами вплоть до нашего времени.

Однако на ряду с этой идеей о простом материальном сотворении мира руками и пальцами или голосом творца, идеей, ставшей отправным пунктом теологической мысли в течение тысяч лет, появилась новая мысль, а именно — мысль об эволюции. Источником этой мысли также была халдейско-вавилонская теория, которая перешла к грекам от вавилонян через финикийцев. Некоторые теологи усматривают мысль об эволюции в обоих вариантах библейского рассказа, хотя оба эти варианта противоречат друг другу, так как в одном говорится, что в о д ы произвели на свет рыб, морских животных и п т и ц («Бытие», I, 20), в другом же сказано, что сухопутные животные и п т и ц ы созданы были не из воды, а из з е м л и («Бытие», 2, 19).

Но для эволюционных идей существовал еще один древний источник. Древние цивилизованные народы, осевшие вдоль больших рек теплых краев, давно уже обратили внимание, что божество-солнце заставляло воду и богатую почву кишеть низшими животными. В особенности

в Египте люди видели, как под влиянием божественной силы солнца из реки Нила наполнялся «бесчисленными ползущими существами». Отсюда к старому верованию, что вначале животные и человек были сотворены из безжизненной материи по приказу творца, присоединилась мысль, что некоторые из низших животных, особенно насекомые, появились в результате позднейшей эволюции из различных источников, главным же образом из гниющей материи.

Эта мысль послужила зародышем эволюционных теорий, высказанных греками. Анаксимандр, Эмпедокл, Анаксагор и Аристотель развивали их дальше и делали некоторые догадки, которые впоследствии подтверждались наблюдениями. Особенно замечателен в этом отношении Аристотель, у которого можно встретить мысли, напоминающие современное учение о происхождении высших животных от низших.

С появлением христианской теологии развитие эволюционной идеи застопорилось всерьез и надолго; все же проблески ее не были задушены окончательно. Так, в IV в. Василий Великий, обсуждая вопрос о сотворении мира, говорит, что по приказу бога «воды были одарены продуктивной силой»; «илистые и болотистые места дали жизнь лягушкам, мушкам и комарам»; и, наконец, он добавляет, что эта энергия и продуктивная сила, которые приобрела земля и вода, останутся за ними до конца мира. Такого же взгляда держался и Григорий Нисский.

От «отцов» восточной церкви эта идея перешла к западной. Даже Августин, который с таким упорством обычно цепляется за каждую букву священного писания, отступает от этой своей привычки при обсуждении вопроса о сотворении мира. В своем труде о «Бытии» он говорит: «Было бы большим ребячеством предполагать, что бог создал человека из праха при помощи телесных рук или вдохнул в него дыхание при помощи горла и губ». Далее Августин указывает, что «многие очень малые животные, повидимому, не были созданы на пятый и шестой день, но произошли позже от гниющей материи», «при чем, — рассуждает он, — если это и так, то все же истинным их творцом является бог», так как в первоначальном акте творения было включено все дальнейшее появление животных, которых «в последующее время образовалось бесчисленное множество».

Развитию идеи о вторичных факторах, действующих отдельно от первоначального акта творения, много способствовало затруднительное положение теологии, в которое последнюю ставило непрекращающееся открытие все новых и новых мельчайших животных, насекомых и «гадов». Все более и более трудным становилось примирить достоинство всемогущего творца с необходимостью провести всех этих бесчисленных тварей пред лицо Адама, дабы последний дал им всем наименование; не менее затруднительным было примирить ограниченные человеческие силы Адама с приписываемой ему библией работой по наименованию «каждой живой твари»; наконец совершенно нельзя было себе представить, как мог ноев ковчег вместить все огромное количество живых существ, — все равно, были ли они взяты туда по паре, как говорится в одном месте библии, или по семь, как указано в другом, и как Ной мог запасти необходимую для них пищу.

Несоответствие между размерами ноева ковчега и количеством животных, которое пришлось в нем разместить, смущало богословов. Ориген говорил, что объем ноева ковчега в действительности был в шесть раз больше предполагаемого. А возможность сооружения такого огромного ковчега объяснял тем, что Ной работал над ним сто лет; что же касается запаса пищи, то, по его мнению, ее надо было взять всего лишь на один день, так как бог мог ввергнуть животных в глубокий сон или сделать достаточным однодневный запас при помощи какого-либо другого чуда; кроме того Беде уменьшает число живых существ, которых необходимо было взять в ковчег, соглашаясь с теорией Августина, что насекомые развились впоследствии из падали.

В VII в. Исидор Севильский еще более популяризировал в церкви учение о вторичных факторах, приводя такие примеры: «Пчелы образуются из разлагающейся телятины, тараканы — из лошадиного мяса, кузнечики — из мяса мулов, скорпионы — из крабов». Чтобы придать еще большую силу идее о таких превращениях, он ссылается на библейский рассказ о Навуходоносоре, указывая, что и другие люди превращались в животных, особенно в свиней, волков и сов.

Эта доктрина о последующих превращениях все усиливалась, пока в XII в. Петр Ломбардский не установил различия между животными, образующимися из падали, и животными, сотворенными из земли и воды; первые, по его мнению, были созданы «потенциально», вторые — «действительно».

В следующем столетии учение это было воспринято Фомой Аквинским, который придал ему окончательную форму. В наиболее крупном своем труде — «Summa Theologiae» — он признает идею, что некоторые животные образуются из гниющих тел растений и животных, при чем указывает, что «после шести дней творения бог не сделал абсолютно ничего нового, но что все было в некотором смысле предвключено в творение шести дней», и что «если даже появляются новые виды, то потенциально они существовали раньше, подобно тому как животные образуются из гниения».

Как ни невинны кажутся нам в настоящее время эти слабые проблески эволюционной идеи, получившие выражение в учении о вторичных факторах, многие теологи, считавшие себя истинными хранителями религиозных традиций, увидели в этом учении большую опасность для церкви, и в начале XVII в. испанский иезуит и теолог Суарец объявил его вредным, а Августина как одного из приверженцев его — еретиком.

К концу средних веков, несмотря на всю приверженность даже реформированной церкви к букве писания, благодаря великим путешествиям создалась обстановка, благоприятствовавшая развитию новых взглядов на природу. Во всех областях жизни появился целый ряд открытий, делавших все менее и менее приемлемой теологическую точку зрения.

Из мыслителей, решительно ставших в этот период на новый путь, следует указать на Джордано Бруно. Хотя он изложил свои взгляды в несколько неопределенной и туманной форме, это все же поме-

шало «святой» инквизиции разгадать истинную сущность их, и Бруно за свои взгляды заплатил смертью на костре.

После смерти Бруно в течение первой половины XVII в. во главе человеческой мысли стоял Декарт: его теории дали огромный толчок развитию научного исследования. Он сыграл большую роль в применении учения об эволюции к объяснению образования солнечной системы; кроме того метод его мышления способствовал развитию эволюционной идеи вообще. Но вечный страх преследования как со стороны католической, так и протестантской церкви вынуждал его затуманивать свои мысли и даже не высказывать их. Казнь Бруно произошла во время детства Декарта, а будучи уже взрослым, он наблюдал борьбу Галилея во всех ее стадиях. Он видел, как университеты, руководимые теологами, один за другим осуждали его собственные произведения, попавшие в римский список запрещенных книг. И хотя он придумывал все новые и новые доводы для доказательства существования бога и унижался перед иезуитами, все же он был осужден и католиками и протестантами.

К концу того же века другой ученый — Лейбниц — дал дальнейший толчок развитию идеи эволюции. Хотя он не развил полной теории эволюции, все же большую роль он сыграл в этом отношении своими мыслями об изменчивости видов, мыслями, стоявшими в абсолютном противоречии с теологическим учением о том, что все существующие ныне группы животных вышли в таком виде из рук творца, прошли перед Адамом и заключены были в ноев ковчег. За эти свои взгляды Лейбниц получил через несколько лет возмездие от церкви, помешавшей ему основать академию наук в Вене, хотя светские власти покрыли его всяческими почестями.

Среди мыслителей, способствовавших развитию эволюционной идеи, следует упомянуть также о Спинозе, Канте и Юме, учения которых могли бы оказать еще большие услуги выработке научного взгляда на природу, если бы не душившая их теологическая атмосфера того времени. Но спустя несколько лет после смерти Лейбница во Франции появился мыслитель-естествоиспытатель, труды которого сыграли выдающуюся роль в развитии учения об эволюции.

В самом начале XVIII в. Бенуа де Майе, светский человек, занимавшийся изучением природы, заинтересовавшись вопросом о происхождении животных форм, пришел к мысли о превращении видов и таким путем к теории эволюции, во многом предвосхитившей наши современные взгляды. Он решительно провозгласил, что существующие ныне виды представляют собой видоизменения предшествующих форм, хотя нередко давал нелепые иллюстрации к этому положению.

Но его встретили нападки с двух сторон. С одной стороны, церковные власти осудили его как свободомыслящего, с другой — он подвергся насмешкам со стороны Вольтера как лицемер. Чтобы защитить себя от теологов, де Майе зашифровал свое имя на титуле своей книги и придал предисловию и посвящению такие формы, чтобы в случае преследования можно было объявить все это шуткой. Поэтому он всему изложению придал форму сна, который индусский мудрец расска-

зал христианскому миссионеру. Но эта уловка ни к чему не привела. Так как его индусский мудрец высказывает предположение, что библейские дни творения представляют каждый длительные периоды времени, и другие столь же ужасные мысли, то книга его, поступившая в набор в 1735 г., могла увидеть свет лишь в 1748 г. — через три года после его смерти.

С другой стороны, его преследовал Вольтер. Так как де Майе из факта нахождения ископаемых на высоких горах вывел заключение, что эти горы находились некогда под водой, то Вольтер, увидев в этом аргумент в пользу ноева потопа, подверг де Майе безжалостному высмеиванию. К несчастью, некоторые утверждения де Майе (вроде того, что первый человек произошел от морской девы) давали достаточный материал для вольтеровского сарказма.

Таким образом де Майе, подвергшись нападкам с двух противоположных сторон, долгое время оставался непризнанным, и только совсем недавно труды его получили заслуженное признание со стороны английских и французских ученых.

Во второй половине XVIII в. на пути развития эволюционной идеи стала тяжелая преграда в лице одного из великих ученых — Линнея. Будучи наиболее выдающимся натуралистом своей эпохи и обладая широким наблюдательным умом, Линней настолько подпал под влияние окружающей его теологической среды, что он весь был пропитан религиозностью, которая наложила тяжелый отпечаток на все его мышление. Только к концу своей жизни он осмелился несколько отступить от строго ортодоксальной точки зрения и допустить, что все ныне живущие виды одного рода составляли в момент сотворения мира один вид, а из последнего издания «Системы природы» он спокойно выпустил утверждение о постоянстве каждого вида, на котором он настаивал в своих прежних трудах. Хотя Линней и не осмелился решительно и открыто заявить о новой научной точке зрения на природу, ему все же пришлось испытать на собственном примере силу церковного мракобесия, которое продолжало быть отличительной чертой как католической, так и протестантской церкви.

В то время, как наиболее авторитетные в глазах верующих представители церкви с величайшим усердием восхваляли разнузданную жизнь королей, вроде Людовика XV, а в воспитании духовенства по вопросу об отношениях полов прибегали к грязной казуистике иезуитов, — скромность церкви была так шокирована рассуждениями Линнея о существовании полов в растительном мире, что сочинения его были запрещены в папской области и во многих других странах, где церковное влияние было еще достаточно сильно. В Риме обсуждение системы Линнея было разрешено лишь в 1773 г.

Не менее мракобесия обнаружил и протестантизм. Об этом необычайно ярко свидетельствует следующий факт, приводимый Линнеем в одном из своих писем. В Королевскую академию наук поступили подробные сообщения из различных частей Европы, что вода превратилась в кровь. Священники, конечно, увидели в этом проявление гнева божьего, направленного прежде всего на те области, в которых име-

ли место эти чудеса, а там, быть-может, и на весь мир. Так как одно из таких чудес произошло в Швеции, то Линней заинтересовался им и нашел, что покраснение воды вызывается густыми массами мельчайших животных. Когда это объяснение дошло до одного из крупнейших лютеранских епископов Швеции, последний объявил научное объяснение «сатанинской выдумкой» и заявил, что «покраснение воды не происходит естественным путем» и что, «когда бог допускает такое чудо, сатана, а за ним и его земные орудия в лице его безбожных, самоуверенных, самодовольных последователей стараются уничтожить значение этого чуда». Этой атаки Линней не выдержал. «Трудно сказать что-нибудь по этому поводу, — пишет он своему корреспонденту. — Конечно, чудо уже то, что такое множество миллионов животных может распространиться столь внезапно» и что «это несомненно свидетельствует о премудром могуществе всевышнего».

Великий натуралист, всю свою жизнь посвятивший науке, не мог противостоять теологическому окружению, он подчинился ему, и хотя, как мы видели выше, он в последнем издании своей «Системы природы» отступил от своей первоначальной строго теологической точки зрения на происхождение видов, он все же не приложил никаких усилий, чтобы сделать свою новую точку зрения достоянием публики.

Но даже авторитет такого ученого, как Линней, не мог задержать движение новых идей. Все более и более возрастало число видов, все более и более противоречила старая теория новым фактам в области географического распределения животных, все более и более очевидным становилось, что вселенная и все живые существа на ней образовались в результате какого-то другого процесса, чем акт начального творения. Все более и более настоятельно требовал ответа вопрос: что же это был за процесс?

В течение всего XVIII в. был только один естествоиспытатель, который мог бы много сделать для правильного ответа на этот вопрос. Это был Бюффон. Это был ученый с глубоким аналитическим умом, обладавший в то же время почти гениальной способностью к обобщениям. Ему удалось уловить идею об эволюции в природе, проявляющуюся в изменчивости видов, и он почти готов был сделать из этой идеи соответствующие выводы. Но и его погубили теологи.

Пока он ограничивался занимательными описаниями животных, церковь не трогала его, но лишь только он начал делать из этих описаний обобщающие выводы величайшей философской важности, тяжелая артиллерия теологической Сорбонны открыла против него огонь. Ему напомнили, что, по учению церкви, «вначале бог сотворил небо и землю», и все, что имеется в природе, было сотворено «в начале мира». За то, что Бюффон высказал некоторые мысли, ныне являющиеся трюизмами, его подвергли ожесточенным преследованиям и, в конце-концов, вынудили его публично отречься от своих взглядов и опубликовать свое отречение, в котором он заявляет:

«Я отказываюсь от всего, что в моей книге относится к образованию земли, и вообще от всего, что может оказаться в противоречии с рассказом Моисея».

Но все это, конечно, не могло задержать победного шествия эволюционного учения. Появилась целая плеяда ученых, труды которых в той или иной части освещали это учение и делали окончательное торжество его неминуемым. Среди этих ученых назовем Эразма Дарвина в Англии, Мопертюи во Франции, Окена в Швейцарии, Гердера и Гете в Германии.

Но особенно важную роль в этом направлении сыграли Тревиран в Германии и Ламарк во Франции, работавшие независимо друг от друга.

Тревиран опубликовал в 1802 г. свою работу по биологии, в которой он проводит идею, что все высшие организмы развились путем постепенного процесса из простых форм; что всякий живой организм может подвергнуться изменениям в своей структуре под влиянием внешних факторов; что ни один вид в действительности не вымер, но перешел в другой вид. Приблизительно в то же время Ламарк опубликовал свои «Исследования», а несколько позже свою «Философию зоологии», где он вводит новый фактор в процесс эволюции, а именнно— действия самого животного, направленные к приспособлению к новым нуждам. Ламарк пришел к следующим выводам:

1. Жизнь стремится увеличить объем каждого живого тела и всех его частей до пределов, обусловленных его собственными нуждами.

2. Новые потребности у животных вызывают к жизни новые организмы.

3. Развитие этих органов зависит от их упражнения.

4. Новые признаки могут быть переданы потомству.

Труды Тревирана и Ламарка сыграли, как мы уже говорили, большую роль в укреплении позиций эволюционной теории. Особенное значение приобрели утверждения Ламарка, что развитие органов находится в зависимости от их упражнения и что новые особенности у животных, явившиеся результатом действия окружающих обстоятельств, могут передаваться потомству.

Следующим апостолом идеи эволюции в природе был Жоффруа Сент-Илер. С 1795 г. последний начал создавать теорию, согласно которой виды представляют собой различные видоизменения одного и того же типа. На долю Сент-Илера выпало главное участие в новой борьбе между сторонниками идеи изменчивости видов и приверженцами старой теории постоянства видов. В этой борьбе, длившейся многие годы, главным противников идеи эволюции выступил знаменитый ученый Кювье. Последний с полным правом считался в свое время одним из наиболее выдающихся естествоиспытателей. Но в нем, как и в Линнее, сильны еще были религиозные пережитки, заставлявшие его в вопросе о сотворении мира стоять на теологической точке зрения. Кроме того, можно предположить, что его пложение в качестве человека, занимавшего крупнейшие государственные посты и связанного не только с светскими правительствами, но и с церковью, мешало ему выступить против последней, снова захватившей в свои руки власть и влияние в европейских странах в эпоху реакции, наступившей после Великой французской революции. Наконец, некоторую роль сыграл здесь и

темперамент Кювье, заставивший его относиться с недоверием ко всяким новым гипотезам, появление и быстрое исчезновение которых он часто видел. Благодаря всем этим обстоятельствам Кювье выступил в защиту старого теологического мировоззрения, на чашку весов которого он положил весь свой огромный авторитет.

Но Сент-Илер не смутился и смело выступил в защиту новых идей, стойко выдерживая игнорирование, скверное обращение и насмешки своих многочисленных противников. Что касается Тревирана, то он как бы оказался забытым в своей математической аудитории в Бремене.

Но, конечно, течение эволюционной мысли не могло быть приостановлено. Задержавшись на некоторое время во Франции, оно вспыхнуло с новой силой в Англии, где быстро стала развиваться новая палеонтология и геология, нашедшие своего наиболее блестящего представителя в Ляйелле. Специалисты появлялись во все большем количестве во всех странах, и отдельные работы всех их по исследованию природы слились в один могучий поток, который неминуемо должен был смести на своем пути все преграды.

В 1813 г. д-р Уэллс развил теорию эволюции при помощи естественного отбора для объяснения разновидностей человеческой расы. Около 1820 г. Ден Герберт, выдающийся садовод, высказал мысль, что виды представляют собой принявшие устойчивую форму разновидности. В то же время многие другие естествоиспытатели в Европе и Америке высказывали идеи, близкие теории эволюции.

Но церковь оставалась спокойной. В Европе она держала в своих руках контроль над судами, кабинетами и университетами, а в Англии и Америке представители разных вероисповеданий выступали с резкими осуждениями естествоиспытателей.

В этот теологический ход мысли был привнесен новый элемент. В 1844 г. Роберт Чемберс опубликовал свой труд «Следы творения», в котором он развивал следующую теорию. Все живые существа являются результатом двух различных импульсов, данных сразу и на вечные времена творцом. Первый из этих импульсов был сообщен жизненным формам и постепенно подымал их на все более высокую ступень, а второй сообщил органическим веществам способность видоизменяться в зависимости от внешних обстоятельств. Хотя эта теория и была пропитана благочестивым духом, однако она в то же время укрепляла мысль о возможной и даже вероятной эволюции.

Спустя восемь лет Герберт Спенсер напечатал статью, в которой сопоставлял обе теории — творения и эволюции — и приводил чрезвычайно сильные и убедительные доводы в пользу последней, доказывая, что виды, несомненно, подверглись изменению под влиянием обстоятельств. Но только немногие поняли все значение метода Спенсера.

1 июля 1858 г. в линнеевском обществе в Лондоне были прочитаны два доклада: один был представлен Чарльзом Дарвиным, другой — Альфредом Расселом Уоллесом. История этих докладов хорошо известна всему образованному миру. Чарльз Дарвин учился в Кембриджском

университете и первоначально готовил себя в пасторы англиканской церкви; в 1831 г. он оставил университет и отправился в научную экспедицию на корабле «Beagle». В течение пяти лет он с неослабной энергией отдался изучению проблем жизни во всех ее формах — на суше и в воде, среди вулканов и коралловых рифов, в лесах и песках, в тропиках и арктических областях. Вернувшись из путешествия, он посвятил себя работе над собранными материалами. Вскоре появились первые труды его: книга о «Коралловых островах» и монография о Cirripedia.

Наконец в 1858 г. он представил вышеупомянутый доклад, за которым последовали работы, поставившие Дарвина рядом с величайшими гениями человеческой мысли.

Долгие годы Дарвин работал в тиши, собирая доказательства и накопляя драгоценнейший материал для проверки основной своей идеи — идеи об эволюции путем естественного отбора. Только с одним человеком — д-ром Джозефом Гукером — поделился он в 1844 г. сокровенными своими мыслями. Но и после этого прошло еще 14 лет, пока теория его стала предметом гласности. Этому помогло следующее обстоятелство. Талантливый естествоиспытатель Альфред Рессель Уоллес, работавший в течение десяти лет (от 1848 г. до 1858 г.) в Бразилии и на Малайском архипелаге над теми же вопросами, пришел к тем же выводам, что и Дарвин, а именно—к теории эволюции путем естественного отбора. Уоллес прислал Дарвину доклад с просьбой прочесть его в линнеевском обществе. Ознакомившись с содержанием доклада, Дарвин убедился, что Уоллес независимо от него пришел к тем же выводам. Дарвин представил доклад Уоллеса, сопроводив его своими заключениями, и день представления этих докладов — 1 июля 1858 г.— знаменует собою новую эпоху в истории человеческой науки и мышления.

В следующем 1859 г. появилась работа Дарвина о происхождении видов. В ней Дарвин дал, наконец, полное и ясное изложение теории эволюции, занимавшей человеческий ум со времен Аристотеля. Свою теорию Дарвин обосновывает тремя группами факторов: борьбой за существование организованных существ, переживанием наиболее приспособленных и наследственностью. Эти факты были представлены с такой исчерпывающей полнотой и в такой логической связи, что они сразу привлекли к себе внимание всего мира.

Теория Дарвина окончательно разбила ту плотину, которую теология тысячелетиями воздвигала против научного миропонимания. Книга его быстро разошлась многими изданиями; она была переведена на европейские языки, а также на японский и индийский. Научная мысль заработала с необычайной энергией. Факты, оставшиеся раньше почти незаметными, приобрели особое значение. Во всех областях естествознания и во всех цивилизованных странах появились фаланги молодых талантливейших естествоиспытателей, и биология стала делать быстрые успехи. Если старая точка зрения продолжала находить еще кое-каких приверженцев среди стариков, то молодые ученые полностью и навсегда покончили с ней.

Один из этих приверженцев старой теологической точки зрения заслуживает того, чтобы о нем упомянуть. Это — Луи Агассиз. На ряду с Линнеем и Кювье это третий ученый крупного масштаба, который не сумел порвать со своей религиозностью и, будучи тонким исследователем и прекрасным преподавателем, все же не мог принять нового учения. Его судьба весьма любопытна. Он создал целую группу учеников, относившихся к нему с величайшей любовью, все они, от первого до последнего, с огромным энтузиазмом, который сумел им внушить их учитель, отдались работе, но не для упрощения теории своего учителя, а, наоборот, для дальнейшего развития и расширения новой, эволюционной точки зрения.

4. ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ ТЕОЛОГИИ.

Книга Дарвина «Происхождение видов» вызвала целую бурю среди теологического муравейника. Разбуженные от своего векового сна, церковники кинулись в бой, полные гнева и бешеной злобы. Обзоры, речи, книги — легкие и тяжелые — полетели на нового мыслителя со всех сторон.

Кампанию открыл оксфордский епископ Уилберфорс. Он обвинил Дарвина в «стремлении ограничить славу бога в творении»; в том, что «принцип естественного отбора абсолютно несовместим со словом божиим»; что он «бесчестит природу», и что существует «более простое объяснение наличия странных форм среди божьих созданий», а именно — «грехопадение Адама». Но этим выступления епископа не ограничились. На публичном митинге британской ассоциации для развития науки он стал нападать на Дарвина, который по болезни не мог присутствовать на этом собрании, и заявил между прочим, что он счастлив, что он не происходит от обезьяны. На это он получил достойную отповедь от Гексли, который ему ответил: «Если бы я должен был выбирать, я предпочел бы вести свое происхождение от обезьяны, чем от человека, применяющего свое знание и красноречие для извращения мыслей людей, всю жизнь посвятивших поискам истины».

Выступления этого одного из наиболее блестящих представителей англиканской церкви нашли себе подражателей и среди вождей английских католиков. В обращении к «Академии», которая была учреждена для борьбы с «ложной наукой», кардинал Меннинг открыто выразил свое отвращение к новому воззрению на природу, объявив его «скотской философией: бога нет, а обезьяна — это наш Адам». В таком же духе были выступления представителей всех вероисповеданий как в Англии, так и в Америке и Австралии.

Заслуживает упоминания особый прием борьбы теологов с новыми идеями, заключавшийся в основании специальных учреждений для этой цели. Такова была уже упомянутая нами «Академия», основанная католическим кардиналом Уайзменом, который в циркулярном письме по этому поводу писал: «Наступило время, когда церковь должна решительно выступить на борьбу с движением, угрожающим уничтожить остатки христианской веры в Англии». Необходимое разрешение от папы было получено, и «Академия» была основана. Не

отстали от католиков и протестанты. Ими был создан «Институт Виктории». Каков был подход этого института к идеям Дарвина, можно судить по заявлению вице-президента его, что «дарвинизм старается развенчать бога».

Еще яростнее были атаки теологов во Франции. Доводы французских прелатов, однако, мало чем отличались от английских. И здесь на первом месте стоят многоречивые утверждения, что всякая другая теория, кроме теории постоянства видов, абсолютно противоречит священному писанию. Далее следуют истерические заявления, в роде следующего: «Эти бесчестные учения находят себе единственную поддержку в наиболее отвратительных страстях. Их отец — гордость, их мать — непристойность, их отпрыски — революции. Из ада они приходят и в ад возвращаются, захватив с собой всех тех, кто не стыдится быть их провозвестниками».

Не менее злобны отзывы теологов в Германии. Протестанты и католики конкурируют между собой в суровости приговоров. Теория Дарвина «представляет собою карикатуру на творение»; она «выставляет творца за двери»; «она находится в абсолютном противоречии с каждой мыслью священного писания, от первой до последней страницы»; «если Дарвин прав в своем утверждении, что человек произошел от животного, тогда учение библии о происхождении человека надо считать совершенно опровергнутым» — таковы отзывы немецких теологов о теории Дарвина. Наиболее воинственные из них призывали к крестовому походу против этой вредной идеи, а Лютгардт, профессор теологии в Лейпциге, заявлял: «Идея творения принадлежит религии, и естествознанию здесь делать нечего».

В 1863 г. теологов постиг удар, который внес большое смятение в их ряды. В этом году Ляйелль, один из наиболее выдающихся геологов, бывший противником Ламарка, опубликовал свою книгу «Древность человека», в которой он объявлял себя сторонником основных идей Дарвина. Эта книга нанесла сокрушительный удар теологической теории в двух направлениях: во-первых, она доказала полнейшую фантастичность библейской хронологии и, во-вторых, окончательно дискредитировала библейскую теорию сотворения мира.

В то же время появился труд Гексли «Положение человека в природе», в котором знаменитый последователь Дарвина приводит новые и в высшей степени убедительные доводы в пользу теории эволюции путем естественного отбора.

В 1871 г. Дарвин выпустил в свет свое «Происхождение человека». Хотя идеи, развиваемые в этой книге, не представляли уже ничего неожиданного, так как они служили лишь дальнейшим развитием высказанных Дарвином в прежних его трудах положений, все же книга произвела фурор. Армия теологов вновь выступила в поход. Мы не станем приводить их доводы, которые буквально повторяли прежние. Отметим лишь выступление французского физика, ярого католика Константина Джемса. Последний выпустил в 1877 г. в Париже книгу «О дарвинизме или о человеке-обезьяне», в которой он не только пытается опровергнуть идеи Дарвина «научными» доводами, но и взы-

вает к другим чувствам читателя, называя книгу Дарвина «сказкой» и считая ее «шуткой», в роде «Похвалы глупости» Эразма или «Персидских писем» Монтескье. Книга, конечно, весьма понравилась церковникам. Архиепископ парижский объявил ее своей настольной книгой и предложил автору послать экземпляр «самому» папе. Последний пришел в восторг от книги и послал благодарственное письмо автору, в котором пишет: «Система, которая противоречит одновременно истории, традициям всех народов, точной науке, наблюдаемым фактам и даже самому разуму, казалось бы, не должна нуждаться в опровержении, но отвращение от бога и стремление к материализму, вызванные развращенностью, жадно ищут себе опоры во всех этих фантастических выдумках... И действительно, гордость, отвергнув творца вселенной и провозгласив человека независимым, объявив, что человек сам себе король, сам себе священник, сам себе бог, — эта гордость в то же время низводит человека до уровня неразумных животных, быть-может, даже безжизненной материи, доказывая таким образом правильность божественного изречения: когда приходит гордость, с ней приходит и позор. Но испорченность нашей эпохи, махинации развращенных людей, опасность простоты требуют того, чтобы такие басни, как бы они ни были абсурдны, были опровергнуты, тем более, чем они надевают на себя маску науки». Вот почему папа так горячо благодарит Джемса за его книгу и посылает ему свое апостольское благословение, за которым вскоре последовало награждение папским орденом. Все эти отличия дали право парижскому архиепископу предложить Джемсу во втором издании своей книги «настаивать несколько больше на связи между рассказами «Книги бытия» и открытиями современной науки так, чтобы убедить наиболее неверующих в их полном совпадении».

Характерно, что физик пошел навстречу этому желанию, и новое издание, вышедшее в 1882 г., носило уже название: «Моисей и Дарвин: библейский человек и человек-обезьяна, или религиозное воспитание в противоположность атеистическому». После появления этой книги архиепископ заявил: «Наконец-то мы имеем руководство, которое можно спокойно дать в руки юношей».

Не менее яростный характер носили нападки на Дарвина в Англии. В речи, произнесенной в Ливерпуле, Гладстон заявил: «Согласно так называемой эволюции бог не принимал участия в творении, и в виду господства неизменных законов природы он освобожден от управления миром». В проповеди, произнесенной перед слушателями Оксфордского университета, Бергон, настоятель чичестерской церкви, патетически предупреждает студентов: «Кто отказывается принять историю создания наших прародителей согласно библейскому изложению, заменяя ее модной выдумкой об эволюции, тот сводит к нулю всю схему человеческого спасения». Наконец, в целой серии статей в наиболее распространенных газетах и журналах теория Дарвина была охарактеризована как доктрина, «решительно противоречащая основному учению о сотворении мира», как «крайне необоснованная гипотеза», полная «неверных предпосылок, поверхностных исследований и запутанных рас-

суждений», а сам Дарвин назывался «поверхностным и необразованным человеком».

Однако следует отметить, что выступления теологов, вызванные появлением «Происхождения человека», в одном замечательном отношении отличались от кампании, связанной с напечатанием «Происхождения видов». В ход было пущено решительно все для дискредитирования Дарвина как человека и ученого, для возбуждения к нему презрения, для выставления его «преследователем христианства», а его последователей — шайкой шарлатанов и обманщиков, но одного аргумента стали старательно избегать в наиболее влиятельных кругах теологов, по крайней мере в Англии, а именно, что эволюция — даже путем естественного отбора — противоречит священному писанию. Теологи почувствовали, что это — опасный аргумент. Проводилась аналогия с положением католической церкви, после того как получили всеобщее признание взгляды Коперника и Галилея. В Германии к этой мысли пришли значительно позже. Здесь все еще теология в лице Делича пыталась заставить науку признать первородный грех значительным фактором творения. Но большинство теологов и в Германии и в Голландии все же основные свои возражения против теории Дарвина сводили к указаниям, что последняя ведет к неверию, что Дарвин заслуживает презрения и т. д. и т. д.

Не отставала от Европы и Америка. В качестве курьеза отметим здесь выступление президента Иельского колледжа Портера. Не решаясь приводить в качестве возражения противоречие между теорией Дарвина и библией, Портер ограничивается указанием, что эволюционная теория приводит к агностицизму и пантеизму, и на этом основании предлагает отвергнуть ее. Любопытно, что в нескольких шагах от той самой аудитории, в которой Портер высказался против теории Дарвина, помещался палеонтологический музей, в котором проф. Марш собрал целый ряд экспонатов, наглядно показывавших эволюцию лошади от самой ранней ее формы, когда она была «не больше лисицы и пятипалая», до современного ее вида; эту коллекцию Гексли, как известно, считал абсолютным доказательством действия естественного отбора в качестве фактора эволюции. Для каждого ясно, какую силу могли иметь аргументы Портера по сравнению с этой палеонтологической коллекцией!

Несравненно более яростный характер носили нападения на дарвинизм другого теолога, священника Ходжа. Он объявил теорию Дарвина насквозь атеистичной; настаивал на обязанности христиан «протестовать против противопоставления кучи вероятностей ясной очевидности священного писания»; объявил, что «теория Дарвина абсолютно несовместима с библией», что «отсутствующий и ничего не делающий бог для нас — не бог», что «игнорировать намерение бога, выраженное в акте творения, значит развенчивать бога», что «отрицание целесообразности в природе равносильно отрицанию бога» и что «ни один теолог не может быть дарвинистом». Другие шли еще дальше. Они выступили не только против Дарвина, но и против тех, кто пытался примирить новую теорию с библией, настаивая, что «эволю-

ционизм и библейская доктрина абсолютно непримиримы». А некоторые выступили даже с угрозами.

«Если развитие теории происхождения человека, — пишет один такой теолог, — получит через некоторое время распространение на ряду с другими презренными научными воззрениями, то тех, кто примет их со всеми вытекающими из них последствиями, ожидает в будущей жизни то же самое, что ждет в земной жизни всех тех, кто отказался от бога и не повинуется его заветам».

Вскоре, однако, для теологов стало очевидным, что такого рода выступления не только не приносят никакой пользы проповедуемым ими взглядам, но, наоборот, очень вредны. Тогда они переменили фронт. Прекратив совершенно разговоры о том, что если теория Дарвина правильна, то ложным является учение библии, они провозгласили себя сторонниками эволюционной идеи и все свои усилия направили на доказательство того, что эта идея не противоречит священному писанию. Отсюда они делали вывод, что можно быть дарвинистом, оставаясь в то же время христианином. Дело дошло до того, что в Оксфордском университете была провозглашена мысль, что эволюционная доктрина является «шагом вперед в теологическом мышлении».

Не преминула заявить о своем примирении с теорией эволюции и католическая церковь. Представители ее стали выступать с указаниями, что исповедание католической веры не может служить препятствием для признания теории Дарвина, а один американский католик, пользовавшийся большим авторитетом среди своих единоверцев, выступил с заявлением, в котором между прочим говорится: «Теория эволюции не стоит более в противоречии с учением католической церкви, как не противоречат ему воззрения Коперника или Галилея».

Вот почему Дарвин после своей смерти был похоронен рядом с Исааком Ньютоном в Вестминстерском аббатстве со всеми подобающими христианскими почестями. Таким образом, формальная оппозиция теологов учению Дарвина прекратилась, хотя отдельные выступления время от времени повторялись. Среди позднейших врагов дарвинизма в Англии следует отметить Томаса Карлейля, с невероятным озлоблением выступавшего против Дарвина, которого он называл «апостолом грязной религии».

Но все эти попытки опровергнуть теорию эволюции оказались безуспешными. Учение Дарвина получило признание не только со стороны ученых, но и со стороны церковных организаций, пытавшихся даже привлечь дарвинизм для упрочения религиозной веры. В этом духе выступил с речами в 1892 г. Вильсон, архиепископ манчестерский, и эти речи были напечатаны тем самым обществом для продвижения христианской науки, которое за несколько лет раньше делало самые яростные выпады против Дарвина.

ГЛАВА II.

ГЕОГРАФИЯ

1. ФОРМА ЗЕМЛИ

Среди различных диких племен мы находим пережитки первобытной идеи о том, что земля представляет собой плоскую поверхность или диск, над которым в виде потолка, купола или балдахина простирается небо, покоящееся на горах, как на столбах. Такое представление является вполне естественным, ибо оно совпадает с видимостью вещей и уже с самых ранних времен вошло в состав различных теологических учений.

В цивилизациях Халдеи и Египта оно было развито весьма полно. Ассирийские памятники, расшифрованные в последние годы, изображают бога Мардука, создающего в начале времен небеса и землю; земля покоится на водах, внутри земли царство мертвых, над землей простирается «небосвод» — прочный купол, спускающийся со всех сторон к горизонту и покоящийся на основаниях, лежащих в «больших водах», которые текут вокруг земли.

На восточной и западной сторонах этого куполообразного небосвода расположены двери, через которые солнце утром входит и вечером выходит. Над небосводом находится другой океан, соединяющийся со всех сторон у горизонта с окружающими землю водами. Этот океан поддерживается небесным сводом, отделяющим его от земли. Над небесным сводом и верхним океаном расположено небо.

Египтяне рассматривали землю как плоский и продолговатый стол, при чем небо является потолком над ним, представляющим собой «большой небосвод» из металла. У четырех углов земли расположены столбы, поддерживающие небосвод, а на этом твердом небе лежат «воды над небесами». Они верили, что когда хаос стал принимать определенные формы, один из богов при помощи простой физической силы поднял воды ввысь и распростер их над небосводом; на нижней стороне этого твердого свода или потолка были подвешены звезды для освещения земли через окна. Это представление и другие с ним связанные были восприняты египетскими жрецами и вошли в их религиозное учение и священные книги; об этом до сих пор свидетельствуют потолки больших храмов с нарисованными на них звездами, созвездиями, планетами и знаками зодиака.

В Персии мы имеем географические теории, основанные на подобных же воззрениях и запечатленные в священных текстах. Из этих и, несомненно, еще более ранних источников воззрения эти перешли к евреям, в священных книгах которых мы встречаем многочисленные упоминания о «положении земли на водах», о «столбах, на которых покоится небо», о «водах над небосводом», о «небесных дверях», «небесных окнах» и т. д.; все это свидетельствует об источнике их происхождения.

Но по мере развития цивилизации стали появляться, особенно у греков, идеи о шарообразности земли. Особенное значение придавали этим идеям пифагорейцы, Платон и Аристотель. Эти идеи носили чрезвычайно неопределенный характер, были перемешаны с нелепостями, но они не потеряли своей жизнеспособности даже в эпоху огромного усиления теологии в первые века христанства, когда некоторые мыслители снова и снова возвращались к мысли о шарообразности земли.

Некоторые «отцы церкви», находившиеся, возможно, под влиянием традиций пифагорейцев, но вероятнее всего Аристотеля и Платона, склонны были принять эту точку зрения, но большинство теологов сразу заняло отрицательную позицию по отношению к ней. Эта точка зрения казались им рискованной. Одним из первых, поднявших оружие против этих взглядов, был Евсевий. Он вообще считал бессмысленным заниматься этими вопросами, когда, по его мнению, основанному на текстах из «Нового завета», надо было ожидать скорого светопреставления. Лактанций, Ефрем Сирин и многие другие также считали, что утверждение о шарообразной форме земли противоречит священному писанию.

Начиная со второго и до шестого века христианской эры «отцы церкви» (Феофил Антиохийский во II в., Климент Александрийский в III и др.) создали на основании библейских данных новую христианскую теорию, которую различные церкви приукрашивали каждая по-своему. Согласно этой теории, земля при сотворении мира представляла собой арку с твердым сводом («небосвод»), над этой аркой простирались небеса, «подобно занавесу» или «подобно палатке для жилья». Таким образом вселенная уподоблялась дому: земля — это пол, небосвод — потолок, на котором творцом подвешены солнце для урегулирования дневного света и луна и звезды — для ночного. Потолок в свою очередь является полом для верхнего помещения, в котором находится цистерна, имеющая, по выражению одного из церковных авторитетов, форму «ванного резервуара» и содержащая «воды, расположенные над небосводом». Эти воды спускаются вниз на землю богом, или его ангелами через «небесные окна».При этом на основании различных мест из книги «Бытия» и метафизических рассуждений доказывалось, что земля не может быть шаром.

В VI в. эта теория окончательно выработалась в полную и подробную систему мирозданья, автором которой явился египетский монах Косьма Индикоплов. Египет вообще служил источником для теологической мысли самых различных древних религий и Косьма, повидимому, наложил свой отпечаток на учение о мирозданьи ранней церкви, подобно

тому как другой египетский священник Афанасий внес в христианскую церковь египетскую идею о триедином божестве, управляющем вселенной. Согласно теории Косьмы, земля представляет собой плоский параллелограм, окруженный четырьмя морями. Чтобы проехать этот параллелограм по длине требуется 400 дней, а по ширине — 200.

По наружным краям этих четырех морей подымаются массивные стены, поддерживающие свод или арку небес, края которых прочно соединены со стенами. Последние заключают в себе землю и все небесные тела. Таким образом, вселенная имеет форму продолговатого ящика, который разделен на два отдела, расположенные один над другим. В первом живут люди и движутся звезды, он простирается вплоть до твердого небосвода, над которым живут ангелы, главное занятие которых состоит в управлении движением солнца и планет. Далее, на основании различных текстов из книги «Бытия» и псалмов он устанавливает, что над небосводом помещается цистерна, содержащая «воды». Наконец, основываясь на выражении книги «Бытия» о «небесных окнах», он дополняет свою теорию указанием, касающимся регулирования дождя, также возложенного на ангелов, которые не только должны приводить в движение небесные тела для освещения земли, но и открывать и запирать небесные окна для ниспослания дождя на землю.

Чтобы получить представление о поверхности земли, Косьма, следуя методам и толкованию, установленным Оригеном и другими «отцами церкви», изучает стол еврейской скинии. На этом основании он приходит к заключению, что земля плоская и что длина ее вдвое больше ширины, ее четыре угла являются символами четырех времен года, двенадцать хлебов предложения представляют двенадцать месяцев, пустое пространство вокруг стола доказывает, что океан окружает землю. Чтобы объяснить движение солнца, Косьма высказывает предположение, что на севере земли стоит большая гора, за которую солнце убирается на ночь; однако здесь некоторые комментаторы осмеливаются выразить сомнение: по их мнению, солнце на ночь опускается в глубокий колодец, откуда утром его вытаскивают.

От этого старого взгляда на вселенную как на здание, в котором небо является верхним этажом, а земля нижним, некоторые представления перешли в языческие, еврейские и христианские мифологии. Общими для всех этих мифологий являются легенды, касающиеся попытки смертных вторгнуться из нижних покоев в верхние. Сюда относится греческий миф о гигантах, пытавшихся достичь неба, нагромождая горы одна на другую, и сброшенных вниз; халдейские и еврейские рассказы о Вавилонской башне, постройку которой бог прекратил посредством «смешения языков»; индийская легенда о дереве, которое пыталось вырасти до небес и которое побил Брама; мексиканская легенда о гигантах, старавшихся добраться до неба при помощи построенной ими пирамиды и сброшенных сверху вниз огнем.

Мифы, основанные на этой географической идее, широко распространились в течение тысячелетий. Восхождения на небо и спуски оттуда, «вознесения», поднятие туда смертных, ангелы, летающие между небом и землей, сбрасываемые с неба громовые стрелы, исходящие из

углов неба могучие ветры, голоса, раздающиеся с неба и обращенные к земным людям, разверзающиеся небеса, знамения и чудеса, ниспосланные с неба для предупреждения злых, всевозможные сошествия с небес от языческих богов, спускающихся на землю по всякого рода поручениям, и иеговы, приходящего в рай, чтобы погулять в тени, до св. Марка, спускающегося на рыночную площадь в Венеции, чтобы сбить оковы с раба, — все это разные проявления одной и той же указанной выше географической мысли.

Но на этом дело не закончилось. Наверху находилось небо, а внизу ад, и раз имели место поднятия на небо, то должны были быть также спуски в ад. Ад находился столь близко, что сношения между обитателями его и жителями земли должны были быть частыми, и действительно рассказы о таких сношениях занимают значительное место в средневековой литературе. Такой взгляд на близость ада нередко служил большой помехой для географических исследований. Многие отважные мореплаватели, готовые смело итти навстречу пиратам и бурям, дрожали при одной только мысли о возможности упасть со своим кораблем в один из входов в ад, которые были расположены, по широко распространенному верованию, в Атлантическом океане на каком-то неизвестном расстоянии от Европы. Этот страх перед адом, царивший среди матросов, был одним из главных препятствий в великом путешествии Колумба. В одном средневековом учебнике, в котором изложение носит форму диалога, имеется такой вопрос и ответ: «Почему солнце так красно вечером?». «Потому что оно обращено к аду».

Несмотря на все это, старая мысль о шарообразности земли не заглохла окончательно. Хотя огромное большинство ранних «отцов церкви», в особенности Лактанций, стремились заглушить ее, все же мысль Аристотеля не была забыта. Климент Александрийский и Ориген даже поддерживали ее. Амвросий и Августин относились к ней терпимо. На протяжении всего периода от начала христианства до нового времени отдельные теологи, как, например, Исидор из Севильи, (в Испании), Беде (в Англии), Фома Аквинский, признавали идею о шарообразности земли. Реформация сначала стояла на ортодоксальной точке зрения. Лютер, Меланхтон и Кальвин были ярыми приверженцами буквы писания. Даже Цвингли, обладавший более широкими взглядами, придерживался того мнения, что земля отделена от неба небосводом, над которым находятся воды и живут ангелы.

Еще хуже обстояло дело в первый период после реформации. Для последователей Лютера и Кальвина их толкования библии стали столь же непреложными, как и само священное писание. Когда Каликст осмелился высказать некоторое сомнение по вопросу о водах, находящихся над небесами и заключенных в большом бассейне, поддерживаемом твердой аркой, он был провозглашен злым еретиком.

Но новые научные открытия пробивали в теологической доктрине одну брешь за другой, и приверженцы реформаторского исповедания вынуждены были заняться приспособлением библейских теорий к новым идеям.

2. ПРОТЯЖЕНИЕ ЗЕМЛИ.

Все большие народы древности обычно считали свой главный город или наиболее священное место центром земли.

Халдеи считали, что их «священный храм богов» является этим центром. Египтяне изображали землю в виде человеческой фигуры, у которой сердцем был Египет, с центром в Фивах. Для ассирийцев центром были Вавилон, для индусов—гора Меру, для греков, поскольку речь идет о периоде цивилизации, таким центром был Олимп или храм в Дельфах, для современных магометан это—Мекка с ее священным камнем; китайцы до сих пор говорят о своей стране, как о «срединном королевстве». Поэтому совершенно естественным было, что для евреев центром мира был Иерусалим.

«Книга Иезекииля» говорит о Иерусалиме как о центре, вокруг которого расположены все другие части земли. Церковь признала это положение непреложным, и папа Урбан, призывая франков к крестовому походу, заявлял, что «Иерусалим является центром земли», а в XIII в. один монах писал: «Как сердце расположено в средине тела, так Иерусалим стоит в центре нашей земли». Того же взгляда придерживался и Данте. В одной книге путешествий, сильно распространенной в средние века, сказано, что Иерусалим лежит в центре мира и что копье, воткнутое в гробницу христа, не дает тени в равноденствие. Таким образом, утверждение Иезекииля стало ортодоксальной основой для первых картографов. Мировая карта собора в Херфорде, карты Андреа Бианко, Марсано Сануто и множество других укрепили этот взгляд в умах людей и, без сомнения, служили помехой в течение многих поколений для научных исследований, стремившихся разрушить эту библейскую установку.

Но на этом средневековые мыслители не остановились. В согласии с господствующим воззрением, что истины физики надо искать в теологических рассуждениях, указанная теория о Иерусалиме, как о центре земли, была дополнена новым положением, а именно, что крест на Голгофе расположен на том самом месте, на котором стояло в раю древо познания с запрещенными плодами. Эта новая истина была радостно воспринята многочисленными пилигримами, и еще в 1664 г. выдающийся французский священник Роже в своей книге о путешествиях в Палестину пишет, ссылаясь на тексты из Иезекииля и Исаии, что настоящий центр земли отмечен на полу церкви гроба господня, и что на этом самом месте стояло древо познания с запрещенными плодами и крест христа.

Кроме этого, основного пункта о центре земли, еще два вопроса чрезвычайно занимали средневековых картографов. Во-первых, вопрос о Гоге и Магоге. Ужас, который внушали христианам эти вражеские имена, был так велик, что средневековые картографы прилагали все усилия, чтобы отметить на картах местопребывание этих чудовищ. В течение многих столетий ни одна карта не считалась приемлемой с церковной точки зрения, если на ней не было этих указаний.

Вторым вопросом, занимавшим умы картографов, был вопрос о «четырех ветрах», о которых упоминается в священных книгах. Этого

упоминания было достаточно, чтобы церковь уверовала в их действительное существование, и картографы считали своим долгом отмечать их на картах обычно в виде колоссальных голов с раздутыми щеками, усиленно дующими в сторону Иерусалима.

Но и после того как эти воззрения исчезли и уступили место более научным взглядам, мы все же то тут, то там наталкиваемся на продолжающиеся попытки примирить новые идеи с библейскими сказаниями. Так, на одной известной карте XVI в. мы находим изображение земли в виде шара, на каждом полюсе которого находится вал, при помощи которого, ангел старательно вращает землю; на другой карте рука всевышнего, протянутая сквозь облака, держит землю подвешенной на канате и вращает ее при помощи своих пальцев. Еще в средине XVII столетия Хейлин, один из авторитетнейших географов своего времени, обнаруживает такую же тенденцию смешать науку с теологией.

Приведем один пример из его писаний. «Вода, образуя с сушей один шар, все же стоит на более высоком уровне. Это доказывается, во-первых, тем, что вода легче суши, во-вторых, наблюдениями моряков, что судно движется по направлению к берегу быстрее, чем от берега; что можно объяснить только более высоким уровнем воды; в-третьих, человеку, стоящему на берегу, море кажется собранным на горизонте в виде круглого холма. То обстоятельство, что при таком положении воды не заливают суши, может быть приписано только действию провидения, которое «удерживает воду в своих берегах и не дает ей затоплять землю».

3. ОБИТАТЕЛИ ЗЕМЛИ.

Еще в то время, когда вопрос о шарообразности земли оставался нерешенным, перед теологами встала другая проблема, которая в конце-концов приобрела для них гораздо более важнее значение, чем вопрос о форме земли. Взгляд на землю как на шар вызвал к жизни новую мысль, а именно мысль об обитателях земли на противоложных сторонах ее. Появилась идея об антиподах, о людях, живущих на противоположных сторонах земли.

У греков и римлян мы встречаем как сторонников, так и противников этой идеи. К первым принадлежали Цицерон и Плиний, ко вторым — Эпикур, Лукреций и Плутарх. Таким образом, проблема эта перешла в христианство неразрешенной.

В первые века христианства, теологи пытались подходить к этому вопросу с точки зрения здравого смысла. Так, Лактанций спрашивает: «Может ли найтись такой глупец, который допускает, что существуют люди, у которых ноги выше головы?.. Что злаки и деревья растут вниз?.. Что дождь, снег и град падают вверх, а не на землю?»

Однако этот подход вскоре сменился в церкви другим. К разрешению вопроса было привлечено священное писание, и обсуждение его приняло чисто теологический характер. Церковь решила его в отрицательном смысле, и мысль о существовании людей на проти-

воположной стороне земли была признана еретической. Одни «отцы церкви» считали ее опасной, другие — заслуживающей полного осуждения. Василий и Амвросий считали еще возможным спасение для человека, допускающего существование людей на противоложных сторонах земли, но огромное большинство церковников считало таких неверующих обреченными на вечную гибель.

Особенно горячо отстаивал ортодоксальную точку зрения Августин. Если он повидимому склонен был итти на некоторые уступки в вопросе о шарообразности земли, то идею о существовании людей на противоположной стороне земли он отрицал самым решительным образом, указывая, что «библия ничего не говорит о таких потомках Адама». Он настаивал, что всемогущий творец не мог допустить существования там людей, так как они не могли бы видеть второго пришествия христа через воздух. Но самый главный его довод заключался в ссылке на девятнадцатый псалом и одно место из послания к римлянам, где говорится, что слова проповедников слова божия проникли до «конца мира». А так как эти проповедники к антиподам не проникли, то следовательно не могло существовать никаких антиподов; сторонники же противоположной точки зрения «вступают в противоречие с царем Давидом и апостолом Павлом, а потому и со святым духом». Более чем тысячу лет спустя мы находим у одного из епископов тот же вывод: раз не было проповеди евангелия на противоположной стороне земли, то следовательно никаких человеческих существ там и не могло быть.

Авторитет Августина и считавшиеся неоспоримыми его библейские доводы привели к тому, что от IV по XV в. идея о невозможности существования людей на противоположной стороне земли, даже если допустить, что земля шарообразна, сделалась единственной приемлемой для церкви теорией, которую с одинаковой силой отстаивали как сторонники аллегорического толкования библии александрийской школы, так и последователи буквального понимания священного писания сирийской школы, равно как и западные эклектики.

Однако сторонники существования антиподов все же не исчезли окончательно. Об этом свидетельствует тот факт, что в VI в. Прокопий из Газы считает необходимым выступить против этой идеи со следующим убийственным аргументом: если бы люди существовали на другой стороне земли, то христос должен был бы пойти туда и пострадать вторично для спасения, а для его появления там необходимым предварительным условием было бы существование второго рая, Адама, змея и потопа. Точно так же выступил против этого взгляда Исидор Севильский, осмелившийся, как мы уже знаем, открыто признать шарообразность земли. Под влиянием псалмопевца, апостола Павла и Августина он объявляет весь этот вопрос незаконным, утверждая, что люди не могли существовать на противоположной стороне земли.

В течение последующих двух веков вопрос этот больше никем не затрагивался. Но в VIII в. идея о шарообразности земли приоб-

рела много сторонников, и на сцену снова выступил вопрос об антиподах. Зальцбургский епископ Виргилий выступил открыто в защиту ее.

Это выступление встретило резкий отпор со стороны тогдашнего архиепископа Германии Бонифация, который и обратился за помощью к папе Захарию. Последний в качестве неослабного блюстителя чистоты христианства дал строгий ответ. Ссылаясь на ряд текстов из библии, он объявил учение об антиподах «извращенным» и угрожал Виргилию лишением его сана. Конечно авторитет «непогрешимого» папы, сопровождаемый угрозами, привел к тому, что идея о невозможности существования людей на обратной стороне земли еще крепче засела в умах теологов, и в течение ближайших столетий никто почти не осмелился выступать с противоположной точкой зрения.

В Италии дело обстояло еще хуже. Когда в 1316 г. знаменитый физик Петер Албано выступил с антитеологическим взглядом на этот вопрос, то только смерть спасла его от рук инквизиции, а в 1327 г. знаменитый астроном Чекко д'Асколи за такой взгляд и за другие проповедывавшиеся им научные истины был лишен профессорства в Болоньи и сожжен на костре во Флоренции по обвинению в колдовстве.

Так обстояло дело вплоть до времен Колумба. Борьба последнего с духовенством общеизвестна. Хорошо известно, как теологи одержали над ним верх в Португалии, как множество испанских «мудрецов» засыпало его цитатами из псалмов, апостола Павла и Августина, как даже после его торжества (когда после его путешествия укрепилась теория шарообразности земли, с которой неразрывно связана теория антиподов) церковь все же не пошла на уступки и продолжала настаивать на своей точке зрения.

Одиннадцать веков прошло с тех пор, как Августин доказывал противоречие теории антиподов данными библии, и все же Григорий Рейш в своей знаменитой энциклопедии Margarita Philosophica продолжая повторять буквально те же доводы.

Но в 1519 г. наука одерживает большую победу. Магеллан совершает свое знаменитое путешествие. Он доказывает, что земля шарообразна, так как его экспедиция объехала ее; он доказывает, что антиподы существуют, так как его спутники видели их живыми. Однако и это не кладет конца войне. Еще в течение двухсот лет теологи упорно защищают старые взгляды. Только после того как французские астрономы совершают свои измерения градусов в экваториальных и полярных областях, и многочисленные добросовестные исследователи, в том числе и набожные миссионеры, устанавливают существование антиподов,—только тогда теология уступает, и двенадцативековой борьбе наступает конец.

Усилия Евсевия и Лактанция умертвить научную мысль; усилия Августина оспорить ее; усилия Косьмы сокрушить ее при помощи догматизма; усилия Бонифация и Захария искоренить ее огнем костров,— таковы вехи этой борьбы.

4. ВЕЛИЧИНА ЗЕМЛИ.

Уже в самые ранние времена человеческий ум задумывался еще над одним вопросом — о величине земли. Многие древние исследователи различными методами доходили до измерений, более или менее близких к истине; в средние века эти методы были восприняты учеными и преданными науке людьми, из которых многие заплатили за это своей жизнью, пав жертвой обвинений в колдовстве.

Теология и в этом вопросе построила свою теорию на библийских текстах. Основываясь на одном месте из «Книги Ездры», где говорится, что на третий день творения бог приказал водам собраться в седьмую часть земли, церковники утверждали, что воды занимают одну седьмую часть поверхности земли. Отсюда они сделали вывод, что океан между Европой и восточным берегом Азии должен быть невелик. Кардинал Пьер д'Айи, много занимавшийся этим вопросом, утверждал в своей книге «Imago mundi» («Образ земли»), что земной шар меньше, чем предполагается, «что поэтому открытая Марко Поло земля «Зипанго» на крайнем восточном берегу Азии лежит значительно ближе к Европе, чем можно было бы думать». Одно из изданий этой книги, вышедшее в свет в то самое время, когда Колумб обдумывал свое путешествие на запад, попало в руки последнему. Эта книга (в библиотеке Севильи до сих пор сохранился экземпляр этой книги с собственноручными примечаниями Колумба) ускорила решение Колумба предпринять задуманное им путешествие, так как утвердила его в мысли, что переход по океану из Европы в открытую Марко Поло землю Зипанго должен быть коротким. Можно отметить, что в громадной истории борьбы между наукой и религией — это единственный случай, когда ложная теологическая теория способствовала хоть косвенно научному открытию.

5. ХАРАКТЕР ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ.

В борьбе за установление географических истин следует отметить один эпизод, касающийся больше протестантской церкви, но одинаково характерный для всей теологии и свидетельствующий о том, какой отпор встречала наука, как только положение ее противоречило тексту библии. А так как ни одна научная истина никогда не совпадала и не могла совпадать с даннымы священного писания, то излагаемый нами эпизод становится характерным для всей борьбы науки с теологией.

В 1553 г. Михаил Сервет предстал перед судом в Женеве по обвинению в арианской ереси. Сервет имеет много заслут перед наукой. Одной из них является издание «Географии» Птоломея, в которой об Иудее говорится не как о стране, «текущей млеком и медом», а в полном соответствии с истиной — как о стране «бедной, худой, голой и негостеприимной». Это простое утверждение географического факта послужило могучим орудием для его ярого врага Иоганна Кальвина. Напрасно Сервет указывал, что инкриминируемые ему слова он просто заимствовал из предыдущего издания Птолемея; напрасно обращал он внимание судей, что это утверждение предста-

вляет собой географическую истину, для которой существует множество доказательств; все эти доводы парировались одним ответом, что эти слова «необходимо вызывают сомнение в словах Моисея и тяжко оскорбляют святой дух».

Подводя итоги отношения церкви к вопросам географии, мы здесь, как и везде, должны констатировать, что догмы, развиваемые в строгом соответствии со священным писанием, и учения, проповедывавшиеся церковью с самого начала ее существования вплоть до наших времен, всегда были резко враждебны истине и во все века устремляли все свои усилия на борьбу с последней.

ГЛАВА III.

АСТРОНОМИЯ.

Следующие бои между наукой и религией имели место на почве отношений видимого неба к земле.

В связи с доктриной о близком светопреставлении и о создании новых небес и новой земли, столь ярко выраженной в «Новом завете»,— астрономия подобно другим отраслям знания вообще считалась ненужной. Зачем изучать старые небеса и старую землю, когда они должны быть скоро заменены чем-то значительно лучшим?

Что касается небесных тел, то в лучшем случае теологи смотрели на них как на предметы благочестивых размышлений. По вопросу о природе этих тел мнения «отцов церкви» разделились. Ориген и его сторонники считали их живыми существами, обладающими душами, при чем мнение это основывалось главным образом на библейском образе утренних звезд, поющих хором. Другие «отцы» считали звезды местом пребывания ангелов, при чем движения звезд, по их мнению, производятся ангелами. Гностики считали звезды духовными существами, управляемыми ангелами и являющимися не причинами земных событий, а знамениями их.

Что касается небес вообще, то господствующее мнение церкви основывалось на библейских указаниях, что над землей простиралась твердая арка—небосвод—и что небесные тела были просто светилами, подвешенными внутри небосвода. Некоторое время церковь твердо держалась этого взгляда. Св. Филастрий в своем знаменитом трактате о ересях объявил ересью отрицание того, что звезды были взяты богом из своей сокровищницы и подвешивались на небе каждый вечер. Этот взгляд сохранился и в учении Косьмы в VI в. Установив на основании различных текстов из «Старого завета» и «Нового завета», что земля представляет собой большой продолговатый ящик, покрытый твердым «небосводом», он на основании других текстов из священного писания создал теорию, объясняющую движение солнца и планет, а также открывание и закрывание «небесных окон» действиями ангелов, назначенных для этой цели.

Однако, постепенно вырабатывалась другая доктрина, носившая ярко выраженный геоцентрический характер и заключавшаяся в том, что земля представляет центр вселенной, а солнце и планеты вращаются вокруг нее. В окончательно разработанной форме эта доктрина

получившая название «птолемеевой теории», оказалась вполне пригодной для объяснения видимых движений небесных тел. После того как христианство заимствовало ее из античного мира и Климент Александрийский показал, что алтарь в еврейской скинии был «символом земли, помещенной в центре вселенной», церковь полностью восприняла эту теорию, объявив, что она совпадает с буквой и духом священного писания.

На этой основе развилась в средние века, главным образом из обрывков халдейской и других ранних теорий, сохранившихся в еврейских священных книгах, новая священная система астрономии, ставшая одним из краеугольных камней вселенской церкви,— последним словом откровения.

Трое человек принимали главное участие в возведении этого здания.

Первым был неизвестный автор трудов, приписываемых Дионисию Ареопагиту. Их считали произведениями одного из афинских учеников апостола Павла, а потому написанными по духу самого Павла. В настоящее время вполне установлен подложный характер их, но в то время они считались весьма ценными. В IX в. они были широко распространены в Западной Европе и сыграли большую роль в классификации и наименовании небесной рати, в согласии с указаниями, рассеянными в священном писании.

Вторым из этих теологов был Петр Ломбардский, профессор Парижского университета. Около середины XII в. он выпустил собрание своих «Мыслей», которое стало всеобщим руководством теологии и сохранило это свое значение до самого конца средних веков. В нем особенно развита теологическая точка зрения на отношение человека ко вселенной. «Подобно тому,— говорит он,— как человек сотворен ради бога, для того, чтобы служить ему, так и вселенная сотворена ради человека, чтобы служить ему; поэтому человек помещен в центре вселенной, чтобы он мог сам служить и чтобы ему могли служить».

Третьим творцом теологической системы мироздания был Фома Аквинский, этот знаменитейший теолог, гордость и слава средневековой церкви, «величайший ум от Аристотеля до Ньютона». Во второй половине XIII в. он выпустил свою энциклопедию теологии «Summa thelogiae», в которой священная теория вселенной находит свое полное завершение.

Эта обширная система, развитая тремя указанными теологами, была запечатлена в умах верующих в художественном произведении Данте, который изобразил весь мировой порядок в поэтических картинах, доступных для всех. В его образах люди увидели все, о чем говорило ему священное писание: и горнее небо, концентрические небеса, рай, чистилище, ад; и триединого бога, сидящего на троне над небесами, подобно тому как папа сидит в кресле св. Петра; и серафимов и херувимов, окружающих всемогущего бога, как кардиналы окружают папу; и три великих ордена ангелов, столь же реальных, как три великих духовных сана (епископы, священники, диаконы), на земле; и всю

систему семи небесных сфер, движущихся вокруг земли и подчиненных перводвижущему началу, как феодальная система Западной Европы подчинена была императору.

Рассмотрим несколько подробнее эту обширную систему — это высшее «достижение» теологии.

Уже первое знакомство с ней показывает, что она отошла от первоначальных теологических идей. Земля уже не рисуется в виде плоской равнины, заключенной между четырьмя стенами и покрытой сверху твердым сводом, как это представляли себе первые теологи под влиянием идеи Косьмы.Она уже больше не простой плоский шар с подвешенными над ним светилами — солнцем, луной и звездами; она уже шар, расположенный в центре вселенной. Со всех сторон ее окружают концентрически расположенные прозрачные сферы, вращаемые ангелами вокруг земли, из которых каждая несет с собой одно или несколько небесных тел: ближайшая к земле сфера несет луну, следующая— Меркурия, следующая—Венеру, следующая—солнце, следующие три— Марса, Юпитера и Сатурна; восьмая — неподвижные звезды; наконец, девятая—перводвижущее начало, и все эти сферы включены в десятое горное небо. Это последнее неподвижно и служит границей между вселенной и наружной пустотой; здесь в свете, ни для кого недоступном, восседает на троне триединый бог, слушающий «музыку движущихся сфер». В распоряжении бога имеется целая рать ангелов, разделенных на три группы, из которых одна служит на горнем небе, другая—в небесах, лежащих между небом и землей, и третья—на земле. Каждая из этих групп разделена на три хора или ордена серафимов, херувимов и престолы; главное занятие их—беспрестанно воспевать хвалу господу. Престольный орден передает божью волю второй группе, служащей в движущихся небесах. Эта группа также разделена на три ордена, из которых первый—власти—получает божественные приказы, второй—силы—движет небеса, солнце, луну, планеты и звезды, открывает и запирает «небесные окна» и вообще осуществляет все небесные явления; третий—державы—охраняет остальных. Третья, самая низкая на иерархической лестнице группа, также разделена на три ордена. Первый—начала—состоит из духов, хранителей наций и королевств. Второй — архангелы; они охраняют религию и возносят молитвы святых к стопам бога. Наконец, идут ангелы; они вообще заботятся о земных делах; одни из них приставлены к каждому смертному, на других возложена забота о качествах растений, металлов, камней и т. д. Через всю систему от всемогущего триединого бога до низшей группы ангелов проходит сакраментальное, связанное с мистическими силами число три, то самое число, которое легло в основу древней индусской теологии, способствовало развитию триединого божества в Египте, откуда оно перешло в христианство, главным образом при содействии египтянина Афанасия.

Под землей находится ад. Им распоряжаются ангелы, восставшие под предводительством Люцифера, князя серафимов, бывшего некогда любимцем троицы. Из этих восставших ангелов одни блуждают еще среди планетных сфер, доставляя хлопоты добрым ангелам; другие на-

полняют атмосферу вокруг земли, неся с собой молнии, бури, засуху и град; третьи несут заразу в земное общество, соблазняя людей на грех.

Однако, Петр Ломбардский и Фома Аквинский показали, что работа этих демонов в последнем счете приводит к дисциплинированию человека и получению им заслуженного наказания.

Вся эта детально разработанная система была теснейшим образом спаяна с птоломеевой теорией при помощи библейских текстов и теологических рассуждений, и полученное в результате учение было объявлено непререкаемым и законченным. Всякое возражение против него считалось богохульством.

Таким образом геоцентрическая теория вошла в плоть и кровь верующих и твердо держалась в христианстве вплоть до середины XVI в.

1. ГЕЛИОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ.

Однако, на ряду с изложенной нами теорией уже очень давно зародилась мысль о другой—гелиоцентрической системе. В VI в. до христианской эры Пифагор, а за ним Филолай высказали мысль о движении земли и планет вокруг центрального огня; триста лет спустя эта идея повторена была Аристархом. Этот факт свидетельствует, что науке противоречит не только христианство, но вообще всякая религия, ибо Аристарх был обвинен в богохульстве и высказанная им истина была похоронена на шесть веков. Только в VI в. христианской эры ее с опаской возродил Мартиан Капелла; затем она снова исчезла на тысячу лет, после чего мы встречаем ее в искаженном и несовершенном виде в писаниях кардинала Николая Кузанского.

Однако, по мере того, как развивались методы математиков и усиливались тщательные наблюдения над небесными телами, почва для научной истины укреплялась, пока, наконец, вдали от ученых центров того времени, в Польше, не появился ученый, который впервые возвестил миру истину, ныне кажущуюся столь простой, но в то время поразившую весь мир, а именно, что солнце и планеты не вращаются вокруг земли, но что земля и планеты обращаются вокруг солнца. Это был Николай Коперник.

Коперник был профессором в Риме, где он высказал свою новую мысль еще в 1500 г., но не как новое учение о системе природы, а как любопытный научный парадокс. Спустя тридцать лет один из его учеников изложил ее даже папе Клименту VII; но она все еще носила характер простой гипотезы, исчезнувшей скоро с горизонта. Но для Коперника, упорно продолжавшего работать над этим предметом, она все больше становилась реальностью, и по мере того как в нем росла уверенность в правильности этой идеи, он перестал чувствовать себя в безопасности в Риме. Говорить об этом открытии в виде гипотезы или парадокса могло казаться папскому двору не лишенным интереса, но возвестить его как научную истину это было совсем другое дело. Поэтому он решил вернуться к себе на родину — в Польшу.

Но опубликовать свою мысль в том виде, в каком она ему представлялась теперь, было опасно и здесь, и он в течение более тридцати лет на это не решался, только со своими друзьями он поделился ею.

Наконец, он решился выпустить в свет свой великий труд, названный им «О круговращении небесных тел» и посвященный самому папе. Он стал искать места для напечатания его. Послать рукопись в Рим он не осмеливался, так как там прочно сидели руководители старой церкви, готовые немедленно арестовать книгу по ее выходе в свет. Не менее опасно было послать ее в Виттенберг, где ее ожидала бы такая же участь со стороны вождей протестантизма. Поэтому он решил доверить ее Осиандеру в Нюрнберге.

Но храбрость Осиандера на этот раз изменила ему. Он снабдил книгу Коперника унизительным предисловием, в котором старался извинить Коперника за его новую идею и которое заключило в себе ложное указание, что Коперник высказывает свое новое учение о движении земли лишь как гипотезу; он заявлял, что Коперник имел право дать волю своему воображению и что это именно и есть то, что Коперник сделал.

Таким образом оковы, которые религия накладывала на научную мысль во всех областях, привели к тому, что одна из величайших научных истин должна была появиться в свет не смело и открыто, а с трусливой опаской.

24 мая 1543 г. свеже отпечатанная книга была доставлена Копернику, который в это время лежал на смертном одре. Спустя несколько часов он скончался, и это спасло его не только от тяжелых огорчений, но, быть может, и казни. Насколько велики были опасения его близких перед преследованиями церкви, можно судить по тому, что на надгробном памятнике, поставленном на могиле Коперника, они не решились упомянуть о величайшем его открытии. Это было сделано лишь спустя тридцать лет после его смерти.

Предисловие Осиандера, утверждавшее, что теория Коперника является лишь гипотезой, а не научным утверждением реального факта, с успехом достигло своей цели. В течение почти семидесяти лет церковные власти не считали нужным затрагивать этот вопрос, а в некоторых случаях профессорам не запрещалось даже излагать точку зрения Коперника в виде гипотезы. Конечно, время от времени со стороны теологов приводились возражения против этого учения, но резких выступлений не было.

Так продолжалось до 1616 года. Только когда учение Коперника было воспринято Галилеем, доказавшим его правильность при помощи телескопа, римская церковь взялась за дело вплотную. Учение Коперника было решительно осуждено, пока в него не будут внесены исправления. Исправления же, которые требовались церковью, были такого рода, что они должны были означать собой полный возврат к старой теории Птоломея.

Что такова именно была цель теологов, можно видеть из того, что в том же году Галилею было воспрещено излагать или обсуждать учение Коперника и что одновременно были запрещены «все книги, утверждав-

шие движение земли». Чтение Коперника влекло за собой церковное осуждение, и люди, которые уже не могли верить в старое учение, вынуждены были делать вид, что принимают его. Примером такого отношения к этим вопросам может служить известный миссионер-иезуит Иосиф Акоста, который в своем произведении «История природы и нравов Индии» порывает со многими астрономическими и географическими заблуждениями, но в вопросе о движении небесных тел остается на теологической точке зрения, заявляя, что «он видел оба полюса, на которых небеса вращаются как на валу».

Если таково было отношение католической церкви к новому учению, то не меньше усердия в преследовании научных идей проявил и протестантизм. Все исповедания протестантской церкви—лютеране, кальвинисты, англикане — соперничали друг с другом в объявлении учения Коперника, противоречащим священному писанию; то же стремление обнаружили позже и пуритане.

Вот что писал об этом Мартин Лютер: «Публика прислушивается к голосу нового астролога, который старается доказать, что вращается земля, а не небеса или небосвод, не солнце и не луна. Всякий, кто хочет показаться умным, должен выдумать новую систему, которая из всех систем является конечно наилучшей. Такой глупец хочет перевернуть все наши знания по астрономии; но в священном писании сказано, что Иисус приказал остановиться солнцу, а не земле». Меланхтон не уступал Лютеру в осуждении Коперника. В своей книге «Элементы физических наук», опубликованной через шесть лет после смерти Коперника, он говорит: «Глаза наши свидетельствуют, что небеса делают полный оборот в пространстве в течение двадцати четырех часов. Но некоторые люди, из любви ли к новизне или из стремления выставить себя очень умными, пришли к заключению, что движется земля, а не восьмая сфера и не солнце... И вот надо признать, что публичное высказывание таких взглядов является бесчестным и пагубным. Здравый смысл велит нам признать истину, открытую нам господом и на ней успокоиться».

Меланхтон цитирует затем множество мест из псалмов и Экклезиаста, которые, по его мнению, с полной ясностью устанавливают, что земля стоит неподвижно и что солнце вращается вокруг нее, и приводит восемь других доказательств того, что «земля может быть расположена только в центре вселенной». Несмотря на обычную свою мягкость, Меланхтон требует самых суровых мер по отношению к нечестивому учению Коперника.

Таково же было отношение к учению Коперника и Кальвина, и его учеников.

Не менее яростны были также усилия теологов в Англии, направленные к ниспровержению учения о движении земли. До чего доходило враждебное отношение к Копернику, можно видеть из того, что в Нюрнберге, например, была выбита даже медаль с надписями, высмеивающими Коперника и его теорию.

Чтобы не давать ходу научной мысли, церковники — как католики, так и протестанты — стремились захватить в свои руки руководство

университетами. Неудивительно поэтому, что во многих университетах вплоть до самого конца семнадцатого века профессора должны были давать клятву, что они не придерживаются «пифагорейской», т. е. коперниковой точки зрения на движение небесных тел. По мере того как борьба между теологией и наукой усиливалась, профессорам было запрещено сообщать студентам факты, открытые телескопом. Специальные приказы такого рода были выпущены духовными властями университетов Пизы, Инсбрука, Лувена и др. В течение ряда поколений власти этих университетов хвастались тем, что они скрывали от своих студентов новые идеи. Такого рода попытки скрыть истину от студентов имели место не только в учебных заведениях, находившихся под руководством римско-католической церкви. Нигде так тщательно не изгонялась теория Коперника, как в университете Лютера и Меланхтона, в Виттенберге. В середине XVI в. в этом центре протестантского преподавания было два выдающихся астронома: Ретикус и Рейнгольд. После тщательного изучения вопроса оба они пришли к заключению, что теория Коперника правильная, но ни одному из них не было дозволено объявить об этом с кафедры. Ни в своих лекциях ни в печатных трудах Ретикус не осмеливался изложить новую теорию. В конце-концов, он не выдержал, отказался от профессуры и уехал из Виттенберга, чтобы иметь возможность свободно работать и излагать свои взгляды.

Но значительно печальнее была участь Рейнгольда. Убежденный сторонник новой теории, он вынужден был защищать старую; если ему приходилось упоминать об идеях Коперника, он тут же обязан был доказывать преимущества идей Птоломея. Но и этого оказалось недостаточно. Предмет был отдан в конце-концов другому профессору, который проявил гораздо больше «здравомыслия» и объявил в своих лекциях, что теория Коперника «абсурдна и не заслуживает преподавания в школах».

Но новая истина не могла быть скрыта. Ее нельзя было уничтожить ни насмешками, ни запугиванием. Она приобрела много сторонников, но в пределах папской власти нашелся лишь один человек, который дерзнул открыто об этом заявить. Гонимый с места на место, повсюду преследуемый, он, наконец, с яростью напал сам на своих преследователей. За это его схватили, посадили в подземелья инквизиции и, наконец, сожгли на костре, развеяв прах его на все четыре стороны Но и это не помогло. Спустя десять лет после мученической смерти Бруно истина коперниковой теории была установлена телескопом Галилея.

Благодаря этому телескопу удалось констатировать исполнение одного из самых замечательных предсказаний. Задолго до того противники Коперника возражали ему: «Если ваша теория верна, то Венера должна была бы показывать такие же фазы, как Луна». «Вы правы,— отвечал им Коперник,— я в данное время затрудняюсь вам что-либо сказать, но я не сомневаюсь, что со временем ответ будет дан». И вот телескоп Галилея дал возможность открыть фазы Венеры.

2. БОРЬБА ПРОТИВ ГАЛИЛЕЯ.

Теперь вся борьба сосредоточилась на Галилее, открытия которого вывели теорию Коперника из области гипотезы в область научных истин. Сторонники «здравого учения» объявили открытия Галилея обманом, а учение его — богохульством. Полуученые профессора, стараясь снискать себе благоволение церкви, приводили против него якобы научные доводы, а церковные проповедники двинули против него тяжелую артиллерию библейских текстов. Им занялись теологи, инквизиторы, конгрегации кардиналов, и наконец, два папы его заставили замолчать и, как казалось врагам его, навеки.

На перипетиях борьбы духовенства с Галилеем мы остановимся несколько дольше, так как эта борьба является одним из интереснейших эпизодов войны между наукой и религией.

Первая серьезная атака на Галилея был сделана в 1610 г., когда он объявил, что ему удалось при помощи своего телескопа открыть луны планеты Юпитер. В этом заявлении враги вполне основательно усмотрели, что оно означает переход теории Коперника из гипотезы в научную истину; решено было дать Галилею бой немедленно. Они объявили абсурдными и нечестивыми как самый метод Галилея, так и результаты его. Что касается метода, то единственно правильным был объявлен метод толкования текстов священного писания; относительно же результатов они настаивали, во-первых, что Аристотелю ничего не было известно об этих новых открытиях; далее, что библейские тексты определенно говорят о возможности существования только семи планет, на что указывают семь золотых подсвечников «Апокалипсиса», семь подсвечников окинии и семь церквей Азии и наконец, что из учения Галилея вытекают разрушительные для церкви последствия. Епископы и священники поэтому считают своим долгом предостеречь своих прихожан, и одновременно многие верующие обратились к инквизиции с просьбой приступить безотлагательно к решительным мерам.

Напрасно пытался Галилей доказать существование спутников, предлагая сомневающимся убедиться в этом при помощи телескопа. Теологи заявили, что смотреть в телескоп нечестиво, а спутников объявили «иллюзиями сатаны». Напрасно пытался Галилей спасти открытые им истины указанием на то, что к науке неприменимо буквальное толкование библейских текстов; на это ему было отвечено, что такое указание делает его ересь еще более вредной и что он «хуже Лютера или Кальвина». Далее указывалось, что утверждение Галилея является ложным, ибо Иисус Навин приказал солнцу остановиться в своем движении, что «земля лежит на таких прочных основах, что она не может быть сдвинута с места» и что «солнце движется с одного края неба до другого».

Но маленький телескоп Галилея продолжал бродить по небу, и вскоре Галилей возвестил о новом открытии — гор и долин на луне. Теологи немедленно объявили, что это, а также утверждение, что луна светит отраженным от солнца светом, непосредственно противоречит тексту «Книги бытия», что луна является «великим светилом».

Еще более ожесточенная борьба возгорелась, когда ненавистный телескоп открыл пятна на солнце, которые своим перемещением свидетельствовали о вращении солнца. Почти во всех католических университетах Европы последовало строгое запрещение упоминать в лекциях об этих пятнах. Особенную нетерпимость по отношению к новым идеям обнаружили испанские университеты, в наиболее важном из которых это запрещение сохраняло свою силу вплоть до недавних времен.

Такие результаты имели место всегда, когда духовенство захватывало в свои руки обучение молодежи. Все это еще раз доказывает, что между наукой и религией примирение невозможно. Конечно, наука победила и в этом вопросе. Сведения об открытии солнечных пятен поступили не только от Галилея в Италии, но и от Фабрициуса в Голландии. Наблюдал их также инсбрукский профессор Шейнер, который пытался и, конечно, совершено бесплодно, создать компромиссную псевдонаучную теорию, на которой могли бы примириться и наука и религия

Борьба стала разгораться все сильнее и сильнее. Один доминиканский священник выступил с речью, в которой утверждал, что «геометрия от дьявола» и что «математики должны быть изгнаны, так как они являются виновниками всех ересей». Речь эта была отмечена духовными властями. Другой священник доказывал, что доктрина Галилея не только еретична, но «атеистична» и требовал вмешательства инквизиции. Архиепископ пизанский старался захватить Галилея, чтобы предать его в руки римской инквизиции. Архиепископ флорентинский торжественно осудил новое учение как противоречащее священному писанию, а Павел V, приглашая Галилея как величайшего в мире астронома посетить Рим, одновременно побуждал архиепископа пизанского собирать материалы против Галилея.

Одним из наиболе яростных борцов против Галилея был кардинал Беллярмин. Несмотря на всю его ученость, возражения его и его соратников носили исключительно теологический характер. Главную роль играло для них указание на ужасные последствия для христианской теологии, которые должны иметь место, если будет доказано, что небесные тела вращаются вокруг солнца, а не вокруг земли. Наиболее страшным в их глазах орудием было указание на то, что открытие Галилея «подрывает весь план христианского спасения». «Оно ставит под сомнение все учение о воплощении», — говорили они. Другие же утверждали: «Оно подрывает всю основу теологии. Если земля является планетой и только одной из многих, то невозможно, чтобы для нее совершены были все те великие вещи, о которых говорит христианское учение. Если существуют другие планеты, то так как бог ничего не делает напрасно, они обязательно должны быть населены. Но как же могут жители их происходить от Адама? Как они могут вести свое происхождение от Ноева ковчега? Как могли они быть искуплены спасителем?»

Еще раз следует обратить внимание, что к этим доводам одинаково прибегали теологи всех исповеданий. В добавление к этому основному оружию в виде хитроумных теологических рассуждений применялись

также постепенно виды оружия в форме библейских текстов и извлечений.

Не спасло Галилея и то, что он пытался примирить свои открытия со священным писанием. После того как открытия его были опубликованы, Галилей написал своему другу Кастелли и великой герцогине Христине два письма, чтобы показать, что его открытия не противоречат священному писанию. По требованию римской инквизиции архиепископ пизанский обратился к Кастелли с просьбой показать ему оригиналы писем Галилея, стремясь таким путем доказать ересь последнего, дабы передать его в лапы инквизиции. При этом архиепископ, тайно посылая инквизиции доносы на Галилея, в то же время открыто выступал как горячий сторонник его взглядов, надеясь таким путем обмануть и заманить его. Когда все эти попытки ни к чему не привели, он сбросил маску и выступил открыто.

Вокруг Галилея разгорелась отчаянная борьба, полная интриг и контринтриг, шпионства, заговоров и контрзаговоров. Борьба эта, в которой приняли участие двое пап — папа Павел V и папа Урбан VIII,— сильно напоминает собой политическую борьбу нью-йорской Таманни-Холл.

В 1615 г. Галилей был вызван в Рим и предстал перед инквизицией; давно подготовляющийся взрыв, наконец, произошел. Нескольким теологам из членов инквизиции было поручено расследовать два положения, извлеченных из писем Галилея о солнечных пятнах. После месячного расследования этих пунктов инквизиторы вынесли следующее единодушное решение: «Первое положение, а именно—что солнце является центром и не вращается вокруг земли, глупо, абсурдно, ложно с теологической точки зрения и представляет собой ересь, так как явно противоречит священному писанию». А «второе положение, что земля не является центром и вращается вокруг солнца, абсурдно, ложно с философской точки зрения, с теологической же — по меньшей мере противоречит истинной вере».

Тут вмешался сам папа Павел V и приказал представить Галилея перед инквизицией, которая устроила ему нечто в роде очной ставки с Беллярмином. Последний показывает Галилею его заблуждения и убеждает его отказаться от них, подкрепляя свои доводы письмом от папы, приказывающим посадить Галилея в тюрьму инквизиции, если он не отречется от своих взглядов. «От имени его святейшества папы и всей святой церкви» Беллярмин приказывает Галилею «отказаться от взгляда, что солнце является центром вселенной и не движется и что движется земля, не придерживаться его, не распространять или защищать его каким бы то ни было путем, ни письменно, ни устно». Галилей принял это требование и обещал выполнить его [1].

Это произошло 26 февраля 1616 г. Спустя две недели конгрегация, заведывавшая индексом, побуждаемая к тому папой Павлом V, издала декрет, провозгласивший «учение о двойном движении земли —

[1] Существует мнение, отрицающее дачу такого обещания Галилеем. Однако тщательное исследование документов заставляет повидимому думать, что такое обещание имело место.

вокруг своей оси и вокруг солнца — ложным и полностью противоречащим священному писанию» и запрещавший проповедывать и защищать это учение. Этот же декрет осуждал все сочинения Коперника и «все сочинения, подтверждающие движение земли».

Таким образом сочинения Коперника, Галилея и Кеплера были внесены в индекс запрещенных книг, и проповедывание изложенных в них идей или даже чтение их влекло за собой опасность преследования на «этом свете и осуждения в будущей жизни». Теология, казалось, одержала решительную победу.

Галилей оставался после этого некоторое время в Риме, а затем вернулся во Флоренцию, где в одиночестве продолжал упорно работать над своими открытиями, ничего не опубликовывая и лишь изредка делясь своими мыслями в письмах к друзьям.

Вскоре на папский престол вступил под именем Урбана VIII кардинал Барберини, который, казалось, относился более либерально к новым взглядам. Галилей проникся новыми надеждами и перестал скрывать свою приверженность к учению Коперника. Однако надежды обманули его. Он был снова вызван в Рим, где папа пытался лаской склонить его к молчанию, самолично убеждая его в ошибочности его взглядов. Другие оппоненты оказались более суровыми, и на Галилея снова посыпались многочисленные обвинения со стороны церковников. Его лишили профессорского жалованья в Пизе. Снова были сделаны попытки обманным путем передать его в руки инквизиции, и его научные идеи были объявлены как «ведущие к отрицанию реального присутствия тела христа в гостии». Наконец, на сцену выступили иезуиты, один из которых писал тогда: «Из всех ересей учение о движении земли является одной из наиболее чудовищных, наиболее гибельных, наиболее скандальных; неподвижность земли является трижды священной; скорее можно было бы терпеть доводы против бессмертия души, существования бога и воплощения христа, чем довод, направленный к доказательству движения земли».

В это же время против Галилея выступили в другом конце Европы. Известный теолог Фромундус выпустил в Антверпене свой знаменитый трактат Ant-Aristarchus, направленный против новых идей. Уже заглавный лист этого сочинения явился наглым оскорблением памяти Коперника, так как он объявляет учение последнего теорией, заимствованной от языческого астронома. Фромундус заявляет, что «священное писание борется с Коперником». Чтобы доказать движение солнца, он ссылается на одно место в псалмах, где говорится, что солнце «выходит как жених из брачной комнаты». Чтобы доказать неподвижность земли, он приводит одно место из «Екклезиаста», где сказано: «Земля стоит навеки». Чтобы доказать полную бессмысленность теории Коперника, он говорит, что если бы она была верна, «ветры дули бы всегда с востока». В таком же роде и все остальные его доводы. Особенно сильно пользуется он доводами, заимствованными у Фомы Аквинского и Аристотеля, утверждая таким образом, что не только теология, но и наука свидетельствуют о том, что земля стоит неподвижно в центре, а солнце вращается вокруг нее.

3. ПОБЕДА ЦЕРКВИ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

Пока на Галилея сыпались нападки со всех концов Европы, он сам продолжал тщательно работать над трактатом в форме диалога, в котором он собрал все доводы в пользу теории Коперника и против учения Птоломея. Он выразил согласие подчиниться любым условиям церкви, лишь бы ему было разрешено напечатать этот трактат. Наконец после восьмилетних переговоров он получил это разрешение, но под следующим унизительным условием: он должен был подписать своим именем предисловие, написанное одним священником и объявлявшее учение Коперника плодом фантазии, нисколько не противопоставляемым теории Птоломея, которую инквизиция в 1616 г. объявила единственно истинной.

Новое произведение Галилея — «Диалог», появившееся в 1632 г., имело огромный успех. Оно дало новое оружие в руки сторонников теории Коперника. Благочестивое предисловие было встречено всеобщими насмешками. Это вызвало большое ожесточение всех врагов — иезуитов, доминиканцев и огромного большинства церковников. Среди них самым ярым оказался папа Урбан VIII, пустивший в ход против Галилея всю мощь своей власти.

Первым шагом врагов Галилея было запрещение продажи его труда. Но это запрещение запоздало, так как первое издание оказалось уже распространенным по всей Европе. Пришедший в ярость папа приказал предать инквизиции как Галилея, так и его труд. Не помогли никакие заступничества и указания на полную почтительность Галилея к церкви. Галилей был брошен в темницу, где, угрожая пытками и муками, инквизиторы вынудили его к отречению от своих взглядов. Заявление Галилея гласило:

«Я, Галилей, 70 лет от роду, находясь в темнице, коленопреклоненный перед вашими священствами, имея перед глазами святое евангелие, которого я касаюсь своими руками, отвергаю, проклинаю и презираю заблуждение и ересь, содержавшиеся в утверждении о движении земли».

Чтобы усилить его унижение, его принудили дать клятву, что он будет доносить инквизиции о каждом ученом, относительно которого ему станет известно, что он придерживается «еретического взгляда о движении земли».

Однако преследования Галилея со стороны церкви не прекратились и после его отречения. Его держали в изгнании, вдали от семьи и друзей. Когда, страдая физически от всяческих болезней и душевно от постигших его семью несчастий, он попросил предоставить ему несколько большую свободу, он получил в ответ угрозу быть посаженным в тюрьму. И только после того, как специальная комиссия доложила церковным властям, что он ослеп и окончательно извелся от горя и болезней, ему дали некоторую свободу, при чем неослабный надзор за ним был сохранен. Он был обречен оставаться молчаливым свидетелем всевозможных нападок на его труды; все друзья и покровители его были строго наказаны, и даже инквизитор Флоренции получил выговор за то, что разрешил напечатать труд Галилея.

Однако церковники не ограничились этими мерами. 16 июня 1633 г. папа приказал разослать приговор о Галилее и его отречение всем папским нунциям в Европе, а также всем итальянским архиепископам, епископам и инквизиторам с тем, чтобы предать эти документы самой широкой гласности, особенно среди профессоров философии и математики, дабы те получили ясное представление об ошибках Галилея и могли бы избегнуть их и вместе с тем не подвергать себя наказаниям, неизбежным для всякого сторонника этих еретических взглядов.

Во многих университетах Европы к великому удовлетворению церковных властей имели место такие собрания профессоров математики и астрономии для ознакомления с указанными документами.

Еще один шаг был сделан: инквизиторы получили приказ не разрешать печатание нового издания каких бы то ни было трудов Галилея или каких-либо других сочинений подобного рода. Одновременно теологи получили предписание развить самую широкую агитацию и пропаганду, устную и письменную, против учения Коперника, Галилея и Кеплера тем более, что защищать эти взгляды было некому. Вся Европа была наводнена антикоперниковской литературой.

Чтобы дать представление об этой литературе, имевшей целью с корнем вырвать из умов людей всякие следы ненавистной коперниковской теории, мы приведем два типичных примера этих произведений.

В качестве первого примера возьмем труд некоего Киарамонти, посвященный кардиналу Барберини. Среди аргументов против двойного движения земли мы там находим следующее:

«Животные, которые обладают способностью двигаться, имеют конечности и мускулы; земля не имеет ни конечностей ни мускулов, следовательно, она не может двигаться. Сатурн, Юпитер, Солнце и другие планеты заставляют вращаться ангелы. Если земля движется, то в центре ее должен находиться ангел, который заставлял бы ее двигаться; но живут там только дьяволы; следовательно, землю заставлял бы двигаться дьявол...»

«Планеты, Солнце, неподвижные звезды все принадлежат к одному виду, а именно к звездам. Поэтому тяжелой ошибкой является помещение земли, являющейся скопищем нечистот, среди этих небесных тел, представляющих собой чистые и божественные вещи».

Другое произведение «Anticopernicus catholicus» Полакко. Это произведение имело целью нанести окончательный удар ереси Галилея. В нем автор сначала возражает против учения Коперника и Галилея с точки зрения священного писания и католического толкования последнего, повторяя все те доводы со ссылками на тексты, которые тысячи раз повторялись священниками всех исповеданий до него, а затем переходит к доказательствам физическим. «Если бы, — говорит он, — земля двигалась, то почему стрела, пущенная из лука, падает обратно на то же место, между тем как земля и все вещи на ней за это время должны были значительно передвинуться к востоку? Кому не ясно, что в результате такого движения должна была бы наступить большая путаница?» Далее автор призывает на по-

мощь метафизику. «Теория Коперника о движении земли, — говорит он, — противоречит природе самой земли, так как земля не только холодная, но является олицетворением самого принципа холода; но холод противоположен движению и даже разрушает его, свидетельством чего могут служить животные, которые, коченея, становятся неподвижными».

Преследования Галилея со стороны церковников не прекратились и с его смертью. Умирая, Галилей просил похоронить его в семейном склепе в Санта-Кроче. В этом ему было отказано. Друзья хотели воздвигнуть памятник над его могилой. Им этого не разрешили. Папа Урбан VIII заявил, что «для мира было бы дурным примером, если бы такие почести были оказаны человеку, который обвинялся римской инквизицией в столь вредных и ошибочных заблуждениях, который эти заблуждения распространял среди многих других и который вызвал такой скандал в христианстве». Только спустя сто лет после сметри Галилея останки его были перенесены в Санта-Кроче и на его могиле был поставлен памятник, при чем и здесь инквизиция приложила все усилия, чтобы помешать этому.

В борьбе против новой астрономии протестантская церковь обнаружила не меньше энергии, чем католическая. Что касается лютеранского исповедания, то представители его, как известно, твердо стояли на точке зрения слепой приверженности к тексту библии, и для них рассказ об Иисусе, остановившем движение солнца, был гораздо убедительнее многочисленных удостоверенных фактов, с несомненностью свидетельствовавших о движении земли. Эти доказательства фигурируют еще и сейчас в арсенале руководителей американского лютеранства.

Что касается других ветвей реформированной церкви, то мы уже видели, как кальвинисты, англиканцы и разные другие протестантские секты выступали против новой истины. В Англии известный представитель пуританской церкви заявил, что открытия Ньютона «построены на ложных заявлениях и получили развитие на основании многих произвольных допущений, находящихся в явном противоречии с очевидными свидетельствами священного писания». Даже Мильтон, повидимому, колебался между обеими системами. Еще в 1724 г. кембриджский профессор Джон Гетчинсон опубликовал свой труд «Moises Prinipia» («Принципы Моисея»), в которых он строит философскую систему вселенной, покоящуюся целиком на принципах библии. Эта точка зрения имела многочисленных приверженцев среди английского духовенства, и хотя протестантизм не имел в руках такой власти, как католицизм, все же влияние его в борьбе против новых научных истин было велико. Об этом свидетельствует следующий факт. В 1772 г. под начальством капитана Кука была снаряжена английская экспедиция для научных исследований. Сопровождать эту экспедицию был приглашен один из величайших ученых того времени д-р Пристли. Но тут вмешались духовные власти Оксфорда и Кембриджа. Пристли был признан опасным вследствие его взглядов на троицу; очевидно предполагалось, что тот или иной взгляд на

троицу может отразиться на астрономических наблюдениях. Кандидатура Пристли была отвергнута, и экспедиция расстроилась.

Ортодоксальный взгляд на астрономию крепко держался и в других ветвях прротестантской церкви. В Германии даже Лейбниц нападал на теорию тяготения Ньютона, исходя из теологических доводов.

В Голландии кальвинистская церковь сначала очень редко выступала против нового учения, но кальвинизм даже в твердынях своих не обладал такой властью, чтобы помешать появлению новых идей. Нам известен несколько комичный факт: в 1662 г. в Амстердаме была выпущена книга о пользовании глобусами, одна часть которой была посвящена птоломеевой схеме, а другая — коперниковской, и таким образом читателю представлялось выбрать теорию по своему усмотрению.

Новые попытки вступить в бой с наукой были сделаны в 60-х годах прошлого века — в 1864 г. в Англии и в 1868 г. в Германии. Но попытки эти кончились печально для церковников, так как возражения против теории Коперника, заключающиеся в том, что она непримирима с верой в библию, вызвали всеобщие насмешки.

В 70-х годах прошлого века на борьбу с наукой выступил американский лютеранизм. В 1873 г. в Сан-Луи в издательстве лютеранского синода штата Миссури выпущена была книга под заглавием «Беседы об астрономии». Трудно представить себе более резкое выступление против современных взглядов в астрономии. Однако никаких новых доводов кроме бесчисленных ссылок на библию и на божье откровение мы в этой книге не находим. Трудно поверить, что такая книга могла появиться в век электричества.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ ПОБЕДЫ ЦЕРКВИ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

Вернемся к последствиям дела Галилея.

Одержав победу над Галилеем, живым и мертвым, заставив отказаться от новых идей профессоров астрономии по всей Европе, церковники возликовали. Громко торжествовали они, что «ересь», «неверие» и «атеизм», заключавшиеся в идее о вращении земли вокруг своей оси и вокруг солнца, отвергнуты великим церковным трибуналом, действовавшим в строгом повиновении воле одного папы и письменному приказу другого. Все книги, содержавшие в себе эти вредные мысли, были внесены в список запрещенных для христиан сочинений, чтение которых было связано для каждого верующего христианина с церковным осуждением.

Как много потеряла в это время наука вследствие полного торжества теологии, можно видеть из следующего поразительного примера. В Европе жил и работал тогда один из величайших мыслителей человечества Рене Декарт. Как ни ошибочны были многие из его предположений, они имели для науки все же большое значение. Его теория, предполагающая единообразную материю, регулируемую физическими законами в качестве начала видимой вселенной, хотя и была лишь временной гипотезой, положила, однако, решительный конец старой

теории небес с небосводом над ними и с ангелами, направляющими движения планет. Борцы за науку воодушевили его, и он решил посвятить свой гений созданию труда, в котором все научные достижения были бы приведены в стройную систему единого научного миросозерцания. «Трактат о вселенной» — так должен был называться этот труд. В связи с этим он в течение одиннадцати лет работал над одной только анатомией. Но судьба Галилея лишила его всякой бодрости; борьба казалась ему безнадежной, и он навсегда отказался от своего намерения.

Но все это торжество теологии было только кажущимся. И хотя папа Урбан и инквизиция держали Галилея в строгом заключении, запрещая ему даже говорить о двойном движении земли, хотя «все книги, утверждавшие движение земли», были внесены в индекс запрещенных книг, хотя в университетах, находившихся под неослабным контролем церкви, преподавалась исключительно старая доктрина, все же для многих проницательных людей было ясно, что эта победа церкви — пиррова победа.

Место старых бойцов заняли новые. Написал свою «Апологию Галилея» Кампанелла, семь раз подвергавшийся пыткам за эту и за многие другие свои — политические и религиозные — ереси.

Появился Кеплер, который привел науку к еще большим победам. Коперник, как ни велик он был, все же не мог окончательно отделаться от влияния теологии, выраженной в учениях Фомы Аквинского и Аристотеля. Только Кеплеру с его изумительным гением и силой удалось окончательно укрепить науку своими тремя законами, носящими его имя. Борьба вокруг него была жестокая. Штутгартская протестантская консистория торжественно предупреждает его, чтобы «он не вносил смуту в царство христа своими глупыми фантазиями» и столь же торжественно ему рекомендуется «привести свою теорию мира в соответствие со священным писанием». Против него все пущено в ход: и насилие, и насмешка, и тюрьма. Протестанты в Штирии и Вюртемберге, католики в Австрии и Богемии нажимают на него всеми силами. Но его поддерживают Ньютон, Галилей, Бредлей и другие великие астрономы, и победа остается за наукой.

Однако борьба на этом не закончилась. В течение всего XVII в. во Франции никто не осмеливался открыто выступить в защиту коперниковой теории, несмотря на блестящие доказательства ее правильности, приведенные Кеплером. Еще в 1672 г. иезуит Риччиоли заявил, что в пользу теории Коперника имеется ровно сорок девять доводов, а против — семьдесят семь. Даже в начале XVIII в., уже после появления на научной арене Исаака Ньютона, Боссюэ, один из самых выдающихся французских теологов, считал возможным выступать против теории Коперника на том основании, что она противоречит священному писанию.

Не очень значительно улучшилось положение вещей и в течение XVIII в. В Англии Гетчистон, как мы видели, выпустил в 1724 г. свою книгу «Moises Principia», в которой автор утверждает, что «Ветхий завет» представляет великолепную систему философии природы, ко-

торую можно противопоставить учению Ньютона. Как мы видели выше, этой точки зрения придерживались и все представители церкви в Англии. Во Франции два выдающихся математика выпустили в 1748 г. «Принципы» Ньютона, и для избежания духовной цензуры они вынуждены были приписать Ньютону совершенно ложное утверждение. Тремя годами позже математик — иезуит Боскович должен был прибегнуть к следующему способу выражения: «Что касается меня, то, преисполненный уважения к священному писанию и декрету святой инквизиции, я считаю землю неподвижной; тем не менее для простоты изложения я буду рассуждать, как будто бы земля движется».

В Германии, особенно в протестантской части ее, борьба против идей Коперника велась в самой жестокой форме в течение всей первой половины XVIII в. Вся Германия была наводнена произведениями, доказывавшими непримиримость учения Коперника со священным писанием. В теологических семинариях и во многих университетах, где сильно было клерикальное влияние, теологическое учение казалось сметало на своем пути все новое. И все же к середине XVIII столетия для многих стало ясно, что окончательная победа науки не за горами.

В 1758 г. папа Бенедикт XIV добился тайного постановления о более терпимом отношении к идеям Коперника. Однако попытки знаменитого французского астронома Лаланда в 1765 г. заставить духовные власти исключить из списка запрещенных книг произведения Галилея оказались тщетными. А многие университеты в католической Европе, особенно в Испании, не допускали преподавания ньютоновой системы еще в XIX столетии. Так, университет Саламанки на предложение ввести преподавание физических наук ответил в 1771 г. отказом, заявив: «Ньютон не учит ничему такому, что помогло бы сделать хорошего логика или метафизика, а Госсенди и Декарт не согласуются с божественной истиной в такой мере, как Аристотель».

Не оставляли церковники без мщенья и мертвых своих врагов. Так, духовенство отказалось присутствовать на торжественном открытии памятника Копернику в Варшаве 5 мая 1829 г. Спустя пять лет книга Коперника все еще значилась в списке запрещенных для христиан книг.

Только в 20-х годах XIX столетия начинается перелом во взглядах теологов. В 1820 г. профессор астрономии римского университета Сеттеле написал учебник, в котором говорится, что система Коперника является доказанной. Духовный цензор отказался разрешить книгу к выпуску, если автор не изменит своего положения в том направлении, что теория Коперника является лишь гипотезой. Сеттеле апеллировал к папе Пию VII, который передал вопрос на рассмотрение конгрегации при Ватикане. 10 августа 1820 г. последняя вынесла постановление, одобренное папой, о разрешении Сеттеле говорить о системе Коперника, как о твердо доказанном факте. Это решение вызвало большую дискуссию, и только 11 сентября 1822 г. кардиналы святой инквизиции милостиво согласились признать, что «в Риме разрешается печатание и выпуск в свет произведений, в которых, в сог-

ласии с общими воззрениями современных астрономов, утверждается взгляд о движении земли и неподвижности солнца». Но только тринадцать лет спустя, т. е. в 1835 г., из списка запрещенных книг были изъяты произведения, защищающие теорию двойного движения земли.

К этому времени появились новые доказательства о движении земли. Параллакс неподвижных звезд, показанный Бесселем, равно как и многими другими знаменитыми астрономами, в 1838 г., укрепил навеки идею о движении земли вокруг солнца, а знаменитый опыт Фуко с маятником в 1851 г. дал наглядное доказательство движения земли вокруг своей оси.

5. ОТСТУПЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ПОСЛЕ ЕЕ ПОБЕДЫ НАД ГАЛИЛЕЕМ.

Для характеристики лицемерия церкви, являющегося одним из главных ее орудий в борьбе против просвещения во все времена и у всех народов, небезынтересно будет дать краткую историю того, как теологи отступали от своих позиций в деле Галилея.

Отступление протестантских теологов было делом нетрудным. Для этого оказалось достаточным небольшое искусное отклонение от священного писания, искусное применение знаменитого, приписываемого кардиналу Бароniусу выражения, что библия учит нас не тому, как движутся небеса, но как людям попадать на небо.

Значительно тяжелее обстояло дело с армией католических теологов. Здесь отступление тянулось в течение двух столетий.

Первым шагом на этом пути было заявление некоторых церковников, что Галилей был осужден не за то, что он утверждал о движении земли, но за то, что он поддерживал это свое утверждение ссылками на священное писание. Как доказательство, приводились письма Галилея к Кастелли и другим, в которых Галилей пытался доказать, что его астрономические взгляды не противоречат священному писанию.

Трудно найти более яркий образец лицемерия церковников. Письма Галилея, на которые ссылаются церковники, были опубликованы лишь после его осуждения и хотя пизанский архиепископ пытался пустить их в ход против Галилея, но в 1616 г. о них упоминается лишь мимоходом, а в 1633 г. о них не говорится совсем ничего. В 1616 г. в качестве «абсурдной ереси», «абсолютно противоречащей священному писанию», было осуждено именно положение, что «солнце представляет собой центр, вокруг которого вращается земля», равно как и положение, что «земля не является «центром вселенной» и не неподвижна но обладает двойным движением».

И далее: отречься Галилея вынудили в 1633 г. под угрозой пыток от «еретического заблуждения, будто земля движется».

Наконец, в список запрещенных книг были внесены «все кни-

ги, утверждающие движение земли и неподвижность солнца».

Таким образом ни одно из этих осуждений не было направлено против Галилея за то будто бы, что он пытался «примирить свои идеи со священным писанием».

Сбитые таким образом с этой позиции защитники церкви отступили на следующую и стали утверждать, что Галилей был осужден не за ересь, а за упорство и недостаток почтительности к папе.

Но и это утверждение при самом легком знакомстве с фактами оказывается не выдерживающим никакой критики. Все решения всех инстанций, в которых рассматривалось дело Галилея, говорят о ереси, но никогда не об «упорстве». Наоборот, подлинные документы с несомненностью рисуют Галилея как человека покорного, молча и терпеливо подчиняющегося всем приказам папы и его агентов. Еще более нелепым с точки зрения документальных данных является предположение, что все приговоры о Галилее могли быть вызваны непочтительностью его к папе.

После этого была выдвинута версия о том, что преследование Галилея было вызвано ссорой между группой профессоров, последователей Аристотеля, и группой сторонников экспериментального метода. Эта версия, однако, скоро была оставлена, так как не могло не показаться в высшей степени странным, как это обыкновенный спор между двумя группами профессоров мог вызвать такое возбуждение в высших церковных сферах и пустить в ход всю машину папской власти.

Далее была сделана попытка утверждать, что осуждение Галилея было «временным». Но это утверждение достаточно убедительно опровергается текстом осуждения. Если идеи Галилея торжественно объявляются «противоречащими священному писанию», «не совместимыми с истинной верой» и т. д. и т. д., то более чем странным было бы с точки зрения самой церкви считать такие заявления «временными». Неудивительно, что эта версия была оставлена самими церковниками.

Наконец, было сделано еще одно указание, быть может, более любопытное, чем многие другие, а именно, что «Галилей пал жертвой не столько католиков, сколько протестантов, ибо эти последние более, чем католические теологи, побуждали папу вмешаться в это дело».

На ряду с этим постепенным отступлением с одной позиции на другую пущен был в ход целый ряд других мер в виде всяческих грязных сплетен о личных чертах Галилея: отдельные факты из юности Галилея были привлечены к делу, чтобы очернить его характер. Но все эти попытки не имели никакого успеха, и в 1850 г. защитники церкви придумали новый ход.

Во время наполеоновских войн оригиналы документов дела Галилея были перевезены в Париж. В 1846 г. французское правительство вернуло их Ватикану под условием, что они будут опубликованы. В 1850 г. после длительных проволочек они, наконец, появились в пе-

чати. Подготовка их к печати была поручена монсиньору Марани. Эта духовная особа в совершенстве обладала теми талантами, которые церковь требует от своих адептов. Умалчивая об одном, подтасовывая другое, искажая третье, Марани представил все дело в совершенно ложном свете. Это он является автором положения, что Галилей «был осужден не за ересь, а за упорство».

Однако хитроумные маневры Марани были скоро раскрыты. На сцену выступил новый исследователь, француз Л'Епинуа. В 1867 г. он получил доступ к документам по делу Галилея в Ватикане и предал гласности, не искажая их, некоторые наиболее важные из них. Картина стала ясна, и защитникам церкви пришлось оставить и эту позицию.

Из попыток воинствующей теологии вернуть свои утерянные позиции, имевших место в XIX столетии, мы считаем нужным остановиться на двух выступлениях.

Первое было сделано Джоном Генри Ньюменом. В одной из своих речей в 1892 г. в Оксфордском университете он заявил следующее:

«Священное писание говорит, что солнце движется, а земля стоит неподвижно; наука же утверждает, что движется земля, а солнце находится в относительном покое. Как можем мы решить, какое из этих двух утверждений является истинным, если мы не знаем, что такое движение? Если наше понятие о движении является лишь случайным результатом современного состояния наших чувств, то ни одно из них не истинно с философской точки зрения и оба истинны: ни одно из этих утверждений не является истинным и оба истинны: на точки зрения известных практических целей в системе, в которой они находятся по отношению друг к другу».

Во всей антитеологической литературе трудно найти больше скепсиса, чем в этой речи человека, считающего себя глубоко верующим христианином.

Второе выступление было сделано некиим Де-Бональдом в Дублине в 1865 г. Он выступил публично с следующим заявлением: «Нет никаких оснований утверждать, что церковь задерживала прогресс научной истины. Действительной задержкой служило то обстоятельство, что бог счел за благо придать многим местам библии такое выражение, которое могло быть понято как отрицание движения земли. Следовательно сделал это бог, а не церковь; поэтому если бог считал полезным задержать прогресс научной истины, то нельзя упрекать церковь, если даже эти упреки были бы справедливы, что она следовала примеру бога».

Этот аргумент, напоминающий знаменитую попытку примирить геологию с «Книгой бытия» указанием, что бог по неведомым причинам нарочно ввел в обман мыслящее человечество, придав земле вид, который говорит за то, что она развивалась в течение огромных периодов времени, между тем как в действительности она была сотворена в шесть дней, — конечно, мог произвести только самое жалкое впечатление на мыслящих людей.

Было бы несправедливо приписать все преследования науки со

стороны теологии только римско-католической церкви. Протестантская церковь хотя и не всегда имела возможность проявлять такую жестокость, все же изо всех сил старалась не отставать от своей старшей сестры. И если преследования Галилея и его соратников со стороны католической церкви имело место в начале XVII в., то преследования протестантским духовенством Робертсона Смита, Уинчелля, Тоя, молодых профессоров в Бейруте, и многих других происходили во второй половине XIX в.

Столь же мало обоснованы упреки со стороны протестантской церкви по отношению к католической, что последняя не допускала преподавания астрономических истин в католических университетах в XVII и XVIII столетиях. И здесь пример многочисленных протестантских колледжей в Америке, где в XIX и даже XX в. было воспрещено или доведено до минимума преподавание геологии, биологии и антропологии, свидетельствует, что протестантство в этом отношении может еще сильно поспорить с католичеством.

По той же причине представителям протестантской церкви не приходится презрительно указывать на католические индексы, упирая на тот факт, что в течение последних трех столетий почти всякая значительная в научном отношении книга подвергалась запрещению. Пусть вспомнят они столь распространенные во многих американских протестантских университетах и одобренные учебные пособия, книги для чтения и т. д., в которых ни единым словом не упоминается ни о Дарвине, ни о Спенсере, ни о Гексли.

ГЛАВА IV.

ОТ „ЗНАМЕНИЙ И ЧУДЕС“ К АСТРОНОМИЧЕСКИМ ЗАКОНАМ.

1. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ.

Одним из наиболее интересных моментов в развитии астрономии является борьба между научным и теологическим воззрением на кометы — переход от представления о них как об огненных шарах, выпускаемых разгневанным богом на грешный мир, до признания их естественными явлениями природы, возникшими от материальных причин и подчиняющимися в своем движении законам природы.

Из древнего мира перешла масса поверий относительно комет, метеоров и затмений; все эти явления считались небесными знамениями, ниспосланными с небес для предупреждения человеческого рода. Звезды и метеоры обычно считались предвестниками счастливых событий, особенно рождений богов, героев и великих людей. Священные книги Индии рассказывают, что рождению Будды и Кришны предшествовало появление такого рода небесных светил. О том же говорят священные книги Китая в связи с рождением Ию, основателя первой династии, и великого мудреца Лао-тзе. Согласно еврейским легендам, перед рождением Моисея появилась звезда, которую увидели египетские волхвы, поспешившие сообщить об этом фараону. Точно так же необычная звезда появилась на небе при рождении Авраама. Такие же рассказы мы находим также у греков и римлян.

Эти взгляды проникли и в христианские священные книги. Таким образом легенда о звезде, воссиявшей на востоке и приведшей волхвов к яслям, где лежал только что родившийся младенец-христос, имеет очень древнее происхождение.

У магометан мы тоже встречаем стремление к такому истолкованию звезд и метеоров. Некоторые магометанские учителя верят, что метеоры — это ядра, которые добрые ангелы бросают, чтобы изгнать из небес злых демонов.

Совсем другое значение приписывается затмениям. Их считают выражением отчаяния природы при земных бедствиях. Греки были убеждены, что тьма покрыла землю при смерти Прометея, Атрея, Герку-

леса, Эскулапа и Александра Великого. Римские легенды гласили, что при смерти Ромула наступила темнота, продолжавшаяся шесть часов. В истории цезарей мы встречаемся с рассказами о всех трех родах явлений: смерть Юлия ознаменовалась наступлением тьмы, рождение Августа было возвещено звездой, а гибель Нерона — кометой. Точно так же в одной из христианских легенд, связанных с распятием, сказано, что на землю опустилась тьма от шести до девяти часов. Ни умолчание об этом явлении со стороны единственного евангелиста, который выдавал себя за очевидца распятия, ни тот факт, что такие наблюдатели, как Сенека и Плиний, описавшие гораздо менее значительные явления этого рода и в гораздо более отдаленных областях, не отметили такого внезапного затмения в Иудее, — не могли поколебать веры христиан в то, что это явление действительно имело место.

После появления христианства этот взгляд сохранился как у евреев, так и у христиан. Еврейская легенда рассказывает, что, когда книги закона были осквернены переводом на греческий язык, тьма охватила землю на три дня. Тертуллиан полагал, что затмение является выражением божьего гнева против неверующих. Даже в наши дни нередко можно встретить людей, глубоко верующих в указанное значение звезд и затмений.

Среди философов древнего мира только одни пифагорейцы имели, повидимому, смутное представление о кометах, как о телах, возвращающихся к нам через определенные промежутки времени; из древних ученых только один Сенека, насколько известно, сумел дать определенную форму этой смутной идее и пророчески указать, что когда-нибудь будет установлено, что кометы движутся в полном соответствии с законами природы. Но такие отдельные выступления не могли поколебать общепризнанного убеждения, что кометы представляют собой «знамения и чудеса».

Вера в то, что каждая комета представляет собой огненный шар, пускаемый разгневанным богом для предупреждения пресмыкающихся обитателей земли, была воспринята ранней христианской церковью, прошла через средние века к реформации и в течение всего этого времени получала особую поддержку во всевозможных текстах из священного писания. Этому в значительной мере способствовали отцы церкви. В III в. Ориген настаивал, что кометы указывают на катастрофы и падение империй и миров. Бедэ в VIII в. утверждал, что «кометы возвещают перевороты государств, чуму, войны, ветры или засуху».

Того же взгляда придерживался Фома Аквинский, это светило вселенной церкви, учение которого папы еще в наше время считают единственным источником премудрости, достойной преподавания в университетах. Альберт Великий, наибольший авторитет средневековой церкви, развил дальше эту теорию. Для укрепления этой веры все эти люди и их последователи находили соответствующие тексты в священном писании и на этом основании считали свои взгляды единственно правильными.

Такое положение вещей имело последствием три больших зла:

фатализм и потерю всякой веры в свои собственные силы, фанатизм и духовную политическую тиранию. Первые два зла проявляются на протяжении всех веков.

Что касается третьего зла — усиления духовного и светского деспотизма, — то примеров этому можно привести бесконечное множество. Было вполне естественно, что высшие духовные сановники и монархи, рождение которых возвещалось звездами, а смерть — кометами, казались людьми особой высшей породы. Это поддерживало в народе пассивную покорность этим властителям, ибо наиболее чудовищные проявления их власти считались выражением божественной воли.

Известно, что Карл V, один из наиболее могущественных монархов на земле, под влиянием страха, вызванного появлением кометы в 1556 г., отрекся от престола и передал лучшее из своих обширных королевств Филиппу II, этому поразительному фанатику и изуверу.

Уже в самые ранние века христианства появление каждой кометы вызывало ожидание ряда несчастий для людей. Особенно сильно это наблюдалось в средние века. Ярким примером может служить 1456 г. К этому времени турки после долгих усилий стали твердой ногой в Европе. Хорошее войско под умелым руководством легко справилось бы с ними. Но в то время как различные религиозные секты яростно спорили о формальных пустяках, турки взяли Константинополь и сделали его базой своего дальнейшего продвижения. А в довершение всего на небе в это время появилась комета! Тогдашний папа Каликст III, пораженный появлением кометы, не нашел ничего лучшего, если верить историку того времени, как торжественно объявить «молитвенный трехдневник» с целью «отвратить божий гнев от христиан и направить его на турок». Тогда-то и был установлен полуденный колокольный звон, призывающий добрых католиков молиться против злых сил, а в литургию была введена молитва о «защите от турок и кометы». Увы! все это нисколько не помогло. Турки с тех пор не перестают владеть Константинополем, а комета эта, ставшая известной под именем кометы Галлея, не перестает периодически появляться на небе.

Однако, несмотря на все это, научное наблюдение медленно подтачивало эту веру. Вдохновенное пророчество Сенеки не было забыто. Даже в IX в. среди полного господства теологических предрассудков мы встречаем протест против этого общепринятого взгляда. В XIII в. вопрос о предполагаемом влиянии комет на отдельных людей вызывал сомнение у Альберта Великого, но влияние теологической мысли было в то время столь сильно, что он не устоял против него в этом вопросе, как и во многих других. А в XVI в. мы уже слышим голоса Коперника, отказывающегося признать эту теорию; Парацельса, выступающего в своих письмах к Цвингли против нее, и Юлия Цезаря Скалигера, объявляющего ее «смешной нелепостью».

Сначала этот скептицизм вызвал ужас теологов и ярость духовенства, — и те и другие с новой силой стали доказывать, что теологическая теория комет основана на священном писании. В XVI в. один

из сильнейших умов Франции выступил приверженцем этой теории: Жан Бодэн, опередивший свою эпоху в вопросах политических, плелся в хвосте теологии в вопросах религии. Слепая вера в букву священного писания заставила его выступить в защиту теологической теории комет, с той только разницей, что он считал кометы душами людей, блуждающими в пространстве и приносящими с собой голод, мор и войны.

Однако открытия Тихо де Браге и Кеплера начинают уже колебать эту теологическую теорию. Первые намеки на такую перемену во взглядах мы находим в «Анатомии меланхолии» Бертона, появившейся в 1621 г. Затем в середине XVII в. Томас Броун открыто высказывает уже сомнение по поводу значения, приписываемого теологией кометам. Однако еще в 1682 г. Ральф Торсбай, член Королевского общества, перепуганный появившейся в том году кометой, записывает в своем дневнике: «Господи, удали от нас несчастья, которые нам угрожают; ибо хотя я знаю, что такие метеоры происходят естественным путем, они все же часто являются предвозвестниками больших несчастий».

Вера в кометы как предвозвестников возмездия за наши грехи господствовала во всем христианстве, в восточной церкви так же, как и в западной. Известно, что во время суда над патриархом Никоном последний, указывая на сиявшую в то время на небе комету, обратился к своим судьям со следующим восклицанием: «Божья метла всех вас сметет с лица земли».

Что касается Западной Европы, то сильнее всего этот предрассудок держался в Германии и Немецкой Швейцарии. То самое религиозное изуверство, которое вызвало ужасающий рост процессов против ведьм в этих странах, способствовало сильнейшему развитию и теологического воззрения на кометы. Лютер объявил себя ярым сторонником этого взгляда. В своих речах он говорит: «Язычники пишут, что кометы происходят от естественных причин, но бог не создал ни одной из них, которая бы не явилась предсказанием каких-либо бедствий»... «Всякое тело, движущееся по небу необычным путем, несомненно служит признаком божьего гнева». А в других местах он объявляет кометы плодом рук дьявола и резко восстает против этих «распутных звезд».

Меланхтон в различных письмах также объявляет кометы вестниками божьего гнева. Цвингли, отбросивший много традиционных верований, не сумел однако отказаться от теологического взгляда на кометы и объявил комету 1531 г. предвозвестником бедствия.

Таким образом во имя этой церковной доктрины боролись и католики и протестанты. С особой силой она защищалась Фромундусом, выдающимся профессором теологии в католическом университете в Лувене, тем самым, который с такой яростью боролся против Коперника. В начале XVII столетия даже такой одаренный астроном как Кеплер иногда поддавался этому взгляду, а в конце того же века Фохт заявил, что комета 1618 г. ясно предсказала падение турецкой империи, а всех тех, кто не желал видеть в кометах божьих предупреждений, он объявил «атеистами и эпикурейцами».

2. УСИЛИЯ ТЕОЛОГИИ СОКРУШИТЬ НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД.

Чтобы отстоять от натиска науки свой взгляд на кометы, теология напрягала все усилия; она действовала по двум направлениям: через университеты и школы — на учащихся и ученых, и через церковную кафедру — на широкие массы. Для достижения первой цели от профессоров и студентов университетов скрывали самым тщательным образом все научные знания в области комет. Еще в конце XVII в. в большинстве европейских стран университетские профессора астрономии должны были давать клятву в том, что они не будут в своих лекциях говорить о кометах, как о небесных телах, подчиненных законам природы. Столь же серьезные усилия прилагались к тому, чтобы укрепить в умах студентов теологическую теорию. Для иллюстрации приведем несколько примеров. В 1577 г. Якоб Геербранд, профессор Тюбингенского университета, оценивая моральное значение комет, сравнивал их с мечом палача, который судья кладет в суде между собой и преступником. А в самом конце XVII в. Конрад Дитрих, преподаватель Марбургского университета, объявил всякие научные исследования в области комет нечестивыми и настаивал, что кометы являются лишь «чудесами и знамениями».

Чтобы дать представление о результатах этого теологического давления на умы профессоров, продолжавшегося многие столетия, приведем следующий пример с Михелем Местлиным. Протестант из Швабии, Местлин учился в Тюбингене у Апиана, и по окончании учения получил небольшой приход. Комета 1577 г. дала ему случай применить свои астрономические познания. Его тщательные и точные наблюдения над этой кометой являются до сих пор образцовыми. Почти не верится, что их можно было сделать невооруженным глазом. Эти наблюдения вполне совпали с наблюдениями Тихо де Браге и дали Местлину кафедру астрономии в Гейдельбергском университете. Никто до него не дал таких точных доказательств надлунного положения кометы и регулярного, а не случайного характера ее движения. Местлин, хотя и ученик Апиана, был ярым приверженцем теории Коперника и учителем и большим другом Кеплера. Несмотря на все это, в трактате, в котором Местлин излагал свои наблюдения, он считал необходимым для сохранения своей репутации как правоверного теолога назвать эту комету «новым и ужасным предзнаменованием» и посвятить главу «предположениям о значении этой кометы», указав на основании исторических примеров, что такая комета знаменует мир, но мир, купленный кровавой победой.

Невозможно допустить, чтобы Местлин сам верил в эту теологическую теорию; этому противоречит строго научный характер его наблюдений.

Не менее поразительно было действие этого давления на умы студентов. Характерным примером в этой области может служить книга лейпцигского юриста Бюттнера, выпущенная им в 1605 г. под названием «Часослов комет». В этой книге автор доказывает на основании 86 библейских текстов намерение бога давать людям при помощи не-

бесных тел знамения о будущем, при чем он приводит большие таблицы, на основании которых, зная время и место первого появления кометы, можно было бы вывести ее значение.

Ту же самую пропаганду теологической теории мы находим в университетах протестантской Голландии. Странно видеть, как в XVI в. после открытия Тихо де Браге, Фоссиус, профессор теологии и красноречия в Лейденском университете, пишет: «История всех времен показывает, что кометы были вестниками несчастий. Не надо думать, что они одарены разумом, но существует божество, которое их использует, чтобы призвать человечество к раскаянию».

К концу XVII в. иезуит Райнцер, профессор в Линце, опубликовал свое произведение «Metereologia Philosophico-Politica», в котором он дает физическое и моральное истолкование всех явлений природы. Кометам автор посвящает конечно много внимания. «Кометы появляются, — говорит Райнцер, — на небе только тогда, когда бог желает наказать землю, и при помощи комет не только предвозвещает, но и посылает на землю все виды бедствий». Предсказания комет бывают трояко рода: 1. «Кометы, зародившиеся в воздухе, означают засуху, ветер, землетрясение, голод и мор». 2. «Кометы могут непосредственно, благодаря своему составу, вызвать войны, беспорядки и смерть принцев. Это происходит от того, что кометы, будучи горячими и сухими, превращают жидкость в человеческом теле в необычайно горячее и сухое состояние, что в свою очередь увеличивает желчь; вследствие этого люди легко возбуждаются и между ними возникают ссоры и споры, вызывающие вмешательство оружия; особенно это происходит с принцами, природа которых более деликатна и возбудима». 3. «Все кометы, каково бы ни было их пророческое значение, являются, согласно божьей воле, предвозвестниками смерти великих принцев, войн и других больших бедствий».

Одновременно со всеми этими усилиями, направленными к тому, чтобы удержать «на путях библейской науки и здравого учения» образованные классы в университетах, развивалась пропаганда теологических взглядов на кометы среди широкой публики с церковной кафедры.

3. ВТОРЖЕНИЕ СКЕПТИЦИЗМА.

Однако скептицизм упорно продолжал проникать в умы.

Европейская мысль в значительной мере освободилась от теологического воззрения на кометы как на «знамения». Зародыш этого освобождения заключается в не раз упоминавшейся нами, пророческой фразе Сенеки, и на протяжении почти всех веков мы находим доказательства, что эта мысль продолжала жить, несмотря на все усилия теологов задушить ее. Первые нападения на теологическую теорию основывались главным образом на философских рассуждениях. В первой половине XVI в. Скалигер характеризовал теологический взгляд на кометы как «смешную нелепость». Более важное значение имело

сочинение Блеза де Виженера, опубликованное в Париже в 1578 году. В этой небольшой книжке он приводит различные теории, рассматривающие кометы как знаки божьего гнева и утверждающие, что кометы угрожают принцам и королям, так как последние ведут более утонченный образ жизни. На это де Виженер возражает, что существует множество людей, живущих не хуже принцев и тем не менее не испытывающих никакого вреда от комет, и с другой стороны огромное множество монархов умерло без всяких предзнаменований в виде комет.

В том же году такого рода вылазка против теологической теории имела место в другой части Европы. Профессор медицины Гейдельбергского университета Томас Эраст опубликовал письмо, в котором подвергает уничтожающей критике теологическую теорию комет. Одним из главных его возражений является указание на то, что между чумой и кометой не может существовать никакой связи, ибо горение и испарение может скорее очищать воздух, чем заражать его. В следующем году появилось письмо венгерца Дудит, в котором на ряду с другими возражениями против теологической теории имелось и такое указание: «Если бы кометы были вызваны грехами людей, то они бы никогда не исчезали с неба». Само собою разумеется, что со стороны церковников все такие выступления были признаны богохульными и нечестивыми.

В XVII в. стали умножаться возражения против теологической теории комет, основанные на доводах общего характера. В Голландии выступил с возражениями философского характера Балтазар Беккер. Любеницкий писал, что появление комет сопровождалось столь же часто счастливыми событиями, как и бедствиями. Во Франции Пьер Петн, бывший географ Людовика XIII и интимный друг Декарта, опубликовал резкие возражения против церковного взгляда на кометы, основанные не на астрономии, а на здравом смысле. Книга Петн имела довольно значительное влияние во Франции и спустя несколько лет после ее появления была переведена на немецкий язык.

Несмотря на то, что все эти люди были объявлены неверующими и еретиками, они все же заставили многих призадуматься и подготовили почву для новых, более решительных боев с теологией. В конце XVII в. во главе борьбы стал Пьер Байль, профессор Седанского университета. Будучи очевидцем волнений, вызванных кометой 1680 г., он с величайшей резкостью стал выступать против теологических взглядов на кометы, направив свои возражения как против католиков, так и против протестантов. Стремления церковников осудить его за безбожие не остановили Байля, и он не прекращал своей борьбы. Следует признать, что никто из его современников не подготовил в такой степени почвы для Вольтера, как Байль.

Вся аргументация Байля покоится на пророчестве Сенеки. «Кометы, — говорит он, — представляют собой тела, подчиненные обычным законам природы». На основании исторических исследований он доказывает, что нет никаких оснований считать кометы носителями земных бед. Что касается факта, что многие бедствия имели место во

время прохождения комет по небу, то усматривать между этими явлениями причинную связь было бы равносильно тому, если бы кто-нибудь, выглянув из окна на улицу и увидев движущиеся по ней экипажи, решил бы, что причиной движения последних является то, что он выглянул из окна. Что касается исполнения некоторых предсказаний, то он обращает внимание на тот несомненный факт, что люди скорее запоминают одно исполнившееся предсказание, чем тысячи неоправдавшихся.

Эта философская борьба нашла свое отражение и в литературе. Появилась пьеса Фонтенелля «Комета», в которой все приверженцы невежества были подвергнуты жестокому осмеянию.

Но особенную жизненную силу придавало научной оппозиции непрекращавшиеся исследования ученых, и вся честь победы должна по праву принадлежать тем труженикам, которые, вооружившись терпением, в течение столетий не переставали развивать научные методы.

Целые поколения людей в различных частях мира посвятили себя наблюдениям за этими небесными телами. В то самое время, когда Лютер, Меланхтон и Цвингли были столь встревожены появлением различных комет в период от 1531 до 1539 г., Петр Апиан спокойно занимался наблюдениями за прохождением их по небу. Несколько позже Фабриций в Вене и Геллер в Нюренберге спокойно наблюдали за кометой 1556 г., ввергшей в ужас как римских пап и императоров, так и представителей реформации. Напрасно церковники по всей Германии объявляли эти наблюдения нечестивыми, они не прекращались, а в 1577 г. появился ученый, заложивший прочное основание современной теории. В этом году появилась комета, которая снова ввергла Европу в ужас. Все церкви, католические и протестанские, были наполнены охваченными страхом молящимися. Посреди всех этих волнений только немногие люди сумели сохранить хладнокровие и упорно наблюдать за прохождением кометы. В результате этих наблюдений Тихо де Браге заявил, что путь этой кометы находился значительно дальше от земли, чем орбита луны. Другой великий астрономический гений — Кеплер — подтвердил это. Конечно теологи единым фронтом выступили против этих заявлений, объявив их богохульным вмешательством в дела провидения. На помощь себе они привели университетских профессоров и астрономов, засвидетельствовавших, что Тихо де Браге и Кеплер впали в заблуждение.

Такая оппозиция была вполне естественной, ибо этот простой, установленный Тихо де Браге и Кеплером факт явился началом новой эры. Он подрывал самое основу теологической теории. Согласно теории Аристотеля, развитой теологами, все, что находится внутри орбиты луны, принадлежит земле и носит преходящий и дурной характер, между тем как все то, что лежит над этой орбитой, относится к небесам и является постоянным, регулярным и чистым. Таким образом Тихо де Браге и Кеплер, установив, что кометы принадлежат к числу небесных тел, не только нанесли несокрушимый удар теологическим предрассудкам, но и дали огромный импульс дальнейшим наблюдениям за кометами и к установлению законов их движения.

4. УСИЛИЯ ТЕОЛОГОВ ДОБИТЬСЯ КОМПРОМИССА КОНЕЧНАЯ ПОБЕДА НАУКИ.

Когда стало ясно, что теологам не удержать своей теории, они попытались пойти на компромисс. Было заявлено, что наряду с кометами, движущимися несомненно над луной, существуют и кометы подлунные. Но эта уступка не могла не быть фатальной для всей теологической теории. Напомним, что в течение всего своего существования церковь утверждала, что земля окружена пустыми концентрическими и прозрачными сферами и что каждая из этих сфер в своем движении вокруг земли тянет за собой одно или несколько небесных тел. Одни придерживались того мнения, что сферы эти хрустальные, Лактанций и другие отцы церкви говорили, что небесный свод сделан изо льда. Но допущение того, что кометы могут двигаться над луной, должно было быть гибельным для этой теории, так как они таким образом должны были ломать в своем движении эти хрустальные и ледяные сферы, что разрушало совершенно священную теорию Птоломея.

Целый ряд астрономов работал над развитием истины, открытой Тихо де Браге и подтвержденной Кеплером. Одним из первых в этой области был Гевель, представивший доказательство в пользу параболического характера движения комет по направлению к солнцу. Дальнейшее развитие этой истине дал Дерфельм, который, исследуя комету 1680 г., которая ввергла в ужас церковников во всем мире, дал в 1681 г. доказательство того, что кометы являются небесными телами, орбиты которых представляют собой параболы с солнцем в фокусе. К тому же заключению пришел и Бернуйи. Наконец в 1686 г. Ньютон, изучив движение той же кометы, доказал, что движения комет подчинены тому же закону, что и движения орбиты планет.

Таким образом завершилась эволюция этой новой истины в науке.

Не следует однако думать, что этот ряд философских и научных побед очистил поле борьбы от противников. Теологи не прекратили еще своих выступлений, и то в одной стране, то в другой мы видим попытки выступить против новой научной теории. Полная победа наметилась лишь после появления Галлея, который на основании вычислений доказал, что комета 1682 г. появилась уже раньше в точно указанное время и снова появится приблизительно через 75 лет.

Окончательно же победа была одержана, когда Клеро, а за ним Лаланд и Лепот точно предсказали время, когда комета достигнет своего перигелия, и это предсказание полностью оправдалось.

Интересно отметить, что даже после этой окончательной победы науки не прекращались попытки добиться компромисса. Так, например, еще в 1770 г. Землер, профессор из Галле, утверждал, что хотя кометы с научной точки зрения не могут оказывать какое-либо физическое влияние на мир, тем не менее с религиозной точки зрения они могут оказывать моральное влияние, как напоминание о справедливом суде вселенной.

Как трудно было верующим христианам порвать с теологичес-

ким воззрением на кометы, можно видеть из того, что еще в XIX столетии писатель Жозеф де Местр утверждал, что кометы являются особыми предвозвестниками бедствий. Точно так же в протестантской Англии появилась в 1818 г. в одном из журналов статья, в которой автор заявлял, что под вредоносным влиянием недавно появившейся кометы «мухи слепнут и рано умирают» и «жена одного лондонского сапожника родила четверню». Даже в 1829 г. английский врач Форстер опубликовал произведение, в котором доказывал, что кометы вызывают жаркое лето, холодную зиму, эпидемии, землетрясения и вообще всевозможные бедствия. Особенно упирал он на лондонскую чуму 1665 г., совпавшую с появлением кометы в том же году. В той же книге между прочим приводится и такой факт, что от кометы 1663 г. «заболели все кошки в Вестфалии».

Некоторое основание для предрассудков в теории комет продолжало оставаться в виду предполагавшегося факта, что кометы вызывают заметное повышение температуры на земле. Однако Араго тщательными термометрическими измерениями, произведенными в период от 1735 до 1781 г., доказал, что кометы не оказывают никакого влияния на температуру. Так, в 1737 г. появились две кометы, а общая годовая температура была низкая, в 1785 г. комет не было никаких, а температура была высокая. На основании данных за 50 лет с несомненностью было установлено, что иногда кометы сопровождались высокой температурой, иногда низкой. Никакой регулярной связи между земной температурой и кометами нельзя было установить. Наука победила окончательно и решительно по всему фронту.

Значение этой победы заключается в том, что человечество еще в одном вопросе покончило с предрассудками и приобрело правильный взгляд на природу.

ГЛАВА V.

ОТ „КНИГИ БЫТИЯ“ К ГЕОЛОГИИ.

1. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ.

У греческих философов мы находим уже в самые ранние времена зародыши геологических истин и, что особенно важно, обстановку для дальнейшего развития последних. Эти зародыши перешли затем к римским мыслителям, где обстановка продолжала оставаться благоприятной. В эпоху Римской империи ничто не препятствовало тогдашним философам и ученым производить наблюдения над земной корой, изучать ее историю и делать соответствующие выводы. Таким образом можно было, казалось, ожидать в этой области в Римской империи начало плодотворных наблюдений.

Этому, однако, помешало появление на исторической сцене христианства. Первоначально отношение христианства к геологии и родственным ей наукам было безразличным и даже презрительным. Согласно воззрениям раннего христианства земля представляла собой «павший мир», которому вскоре предстояло окончательно погибнуть. Зачем же при таком положении изучать ее? Зачем тратить на это силы? Презрение, которое Лактанций и Августин проявили по отношению к изучению астрономии, было распространено и на другие науки.

Однако зародыши научных знаний, которые развились в древнем мире, не могли быть окончательно задушены теологией; кое-какие наблюдения приходилось допускать, хотя объяснения им давались, конечно, богословские. Так, некоторые ранние «отцы церкви» видели в изломанном и сморщенном характере земной коры проявление божьего гнева, а Тертуллиан утверждал, что ископаемые формы представляют собой остатки от ноева потопа.

Чтобы удержать всякое наблюдение над природой и связанные с этим рассуждения в рамках истинной веры, Августин в начале V в. стал работать над обширным трудом по вопросам происхождения мира, поставив перед собой задачу связать эти вопросы с соответствующими рассказами из библии. Основной дух его работы прекрасно характеризуется его знаменитой фразой: «Принято может быть только то, что имеет за собой авторитет библии, ибо этот авторитет значит

больше, чем все силы человеческого ума». Отсюда следовало, что все мысли людей, изучающих природу, должны быть отданы изучению священного текста и стремлению объяснить явления природы чисто теологическим путем.

Этот труд Августина сыграл большую роль, так как определил направление всех важнейших течений мысли в Западной Европе как католического, так и протестантского мира, в течение почти тринадцати веков.

В последующие века огромное большинство теологов слепо и безоговорочно следовало этому направлению. Исидор в VII в., Беда в VIII в., развивая взгляды Августина в том же духе, утверждали, подобно Тертуллиану, что ископаемые представляют остатки ноева потопа.

Этого же взгляда на геологию и родственную ей зоологию придерживался и Фома Аквинский и вся средневековая теология, поскольку она вообще касалась этих предметов.

Дальнейшее развитие геологии происходило главным образом под руководством церкви и при помощи схоластической теологии. Место исследования заняла фразеология. Для объяснения ископаемых стали придумывать всевозможные причины. В XI в. Авиценна приписывал происхождение ископаемых особой «каменнообразующей силе»; в XIII в. Альберт Великий объяснял их особым «образовательным свойством»; в следующие века некоторые философы додумались до мысли об их происхождении из семян, а идея Аристотеля о самопроизвольном зарождении постоянно пускалась в ход для доказательства того, что эти окаменелые ископаемые обладали способностью к размножению, подобно животным и растениям.

Однако семена науки, посеянные греческими и римскими мыслителями, давали всходы то здесь, то там. Арабские школы повидимому были менее связаны буквой корана, чем христианские ученые библией, и Авиценне принадлежит честь первого провозглашения основ современной геологической теории изменений земной поверхности.

Непосредственное влияние реформации было сначала неблагоприятным для научного прогресса, ибо вряд ли что-либо могло быть более чуждо вождям реформации, чем научная теория развития вселенной. Строжайшая приверженность к тексту священного писания, которая заставила Лютера и Меланхтона отвергнуть идею обращения планет вокруг солнца, естественно исключала всякую возможность допущения ими какой бы то ни было теории, противоречащей букве библии.

В эпоху, следовавшую непосредственно за реформацией, дело обстояло еще хуже. Во времена Лютера и Меланхтона существовала еще в какой-то мизерной степени свобода мышления, при их же преемниках она не допускалась совершенно. Поставить под вопрос какое-либо толкование Лютера считалось почти столь же безрассудным, как подвергнуть сомнению текст самой библии. Примером такого отношения может служить борьба между приверженцами сотворения птиц из одной только воды и сторонниками сотворения их из воды и ила. А в начале XVII в. в столице ганзейского союза Любеке высший предста-

витель лютеранского духовенства Пфейффер опубликовал труд под заглавием «Pansophia Mosaica» («Моисеева премудрость»), имевший целью нанести смертельный удар науке на веки-вечные. В этом труде автор утверждает, что единственным источником мудрости и знаний является библия.

В Англии этот теологический дух господствовал до самого конца XVII в. В 1685 г. здесь была напечатана книга Мэттью Хейла, под заглавием «Происхождение человеческого рода», в которой со всей строгостью излагается теория происхождения и строения земли, основанная исключительно на текстах библии.

Однако в то самое время, когда лютеранское, кальвинистское и английское реформатское духовенство упорно отстаивало свою приверженность к букве священного писания и отворачивалось от всякого научного исследования, некоторые выдающиеся люди того времени стали развивать взгляды совсем другого рода. Так, в начале XVI в. Леонардо да Винчи, этот столь же гениальный ученый, как и художник, наметил правильную идею происхождения ископаемых остатков. Дальнейшее развитие эта идея получила у его соотечественника Фракасторо. За ним последовали другие в разных странах, и к концу XVI в. среди сторонников научной теории происхождения земли мы находим Бернара Палисси, защищавшего ее с большим искусством. Все же господствующей оставалась теологическая теория, объяснявшая ископаемые остатки как продукт «жирной материи, начинающей бродить под действием жары», или особого «лапидарного сока», или «семенного воздуха», или «бурного движения земных испарений».

2. УСИЛИЯ ПОДАВИТЬ НАУЧНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ.

Но научный метод нельзя было скрыть. В начале XVII в. де Клав, Бито и де Вильон стали проповедывать его во Франции. Теологический факультет в Париже немедленно запротестовал, подверг уничтожению их сочинения, изгнал их из Парижа, воспретив жить в городах и выступать в общественных местах.

Но борцы за науку не прекращали своей работы, особенно в Италии. Спустя полвека датчанин Стено и итальянец Шилла сделали дальнейшие шаги в развитии научных взглядов на геологию, хотя им пришлось сделать некоторые неопределенные уступки теологической теории, чтобы не вызвать против себя преследований.

Во Франции старый теологический дух царил еще во всей силе. В середине XVIII в. Бюффон сделал попытку провозгласить некоторые геологические истины, но теологический факультет Сорбонны сразу лишил его высокого поста, который он занимал, и вынудил его к позорному отречению. Последнее гласило: «Я объявляю, что не имел никакого намерения противоречить тексту священного писания, что я самым твердым образом верую во все то, что говорится в библии о сотворении мира как в отношении времени, так и самого факта; я отка-

зываюсь от всего, что сказано в моей книге относительно образования земли и вообще от всего, что может оказаться противоречащим рассказу Моисея». Этот унизительный документ сильно напоминает нам отречение Галилея, имевшее место за сто лет до того. Потребовалось полтораста лет для того, чтобы все убедились, что Бюффон был прав.

Следует отметить, что борьба против научного метода в геологии велась в протестантских странах с большей ожесточенностью, чем в католических, и в Италии она была слабее, чем в Англии. Английская церковь в лице огромного количества своих представителей (были, конечно, единичные исключения) с величайшей яростью выступала против геологической науки до окончательной победы последней.

Мы отмечали уже, что существуют три периода, или фазы, в борьбе теологии против всякой науки. Первая из этих фаз характеризуется противопоставлением новой научной доктрине всевозможных текстов и утверждений священного писания; отличительным признаком третьей являются попытки компромисса при помощи примирения библейских текстов с установленным фактом; вторая же, или средняя, фаза часто отмечена тем, что против науки выдвигается какое-либо основное положение теологии. Мы это видели на примере с астрономией, когда Беллярмин и его последователи утверждали, что научное положение о движении земли вокруг солнца противоречит теологическому учению о воплощении. Точно так же и здесь против геологии было выдвинуто возражение, что научный взгляд на ископаемые, как на остатки животных, умерших задолго до Адама, противоречит теологической доктрине о грехопадении Адама и утверждению церкви, что «смерть вступила в мир через грех».

Во время этой второй стадии особым обилием представителей старой теологической точки зрения отличалась Англия. Среди них одно из первых мест по праву принадлежит Томасу Бернету. В последней четверти XVII в., как раз в то время, когда великое открытие Ньютона стало достоянием всего мира, Бернет выпустил свою «Священную теорию земли». В этой книге он, основываясь на известном тексте из второго послания Петра, утверждает, что потоп уничтожил старый мир и создал новый. Теорию Ньютона он отвергает. В своей теории потопа он подчеркивает не столько «раскрытие хлябей небесных», сколько то, что «разверзлись источники великой бездны». На последнем он настаивает с большим упорством. Согласно его теории земля представляет собой полость, наполненную жидкостью, как яйцо. Смешивая в одну кучу различные тексты из «Книги бытия» и второго послания Петра, теологическую доктрину «грехопадения», астрономическую теорию относительно эклиптики и различные замечания, заимствованные у Декарта, — он утверждает, что до того, как грехопадение повлекло за собой потоп, земля имела строго математическую форму, гладкую и красивую, «как яйцо», без морей и островов, без долин и скал, «без единой морщины, трещины или ущелья», и что мир отличался полным совершенством.

Во второй книге своего произведения Бернет пошел еще дальше. Если в первой книге он смешивал тексты из «Книги бытия», Павла и

Декарта, то здесь он сваливает в одну кучу библейское сказание о рае с языческими легендами о золотом веке и приходит к заключению, что до потопа на всей земле царила постоянная весна, прерываемая дождями, нежными, как роса.

В придачу к основным своим доказательствам, что до потопа не существовало морей, он указывает на то обстоятельство, что если бы такие моря существовали, то грешники научились бы строить корабли и, таким образом, спаслись бы от потопа.

Произведение Бернета, написанное с большой силой, привлекло к себе всеобщее внимание. Оно было переведено на разные языки и вызвало восторг большинства теологов во всех странах Европы.

Спустя несколько лет появился новый борец за теологические идеи Вильям Уистон, профессор Кембриджского университета. В 1698 г. он выпустил книгу «Новая теория земли». В отличие от Бернета он постарался использовать для своих целей идею Ньютона и для объяснения геологической катастрофы, вызванной человеческими грехами, он ввел комету, которая вскрыла «фонтаны большой глубины»

Под влиянием учения теологов против геологии и ее научных открытий выступил целый ряд духовных и светских писателей с обвинениями в «безбожии», в стремлении «лишить всемогущего творца его должности» и т. д. Мы видели уже выше, что в борьбе теологии с наукой такие обвинения служили излюбленным оружием церковников.

Одно из наиболее странных выступлений против геологии имело место в XVIII в. со стороны декана Кокберна из Йорка. Особенно резко выступил последний против Марии Сомервилль, прославившейся своими работами по физической географии, а также против «Британской ассоциации для прогресса науки».

Однако, все эти выступления против науки в конце концов кончились полным крахом. Они оказались столь же бессильными, как китайские гонги и драконовские фонари против европейских пушек. Наука двигалась вперед, одерживая одну победу за другой.

3. ПЕРВАЯ ПОПЫТКА КОМПРОМИССА.

Еще задолго до конца вышеописанной борьбы некоторые из наиболее дальновидных теологов поняли, что победа науки становится все более и более неизбежной. Поэтому они занялись подготовкой позиций для отступления. Началась третья стадия борьбы — период попыток к компромиссам.

Первая попытка такого компромисса заключалась в утверждении, что ископаемые произошли от ноева потопа.

С теологической точки зрения это утверждение считалось довольно обоснованным, ибо оно покоилось на священном писании. Оно получило одобрение духовенства, и многие «отцы церкви» стали признавать, что ископаемые остатки, находимые даже на самых высоких горах, представляют собой животных, погибших от потопа. Особенно тверд был в этом взгляде Тертуллиан, а Августин утверждал, что неко-

паемый зуб, найденный в Северной Африке, принадлежал одному из упоминаемых в священном писании гигантов.

В XVI в. эта идея получила широкое распространение среди духовенства. Особенно сильную поддержку ей оказал Мартин Лютер, хорошо понявший, что обычная теологическая фразеология не в силах справиться с затруднениями, возникшими в связи с открытием ископаемых; поэтому он усиленно проповедывал мысль о происхождении последних от потопа.

При такой поддержке это учение стало вскоре господствующим в христианстве. Казалось, что ничего нельзя ему противопоставить. Однако, к концу того же века оно натолкнулось на серьезные помехи. Бернар Палисси, один из наиболее образованных ученых во Франции, доказал, что этот взгляд не выдерживает критики. К такому же убеждению пришли многие добросовестные исследователи в других частях Европы, особенно в Италии. С другой стороны, указывалось, что для религии оскорбительно связывать ее с научной теорией, однако учение об ископаемых, как об остатках животных, погибших во время потопа, продолжало в течение еще трех веков оставаться наиболее распространенным среди теологов, видевших в нем прекрасный путь для примирения религии с наукой.

Во Франции бенедиктинский монах Кальме высказывал этот взгляд на ископаемые остатки в начале XVIII в. Но особенно горячего сторонника это учение нашло в лице Джона Удуорда, профессора Грешемского колледжа, стоявшего во главе научной мысли в Кембриджском университете. В 1695 г. он опубликовал свою «Естественную историю земли», в которой он с несомненностью доказал, что ископаемые действительно являются остатками живых существ, как это утверждал уже за две тысячи лет до него Ксенофан. Но поскольку над ним все же тяготело влияние «Ветхого завета» и послания Петра, он в то же время настаивал, что ископаемые произошли от потопа. Благодаря огромному авторитету, которым он пользовался, теория эта сильно укрепила свои позиции. Мазирье заявил, что остатки мамонта, открытые во Франции, представляют собой кости упоминаемых в библии гигантов. То же самое сделал в Испании Торрубия, а Инкрис Матзер отправил в Англию подобные остатки, найденные в Америке, с теми же утверждениями.

Для поучения верующих эти «кости библейских гигантов» вывешивались в общественных местах. Жирье видел некоторые из них висевшими в церквах Валенсии, а Анрион вычислил даже размеры наших допотопных предков, установив высоту Адама в 123 фута 9 дюймов, а Евы — в 118 футов, 9 дюймов и 9 линий.

Но наиболее сильную поддержку это теологическое учение получило с другой стороны. В 1726 г. Шейхцер открыл огромную ископаемую ящерицу и объявил свою находку «остатками человека, жившего во времена потопа». Это открытие было встречено с большой радостью всеми теологами, ибо они увидели в нем не только подтверждение того, что во время потопа погибли человеческие существа, но что «в те дни существовали гиганты». Ободренный этим успехом Шейхцер, сме-

шав в одну кучу различные библейские тексты, понятия, заимствованные из философии Декарта, и метафизические рассуждения Уистона, создал особую теорию потопа. Согласно этой теории, «источники бездны» были вскрыты непосредственным физическим действием божьей руки, которая, будучи в буквальном смысле прикреплена к осям земли, внезапно остановила вращение земли; «источники бездны» открылись, и заключенная в них вода затопила землю.

Напрасно доказывали на основании данных геологии, зоологии, астрономии, что никакого всемирного потопа или даже потопа, охватившего значительную часть земли, не было на протяжении шести тысяч или даже шестидесяти тысяч последних лет; напрасно даже некоторые просвещенные теологи доказывали, что потоп мог охватить только ту область, в которой жил до потопа Ной; что потоп не мог быть всемирным; что ископаемые остатки не могли происходить от потопа, даже если бы он был всемирным: единственным ответом была цитата из библии, гласившая, что «все высокие горы под небом были покрыты», и старый аргумент, сводившийся к тому, что все, не признававшие теологической теории ископаемых, объявлялись «неверными» и им угрожало лишение спасения.

Но упорная работа науки продолжалась. Никакие усилия теологии не могли ее остановить, и основы этой теологической теории стали постепенно подрываться, пока не были разрушены окончательно. Правда, дело шло медленно и для этого потребовалось 120 лет. К началу XIX в. победа науки в этой области выяснилась окончательно. Наиболее выдающуюся роль в этом отношении сыграл Кювье. Его тщательные исследования ископаемых остатков в начале XIX в. бросили новый свет на всю область геологии. Правда, Кювье отличался большим консерватизмом и придерживался того взгляда, что «с волками надо жить по-волчьи». Это была эпоха реакции. Наполеон примирился с церковью, и всякое выступление против последней считалось близким к государственной измене. Поэтому Кювье, подводя мину под самые основы теологической крепости, сделал одновременно ряд неопределенных уступок теологам, с целью усыпить их внимание. Правда, некоторые представители теологических воззрений сумели понять истинный характер выступлений Кювье. Среди этих теологов следует отметить Шатобриана, который в своем когда-то знаменитом, а ныне совершенно забытом труде «Гений христианства» высказал мысль, что вообще при сотворении мира наблюдался некоторый обман зрения: фактически все было сотворено сразу, а между тем картина была такова, как будто жизнь существовала и раньше; так например на деревьях можно было видеть оставленные птицами гнезда, берег моря был покрыт раковинами, служившими местом пребывания рыб и т. д.— в действительности же эти гнезда и раковины были до того необитаемы, ибо все было создано наново.

Но настоящая победа пришла с Броньяром, который опубликовал в 1820 г. свое произведение об ископаемых, оказавшееся совершенно неприступным для врагов науки.

Но борьба еще не окончилась, и несколько лет спустя поход про-

тив науки снова открыл англичанин Гренвилль Пенн. В основном учение Пенна сводилось к следующим положениям. Земной шар за все время своего существования пережил две революции — сотворение и потоп, при чем обе они произошли по повелению всемогущего творца. Сотворение мира произошло точно в шесть обыкновенных дней, состоящих каждый из утра и вечера. В заключение он обращается к Кювье и ко всем остальным геологам с призывом упростить свою систему и свести все многочисленные революции к двум событиям — сотворению и потопу. Однако геологи не обнаружили никакой склонности пойти на уступки, наоборот, президент Британского геологического общества и геолог Бэкленд вскоре заявили, что факты вынуждают их отвергнуть теорию происхождения ископаемых от потопа.

Особенно неприятно было для геологов выступление Бэкленда, т. к. он, будучи профессором геологии в Оксфордском университете, пользовался в то же время большим авторитетом в качестве настоятеля церкви.

Он сначала выступил как сторонник теории потопа и утверждал, что геология подтверждает библейские сказания о сотворении мира и потопе. Неудивительно поэтому, что официальное отречение Бэкленда от прежних взглядов и признание им правоты научной теории вызвало бурю яростного негодования против него со стороны теологов.

Но еще более бешеным нападкам подвергся Ляйелль. Как мы уже упоминали выше, он в 1830 г. опубликовал свои «Принципы геологии» («Principles of Geology»), появление которых отметило новую эпоху в истории человеческой мысли. Несмотря на всю осторожность автора, направление его книги оказалось в абсолютном противоречии с халдейскими и другими легендами, касающимися сотворения мира и потопа и заимствованными от своих соседей евреями, через священные книги которых эти легенды попали в христианство. Теория Ляйелля была особенно ненавистна теологам, так как, уменьшая роль геологических переворотов и особенно подчеркивая значение постепенного действия постоянно действующих причин, он отнимал всякую почву из-под библейских рассказов и не оставлял никакого места для чудесного вмешательства; вместе с тем он окончательно оставил мысль о роли потопа в геологических изменениях и о соответствующем происхождении многочисленных ископаемых остатков, доказав, что происхождение органического и неорганического мира требовало неизмеримо больше времени, чем об этом сказано в библии.

Помимо нападений со стороны высших представителей церкви и социального остракизма, которому он был ими подвергнут, Ляйеллю пришлось еще выдержать атаку со стороны последователей Кювье с его теорией геологических катастроф. Но все эти нападки оказались тщетными. Теория Кювье быстро потеряла всякий авторитет среди представителей науки, так что для основного труда его «Теория земли» не потребовалось даже второго издания, в то время как произведение Ляйелля выдержало в течение короткого времени двенадцать изданий и стало одной из основ современного знания.

По пути Ляйелля пошел ряд геологов, жадно искавших истины, и семена, посеянные Вильямом Смитом, этим «отцом английской геологии», были развиты многочисленными исследователями, завершившими победу.

Окончательную капитуляцию теологии можно отнести к 1862 г., когда профессор теологии Боннского университета Рейш в своей книге «Библия и природа», отказался совершенно от теории потопа и признал правильными все выводы науки. Все же время от времени то здесь, то там появляются робкие попытки вернуться к старой теологической теории. В глазах церковников всех видов она не потеряла своей ценности, они продолжали проповедывать ее с церковной кафедры и преподавать в теологических университетах. Из сочувствия к ней папа Пий IX запретил в 1850 г. заседания научного конгресса в Болонье. В 1856 г. патер Дебрейн, приветствуя французское духовенство, заявил: «оно инстинктивно продолжает настаивать на теории происхождения ископаемых от потопа». В 1875 г. аббат Шуайе опубликовал в Париже и Анжере руководство, которое встретило большое одобрение со стороны духовных властей и в котором излагается та же старая теологическая точка зрения. В 1877 г. в Майнце вышел труд иезуита Бозицио под заглавием «Геология и потоп», в котором с большим упорством отстаивается теологическое учение о сотворении мира и потопе и в котором автор подвергает Дарвина злым насмешкам, хотя признает, что под библейскими шестью днями творения надо понимать продолжительные периоды. В 1869 г. православный архиепископ литовский Макарий настаивал на необходимости признания библейского рассказа о сотворении мира в шесть обычных дней и о ноевом потопе как единственного объяснения всех геологических явлений, а в 1876 г. другой видный представитель той же церкви пошел еще дальше и утверждал, что вообще никаких изменений в форме и строении земли не произошло со времени сотворения мира богом в шесть дней, а что касается ископаемых, то они при сотворении земли были разбросаны всемогущим творцом по различным слоям земной коры.

В лютеранской церкви мы также встречаем отголоски старых воззрений. Профессор Дерптского университета Кейль выпустил в 1860 г. сочинение, в котором заявляет, что два факта сделали совершенно излишней всякую геологию: 1) проклятие, изгнавшее Адама и Еву из рая и 2) потоп, уничтоживший все живое на земле, за исключением Ноя, его семейства и животных в его ковчеге. В 1867 г. с такими же взглядами выступил Филиппи, а в 1869 г. — Дитрих, два авторитетных немецких теолога, из которых последний заявил между прочим следующее: «Геология рассматривает то, что есть, но не имеет никакого права судить о начале вещей». В 1876 г. в защиту теологической теории выступил Цугнер и целый ряд других менее видных теологов.

Как раз в это время старой теории потопа был нанесен последний смертельный удар совершенно неожиданным путем. Исследования Джоржем Смиттом ассирийских таблиц в Британском музее в 1872 г. и последовавшие затем открытия его в Ассирии установили с несомненностью тот факт, что огромное большинство библейских рассказов

представляют собой не что иное, как простые переделки более ранних, особенно халдейских мифов и легенд. Особенно твердо было установлено это обстоятельство по отношению к рассказам о сотворении мира, о грехопадении первого человека и о потопе. Одиннадцатая из двенадцати таблиц, которые заключали наиболее важные записи, сохранилась почти полностью. В записанной на ней легенде значительно более раннего происхождения, чем эпоха Моисея, оказались удивительно сходные с библейскими рассказы о первых временах человечества, о постройке большого ковчега для спасения от потопа; об избавлении от потопа человека, возлюбленного богом; о выборе последним и взятии им в ковчег различных животных; о посылке им в разведку различных птиц после спадения воды; о жертвоприношении после прекращения потопа и т. д. При этом все было проникнуто священным для халдеян числом семь, которое встречается столь часто в «Книге бытия» и во всех других священных книгах евреев.

По стопам Смита последовал ряд других ученых: Сайс в Англии, Ленорман во Франции, Шрадер в Германии, которые подтвердили все выводы Смита, и в результате все вынуждены были признать, что библейские рассказы о сотворении мира, потопе, и т. д. представляют собой мифические легенды. Конечно, церковь и после этого не прекратила своих попыток отрицать научные факты, но она уже не могла похвастать каким-либо успехом.

4. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНИЯ ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА НАУКИ.

Прежде чем закончить настоящую главу, небесполезно будет рассказать о некоторых попытках со стороны теологии пойти на примирение или компромисс с наукой. Такие попытки мы наблюдаем всякий раз, когда окончательно выясняется перспектива полной победы науки в какой-либо области. Из наиболее ранних попыток такого рода следует отметить выступление Карла фон-Раумера в 1819 г. Претендуя на большую глубину и научное рассмотрение вопроса, он прибег к методу, использованному Бертраном еще в XVII в., а именно: он стал утверждать, что ископаемые растительные остатки никогда не существовали в форме живых растений, а представляют собой «результат развития несовершенных растительных зародышей». Эта же туманная теория служила ему для объяснения нахождения ископаемых животных, при чем он конечно совершенно не считался с эпохами и изменениями, указываемыми геологической наукой.

Подобные попытки были сделаны во всех европейских странах, в особенности в Англии. В 1853 г. вышла анонимная работа под заглавием: «Краткое и полное опровержение антибиблейской теории геологов». В ней автор, возвращаясь к старой теологической теории, утверждает, что «все организмы, находимые в глубинах земли, сотворены были в первый из шести дней творения в качестве образцов растений и животных, которые должны были быть созданы в третий, пятый и шестой дни».

Но в то время, когда делались подобные попытки сохранить теологическое учение об ископаемых остатках низших организмов, старую теорию постиг удар, которого ее приверженцы совершенно не ожидали. Как раз к концу первой четверти XIX в. геологи занялись исследованием пещер и дилювиальных отложений в различных частях света. Открытия, последовавшие на протяжении нескольких лет во Франции, Бельгии, Англии, Бразилии, Сицилии, Египте и Америке, установили несомненный факт, что со времени появления первого человека на земле прошло несравненно больше времени, чем это предполагалось до того. Хронологические вычисления архиепископа Эшера, Петавия, Боссюэ и других церковных авторитетов, на которых покоилась вся теология, оказались лишенными всякой ценности. Наиболее консервативно настроенные теологи вынуждены были признать, что человек появился на земле неизмеримо раньше, чем шесть тысяч или даже шестьдесят или сто шестьдесят тысяч лет. И когда Ляйелль в 1863 г. торжественно отказался в своей книге «Древность человека» от прежних своих взглядов, пала последняя крепость теологии.

Были сделаны отчаянные попытки спасти старую библейскую теорию, приспособив ее несколько к новейшим требованиям. Таким образом, Шубер развил идею, что «сатанинские князья и власти», населявшие первоначально нашу вселенную, погрузили ее в хаос, откуда она была извлечена всемогущим творцом и вновь создана путем, подробно изложенным в «Книге бытия». Ружемон сделал землю одной из «утренних звезд», упоминаемых у Иова, погруженной в хаос Люцифером и его последователями и развившейся оттуда в полном соответствии с теорией туманности. Курц вывел из этой теории заключение, что геологические потрясения были вызваны противодействием дьявола освобождению нашей вселенной из хаоса всемогущим богом. Такого же рода мысли развивал и Делич. Но дальше всех ушел в развитии теории Курца Антон Вестермейер из Мюнхена, который утверждал, что демоны употребили всю оставшуюся в их распоряжении силу и власть, чтобы обезобразить хотя бы внешнюю форму земли; отсюда эти ужасные чудовища, эти карикатуры творения, остатки которых мы находим на земле.

Поразительный пример выступлений в защиту библейской теории против научной геологии представляет знаменитый английский политический деятель Гладстон. В 1885 г. он нашел возможным урвать время от своих политических занятий и вступить в борьбу в качестве рыцаря теологической теории. Правда, ему пришлось играть при этом роль Дон-Кихота, так как свое выступление он начал с заявления, что «у него совершенно отсутствуют те знания, которые придают авторитет», и надо отдать ему справедливость, что его выступление вполне доказало правильность этого заявления. Взамен знаний он обнаружил другие способности: большое искусство фразеологии; особый талант придавать словам то именно значение, какое было выгодно для его доводов; изумительную способность возводить целые здания аргументов без всякого фактического фундамента и необыкновенное умение замазывать неудобные данные.

На такой основе Гладстон построил свою теолого-геологическую теорию. Начал он с библейского разделения одушевленной природы на четыре группы: сначала было сотворено водное население, далее — воздушное, затем — наземные животные и наконец — человек. После этого он делает невинное на вид заявление, что это разделение и эта последовательность в сотворении одушевленного мира вселенной «настолько подтверждены современным естествознанием, что могут считаться вполне установленным и доказанным фактом».

Приняв на основании этого заявления факт совпадения между библейским текстом и данными науки, он приходит к желательному выводу, что автор «Книги бытия» обладал «божественным знанием».

Таков был остов возведенного Гладстоном здания; само собою разумеется, что здание это было разукрашено самой разнообразной риторической отделкой, на которую Гладстон был такой мастер. На первый взгляд оно могло показаться сносным и прочным, но в действительности это было здание, возведенное на песке и лишенное всякой прочности.

Это было обнаружено очень скоро. Один из величайших естествоиспытателей XIX века проф. Гексли выступил против Гладстона и, основываясь на огромном фактическом материале, дал абсолютно неопровержимые доказательства нелепости гладстоновской теории.

На первое положение Гладстона о библейском разделении сотворения одушевленной природы на четыре группы Гексли не считает даже нужным отвечать. Что касается второго положения Гладстона, а именно, что это деление на четыре группы является установленным в науке фактом, то Гексли доказывает, что никакого такого деления в действительности не существовало, что, наоборот, все дает основание думать, что население воды, воздуха и суши вовсе не появилось на земле в указанной Гладстоном последовательности; что расположение ископаемых в слоях земли свидетельствует, что некоторые сухопутные животные возникли раньше водных, что библейская точка зрения не только не соответствует, как это утверждает Гладстон, данным науки, а наоборот — находится с ними в полном противоречии; что авторитет, на который Гладстон ссылается, а именно Кювье, давно потерял всякое значение в глазах ученых и что сейчас не найдется ни одного геолога, который бы придерживался точки зрения Гладстона. В заключение Гексли указал на полную необоснованность ссылки Гладстона на проф. Дана, которого Гладстон пытался было привлечь как свидетеля своей правоты.

В то же время и теология с своей стороны выступила в лице Драйвера, профессора того же Оксфордского университета, против Гладстона, указывая, что никакого совпадения между хронологическими периодами и библейскими днями творения не существует и установлено быть не может и что всякая попытка примирить библейскую теорию с наукой основывается на искажении и произвольном толковании библейского текста.

Таким образом рухнуло все здание Гладстона, подорванное научной критикой Гексли и ортодоксальным теологом Драйвером.

ГЛАВА VI.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

1. ХРОНОЛОГИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ.

В исследованиях, относящихся главным образом к вопросу о происхождении человека, имеются два пункта, в которых наука за последнее время одержала решительную победу. Значение этой победы очень велико; победы Кузы, Коперника и Галилея вряд ли сыграли бо́льшую роль.

Первый пункт касается древности человека на земле.

В вопросе о возрасте нашей планеты и жизни человека на земле отцы первоначальной христианской церкви нашли в библии указания на ряд тщательно отмеченных периодов, простирающихся от Адама до разрушения иерусалимского храма, с точным определением продолжительности каждого периода.

Таким образом, они имели библейскую хронологию — полную, непрерывную и точную, на основании которой они пришли к единодушному, разнящемуся лишь в некоторых мелких подробностях выводу. Некоторые из них, как например, Ориген, Евсевий, Лактанций, Климент Александрийский и большая часть отцов первых трех веков, основываясь главным образом на варианте библии семидесяти, полагали, что сотворение человека имело место около шести тысяч лет до христианской эры. Безусловное подтверждение этого взгляда они нашли в простом чисто-теологическом рассуждении: подобно тому, как семь подсвечников «Апокалипсиса» должны были доказывать существование семи небесных тел, вращающихся вокруг земли, так шесть дней творения означали шесть тысяч лет существования земли в ее первоначальной форме; и подобно тому как первый Адам явился на шестой день, так второй Адам — христос — явился на исходе шестого тысячелетия.

С другой стороны Евсевий и св. Иероним, основываясь на еврейском тексте, полагали, что сотворение мира произошло несколько раньше. Этот взгляд был господствующим в христианской церкви в течение пятнадцати веков.

Как просто относились «отцы церкви» к хронологии, можно видеть из таблиц Евсевия, в которых Моисей, Иисус и Вакх, Дебора,

Орфей и амазонки, Авимелех, Сфинкс и Эдип являются одинаково реальными личностями, с точно установленными годами рождения и смерти.

Правда временами между сторонниками более раннего и более позднего сотворения мира возникали очень серьезные раздоры, но в общем расхождение между ними, как мы видели, было не особенно велико, и можно считать установленным, что в первые века христианства «всегда, везде и всеми» признавалось на основании абсолютного свидетельства священного писания, что мир был сотворен от 4 до 6 тыс. лет до рождения христа.

Усумниться в этом было равносильно ереси.

В VII в. вопрос о хронологии земли трактовался Исидором Севильским. Насколько ребяческим было его отношение к этому вопросу, можно видеть из следующих цитат из его произведений:

«Иосиф жил сто пять лет. Греция начала возделывать злаки».

«Евреи находились в рабстве в Египте в течение ста сорока четырех лет. Атлас открыл астрологию».

«Дебора, сорок лет. Апполон открыл искусство медицины и изобрел цитру».

Рассуждая таким образом, Исидор пришел к выводу о шеститысячелетнем возрасте земли, и мнение это благодаря его авторитету держалось в Южной Европе в течение почти ста лет.

В VIII в. этот вопрос рассматривался Бедой, который, основываясь на еврейском тексте «Ветхого завета», уменьшил возраст земли на тысячу лет. Это вызвало некоторые протесты со стороны тех, кто в шести днях творения видел самый убедительный довод в пользу шеститысячелетнего возраста земли. Но так как авторитет Беды был очень велик, то мнение его стало господствовать в Западной Европе.

В XII в. этот взгляд получил подкрепление из нового источника. Моисей Маймонид и другие еврейские ученые путем тщательного изучения еврейского текста пришли к заключению, уменьшающему возраст человека на земле еще больше, и таким образом усилили мнение о более коротком возрасте земли. Это мнение стало догмой христианской церкви, и Винцент из Бове в своем («Speculum Historiale») установил сотворение мира за 4 тыс. лет до христианской эры.

Реформация оставила этот взгляд нетронутым. Приверженность к букве библейских текстов, столь характерная для Лютера, Меланхтона и других вождей реформации и побудившая их оказать такое противодействие теории Коперника, заставила их твердо держаться библейской хронологии. Лютер прямо заявил: «Мы знаем из библии, что больше, чем шесть тысяч лет, мир не существовал». Меланхтон, более точный, установил сотворение человека за 3963 года до христианской эры.

Вопрос о библейской хронологии продолжал занимать теологов. Дело дошло до того, что протестантский священник де Виньоль, в течение сорока лет изучавший библейскую хронологию, вынужден был заявить в 1738 г., что он собрал не менее двухсот расчетов, основанных

на библии, и между ними не было двух, которые бы совпали между собой.

Что касается римской церкви, то в 1580 г. было опубликовано по распоряжению папы Григория XIII жизнеописание мучеников, пересмотренное в 1640 г. при папе Урбане XIII, и в нем утверждалось, что сотворение мира произошло за 5199 лет до христианской эры.

Из людей, посвятивших себя этим хронологическим вычислениям, особенно сильное влияние на важнейшие христианские народы оказал архиепископ Эшер. В 1650 г. он опубликовал свои «Анналы Ветхого и Нового заветов» («Annals of the Ancient and New Testament»); эта книга вскоре стала величайшим авторитетом для всех говорящих по-английски наций. После тщательного изучения еврейского текста он установил, что человек был создан за 4004 года до христианской эры. Это решение было признано окончательным и было принято как католиками, так и протестантами. Меланхтон и Тостат, Лайтфут и Янсен, Сальмерон и Скалигер, Пето и Кеплер, инквизиторы и реформаторы, иезуиты и янсенисты, священники и раввины,— все сошлись на том, что сотворение мира произошло между 3900 и 4004 годом до христианской эры.

Однако, несмотря на утверждение всех этих авторитетов, от св. Иеронима и Евсевия до Эшера и Пето, поддерживавших библейскую хронологию, все же время от времени против последней возникали возражения даже среди ярых теологов. Источником этих сомнений в правильности библейской хронологии было более детальное знакомство с египетскими памятниками. В последние годы XVI в. Скалигер заложил основы более научной трактовки вопросов хронологии, настаивая в особенности на том, чтобы при рассмотрении этого вопроса были приняты во внимание исторические памятники Персии и Вавилона и особенно Египта. Более того; он имел смелость указать на то, что хронологические данные еврейских священных книг должны быть подвергнуты критическому рассмотрению при свете египетских и других памятников и без давления со стороны теологических взглядов. Однако это выступление Скалигера не оказало почти никакого действия и прежде всего на него самого, ибо власть теологических предрассудков тяготела над ним столь сильно, что разум его был подавлен и он отстаивал теологический взгляд на вопросы хронологии, несмотря на все противоречие последней с собственными его рассуждениями. Недаром один из новейших писателей сказал про него: «Среди людей с сильным умом, принесших в жертву предрассудкам весь свой разум, Скалигер, быть может, представляет наиболее разительный пример».

В начале XVII в. Вальтер Ралей в своей «Истории мира» писал: «Во времена Авраама все известные тогда части света достигли сильного развития... Египет имел великолепные города... и города эти были построены не из дерева, а из тесаного камня... Это великолепие свидетельствует о гораздо более древнем происхождении, чем это предполагают до сих пор...» В связи с этими своими взглядами Ралей высказал себя сторонником варианта «семидесяти толковников», дававшего ему возможность несколько удлинить возраст человечества на земле по сравнению с обычной, принятой теологической хронологией.

В некоторых частях Европы придерживаться новых взглядов на хронологию было весьма небезопасно. В качестве примера крайнего давления, оказываемого старой теологической системой на честных ученых, можно привести случай с Ля-Пейрером. Последний выпустил в середине XVII в. книгу о преадамитах, представлявшую попытку устранить всевозможные хронологические несогласованности библии допущением существования человека до Адама. Книга была встречена теологами всех стран с большим возмущением; в течение пятидесяти лет появилось тридцать шесть различных произведений, посвященных опровержению Ля-Пейрера. Парижский парламент приказал сжечь его книгу, а меклинский архиепископ посадил его в тюрьму, где он сидел до тех пор, пока не отказался не только от своих взглядов, но и от протестантизма.

Не менее серьезна была оппозиция растущей истине и в Англии. Особенно выдавался здесь Пирсон, ставший впоследствии епископом честерским. В 1659 году он выпустил трактат о вере, считающийся классическим трудом теологии, в котором осудил всех считающих, что возраст земли больше, чем 5600 лет; объявил египетские памятники подложными и призывал всех христиан вернуться к «непоколебимым устоям духа божьего».

Но, несмотря на все это, новые идеи проникли во все страны Европы. В 1672 г. Джон Маршем опубликовал труд, в котором он, ссылаясь на историю Египта, указывает, что христианские писатели исказили ее в своем стремлении оправдать во что бы то ни стало библейскую хронологию. Выступление Маршема против господствующей системы не дало однако больших результатов, несмотря на усилия выдающихся историков XVIII в., напрасно старавшихся привлечь внимание к ошибкам еврейской хронологии. Вера в сотворение человека около 4 тыс. лет до христианской эры оставалась господствующей в христианстве.

Любителям точных дат Лайтфут, вице-канцлер Кембриджского университета, дал полное удовлетворение, установив, что сотворение человека имело место 23 октября 4004 г. до христианской эры, в девять часов утра.

Это течение теологической мысли оставалось господствующим в течение всего XVIII в. и перешло даже в XIX в. Еще в 1850 г. Уилкинсон, один из английских египтологов, заявил, что ему удалось согласовать результаты исследований египетских монументов, так что его хронологические данные вполне совпали с библейской датой ноева потопа.

2. НОВАЯ ХРОНОЛОГИЯ.

Но не все исследователи оказались столь гибкими, как Уилкинсон. Вскоре появился ряд ученых, совершенно подорвавших своими изысканиями всю эту теологическую хронологию.

Несмотря на всю уступчивость таких людей, как Уилкинсон, стало очевидным, что, какова бы ни была принятая теологами хронологическая система, Египет был очагом цветущей цивилизации в период,

предшествовавший ноеву потопу, и что никакой потоп не прервал ее ни на одну минуту. Удар был тяжелый, но за ним последовал еще более тяжкий, ибо было доказано, что цивилизация в Египте началась задолго до эпохи предполагаемого сотворения человека.

Продолжительный возраст, приписываемый человеческой цивилизации в отрывках Манефона, египетского писателя III в. до христианской эры, оказался более соответствующим истине, чем данные теологической хронологии.

Как известно, первый из египетских царей, о которых упоминается в памятниках Нильской долины — это Мена или Менес. По указаниям Манефона Мена должен был жить приблизительно за 6 тыс. лет до христианской эры. Это предположение казалось сначала совершенно недопустимым, ибо оно находилось в абсолютном противоречии с хронологией священного писания. Но вскоре оказалось возможным изучить более тщательно важные отрывки первоначального труда Манефона и разобрать неполные надписи; были открыты списки царей и царских архитекторов в Карнахе, Сахаре и в двух храмах Абидоса. Не подлежит сомнению, что эти списки охранялись с большой заботливостью, и интересно отметить, что цари, признанные в настоящее время узурпаторами, отсутствуют в этих списках. Список царских архитекторов, охватывающий период от Сети до Дария, бросает особенно яркий свет на хронологические данные. Сравнивая все эти источники, самые осторожные ученые пришли к убеждению, что отрывки Манефона являются произведением весьма добросовестного и хорошо осведомленного человека. Принимая во внимание всякие смутные периоды раздоров и междуцарствий, они установили, что Мена царствовал более чем за 3 тыс. лет до христианской эры. Выдающийся французский ученый Мариетт относит его царствование к 5004 г., Бругш, немецкий ученый египтолог, — к 4500 г., а Мейер, один из наиболее ученых и осторожных историков древности считает, что оно не могло быть позже 3180 г. Таково же мнение английских египтологов Сайса и Флиндрес Петри.

Ни один сколько-нибудь мыслящий человек, не зараженный предрассудками, не может при посещении египетских зал Каирского, Британского или Луврского музеев не видеть в их памятниках первых династий результата развития искусства, науки, законов, обычаев и языка, потребовавшего огромного периода времени до эпохи Мены. Этот вывод становится для нас особенно обязательным, если вспомнить, как медленно развивается цивилизация на первых своих стадиях; ведь мы знаем, что эта медленность развития задерживает и поныне целый ряд первобытных народов в диком состоянии. К этому надо еще прибавить тот факт, что египетская цивилизация отличалась особенной косностью; кастовое устройство египетского общества служит одним из доказательств того, что египетская цивилизация не представляла собой быстро развивающейся цивилизации.

Что касается вопроса о продолжительности периода, предшествовавшего эпохе Мены, то конечно точно установить этот период не представляется возможным. Манефон дает списки великих людей, живших до этой первой династии; эти списки охватывают период свы-

ше 24 тыс. лет. Трудно сказать, насколько точна эта цифра, но во всяком случае нет никаких оснований предполагать, что она преувеличена. Бунзен говорит, что для развития цивилизации до той стадии, какой она достигла в эпоху Мены, потребовалось не меньше 10 тыс. лет. Какое из этих утверждений является правильным, сказать трудно, но ясно одно: для того чтобы цивилизация достигла такой стадии развития, необходим был огромный период времени, измеряемый десятками тысячелетий.

Этот вывод находит себе полное подтверждение в исследованиях нильского русла. При раскопках по берегам Нила в самых различных пунктах были найдены остатки гончарных изделий и других памятников цивилизации и при том на такой глубине, что нахождение их там можно объяснить только существованием человека за много десятков тысяч лет до христианской эры.

В довершение этой цепи неопровержимых доказательств древности человека целый ряд ученых археологов самых различных народностей— немцев, французов, англичан, американцев и др.— открыл в последние десятилетия XIX в. множество памятников дикого периода египтян, относящегося ко времени задолго до эпохи Мены. Эти памятники были открыты во множестве в самых разнообразных частях страны, от Каира до Луксора. Памятники эти относятся к категории доисторических орудий, доказывающих существование человека в совершенно других частях земли и в гораздо более отдаленную геологическую эпоху, чем утверждает библия. К одному из последних и наиболее убедительных открытий, а именно открытию кремневых орудий в слоях расположенных значительно ниже гробниц первых фиванских царей, и на высоких террасах, лежащих значительно выше нынешнего русла Нила, нам придется еще вернуться ниже.

Впрочем не один Египет дает нам доказательства полной нелепости хронологической системы, покоящейся на священном писании. Выводы изысканий, сделанных в Египте, находят себе полное подтверждение в раскопках, произведенных в Ассирии и Вавилоне. «В Британском музее,— говорит проф. Сайс,— можно видеть огромные высохшие на солнце кирпичи, на которых высечены имена и титулы царей, воздвигших храмы, в которых эти кирпичи были найдены... Они должны были жить задолго до библейского потопа».

Этот вывод вскоре был признан не вызывающим никакого сомнения. Списки царей и надписи на развалинах храмов, которые были некогда воздвигнуты в обширной долине между Тигром и Евфратом, явились доказательством того, что и здесь существовала цивилизация в эпоху, чрезвычайно отдаленную от той, о которой говорится в библии.

Таким образом, ассириология вместе с египтологией дали нам неопровержимые доказательства того, что якобы исторические сведения, заключенные в священных книгах, не имеют никакой исторической ценности, а являются лишь изложением всевозможных мифов и легенд.

ГЛАВА VII.

ДРЕВНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ.

1. ГРОМОВЫЕ КАМНИ.

Одновременно с тем, как теологическая хронология, основанная на данных священного писания, разрушалась раскопками в Египте, Ассирии и Вавилоне, появилась медленно развивавшаяся новая область исследований, оказавшаяся еще более роковой для библейской теории.

С очень давних времен при раскопках в земле находили в различных частях света странного вида каменные массы, то грубо отесанные, то отполированные. В древние времена наиболее крупные из них принимались за громовые камни, менее крупные за стрелы, при чем и те и другие считались оружием, брошенным на землю богами и другими сверхъестественными существами. Отсюда возникло отношение к ним как к священным предметам. В Халдее их вмуровывали в стены храмов; в Египте их вешали на шею умерших; в Индии можно и сейчас видеть на алтарях образцы таких камней, перед которыми возносят моленья и приносят жертвоприношенья.

Естественно, что эти верования вместе с другими перешли и в христианскую мифологию. В течение средних веков многие из таких хорошо отполированных камней были почитаемы как божественное оружие, которое во время «войны на небесах» было пущено в ход для изгнания сатаны и его армии; потому-то в XI в. один восточный император послал в подарок западному «небесную секиру», а в XII в. реннский епископ заявил, что громовые камни являются предназначенным богом средством для обеспечения успеха в сражениях, безопасности в море, предохранения от грома и неприятных сновидений. Даже в XVII в. один французский посланник подарил принцу, епископу верденскому, каменную секиру, уверяя, что она обладает свойством обеспечить здоровье ее владельцу.

В последние годы XVI в. Михаил Меркати пытался доказать, что «громовые камни» представляют собой оружие или орудия первобытных человеческих рас; по неизвестным причинам книга Меркати была опубликована лишь в следующем столетии, когда этим вопросом начали интересоваться другие исследователи, выработавшие другую теорию,

носившую на себе яркую печать теологической мысли. Это была теория Толлиуса, который утверждал, что эти гладкие или шероховатые камни образуются на небе сверкающим испарением скопленной в облаках жидкости. В 1715 г. было сделано открытие, прошедшее незаметным для широкой публики, но привлекшее к себе серьезное внимание ученых: в Лондоне было найдено большое заостренное кремневое оружие вместе с костями слона.

В 1723 г. Жиссье прислал во Французскую академию доклад о «Происхождении и применении громовых камней», в котором он привел образцы такого рода камней, доставленных в недавнее время путешественниками из разных стран света, и указал на сходство их с камнями, известными в Европе под названием «громовых камней». Годом позже иезуит Лафито утвердил эту мысль в умах ученых, указав в опубликованном им произведении на сходство между обычаями туземцев различных внеевропейских стран и обычаями первых обитателей Европы. Таким образом Жиссье и Лафито положили начало науке сравнительной этнографии.

Однако сделать соответствующие выводы из этих открытий по вопросу о древности человека означало подвергнуть большой опасности их авторов. Так Монтескье, осмелившийся намекнуть в своих «Персидских письмах», на то, что вселенная имеет возраст гораздо больший, чем это обычно предполагается, скоро убедился, с какой это опасностью связано для его книги, и в последующих изданиях выпустил это место.

В 1730 г. Махидель прислал доклад во Французскую академию о так называемых громовых камнях и представил также ряд плит, показывающих, что это были каменные орудия, употреблявшиеся людьми в первые эпохи человеческой истории.

В 1778 г. Бюффон высказал в своих «Эпохах природы» уверенность в том, что громовые камни были сделаны первыми людскими расами; но он не настаивал на этом, ибо у него была уже одна ссора с теологией, стоившая ему публичного отречения и унижения. Вот почему его указание не обратило на себя внимания.

В 1800 г. другой факт привлек к себе внимание мыслящих людей в Англии. В этом году Джон Фрере представил Лондонскому обществу антикваров различные кремневые орудия, найденные в слоях глины возле Хоксн. Что это были орудия, приготовленные человеческой рукой, в этом не сомневался никто, а так как они были найдены в крайне глубоких слоях, то отсюда был сделан вывод, что люди, сделавшие эти орудия, жили в весьма отдаленную геологическую эпоху. Спустя двадцать лет д-р Бэкленд опубликовал доклад по поводу этих и других такого же рода открытий, сделанных в наносах и пещерах. Доклад этот обратил на себя всеобщее внимание, но теологи были успокоены тем фактом, что автор объявил все эти остатки человеческих орудий в связи с остатками различных вымерших животных доказательствами ноева потопа.

В 1823 г. Буэ, член Венской академии наук, показал Бюффону различные человеческие кости, найденные в большой глубине в наносах верхнего Рейна, и высказал предположение, что они относятся к ранне-

му геологическому периоду. Кювье это, конечно, отрицал. Известно, что Кювье, будучи выдающимся зоологом, был очень плохим геологом, поведшим геологию по ложному пути. К тому же он жил в эпоху реакции; это был период восстановления Бурбонов в лице короля Людовика XVIII, царствование которого было пропитано духом клерикализма. Поэтому открытие Буэ было обойдено молчанием, а Эли де Бомон, ученик Кювье, занявший его место в руководстве геологической наукой во Франции, оказался еще более ярым противником идей Буэ, чем сам Кювье.

В 1825 г. английский католический священник Мак Энери, исследуя Кентскую пещеру близ Торквей, нашел человеческие орудия, смешанные с остатками вымерших животных; опасаясь, что эти открытия могут подорвать теологическую теорию, он сохранял их в тайне, и они были опубликованы лишь тридцать лет спустя Вивианом.

Царствование Карла X, последнего французского Бурбона, еще более усилило клерикальную реакцию, достигшую в эту эпоху апогея своего влияния во всей Европе. В королевском дворце во Франции заседал комитет церковников, принимая все необходимые меры для сохранения науки в «здравых» рамках. В Австрии кайзер Франц опубликовал свое знаменитое обращение к профессорам, в котором заявлял, что все, что от них требуется, это воспитать послушных подданных, а кто из профессоров не поставит себе этого главной целью своего преподавания, тот будет уволен. В Германии все многочисленные правители, начиная от короля прусского, будучи послушными орудиями в руках русского императора Николая, делали все от них зависящее для процветания «библейской науки». В Италии всякий профессор, высказывавший мысль, в чем-либо несогласную с учением церкви, немедленно увольнялся со службы. В Англии над всей наукой царил архидиакон Палей.

Конечно, эта реакция не смогла остановить научных исследований. В 1828 г. Турналь из Нарбонны открыл в пещере возле Биз предметы человеческого обихода с частями человеческого скелета среди костей вымерших животных. В следующем году Кристоль опубликовал отчет о своих раскопках в Гардских пещерах, где он нашел в положении, не допускавшем мысли о последующем вмешательстве, остатки человека, смешанные с костями вымершей гиены четвертичного периода. Но все эти открытия обходились молчанием благодаря влиянию духовенства.

В эпоху конституционной монархии Орлеанской династии реакционный пресс духовенства несколько ослаб, и мы видим, как открытия стали быстро следовать одно за другим. Памятники человеческой деятельности и даже человеческие скелеты, смешанные с костями вымерших животных, дали новые доказательства существования человека в эпохи, несравненно более отдаленные, чем это допускалось теологией.

Через несколько лет реакционное влияние клерикалов снова дало себя почувствовать в области науки. В 1833 г. Шмерлинг исследовал множество пещер в Бельгии и нашел человеческие черепа и кости в тесной связи с костями вымерших животных, вроде пещерного медведя, гиены, слона и носорога; все это было перемешано с остатками предметов, приготовленных человеческими руками.

Такого же рода открытия были сделаны де Серром во Франции и Лундом в Бразилии. Все эти открытия были встречены крайне холодно духовенством как католическим во Франции и Бельгии, так и протестантским в Англии и Голландии. Что касается Шмерлинга, то, будучи терроризован духовенством, он сочинил апологетическую теорию, наполовину научную, наполовину теологическую, надеясь успокоить ею представителей духовенства.

Не лучше обстояло дело и в Англии. Чарльз Ляйелль, ставший спустя тридцать лет столь горячим сторонником исследований доисторических памятников, в это время выступал еще под клерикальным знаменем. Известный теолог Коккберн осыпал геологов оскорблениями с церковной кафедры, а другие объявляли геологию «черной наукой» и «запрещенной областью».

В 1840 г. Годвин Остин представил Королевскому геологическому обществу отчет о своих открытиях в Кентской пещере близ Торквей; он особенно останавливался в нем на человеческих костях и орудиях, перемешанных с костями слона, носорога, пещерного медведя, гиены и других вымерших животных. Однако этот отчет, как и доклад Мак-Энери, представленный на пятнадцать лет раньше, встретил такое неблагоприятное отношение, что не был даже опубликован.

2. КРЕМНЕВАЯ УТВАРЬ И ОРУЖИЕ.

Середина XIX в. знаменует собой новую эпоху в истории науки—эпоху, когда все указанные выше открытия должны были найти себе истолкование при помощи исследований в другой области. В 1847 г. человек, до того неизвестный в мире науки, а именно Буше де Перт, опубликовал в Париже первый том своего труда о кельтских и додилювиальных древностях, где он рассказывал об открытии им многих тысяч типичных инструментов и предметов оружия в наносных слоях близ Аббевиля, в северной Франции.

Это открытие приобрело огромное значение, гораздо большее, чем сначала предполагал сам Буше. Само название его книги показывало, что он сначала рассматривал открытые им предметы как принадлежавшие людям, погибшим во время ноева потопа, но вскоре оказалось, что они никак не могут служить доказательством буквальной точности библейских сказаний о потопе, ибо они были найдены в террасах, расположенных на большой высоте над рекой Соммой; не подлежит сомнению, что они были отложены там в эпоху, когда речная система северной Франции весьма сильно отличалась от того, что она представляла собой в исторический период.

В течение десяти лет целый ряд геологов работал под его руководством, производя раскопки в наносах берегов Соммы, и по истечении этого срока он опубликовал результат всех работ. Труд его был встречен во Франции сначала «заговором молчания», а затем презрительной оппозицией со стороны ортодоксальных ученых с Эли де Бомоном во главе.

Эта тяжелая неподвижная оппозиция казалась непобедимой; противники Буше не пожелали даже считаться с его заявлением, что он видит в этих остатках доказательство ноева потопа и точности библейских сказаний. Они инстинктивно чувствовали, как опасны эти открытия для теологической теории, и были правы. Сам Буше скоро убедился, насколько безумны попытки объяснить их согласно теологической теории.

Надо признаться, что Буше сам дал оружие своим противникам. Увлекшись своими открытиями, он пришел к самым изумительным выводам. Иллюстрации, которыми снабжен последний том его большого труда и которые якобы показывают человеческие черты и надписи на некоторых открытых им кремневых орудиях, достойны юмористического сборника; в Национальном музее археологии в Сен-Жермене под полками, на которых хранятся открытые им предметы, находятся ящики, полные множеством найденных им вещей, которые не имеют никакой ценности, но на основании которых он составил совершенно недостоверные заключения о языке, обычаях и религии доисторического человека.

Среди самых ярых противников Буше находился сначала д-р Ригодло, который сам начал производить раскопки в С. Ашеле с целью опровергнуть данные Буше. Однако при этих раскопках он нашел орудия такие же, какие Буше нашел возле Аббевиля, и убедился, что человек существовал в эпоху наносов. В результате Риголлю стал сторонником научной теории. Такого же рода открытия сделал годом позже Годри.

Однако наиболее значительную помощь новая геологическая теория получила сначала не со стороны французских геологов. Последние отчасти из почтения перед Кювье не проявили особого усердия в признании новой истины.

Сильный интерес к новым открытиям проявили англичане. Наиболее выдающиеся английские геологи посетили места раскопок и, убедившись, что открытия Буше, Риголло и других являются действительностью, признали новую истину и стали ее проповедывать.

После этого у Буше появился новый союзник уже во Франции. Против доводов Буше и других исследователей пещерных костей обычно приводили возражение, что найденные орудия могли быть нанесены туда большими течениями и, следовательно, орудия эти могли быть совсем недавнего происхождения. И вот в 1861 г. Эдуард Ларте опубликовал отчет о своих раскопках в Ориньякской пещере, окончательно доказавших существование человека в четвертичную эпоху. Дело в том, что пещера эта еще в доисторические времена была плотно закрыта камнем у самого входа, таким образом доступ воды в нее был невозможен. И все же в этой пещере Ларте нашел кости восьми (из девяти) главных видов животных, характерных для четвертичного периода, а на них знаки режущих орудий и посередине пепел и угли.

Несмотря на всю убедительность всех этих открытий, все же кое-где находились еще охотники защищать старую теологическую точку зрения. Тем или иным путем,— говорили они,— стечением осо-

бых обстоятельств произошло то, что эти кости вымерших в весьма отдаленные времена животных пришли в соприкосновение со всеми этими человеческими костями и орудиями в столь различных областях, и поэтому они отказывались признавать человеческие кости принадлежащими к тому же периоду, что и животные. Рассуждения этих сторонников теологической теории напоминают слова Персонса, который утверждал, что бог создал вселенную 5600 с чем-то лет назад, и на вопрос, что же бог делал до этого времени, отвечал: «Он строил план ада для задающих такие вопросы». Однако, последовавшие вскоре новые открытия привели к молчанию последних сторонников библии. В разных местах Франции, Швейцарии и других странах были найдены грубо, но отчетливо вырезанные на камнях и костях различные виды давно исчезнувших животных. Эти находки вскоре можно было видеть во всех главных музеях. Ясно было, что эти камни и кости были вырезаны жившими тогда людьми. Об этом с несомненностью свидетельствовал тот факт, что путешественники, возвращающиеся из ледяных областей Северной Америки, привозили с собой такие же изображения современных животных, вырезанные эскимосами во время длинной арктической зимы.

Все эти открытия, неопровержимо доказывавшие, что человек не только был современником давно вымерших животных отдаленнейших геологических периодов, но и то, что он в то время вышел уже из дикого состояния, дали новое направление человеческой мысли. Особенно ясно это обнаружилось в 1863 г., когда Ляйелль опубликовал первое издание своего «Геологического доказательства древности человека»; тот факт, что он так долго противился новым взглядам, особенно подчеркивал все значение признания им научной теории.

Исследователи занялись поисками доказательств существования человека в раннюю четвертичную, а может быть, и в третичную эпоху. В 1864 г. Мортилле основал специальный журнал, посвященный этому вопросу. В 1865 г. в Италии состоялся первый съезд ученых, посвященный этим исследованиям, распространившимся по всем странам. Исследования бельгийских пещер, начатые Дюпоном в 1864 г., дали Брюссельскому музею 80 тыс. кремневых орудий, 40 тыс. костей животных четвертичного периода и большое количество человеческих черепов и костей, найденных вместе с этими остатками. Известия о таких же открытиях поступали из Германии, Италии, Испании, Америки, Индии и Египта.

Находки костей и кремневых орудий были сделаны также в различных местах британских островов. Тщательные исследования пещер у Брикслэм и Торквей установили с несомненностью существование человека в раннюю четвертичную эпоху. Вместе с тем было установлено существование в Англии периода, предшествовавшего ледниковому или представлявшего промежутки между различными ледниковыми периодами в Англии, когда обитатели британских островов представляли собой дикарей, но уже умевших пользоваться грубыми каменными орудиями. Но — что было еще важнее — доказано было также, что в истории этой эпохи имела место постепенная эволюция. В верхних

слоях пещер были найдены вместе с остатками северного оленя, переселившегося из этих областей в более северные и сохранившегося там, каменные орудия, свидетельствующие о крайне слабом прогрессе культуры. Под этим слоем обычно лежал другой пласт, в котором остатки оленя встречаются редко, зато чаще можно было видеть кости мамонта, найдены были орудия, приготовленные менее искусно, чем лежащие в верхних, менее давнего происхождения слоях; наконец, в самых нижних слоях, лежащих у дна этих древних пещер, с остатками пещерного медведя и других древнейших вымерших животных, находились орудия еще более грубой формы, относящиеся к самой ранней стадии цивилизации. Все это ясно свидетельствует о постепенной эволюции человеческой культуры.

Все эти открытия указывали на большую древность человеческой расы; вместе с тем они заключали в себе зародыш еще другой великой истины, которая имела еще более важные и губительные последствия для теологического мировоззрения; мы остановимся на ней подробнее в следующей главе.

Но на этом дело не остановилось. Появились новые доказательства, свидетельствующие о еще большей древности человека. Остатки животных были найдены в соединении с остатками человека, что доказывало не только существование человека во времена еще более отдаленные, чем об этом могли думать самые смелые новые исследователи, но что некоторые из этих ранних периодов его существования обнимали огромные промежутки времени, охватывавшие климатические изменения, характерные для различных геологических периодов, ибо вместе с остатками огня и человеческими орудиями и костями были найдены не только кости покрытого шерстью мамонта и пещерного медведя, носорога и северного оленя, которые могли быть отложены там только в период арктического холода, но и кости гиены, гиппопотама, острозубого тигра и других подобных животных, которые могли жить в этих местах только тогда, когда там существовал жаркий климат. Соединение этих остатков свидетельствует о том, что человек жил в Англии довольно давно и достаточно долго для того, чтобы пройти через эпохи арктического холода и тропической жары; эпоху, когда Англия была покрыта сплошными ледниками, простиравшимися конечно и на европейский континент; эпоху, когда Англия была связана сушей с европейским материком, а последний—с Африкой, что позволяло тропическим животным свободно переходить из Африки в средние области Англии.

Мы видели, что раскопки, касающиеся существования доисторического человека в Англии и на континенте, производились главным образом в пещерах; но существование человека в самый ранний четвертичный период нашло себе подтверждение другим, еще более поразительным путем, а именно — тщательным исследованием дилювиальных отложений и глубоких песчаных пластов. Результаты, полученные Буше де Перт, полностью подтвердились в Англии. Грубые каменные инструменты были найдены на террасах, расположенных на тридцать и более метров над уровнем современного течения различных рек Вели-

кобритании, и при обстоятельствах, свидетельствующих, что в момент их отложения реки Великобритании во многих случаях сильно отличались от нынешних и представляли части речной системы европейского материка. Исследования, сделанные на возвышенностях, лежащих над Темзой и другими британскими реками, с несомненностью доказали, что человек существовал на британских островах в то время, когда они были соединены сушей с материком; кроме того эти исследования доказали, что в эпоху существования человека в северной Европе большая часть британских островов опустилась на глубину от 1 500 до 2 500 футов ниже уровня Северного океана, а затем снова поднялась из воды, образуя часть европейского материка, который в свою очередь составлял одно целое с нынешней Африкой. Более того, внимательное изучение земли и ее изменений привело геологов к убеждению, что эти подъемы и опускания Великобритании и других частей земли не были результатом внезапных катаклизмов, но обычно совершались постепенным и медленным путем в течение огромных промежутков времени. Такого рода процессы имеют место и в настоящее время в разных пунктах земного шара.

Подтверждения этих выводов стали получаться со всех сторон. В Африке были открыты кремневые орудия в плотном песчаном слое долины Нила, у Луксора и в высоких холмах позади Эсне. В Америке открытия доисторических остатков по берегам Тихого океана и особенно в Британской Колумбии доказали, что в Новом свете человек существовал в эпоху не менее отдаленную, чем в Старом.

Еще больше значения этим открытиям древних орудий придали сравнения, сделанные выдающимися физиологами, сравнившими человеческие черепа и кости, найденные в различных местностях и при обстоятельствах, свидетельствующих о глубокой древности их.

Такого рода человеческие кости были найдены у Канштадта возле Штутгарта в 1835 г. и в Неандертале возле Дюссельдорфа в 1856 г.; позже они были найдены во множестве мест, особенно в Германии, Франции, Бельгии, Англии, на Кавказе, в Африке и обеих Америках. Сравнение этих костей между собой показало, что даже в ту отдаленную четвертичную эпоху существовало бо́льшое различие рас; а это обстоятельство свидетельствовало о еще более древнем существовании человека, ибо для развития таких расовых различий требовалось, конечно, очень много времени. Эти соображения дали новый импульс предположениям о существовании человека уже в третичный период. Все доказательства в пользу этого предположения были искусно собраны Мортилле; сторонником этой мысли сделался и прежний ярый противник ее—Картфаж, один из самых консервативных антропологов. Эти авторы высказывали твердую уверенность в том, что человек существовал уже в третичную эпоху, а такой осторожный и консервативный исследователь, как Альфред Рессель Уоллес, относил происхождение человека к еще более раннему периоду — к миоцену.

Самым главным доводом, если не окончательным доказательством, существования человека в третичный период был тот факт, что все многочисленные находки человеческих остатков в самых различных

и отдаленных между собой местностях (от Северной Европы до Южной Африки, от Франции до Китая, от Нью-Джерси до Британской Колумбии, от Британской Колумбии до Перу) с несомненностью свидетельствовали, что в самом начале четвертичной эпохи существовали отчетливые расовые различия среди тогдашних людей, число которых было в то время весьма значительно. Ясно, что развитие человека в таком количестве и с такими различиями необходимо предполагает существование его задолго до этого.

Это предположение было подкреплено находками костей, носящих на себе явные знаки режущих орудий, в третичных образованиях Франции и Италии.

Правда, некоторые особенно осторожные ученые долгое время считали еще не окончательно доказанным существование человека в третичную эпоху. Но наличие человека в четвертичный период и они считали несомненным, так что даже некоторые теологи вынуждены были признать этот факт.

Что касается попыток точно установить продолжительность различных геологических периодов, то они не дали точных результатов. Но на одном они все сходятся: древность человека на земле значительно превышает тот срок, который установила для него вселенская церковь «навсегда, всюду и для всех».

ГЛАВА VIII.

ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И АНТРОПОЛГИЯ

В предыдущих главах мы видели, как наука, особенно в XVIII и XIX столетиях, внесла коренные изменения в вопрос о древности человека на земле и как от соприкосновения с научными исследованиями в области геологии и археологии рушилось все здание библейской хронологии, воздвигнутое сначала первыми «отцами церкви», затем средневековыми схоластиками и наконец новейшими церковными реформаторами.

В настоящей главе мы намерены дать краткий очерк того, что сделала антропология (с помощью этнологии) для выяснения пути эволюции человеческой цивилизации.

В этом вопросе мы также имеем полный переход от старых воззрений, основывавшихся на букве священного писания, к научным взглядам, покоящимся на неопровержимых фактических доказательствах.

С того времени, как человек стал посвящать свое внимание разрешению окружающих его проблем по вопросу о жизни и развитии человечества на земле, существовало два противоположных воззрения. Одно заключается в вере в сотворение человека «в начале времен» в качестве законченного существа, одаренного высочайшей моралью и силой разума, и в последовавшее затем «грехопадение», после которого начался мир зла, труда, печали и смерти.

Нет ничего более естественного, как такое объяснение существования зла в те времена, когда человек не имел никакого представления о закономерности, но везде видел одни лишь чудеса. При таких обстоятельствах такое объяснение является самым легким, ибо оно соответствует видимости явлений. Это обстоятельство является столь же естественным на первых ступенях развития человека, как и вера в то, что всемогущий творец вешает звезды на твердом небосводе над землей, как фонари, или скрывает по ночам солнце за горой, или катит планеты вокруг земли, или посылает кометы в качестве «чудес и предзнаменований», или позволяет злым духам распоряжаться громом,

молнией и бурей, или открывает «хляби небесные», чтобы выливать на землю находящиеся над небесами воды, и т. д.

В греческой мифологии этот взгляд прекрасно изложен у Гезиода. Согласно его воззрению, первые люди представляли собой «золотую расу»; подобно богам, они вели жизнь, лишенную забот, труда и беспокойства; старость была им незнакома; они жили в состоянии блаженства, недоступные ни для каких болезней; смерть их походила на сон; к их услугам были все блага мира; плодоносные поля приносили им плоды и жатвы по первому их требованию; они обладали большими стадами и почитали богов. Так продолжалось до тех пор, пока не произошло падение, вызванное человеческим любопытством. Пандора, первая сотворенная женщина, получила ящик, который она, согласно божьему повелению, не должна была открывать. Она не послушалась и открыла его. Из него посыпались на землю печали, болезни и волнения; осталась только надежда.

В римской мифологической поэзии мы находим одно из многочисленных выражений этой веры в первоначальный золотой век у Овидия.

Это воззрение, которое мы встречаем в мифах, легендах и теологиях самых древних народов, перешло от них к евреям, в священных книгах которых мы находим полное его изложение. Что касается христианской церкви, то в начале своего существования она не придавала большого значения этому вопросу, и только впоследствии представление о первоначальном золотом веке человека стало одной из церковных догм.

Другое воззрение, как противоположная точка зрения во вопросу о жизни и развитии человечества на земле, тоже появилось очень давно и заключалось в том, что человечество не упало из состояния высокого умственного, нравственного и религиозного развития в более низкое, а, наоборот, медленно поднималось из самого дикого состояния. В Греции среди философов, современников Сократа, этот взгляд развивал Критий, изображавший подъем человека из эпохи дикого животного состояния через период развития законов к периоду нравственного развития. Но наиболее ярким представителем этой теории был Лукреций, давший изложение ее в своей великой поэме «О природе вещей». Несмотря на заключенные в ней ошибки, она остается до сих пор одним из замечательнейших примеров проникновения в историю человеческого рода. Взгляд Лукреция на развитие цивилизации, от грубейших зачатков ее до высочайшей достигнутой ею ступени, основывался на наблюдении и размышлении; это дало ему возможность установить на ряду с фантастическими положениями ряд поразительных фактов. Так, например, в одном месте он говорит: «Первым орудием человека были пальцы, зубы и ногти, а также камни и ветви деревьев. Затем появилась медь, а за ней железо». Таким образом Лукреций предсказал одно из плодотворнейших открытий науки, а именно последовательность эпох в развитии человечества в связи с металлом, служившим для выработки орудий.

В течение средних веков этот взгляд на развитие человечества оказался в полном забвении. Реформация не внесла никаких измене-

ний в это положение вещей. С какой изумительной по своему невежеству простотой подходили деятели реформации к этому вопросу, можно видеть из следующего заявления Лютера об Адаме и Еве. «Они вошли, — говорит он, — в рай около полудня; затем Ева проголодалась и взяла яблоко; тогда последовало грехопадение — по нашему расчету около двух часов пополудни». Но с возрождением науки снова появилась старая забытая истина, и среди преступлений, за которые в начале XVII в. Ванини был осужден в Тулузе к вырезанию языка и сожжению на костре, числилось также и убеждение его в том, что человечество в течение своего существования на земле прошло долгий путь постепенного развития от дикого до культурного состояния.

Однако в том же XVII в. писания Бодена, Бэкона, Декарта и Паскаля сильно подорвали теологическую теорию «грехопадения».

В самом начале XVIII в. Вико выступил со своей философией истории, изображавшей постепенное развитие человечества от варварского животного состояния до высоких ступеней культуры. В дальнейшем эта мысль стала господствующей в науке о человеческом обществе.

Наконец, археологи Томсен и Нильсен дали научную классификацию периодов развития доисторического человека в различных частях света, установив следующие периоды: древний каменный, новый каменный, медный, бронзовый и железный. Собрав огромное количество фактов из всех стран света, сопоставив их между собой и установив взаимную связь между ними, они с абсолютной неопровержимостью доказали, что история человечества представляет собой не «падение», не переход от золотого века к худшему, а наоборот, подъем от варварского состояния четвертичной, а может быть, и третичной эпохи до цивилизованного состояния нашего времени.

Первый удар теории «грехопадения» был нанесен, как мы видели, геологией. Согласно этой теории, которая господствовала в христианской церкви от самого начала ее существования до нашего времени, утверждение священного писания, что «смерть вошла через грех», было признано историческим фактом, из которого с необходимостью вытекало, что до того, как змий убедил Еву вкусить запретный плод, смерть была неизвестна на нашей планете. Естественно, что когда геология открыла в пластах земли, относящихся к эпохе задолго до появления человека на земле, огромное множество хищных животных, занимавшихся истреблением других животных на земле и на суше, и внутри окаменелых скелетов многих из них — полупереваренные остатки животных, то стало ясно, что теологическая теория о появлении смерти во вселенной лишь в результате грехопадения не может больше признаваться ни одним разумным человеком.

В середине XIX в. учение о постепенном подъеме человечества от дикого первобытного состояния до высоких ступеней культуры получило сильную поддержку из нового источника. В последней главе мы видели, что в связи с фактами, доказавшими большую древность человека, возникли новые идеи, касающиеся развития человека на зем-

ле. Правда, противники Буше де Перт, не будучи в состоянии опровергнуть открытие им в древних слоях земли человеческих орудий, сильно упорствовали в утверждении о «недоказанности» открытия человеческих костей. Но торжество их было кратковременно. Ученые стали изучать с величайшей тщательностью старые находки, к которым присоединилось множество новых. В результате этих работ не только получила блестящее подтверждение мысль о древности человека на земле, но была установлена новая истина, которая была встречена врагами науки еще более враждебно, а именно, что человек не перешел из высокого состояния, в котором он находился при своем сотворении около шести тысяч лет назад, в более низкое, но наоборот: появившись на земле в период, неизмеримо более ранний, чем это утверждают сторонники священного писания, он сначала находился в состоянии, близком к животному, и лишь постепенно и медленно развивался, шествуя вперед по пути цивилизации.

Остановимся несколько на изложении относящихся сюда фактов. В 1835 г. проф. Егер нашел среди остатков четвертичного периода, открытых в Канштадте близ Штутгарта, часть человеческого черепа, повидимому весьма низкого типа.

В 1856 г. в Неандертале, близ Дюссельдорфа, среди остатков четвертичного периода на дне пещеры был найден другой череп, также очевидно весьма низкого типа. Были сделаны попытки дискредитировать это открытие так же, как это было сделано по отношению к канштадтской находке. Но тут последовали новые открытия: в целом ряде мест были найдены человеческие черепа столь же низкого типа. Хотя каждое открытие в отдельности и оспаривалось врагами науки, все же, сопоставив все открытия вместе, удалось с несомненностью установить, что в ту отдаленную эпоху не только существовала человеческая раса, но что по типу своего развития она стояла чрезвычайно низко, даже ниже самых первобытных современных дикарей.

Усилия были удвоены, и в результате были найдены человеческие черепа и полные скелеты самых различных типов в древних отложениях во многих странах, особенно во Франции, Бельгии, Германии, на Кавказе, в Африке и обеих Америках.

Из всех этих открытий скоро стал выявляться факт огромной важности. Черепа и кости, найденные в различных местах, были сравнены между собой, и это привело к убеждению, что уже в ту столь отдаленную эпоху люди стояли на различных ступенях развития, и что уже тогда существовали расы с весьма низкой культурой и расы, достигшие весьма высокой ступени цивилизации. В связи с этим стали очевидными два факта: во-первых, что для этих продолжительных, медленных процессов диференциации потребовались огромные промежутки времени, и, во-вторых, что путь развития человека от времени его появления на земле является путем движения вверх, а не вниз.

Еще более поразительное доказательство той же эволюции получено было из другого источника. В 1829 г. в Цюрихском озере были открыты сваи и другие древности, свидетельствовавшие о существовании там некогда человеческих жилищ, стоявших в воде на некото-

ром расстоянии от берега. Сначала на эти открытия не было обращено должного внимания, и только в 1853 г. работы в этом направлении были возобновлены, и во многих других швейцарских озерах были открыты такие же остатки прежних жилищ и среди них — множество других реликвий всякого рода, свидетельствовавших о степени цивилизации, которой достигли обитатели этих жилищ. Здесь были найдены орудия из полированного камня и из костей, различного рода глиняная посуда, ткацкие изделия, остатки некоторых домашних животных, различного рода зерна, окаменелый хлеб и множество других предметов, которые совершенно отсутствовали в предшествовавшие периоды. Все это свидетельствует о такой ступени цивилизации, которая стояла значительно выше состояния культуры в пещерную эпоху.

Был открыт еще один весьма важный, хотя на первый взгляд как бы незначительный, факт. Первые бронзовые орудия часто были копией каменных; это свидетельствует о том, что каменный век предшествовал бронзовому и развитие человечества шло от каменного века к бронзовому, а не наоборот.

Эти исследования были дополнены подобными же открытиями в других странах. Во многих других частях света были найдены следы озерных жителей. Было установлено, что эти люди стояли на различных ступенях человеческой цивилизации, но эпоха, в которую они все жили, лежала между периодом пещерным и историческим. Чтобы объяснить эту эпоху, историки приводили рассказ Геродота о том, что жители озерных жилищ на озере Прасиас находили в них защиту от персидских армий. Сравнительная этнография установила факт еще более важный, что в настоящее время в различных странах, главным образом в Новой Гвинее и Западной Африке, существуют племена, живущие в свайных постройках и употребляющие оружие и орудия, удивительно схожие с оружием и орудиями, найденными в швейцарских озерах.

С самого начала этих открытий церковники не переставали делать попытки ослабить действие этих доказательств человеческого прогресса. В качестве примеров приведем две такие попытки, интересные тем, что они предприняты были теологами двух различных школ. Первая из них связана с именем Соузолла, опубликовавшего в 1875 г. книгу под заглавием: «Недавнее происхождение мира». В этой книге он, основываясь на заявлении одного выдающегося египтолога (сделанном последним в то время, когда все указанные нами открытия не были еще хорошо поняты), что «Египет представляет собой насмешку над идеей о веках грубого камня и камня полированного, бронзовом и железном», утверждает, что Египет со своей высокой цивилизацией эпохи Мены, со своими расами, кастами, учреждениями, со своими обычаями, языком, памятниками, со всеми этими свидетельствами эволюции, которая потребовала длинного ряда веков, — что этот Египет вышел таким сразу из рук творца. «Египтяне, — говорит он, — не имели никакого каменного века; они родились цивилизованными».

Это рассуждение напоминает такое же рассуждение геолога Госса, утверждавшего, как мы видели выше, что бог в неисповедимых це-

лях перемешал шесть тысяч лет назад земные слои, разбросал между ними ископаемые остатки, как изюм в пудинге, почему-то поместил Ниагарский водопад в том месте, где он находится сейчас, и вообще натворил и нагромоздил во всем мире кучу всяческих предметов, больших и малых, простых и сложных,—и все это для того, чтобы обмануть современных геологов и заставить их думать, что все это является результатом медленной и многовековой эволюции.

Все это рассуждение лопнуло, как мыльный пузырь, в тот день, когда существование доисторического человека в Египте было доказано открытием каменных орудий в почве Саккары и в Гизе, в самом центре египетской цивилизации. Эти открытия были сделаны в 1867 г. сначала Ворсае, за ним последовали открытия Акселона, Гами и Ле-Нормана, сделанные в 1868 г. В 1872 и 1878 гг. такого же рода открытия были сделаны рядом других ученых. Но наиболее важное открытие сделано была зимой 1877/78 г. бостонским профессором Генри Хайнсом, извлекшим из земли в нескольких милях от Каира кучу каменных орудий, среди которых были кремневые топоры, похожие на топоры, найденные в отложениях аллювия Ашеля во Франции. Этот факт свидетельствовал о том, что люди, выделывавшие эти орудия в Египте, прошли через те же фазы развития, что и люди, жившие во Франции в четвертичную эпоху. Далее он открыл мастерскую, где изготовлялись эти орудия, что служило свидетельством того, что эти орудия не были занесены в Египет извне, но что египтяне додумались до них под влиянием собственных потребностей. Такого же рода орудия, сходные с орудиями, найденными в других странах, Хайнс нашел в других местах в Египте.

Все это с несомненностью доказывало, что за много десятков тысяч лет до первого периода египетской цивилизации, следы которой мы находим в памятниках первых династий, люди, жившие в долине Нила, прошли через те же фазы медленного развития, начиная от того периода, когда они, едва отличаясь от диких животных, защищались при помощи оружия из грубого неотесанного камня.

Окончательно вопрос был разрешен открытием, сделанным в 1881 г. В этом году генерал Питт-Риверс, президент антропологического института, и Дж. Ф. Кемпбелль нашли орудия, перемешанные с костями зебры, гиены и других животных, переселившихся впоследствии к югу, не только в отложениях аллювия, но возле Фив открыли кремневые орудия в твердом гравии на глубине около 2 *м*. Эти остатки, по выражению Кемпбелля, «неизмеримо древнее самых древних египетских храмов и гробниц».

Одновременно исследователями установлены были геологические изменения, потребовавшие огромных периодов времени, и следы работы человеческих рук, относящиеся к периоду, когда воды Нила протекали на сотни футов выше нынешнего их уровня.

Все эти открытия раз навсегда покончили с доводами Соузолла.

Другое выступление против выводов науки имело место во Франции. В 1883 г. аббат Амар опубликовал книгу под заглавием «Каменный век и первобытный человек» («Age of Stone and Primitive Man»).

Под влиянием выставленных на Парижской выставке 1878 г. доисторических орудий, расположенных по векам, он выступает с горькими жалобами против такого рода выставок, усматривая в них антихристианскую тенденцию, и называет науку «модным идолом». Он нападает на Мортилле, одного из вождей французской археологии, с большой яростью; говорит о «яде», которым пропитаны все книги о доисторическом человеке; жалуется, что церковь обнаруживает слишком много мягкости и деликатности по отношению к таким чудовищным учениям; высказывает свое глубокое сожаление по поводу уступок, сделанных науке некоторыми церковниками, и предсказывает себе мученический конец от рук людей науки.

Такого рода выступления, конечно, не имели никаких результатов. Несколько более серьезный характер имело возражение против выводов археологии, сводившееся к тому, что каменные ножи употреблялись в священном ритуале в Египте при бальзамировании, у евреев при обрезании, и что таково же могло быть происхождение открытых при раскопках кремневых ножей. Против этого возражения ученые археологи выдвинули три соображения. Во-первых, найдены были, как мы видели, не только ножи, но и топоры и другие каменные орудия, сходные с таковыми же орудиями доисторического периода, найденными в Западной Европе. Во-вторых, эти орудия были найдены в твердом гравии, который был отложен в период, очевидно, несравненно более ранний, чем эпоха Мены. И наконец, в-третьих, применение каменных орудий в египетском и еврейском ритуале в исторический период не только не является доводом против продолжительного и медленного развития человеческой цивилизации от стадии применения грубых кремневых орудий до стадии постройки величественных храмов периода первых династий, но, наоборот, подтверждает такое развитие. Сравнительная этнология показала, что священные каменные ножи и орудия египетского и иудейского ритуала были естественными пережитками предшествующего периода. По соображениям ритуального характера каменный нож считался более священным, чем бронзовый или железный, просто потому, что он был более древний, подобно тому как в настоящее время в Индии браминские жрецы зажигают священный огонь не при помощи спичек или кремня и стали, но прибегают к способу, применявшемуся на самых низших ступенях человеческой культуры, а именно — к сверлению куска дерева другим заостренным куском такого же дерева.

Совокупность всех этих фактов совершенно неопровержимо доказывает как древность человека на земле, так и постепенную эволюцию его от низших, граничащих с животным состоянием ступеней культуры до современных достижений цивилизации. Открытия, сделанные во второй половине XIX в. в Ассирии, установили, что церковное учение о «падении человека» представляет собой не что иное, как сказание, заимствованное евреями из древних халдейских легенд и перешедшее от них к христианству.

ГЛАВА IX.

ОТ „ВЛАСТИТЕЛЯ СИЛ ВОЗДУХА“ К МЕТЕОРОЛОГИИ.

1. РАЗВИТИЕ БОГОСЛОВСКОЙ ТЕОРИИ.

Народные верования классической древности касательно бурь, грома и молнии получили свое выражение в мифах, изображающих Вулкана — выковывающим громовые стрелы, Юпитера — бросающим их в своих врагов, Эола — передающим Энею ветры завязанные в мешке, и т. п. Попытку дальнейшего развития этих взглядов в теологическом духе мы находим в утверждении Пифагора, что молнии имеют целью устрашение осужденных в преисподней.

Но уже в очень ранний период мы встречаем зачатки научной точки зрения. В Греции ионийские философы считали, что такие явления подчинены определенным законам. Платон, Аристотель и многие менее видные греческие философы пытались объяснить их естественными причинами. Их объяснения, хотя и грубые, все же основывались на наблюдении и размышлении. В Риме Лукреций, Сенека, Плиний и другие, как ни ошибочны были их утверждения, заложили основы научной точки зрения. Но после того как христианство стало господствующим, развитие научного мировоззрения приостановилось. Новые вожди человеческой мысли нашли основу нового учения — или вернее видоизмененного старого воззрения — в библии, признанной ими священной.

Конец научной эволюции, основывавшейся на наблюдении и разуме, и начало церковного учения, основывавшегося на букве священного писания и теологии, можно проследить в речах «отцов церкви» в первые века христианства. Тертуллиан предполагал, что различные места священного писания доказывают тождество молнии с адским пламенем. Этот взгляд переходил из поколения в поколение и держался тем упорнее, что находил себе поддержку в том факте, что во время бурь нередко дает себя чувствовать запах серы. Св. Амвросий считал, что гром происходит от того, что ветры прорываются через твердый свод; в подтверждение этого взгляда он ссылался на одно место у пророка Амоса, где говорится о том, «кто устраивает громы». Повидимому, он имел некоторое представление об истинной причине дождя, но он нахо-

дился в тисках всевозможных библейских текстов. Он придает много значения небесному своду в качестве твердой наружной оболочки вселенной.

Основной принцип, в согласии с которым создавались и развивались все эти теологические теории, был яснее всего провозглашен миру св. Августином в знаменитой формуле: «Ни одно положение не может быть принято, если оно не имеет за собой авторитета священного писания, ибо этот авторитет больше, чем все силы человеческого ума». Поэтому ни одно сочинение не считалось здравым, если оно не было проникнуто духом этого положения и в точности не соответствовало букве его. А если к этому прибавить, что священные книги заключали в себе массу ошибок, сделанных при переписке, и что церковники рассматривали эти книги через призму всевозможных суеверий и предрассудков, то легко себе представить, каким тяжелым бременем лег этот принцип на развитие человеческого ума.

В VII в. епископ севильский Исидор придерживался того взгляда, что «воды над небесным сводом находились ниже верхнего неба, но выше низшего, ибо в 148-м псалме они упоминаются после небесных тел и «неба небес», но перед земными элементами.

В своих рассуждениях о метеорологических явлениях природы — радуге, дожде, граде, снеге и морозе — Исидор обнаруживает большую силу мысли, и можно предполагать, что если бы он не находился в тисках церковной теории, он мог бы многое сделать для настоящей науки.

Приблизительно через столетие на другом конце Европы появился второй ученый теолог, оказавший самое сильное влияние на теологическую мысль средних веков. Это был Беда Достопочтенный. В основе его теории также лежит общепринятая идея о «небесном своде» и «водах над небесами», заимствованная из «Книги Бытия». Небесный свод, согласно его воззрению, имеет сферическую форму и состоит из вещества нежного и огненного. «Температуру верхних небес, — говорит он, — населенных ангелами, бог умеряет при помощи льда, дабы они не воспламенили низших». Что касается вод, расположенных над небесным сводом ниже духовных небес, но выше всех телесных созданий, то о них он говорит: «Некоторые полагают, что они были запасены для потопа, другие же думают, что они имеют целью умерять огонь звезд». Далее он ведет длинные рассуждения о различных элементах и силах природы и, наконец, останавливается на вопросе о воздухе. О последнем он говорит, что верхний ясный воздух находится над небесами, в то время как нижний, грубый, с влажными испарениями, исходит из земли; в этом именно воздухе образуются молнии, град, снег, лед и бури. Главным доказательством служит у него ссылка на 148-й псалом.

Авторитет Беды был так велик, что почти все анонимные писания последующих веков, касающиеся этих вопросов, приписывались ему. В одном из таких апокрифических трактатов была сделана попытка пролить новый свет на источники вод над небесами, при чем в основание всех рассуждений кладется видение св. Петра, заключающее в

себе животных, спущенных с неба. Другой такой трактат является еще более любопытным, так как он старается объяснить землетрясение и морские приливы при помощи левиафана, упоминаемого в священном писании. Вот это место: «Некоторые утверждают, что на земле находится левиафан, хвост которого расположен таким образом, что он иногда подвергается ожогам от солнца, тогда левиафан поворачивается, чтобы схватить солнце; от этого гневного движения сотрясается земля. Иногда он выпивает такое огромное количество воды, что когда он ее выпускает из себя, это отражается на состоянии вод во всех океанах». И эта теологическая теория, объясняющая таким образом морские приливы и отливы, получила весьма широкое распространение.

В массе этих приписываемых Беде писаний мелькают иногда искры подлинного научного духа, которые однако быстро гаснут и не получают дальнейшего развития вследствие необходимости согласовать все с буквой священного писания.

В течение многих веков авторитет Исидора и Беды считался неоспоримым. Их учение было переведено на все языки и вбивалось в головы верующих при помощи бесчисленных руководств и катехизисов. Но во второй четверти XII в. некий священник Гонорий написал несколько сочинений, свидетельствовавших о некотором хотя и весьма ничтожном прогрессе в этой области человеческой мысли. Явление дождя он объяснял рационально и почти в полном согласии с современной наукой; менее удачным является его объяснение молнии, но и здесь он утверждает, что это «не камень, как многие думают». В своих писаниях он обнаруживает силу и независимость мысли, но он остается одиноким, ибо поток теологического мышления был слишком силен и поглощал все.

В XIII в. наиболее крупный авторитет того времени в области теологии Альберт Великий, епископ Ратисбонский, сделал попытку примирить умозрения Аристотеля с теологическими воззрениями «отцов церкви». В этом отношении он пошел дальше метеорологических взглядов своего знаменитого учителя. «Молния, — говорит он, — не представляет собой простой огонь, но является продуктом черных туч, содержащих много грязи, которая под влиянием огромной жары образует огненный черный или красный камень, падающий с неба и сокрушающий все на своем пути». Такие камни он якобы видел собственными глазами.

Монахи-энциклопедисты позднего средневековья мало что прибавили к этим теориям. Мы наблюдаем у них только все более возрастающую почтительность к Аристотелю, соединенную с авторитетом Исидора и Беды в объяснениях священного писания. Аристотель трактуется ими как отец церкви; все внимание обращено только на то, чтобы соблюсти великое правило св. Августина. При этом условии авторитет Аристотеля все более и более растет, Беда и Исидор отодвигаются на задний план, и положения Аристотеля считаются священными почти наравне с текстом священного писания.

Любопытный пример затруднений, с которыми теологи встречались в своем стремлении примирить научные теории Аристотеля с

буквой священного писания, представляет вопрос о радуге. Заслугой Аристотеля является то, что его выводы относительно радуги, хотя и ошибочные, все же основываются на тщательном наблюдении и вытекают из логических рассуждений. Между тем, его христианские комментаторы, стремясь, с одной стороны, принять точку зрения Аристотеля, были связаны, с другой, необходимостью не отступать от библейского взгляда, по которому бог создал радугу как знамение Ною, что потопов на земле больше не будет. Даже такой мыслитель, как кардинал д'Айи, географические работы которого так много помогли впоследствии Колумбу, стал в недоумение перед этой задачей. Утверждая, что бог один может разрешить ее, он допускает, что до потопа ни одно облако не занимало такого положения по отношению к солнцу, чтобы образовалась радуга.

Таковы были главные характерные попытки, которые делала теология в течение почти четырнадцати веков к созданию метеорологической науки, согласованной полностью с указаниями священного писания. Но эти усилия имели целью создать главным образом основу для общей теории явлений. Оставалась еще необходимость объяснить целый ряд частных явлений, и здесь-то теологической мысли представилась арена для еще более усиленной деятельности.

С одной стороны, эти явления приписывались всемогущему богу, с другой — сатане. У первых «отцов церкви» мы постоянно находим упоминание о божьем гневе как о причине молний, бурь с градом, ураганов и т. п.

В первые годы христианства мы видим любопытную борьбу между христианством и язычеством в этом пункте. К концу II столетия император Марк Аврелий, спасая империю, вел войну с населением нынешней Венгрии. Во время решающего сражения, исход которого не был еще ясен, внезапно наступила сильная буря, ударившая в лицо врагам римлян. Римские войска сумели воспользоваться этим обстоятельством, и Марк Аврелий одержал решительную победу. И вот, сторонники каждой из религий, находившиеся в римских войсках, стали утверждать, что буря была послана именно их богом. Язычники настаивали, что это Юпитер под влиянием молитв его приверженцев послал бурю (на одном римском памятнике можно еще и теперь видеть изображение олимпийского бога, низвергающего на врагов римлян с открытых небес молнии и бурю с дождем). Христиане же утверждали, что бурю послал Иегова под влиянием их молитв. Тертуллиан, Евсевий, Григорий Нисский и св. Иероним были среди тех, кто настаивал на чудесном характере этого метеорологического явления, при чем в своем увлечении они не останавливались и перед извращением фактов.

С течением времени «отцы церкви» находили в подкрепление этого своего взгляда все больше и больше текстов из священных книг еврейских и христианских; только место Юпитера у них занял всемогущий бог библии и евангелий. В средние века этот взгляд стал общепризнанной истиной для верующих; эта теория получила дальнейшее развитие в сторону определения специальных грехов, за которые посылалось такое наказание. Так, например, флорентинский историк Вил-

лани приписывал наводнение и пожары «слишком большой заносчивости города Флоренции и неблагодарности ее граждан по отношению к богу», что, по мнению одного позднейшего историка, должно было означать «недостаточность внимания к религиозным обрядам».

В XIII в. цистерцианский монах Цезарь Гейстербах популяризировал эту теорию в центральной Европе. Его богатое собрание анекдотов, которые должны были служить иллюстрацией для религиозных истин, было в течение трех веков излюбленным чтением монахов в свободное время и оказало большое влияние на теологическую мысль последних столетий средневековья. В этом произведении он приводит несколько случаев применения богом молнии как для награды, так и для наказания. Так, он рассказывает, как ключник его собственного монастыря был спасен от рук грабителя ударом грома, который внезапно раздался на небе в ответ на его молитву, напугал грабителя и таким образом спас его; как в одном саксонском театре молния убила двадцать человек, пощадив находившегося тут же священника и не потому, что он был меньшим грешником, а из уважения к его сану; Цезарь рассказывает нам историю тревского священника, пораженного молнией в собственной церкви в то время, когда он звонил в колокола, чтобы удалить бурю; молния раскрыла грехи этого священника, так как она сожгла его одежду и истребила некоторые части его тела, показав, что грехи, за которые он потерпел наказание, заключались в тщеславии и невоздержанности.

В начале XVII в. епископ Майоли в южной Италии написал большое произведение «Каникулярные дни» (Dies canicularii), которое в течение ста лет оставалось излюбленной энциклопедией в католических странах. Говоря о громе и молнии, он сравнивает их с бомбами, бросаемыми против злых, и утверждает, что громовая стрела представляет собой «испарение, сгущенное и спекшееся в камень» и что «не может быть сомнения, что из всех орудий божьей мести громовая стрела является главным»; что при помощи этого орудия был истреблен Сеннахериб и его армия; что и Лютер в юности был предупрежден молнией против отпадения от католической церкви; что богохульство и нарушение субботы являются теми грехами, за которые это наказание специально посылается. Спустя пятьдесят лет иезуит Штенгель написал четыре толстых тома для развития этих мыслей. Три главы в них посвящены грому, молнии и бурям. Само собою разумеется, что автор считает их работой дьявола, «но, — говорит он, — последний может действовать лишь с разрешения бога, и гром является всегда божественным перстом, поражающим лишь грешников, характер же наказанного греха определяется пораженными органами». Спустя несколько лет в протестантской Швабии пастор Георг Нубер выпустил книгу «проповедей о погоде», в которой он подробно рассматривает все виды метеорологических явлений: бурю, наводнение, засуху, молнию и град. «Все эти явления, — говорит он, — посылаются богом за людские грехи, при чем молния и град являются специальными наказаниями за пять особых грехов, а именно за нераскаяние, неверие, пренебрежение к исправлению церквей, обман в уплате сборов духовенству и угнетение

подчиненных». Все эти свои утверждения он подкрепляет массой библейских текстов.

Это учение, одинаково принятое католиками и протестантами, породило кучу молитвенников против дурной погоды, из которых некоторые обнаруживают поразительное знакомство со всевозможными метеорологическими явлениями.

В конце первой четверти XVIII в. швейцарский профессор математики Шейхцер опубликовал свою «Священную физику», в основе которой лежал библейский текст, при чем он заявил, что буря, молния, гром и т. п. являются в буквальном смысле гласом божьим. Не лучше обстояло дело и в Америке. Типичным примером такого рода выступлений может служить собрание проповедей Инкриз Матзера, в котором он говорит: «Когда происходят сильные бури, то нередко в этом деле принимают участие ангелы... и иногда злые демоны». Приведя несколько примеров богохульников, пораженных молнией, он говорит: «ничего не может быть опаснее для смертных, как относиться с пренебрежением к страшным предзнаменованиям, особенно к страшным бурям».

Несмотря на все успехи науки, мы встречаем еще в 1870 г. во Франции епископа Верденского, утверждающего, что засуха поразила его округ за несоблюдение праздничного отдыха.

На ряду с этой теорией, приписывавшей все нарушения метеорологических явлений божьей воле, уже с ранних времен начала развиваться еще другая теория, обошедшаяся человечеству очень дорого. Вряд ли существовало когда-либо учение, которое причиняло бы целым народам и в течение многих веков столько физических и умственных страданий. Мы перейдем теперь к рассмотрению этой теории, убедимся, какие ужасные результаты имела она для человечества, и увидим, как наука ее уничтожила.

2. БУРЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ ДЬЯВОЛА.

В то время как «отцы церкви» и ученые теологи старались вывести метеорологическую науку из священных книг, в Европе окрепла масса традиций и привычек, возникших еще во времена язычества, и хотя те или иные теологи делали по временам попытки выступить против этих традиций, все же, в конце-концов, теология в целом их восприняла и освятила авторитетом церкви.

Язычникам Римской империи, как и северным варварам, не так трудно было доказать могущество нового бога, как трудно было убедить их в бессилии старых богов. Вера в чудеса новой религии скорее увеличивала чем уменьшала веру в чудеса старой, и церковь кончила тем, что перестала их отрицать, но стала приписывать их дьяволу. Юпитер и Один были переведены в категории слуг сатаны, которому они передали все свое прежнее могущество. Конечно теологи не преминули открыть в священном писании подавляющее доказательство правильности этих своих взглядов. Особенно большое значение придавалось библейскому выражению: «боги язычников суть дьяволы». Подкре-

пленное этим и многими другими библейскими текстами, учение это вскоре превратилось в одну из догм христианской церкви, которая сохранила всю свою силу вплоть до конца XVII в.

Могущество древних божеств в особенности отождествлялось с атмосферными явлениями. В ударах грома римлянам слышался голос Юпитера, а тевтонцам — Тора.

Таким образом тем, кто верил в то, что дождь или солнечное сияние являются ответом на их молитвы, предстояло сделать лишь один шаг к восприятию той мысли, что несвоевременные бури или засухи, наступающие несмотря на самые искренние их моления, являются плодом рук главного врага рода человеческого — «властителя сил воздуха».

Знаменитым «отцам церкви» нетрудно было найти подтверждение этого учения в священном писании. Св. Иероним заявил, что воздух полон бесов, основывая это свое утверждение на различных текстах из Исайи и послания к ефесянам. Св. Августин считал это положение не подлежащим никакому сомнению.

В течение средних веков это учение о дьявольском происхождении бурь значительно укрепилось. Беда твердо верил в него и приводил много рассказов в его доказательство. Фома Аквинский подтверждал его, высказавшись следующим образом: «Дожди и ветры... могут быть вызваны демонами». И в другом месте: «Догмой веры является положение, что демоны могут вызывать ветер, бури и огненный дождь с неба».

Альберт Великий проповедывал то же учение. Францисканец Бонавентура, который пользовался большим авторитетом в церкви и которому Данте отвел особенно почетное место в раю, усиленно защищал это учение. Его восприняли поэзия и живопись, которые много способствовали его развитию. Данте запечатлел его в своих стихах, а Бордоне—в одной из своих картин в Венеции, изображающей. наполненный демонами корабль, приближающийся к Венеции, и св. Марка, св. Георгия и св. Николая нападающими на это судно и рассеивающими дьявольский экипаж.

Папы неоднократно санкционировали это учение, которое, распространяясь, впитало в себя множество местных суеверий, благочестивых фантазий и всякого рода доводов, рассчитанных на воздействие на воображение масс.

Наивысшего своего развития это учение достигло в XV, XVI и XVII вв., когда оно получило свое выражение в многочисленных трактатах ученых теологов как католической, так и реформатской церкви и дало свои плоды в виде инквизиционных камер и эшафотов во всех христианских странах. В эпоху реформации и в следующие два столетия католическая и протестантская церковь соперничали между собой в развитии этой теории. Джон Экк, знаменитый противник Лютера, выпустил в свет снабженное примечаниями издание «Физики» Аристотеля, которое долгое время пользовалось большим авторитетом в немецких университетах. Хотя в тексте об этом учении не говорится ничего, но рисунки, изображающие земную атмосферу, чрезвычайно

наглядно показывают, как среди туч средних слоев воздуха царствуют демоны.

Лютер со своей стороны защищал это учение с еще большим усердием. Он утверждал, что сами ветры являются не чем иным, как добрыми или злыми духами, и что камень, брошенный в известное болото на его родине, должен вызвать страшную бурю, так как там содержатся в заключении демоны.

К концу того же века католики и протестанты встретили весьма благожелательно произведение Дельрио. В этом сочинении власть демонов над стихиями доказывается прежде всего ссылками на священное писание, где сказано, что «сатана ниспослал огонь с неба для уничтожение слуг и стад Иова, и что он вызвал сильный ветер, который уничтожил сыновей и дочерей Иова, когда они праздновали». Далее, Дельрио указывает на единодушное мнение всех «отцов церкви», что это было сделано самим сатаной, при чем он обращает особенное внимание на тот факт, что одна из казней египетских, а именно град, была сотворена, по ясному выражению библии, злыми ангелами. Цитируя «Апокалипсис», он указывает, что четыре ангела стоят в четырех углах земли, сдерживая ветры и не давая им причинить большого вреда людям; особенно подчеркивает он тот факт, что сатана назван апостолом «властителем сил воздуха». В заключение он в подтверждение всей этой теории проводит многочисленные ссылки из произведений «отцов церкви»—Климента, Августина, Иеронима и Фомы Аквинского.

Это учение пропагандировалось не только в толстых сочинениях, но и в многочисленных брошюрах и народных картинах. В «Compendium maleficarum» итальянского монаха Гуаччи, которое является, быть-может, наиболее занимательным произведением из всей литературы о колдовстве, можно видеть ведьму, которая собственной персоной несется через облако на дьявольском козле, в то время как под ней бушует буря; мы находим там также коллекцию анекдотов по большей части современных, которые имеют целью подтвердить это учение.

Первым и наиболее естественным средством против этой работы сатаны является молитва, и в христианских литургиях мы находим множество соответствующих молений, из которых некоторые сохранились и до сих пор. Весьма распространена была нижеследующая формула, приписываемая папе Григорию XIII: «Я, апостол христа, повелеваю вам, злые духи, вносящие волнение в эти облака, немедленно их оставить и рассеяться по диким и необитаемым местам, дабы вы не причиняли больше вреда ни людям и ни чему бы то ни было, что создано для пользования человека...» Это заклинание звучит конечно очень мягко по сравнению с некоторыми позднейшими заклинаниями, в роде, например, следующего: «Все присутствующие встают, и священник, подымая взоры к тучам, произносит следующее: «Я заклинаю вас, проклятые бесы, осмелившиеся воспользоваться для своих нечестивых целей силами природы, созданными богом для пользы людей, дерзнувшие проводить в действие ветры, собирать испарения, образовывать тучи и сгущать их в град... Я заклинаю вас, дабы вы прекратили на-

чатую вами работу, растворили град, развеяли тучи, рассеяли испарени и остановили ветры». Далее ритуал требует, чтобы на открытом месте был зажжен большой огонь, над которым должно быть сделано крестное знамение, присутствующие должны петь 114-й псалом, и в огонь должны быть брошены дурно пахнущие вещества в роде серы и вонючей камеди; последнее, очевидно, для того, чтобы «выкурить» сатану.

Всюду стало появляться множество руководств для заклинаний — от толстых фолиантов до небольших книг. Среди последних особенно замечательно руководство итальянского священника Локателли, носящее несколько длинное название: «Заклинания наиболее могущественные и действительные для рассеяния воздушных бурь, поднятых демонами по собственному почину или по желанию какого-либо слуги сатаны».

Учение о заклинаниях было полностью воспринято реформацией. Лютер сильно поддерживал его и в качестве наиболее действительного средства против грома и молнии рекомендовал первую главу из евангелия от Иоанна, указывая, что ему самому нередко удавалось прогонять бурю при помощи одного только крестного знамения.

Но так как заклинания все же не всегда оказывались действительными, то искали других средств и в особенности фетишей различного рода. Одним из первых образцов этого рода может служить приказ, данный, как передают, папой Александром I, о сохранении святой воды в церквах и спальнях для хранения их от демонов. Другое средство защиты найдено было в различных реликвиях. Весьма действительным средством считались также так называемые билеты зачатия conception billets»), продававшиеся кармелитскими монахами. Они заключали в себе формулу, написанную на освященной бумаге и обладавшую способностью прогонять демонов. Предполагалось также, что такой билет, зарытый в поле, служил защитой от непогоды и вредных насекомых[1].

Но наиболее прославленным средством считался в течение веков «Agnus dei», кусок освященного собственной рукой папы воска, изображавший эмблему хорошо известного «божьего агнца». Это изображение обладало столь чудотворной силой, что папа Урбан V считал три таких изображения весьма достойным даром для греческого императора. В латинских виршах, перечисляющих достоинства этих изображений, на первом месте стоит их метеорологическое действие, так как особенно подчеркивается их способность рассеять гром. Приписанное им папой Урбаном V действие, нашедшее себе выражение в литургических песнопениях, сильно способствовало распространению их по всей Европе и проникновению их глубоко в народные массы. Они считались наиболее могущественным средством против града, чумы, бурь, пожаров и колдовства. Это дело считалось настолько важным, что в 1471 г. была выпущена папская булла, согласно которой производство и продажа этого фетиша были признаны правом только самого папы, который исполнял соответствующую торжественную церемонию лишь в первый и седьмой год своего папства.

Другое излюбленное духовенством средство для борьбы с воздушными стихиями заключалось в уличных процессиях со статуями, реликвиями и священными эмблемами. Однако не всегда это средство оказывало действие. Так, церковная хроника передает, что однажды в Льеже XIII в. такая процессия, повторенная трижды, все же не привела к желанной цели, а именно не вызвала дождя. Стали искать причину и, наконец, нашли ее: оказалось, что забыли захватить с собой изображение богоматери. Ошибка была исправлена, процессия возобновилась, сопровождаемая пением священных песен, и немедленно полил такой дождь, что участники процессии должны были разбежаться по домам, чтобы укрыться от потоков воды.

У католиков такого рода процессии сохранились до настоящего времени. И сейчас нередко можно встретить на улицах католических городов торжественные шествия со статуями и реликвиями святых. Некоторые из этих святых специализировались на хорошей погоде, другие — на дожде. Шартрский собор считается у верующих католиков особенно счастливым, так как он владеет различными реликвиями св. Торена, специалиста против засухи, и св. Пиата, не меньшего специалиста против слишком большого обилия дождей. В некоторых областях, где святых приходится экономить, один и тот же святой служит попеременно то против засухи, то против дождей. Наилучшей защитницей против бурь считается обычно св. Варвара. Впрочем, в некоторых французских областях у нее имеются соперницы. Так, например, в Лиможском округе такой защитницей является Кронская божья матерь, ибо случилось однажды, что когда вся окружающая местность сильно пострадала от градобития, в Лиможской области, патронессой которой считается указанная богоматерь, не выпало ни одной градинки.

Но наиболее употребительным средством против силы воздушных стихий считается звон освященных колоколов.

Этот обычай начался еще во времена Карла Великого; сохранилось еще им изданное запрещение принятого в то время крещения колоколов и навешивания на них различных реликвий для защиты от градобития; но даже сам Карл оказался бессильным против средневековых суеверий. Вскоре для этого обычая были найдены теологические основания и в 968 г. папа Иоанн XIII сам крестил большой колокол своей соборной церкви в Латеране, назвав его своим собственным именем.

Эта идея развилась очень быстро, и мы видим, как она вскоре стала пропагандироваться в толстых томах, в многочисленных проповедях и в огромном количестве надписей, вырезывавшихся на самых колоколах. Эту отрасль теологической литературы можно еще и поныне изучать на огромном количестве колоколов в Европе. Один колокол в Базеле носит надпись: «Ad fugandos demones» («Для обращения в бегство демонов»). Другая надпись на колоколе одной церкви в Лугано гласит: «Звон этого колокола побеждает бури, прогоняет демонов и призывает людей». На одном из колоколов в Эрфурте мы читаем, что он «предохраняет от молнии и злых демонов». Надпись на колоколе одной иезуитской церкви в университетском городе

Понт-а-Муассонг гласила: «Они хвалят господа, рассеивают тучи, обращают в бегство демонов и призывают народ». Эта надпись датирована 1634 годом.

Это учение, естественно, породило целый ритуал освящения, и крещения колоколов превратились в чрезвычайно важные церемонии, во главе которых стояли нередко папы, короли и прелаты. Когда в 1824 г. в Версальском соборе были повешены четыре новых колокола взамен четырех разрушенных Великой французской революцией, то крещение их сопровождалось весьма торжественной церемонией, во главе которой находились Людовик XVIII и герцогиня Ангулемская.

Чтобы придать больше силы таким крещениям, иногда применялась иорданская вода.

При крещении колоколов произносились молитвы, вполне отвечавшие духу этих крещений. Так, обряд крещения в Париже заключал в себе молитву следующего содержания: «Когда бы ни зазвучал этот колокол, пусть он прогонит все дурные влияния нападающих духов, ужас их появления, бег вихря, удар молнии, вред грома, бедствия бурь и все духи ураганов». В другой молитве выражено пожелание, чтобы «звон этого колокола обратил в бегство огненные стрелы врага людей». В таком же духе были и все остальные молитвы этого рода.

Формы крещения излагались в различных молитвенниках, получавших непосредственное папское одобрение, и действия их считались вне сомнений.

Что касается протестантских теологов, то, принимая в общем теорию дьявольского происхождения бурь, они противились крещению колоколов и отрицали действие этого обряда на стихии. Лютер, нисколько не сомневаясь, что атмосферные волнения вызываются бесами, не допускал мысли, чтобы демоны были столь глупы, что на них может оказать действие звон колоколов; он считал их слишком могучими, чтобы на них могло воздействовать столь простое средство. Английская церковная реформация также считала правильным учение о вмешательстве дьявола в образование бурь, но в то же время относилась отрицательно к крещению колоколов как к действию, извращающему священный обряд и равносильному богохульству.

Тирский епископ Бинсфельд в своем трактате о доверии к признаниям ведьм посвящает целую главу доказательствам действия колоколов против атмосферных бурь. Основываясь на первой главе «Книги Иова» и второй главе послания к ефесянам, он настаивает на реальности вмешательства дьявола в образование бурь; затем при помощи теологических рассуждений, подкрепленных признаниями, вырванными в камере пыток, он доказывает действие колоколов на бесовские силы.

3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДЬМ.

В то время как развивалось это относительно безвредное учение о действии фетишей и колокольного звона на воздушные стихии, создавалась другая теория, связанная с рядом практических мероприятий, освященных церковью, — теория, которая с полным правом может

быть названа одним из величайших несчастий человечества. В самом деле, история знает мало ошибок, которые вызвали бы такое обильное пролитие невинной крови на протяжении стольких поколений и в стольких странах. Из старого языческого и христианского учения об участии дьявола в атмосферных явлениях возникла вера в то, что некоторые люди — мужчины, женщины и дети — могут обеспечить себе содействие дьявола в вызове бурь, ураганов, града, наводнений и других бедствий.

Знаменитые теологи развивали это учение, а духовенство ему покровительствовало до тех пор, пока к концу периода средневековья «непогрешимый» голос Рима не возвел его в догму, обязательную для христианской церкви. В 1437 г. папа Евгений IV в силу переданной ему богом власти и присущей ему благодаря этому непогрешимости издал буллу, требовавшую от инквизиторов, занятых следствием по делам ересей и колдовства, больше усердия против человеческих агентов князя тьмы и особенно против тех, кто обладает силой вызывать дурную погоду. В 1445 г. папа Евгений снова вернулся к этому вопросу и снова издал ряд инструкций и приказов, укрепивших в церкви эту догму. Но преемник Евгения, папа Иннокентий VIII, сыграл в этом деле еще большую роль: 7 декабря 1484 г этот папа издал свою буллу Summis desiderantes. Из всех документов, выпущенных когда-либо Римом, церковных или светских, ни один не вызвал такого пролития невинной человеческой крови. Руководимый библейским предписанием — «ты не должен допустить существования колдуний», — Иннокентий потребовал от духовенства Германии, чтобы оно не оставило без применения ни одного возможного средства для открытия колдунов и колдуний, особенно тех, кто при помощи дурной погоды разрушает виноградники, луга, сады и хлеб на полях. Эти правила основывались на различных текстах священного писания и в особенности на «Книге Иова». Чтобы привести их в исполнение, следователям по делам колдовства разрешалось разъезжать по Европе и особенно по Германии. В помощь им было составлено особое руководство «Молот ведьм» («Malleus Maleficarum»). В этом руководстве, которое почиталось в течение столетий как католической, так и протестантской церковью как произведение почти вдохновленное богом, учение об участии агентов дьявола в атмосферных явлениях получило дальнейшее развитие, при чем излагались различные средства для открытия и наказания этих слуг сатаны.

Путем применения пыток к тысячам женщин в соответствии с правилами «Молота» не трудно было добиться множества доказательств этой теологической теории метеорологии. Эти несчастные создания, подвергаясь самым ужасным пыткам в подземельях инквизиции, стремясь к смерти как к скорейшему избавлению от претерпеваемых ими мук, сознавались во всем, что требовали от них инквизиторы и судьи. Для этого надо было, чтобы инквизиторы только задавали наводящие вопросы и подсказывали надлежащие ответы; пленники, чтобы поскорее избавиться от мучений, раньше или позже давали требуемые ответы, хотя знали, что это приведет их на костер или эшафот. Поль-

зуясь правилом об «исключительных случаях», инквизиторы имели право применять к лицам, подозреваемым в ереси или колдовстве, пытки без всяких ограничений. В этих случаях не применялись даже ограничения, которые соблюдались в старом языческом мире, и обвиняемый, в конце-концов, должен был сознаться.

Таким путем теологическая литература средних веков обогатилась бесчисленными подтверждениями способов воздействия дьявола на погоду. Весьма характерны в этом отношении судебные хроники того времени. Особенно много мы находим в них признаний несчастных жертв, особенно женщин и детей, относительно способов, какими они вызывали град и бурю. Такие признания встречаются десятками тысяч. Среди них имеется признание одной женщины, которое положило начало одной из теологических догм, сохранявшейся в церкви в течение ряда веков. Под влиянием пыток эта женщина заявила, что, возвращаясь с дьяволом по воздуху с шабаша ведьм, она упала на землю вследствие смятения, которое возникло среди легионов сатаны, лишь только они услыхали звуки церковных колоколов, игравших Ave Maria. Женщина, обогатив таким признанием теологическую науку, была, конечно, сожжена на костре. Открытие же это быстро созрело в веру, что в тот момент, когда начинают звучать освященные колокола, вся сила сатаны парализуется. В доказательство правильности этой теории приводились тысячи подтверждений из камер пыток инквизиционных судов всех стран Европы.

В течение позднего средневековья главную роль в распространении этих открытий играли доминиканцы; в период же, следовавший за реформацией, это дело перешло в руки иезуитов, которые принялись за него с еще большим усердием и жаром. Иногда при этом возникали некоторые любопытные вопросы. Так, среди церковных властей дискутировался вопрос, отвечают ли своим имуществом осужденные ведьмы за ущерб, нанесенный бурями. Теологи склонны были, конечно, разрешить этот вопрос в утвердительном смысле, юристы же наоборот — в отрицательном.

Несмотря на все пытки, молнии и бури не прекращались, и выдающиеся теологи изощряли свой ум, чтобы придумать новые жестокости для «делателей погоды» и новые методы для парализования умыслов ведьм.

Но, начиная с XVI в., то тут, то там начинают появляться мыслители, пытающиеся умерить эти методы или противодействовать им. В это время Парацельз пытался объяснить раскаты грома по аналогии с грохотом пушечного выстрела. Но в лице знаменитого своего современника Жана Боден, обнаружившего горячую приверженность к самым нелепым суевериям в области исследования природы, эта попытка научного объяснения явлений грома встретила самого ярого врага. Он высмеял ее и объявил, что гром представляет собой «горящее испарение, приводимое в движение злыми духами и направляемое на землю с большим шумом и с выделением запаха серы». В подтверждение этого заявления он ссылался на признания подвергшихся пыткам ведьм и различные места в библии.

Конечно, выступать против таких доводов столь могущественных людей было опасно. В 1513 г. Помпонаций, профессор в Падуе, опубликовал сочинение под заглавием «Сомнения по поводу четвертой книги „Meteorologica» Аристотеля»; в этом сочинении он ставил также под вопрос общепризнанную власть дьявола в области метеорологии. Однако ему пришлось скоро пояснить, что в качестве философа он может эти вопросы ставить, но как христианин он, конечно, верит во все, чему учит мать-церковь. Только благодаря этому ему удалось избежать судьбы некоторых других авторов, осмелившихся взять под сомнение вопрос об участии колдуний в атмосферных явлениях.

Спустя несколько лет подобную попытку сделал Агриппа Неттесгейм из Метца. Видя безумие и жестокость господствующей теории, он пытался несколько смягчить ее. В 1518 г., будучи синдиком Метца, он пожелал спасти одну бедную женщину от обвинения в колдовстве. Но ему не удалось справиться с главным инквизитором, который опирался на священное писание, папские буллы, теологические факультеты и всю армию монахов. Агриппе не только пришлось оставить свою должность, но за эту попытку и другие подобного рода преступления его заключили в тюрьму, гнали из города в город, из страны в страну, и после его смерти его клерикальные враги, особенно доминиканцы, преследовали его память клеветой и инсинуациями и написали на его могиле в высшей степени злобную эпитафию.

Против этих попыток с особенной яростью выступил Жан Боден в своей знаменитой книге «Демономания колдунов», опубликованной в 1580 г. Боден, как известно, считался одним из наиболее ученых теологов во Франции, а, быть-может, и во всей Европе. Всю «науку» того времени, церковную и светскую, он пустил в ход для защиты господствующей теории. С неумолимой логикой пытался он доказать, что правильность этой теории гарантирована священным писанием и подтверждениями целого ряда пап и церковных соборов; с красноречивым призывом обращается он к духовным властям, умоляя их не обнаруживать никакой жалости к колдуньям, приводя пример царя Ахава, осужденного пророком на смерть за то, что он простил человека, заслуживавшего смерти, и французского короля Карла IX, который пощадил одного колдуна и вследствие этого сам вскоре умер.

Неудивительно поэтому, что к концу XVI в. преследования за колдовство и магию приобрели особую жестокость. В западных округах Германии главным организатором этих преследований был тревирский епископ Бинсфельд.

В трирском университете тогда подвизался проф. Корнелий Лоос. Это был теолог, усиленно боровшийся с протестантизмом. Но вопрос о вмешательстве дьявола и о могуществе колдунов вызвал в нем сомнения, которые он имел несчастье изложить в книге «Истинная и ложная магия». Хотя сомнения его носили весьма умеренный характер, однако книга была задержана в печати, рукопись конфискована и сам Лоос брошен в тюрьму. Здесь он был подвергнут всевозможным унижениям, и, будучи выпущен весной 1593 г. из тюрьмы, вынужден был отречься на коленях перед собранием служителей церкви

от своих взглядов. Всю свою остальную жизнь он оставался под бдительным надзором и время от времени попадал в тюрьму. По словам самого жестокого его врага, иезуита Дельрио, только смерть спасла его от колесования.

Что эта угроза не была пустой, свидетельствует другой случай, имевший место спустя несколько лет в том же городе. В течение последних десятилетий XVI в. выдающийся юрист Дитрих Фладе был ректором университета в Трире и главным судьей электорального суда. В качестве последнего ему приходилось выносить приговоры лицам, обвинявшимся главным образом в магии и колдовстве. Но, в конце-концов, он убедился, что в действительности этих преступлений не существует, что все признания в камерах пыток о союзе с сатаной, о путешествии на метлах на шабаш ведьм, о вызывании бурь, причинении болезней и т. п., являются или результатом безумия, или готовностью признать все, что угодно, и даже умереть, лишь бы прекратить мучительные пытки, которым обвиняемые подвергались до тех пор, пока не сознавались в приписываемых им преступлениях.

Начав действовать сообразно с этим своим убеждением, Фладе вскоре был арестован по распоряжению архиепископа, и против него была выдвинуто обвинение, что он сам продался сатане, о чем по мнению обвинителей, несомненно, свидетельствовали его колебания в преследовании колдунов и колдуний. Его подвергли пыткам, пока он не сознался во всем, что от него требовалось, и в 1589 г. он был удавлен и сожжен.

Не были защищены от преследований даже служители церкви, осмелевшиеся усомниться в реальности колдовства. Когда поэт — иезуит Фридрих Шпее, сопровождая на казнь осужденных за колдовство и принимая от них последние слова, имел возможность убедиться, что все они в последний момент, стоя на пороге смерти и не боясь никого, отказывались от своих признаний, исторгнутых от них при помощи мучительнейших пыток, тогда он написал книгу «Cautio Criminalis», в которой в очень умеренной форме рекомендуется более осторожный подход к обвиняемым в колдовстве и магии. Но у него не хватило смелости поставить на ней свое имя, и он выпустил ее анонимно, при чем, стремясь отвести от себя всякий след, он напечатал ее в протестантском городе Ринтельне. Однако идеи Шпее не получили широкого распространения. Правда, друг его Иоганн Филипп Шенборн, ставший впоследствии майнцским архиепископом, не допускал преследований по обвинению в магии и колдовстве в своей провинции. Н ооткрыто обосновать это свое поведение у него не хватило смелости, и после его смерти преемник его восстановил все эти дела с прежней жестокостью.

Защитники господствующей теологической теории сохранили все свои позиции. Победоносный епископ трирский Бинсфельд опубликовал книгу, в которой утверждал, что все признания, исторгнутые от колдуний под пытками, особенно признания в вызывании бурь и господстве над погодой, заслуживают самого полного доверия. Эта книга стала авторитетнейшим руководством во всей Европе как католи-

ской, так и протестантской. Еще более непреклонным был уголовный судья в Лотарингии Ремигий. На титульном листе своего ... литвенника он с гордостью записывает, что в течение пятнадцати лет он послал на казнь девятьсот человек по обвинению в магии и колдовстве.

Отношение к этим вопросам со стороны протестантизма было такое же, как и со стороны католицизма. В том же столетии Иоганн Вир, ученик Агриппы, сделал попытку создать теорию, которая, удовлетворяя церковников, должна была немного смягчить безумные жестокости, окружавшие его. В своей книге «De Praestigiis Daemonum», опубликованной в 1563 г., он заявляет о своей вере в магические силы, но говорит, что договоры с сатаной, путешествия ведьм на метлах через воздух, доставка детей дьяволу, поднятие бурь и причинение болезней, в чем столько детей и женщин сознались под действием пыток, — что все эти вымыслы и распространяются самим сатаной, и что поэтому лица, обвиняемые в колдовстве, должны рассматриваться как «одержимые», т.-е. должны считаться не столько грешниками, сколько жертвами.

Но как протестанты, так и католики были глухи к таким идеям. Вир подвергся жестоким преследованиям. Такова же была и судьба Беккера, протестантского священника, осмелившегося в следующем столетии не только поставить под вопрос власть сатаны над погодой, но и усомниться в физическом его существовании. Он был привлечен к суду, изгнан из своей церкви, а идеи его были признаны еретическими, при чем против них было издано столько опровержений, что один перечень их занял бы несколько страниц.

Реформация в начале еще углубила теологическое учение о колдовстве, ибо новая церковь стремилась доказать, что она в своем усердии не отстает от старой. В течение первого века существования реформации выдающийся лютеранский юрист и теолог Бенедикт Карпцов, хвастававшийся тем, что прочитал библию пятьдесят три раза, особенно отличился своим искусством в доказательствах существования колдовства и своей жестокостью в раскрытии и преследовании его. Инквизиционные камеры заработали сильнее, чем когда-либо, а юристы теологии еще усерднее стали заботиться о предоставлении материалов для работы этих камер.

Выступать против этих взглядов или даже хоть сколько-нибудь усомниться в их правильности было чрезвычайно опасно. Даже в начале XVIII в., когда Христиан Томазий начал свои выступления, положившие конец пыткам в протестантской Германии, он, несмотря на всю свою смелость, не дерзнул сначала выступить со своими взглядами под собственным именем, но представил их как университетские тезисы безответственного студента.

То же упорное сопротивление проникновению научного духа в теологические взгляды на колдовство мы наблюдаем и в Великобритании. Типичным примером отношения к этому вопросу как английских, так и шотландских протестантов может служить теория и практика короля Якова I, написавшего даже специальную книгу «Демоно...

мя». В ней он проявляет себя сторонником самых отвратительных черт теологического учения, а что касается практического применения последнего, то по его приказу была сожжена палачом книга Реджинальда Скота «Раскрытие колдовства», — одно из лучших произведений когда-либо написанных по этому предмету; кроме того, он принял сам деятельное участие в расследовании причин бури, которая застигла его невесту во время ее путешествия по Дании. Умелое применение самых изысканных пыток скоро помогло выявить эти причины. Некий д-р Фиан (Fian) под мучительной пыткой сознался, что несколько сот ведьм отправились в решете из Лейтского порта в океан, чтобы вызвать бурю с целью помешать приезду принцессы.

С появлением пуритан преследования за колдовство еще более усилились. Знаменитый «специалист» по раскрытию колдовства Мэттью Гопкинс, пройдя через все графство Суффолк и подвергший пыткам множество несчастных бедных старух, объявил эту область зараженной колдовством. Вследствие этого парламент отправил туда комиссию, которую сопровождали два пресвитерианских священника. Результатом работы этой комиссии было то, что в одном только этом графстве в течение одного только года было повешено 60 человек по обвинению в колдовстве. Еще хуже обстояло дело в Шотландии. Испанские ауто-да-фэ, только с пресвитерианскими священниками вместо католических патеров, стали там обычным явлением. В Лидсе в 1664 г. были сожжены на одном костре девять женщин. Пытки применялись здесь гораздо более свободно, чем в Англии, как для раскрытия колдовства, так и в виде наказания. Главный довод в пользу применения пыток заключался в следующем: если всемогущий творец подвергает свои создания столь мучительным и бесконечным мучениям, то почему его служителям на земле не подражать ему в этом?

Правда, новые научные идеи в астрономии, высказанные впервые Коперником и Галилеем и развитые впоследствии Ньютоном, Гюйгенсом и Галлеем, подрывали теологическое учение о власти сатаны в воздушной области, но надо отдать справедливость английским протестантам всех видов, что они достаточно упорно противились проникновению этих идей.

Заметим еще, что лютеранская церковь в Швеции и остальных скандинавских странах не отставала от других в преследовании колдовства и в борьбе с идеями, подрывавшими веру во власть сатаны и его земных слуг.

Но, несмотря на все эти жестокие преследования, продолжавшиеся во всех странах, несмотря на трагическую судьбу таких людей, как Фладе, Лоос, Беккер и многие другие, несмотря на то, что церковь фактически исключала из своих рядов всех, кто высказывал малейшее сомнение в теологической теории, — несмотря на все это, научный взгляд на небеса развивался все больше и больше, физические науки находили все большее распространение, и, наконец, к концу XVII в. теологические взгляды на колдовство стали уступать место научным воззрениям. Этому делу много способствовали Монтень, Бэйль и

Вольтер во Франции, Томасий в Германии, Калеф в Америке и Беккариа в Италии.

К началу XVIII в. теологическое учение, повидимому, умирало окончательно. Там, где пытки прекратились совсем или по крайней мере были смягчены, не стало больше сознаний в колдовстве и в делании погоды. Таким образом теологическая теория лишалась единственного своего доказательства. Даже знаменитый Фромунд, теологический оракул своего века, посвятивший столько усилий доказательствам «ложности» коперниковой теории, предвидел неизбежную гибель теологических взглядов на колдовство и сделал попытку компромисса, заявив, что хотя дьяволы часто и являются причиной грома, но это бывает не всегда и даже не в большинстве случаев. Такое же заявление сделал и ученый иезуит Каспар Шотт, «Занимательная физика» которого считалась одной из самых популярных книг XVII в. Но даже эти уступки таких крупных представителей теологии не помешали появлению целого ряда попыток в различных странах вернуть мир к старым взглядам. В 1743 г. в Германии Винцент Берг опубликовал руководство, в котором теологические взгляды излагались без всяких оговорок; руководство это получило особое одобрение профессоров теологии Кельнского университета. Спустя двадцать пять лет, в 1763 г., в протестантской Англии раздается голос Джона Уэсли, произнесшего свое знаменитое выражение: «отказ от веры в колдовство равносилен отказу от библии». Наконец, в 1773 г. собрание пресвитерианского духовенства в Шотландии вынесло резолюцию, объявлявшую непоколебимой веру в колдовство и горько жаловавшуюся на общий скептицизм по отношению к этому вопросу.

4. ГРОМООТВОД ФРАНКЛИНА.

Но в то время как католики и протестанты в лице Берга и Уэсли пытаются восстановить теологическую теорию, последняя получает смертельный удар. В 1752 г. Франклин начал свои опыты со змеем на берегах Шуилкилла (Schuylkill), а в тот момент, когда он извлек электрическую искру из тучи, все здание теологической метеорологии, возвышенное «отцами церкви», попами, средневековыми докторами, целым рядом ученых теологов, католиков и протестантов, рухнуло, «властитель сил воздуха» был низвергнут со своего трона, и теория, причинившая миру столько несчастий, погибла навсегда.

Опыт Франклина был повторен во многих странах Европы; сначала церковь как-будто не обращала на это никакого внимания. Старые церковные формулы относительно «властителя сил воздуха» были еще в употреблении, но теологическая теория, особенно в протестантской церкви, начинала становиться мягче. Спустя четыре года после открытия Франклина пастер Карл Кокен, член консистории и официальный проповедник городского совета в Гильдесгейме, произнес речь об «отстранении бога в буре». «О властителе сил воздуха» он уже не говорит ничего; теорию дьявольского воздействия он отбрасывает; все, к чему он стремится, это спасти более старую и более безвредную теорию, что буря — это глас божий. Он настаивает, что ветер не может про-

исходить естественным путем, ибо христос сказал Никодиму, что люди «не знают, откуда он появляется»; следовательно, он посылается непосредственно богом. Что касается града, то Кокен придает особенное значение тому, что град в виде одной из казней египетских был ниспослан на Египет самим творцом.

В то время, как теория участия дьявола в бурях все больше теряла под собой почву, усиленные попытки делались для того, чтобы добиться компромисса.

Но эти компромиссы принесли мало пользы. В 1766 г. Штерцингер выступил против самой основы всей дьявольской теории. Конечно, на него напали, его подвергли оскорблениям, возненавидели, и все же церковь сочла для себя более разумным не осудить его. Таким образом «властитель сил воздуха» все более и более отступал перед громоотводом Франклина. Католическая церковь вынуждена была признать, в конце-концов, практическое превосходство теории Франклина.

Однако, и это признание не обошлось без сопротивления.

В Америке землетрясение 1755 г. приписывалось в широких кругах верующих громоотводу Франклина. Один священник напечатал даже проповедь, в приложении к которой он прямо говорит, что причиной столь частых землетрясений является возведение «железных шпицов, изобретенных Франклином». Далее, он указывает, что «таких сооружений в Бостоне больше, чем где бы то ни было в Новой Англии, а потому Бостон и потерпел больше всех от землетрясений. Ясно, что дело здесь не обходится без могущественной руки божьей».

Спустя три года Джон Адамс приводит мнение одного бостонского врача, высказанное вполне в этом же духе.

Еще в 1770 г. мы встречаем возражения церковников против громоотводов, при чем они приводили следующий довод: так как гром и молния являются знаками божьего гнева, то было бы нечестивым мешать выполнению возложенной на них задачи.

В Англии первый громоотвод был устроен на церкви в 1762 г., через десять лет после открытия Франклина. В 1750 г. молния сильно повредила одну лондонскую церковь, а в 1764 г. буря произвела дальнейшие разрушения в ней; тем не менее церковные власти долгие годы сопротивлялись сооружению на ней громоотвода.

Столь же медленно проникало убеждение в необходимости громоотводов и в Германию, несмотря на утверждение одного весьма авторитетного источника, что в течение тридцати трех лет около 400 колоколен потерпели повреждения от молний, при чем 120 звонарей было убито.

Нечего и говорить, что в католических странах идея громоотвода прививалась еще с большим трудом. А между тем, отсутствие громоотвода на церквах стоило больших человеческих жертв. Так, в Австрии, в горах Каринтии, одна церковь столь часто терпела аварии от молний, при чем эти аварии сопровождались многочисленными жертвами, что крестьяне, в конце-концов, перестали посещать ее. И только в 1778 г. церковные власти разрешили соорудить громоотвод, и тогда повреждения, конечно, сразу прекратились.

Типичный случай имел место в Италии, на башне св. Марка в Венеции. Несмотря на наличие ангела на верхушке ее, на освященные колокола для защиты ее от действия воздушных стихий, несмотря на освященные реликвии, находящиеся в стоящем рядом соборе и на многочисленные крестные ходы, башня эта часто терпела повреждения и нередко полностью разрушалась от действия молний. Начиная с 1388 г. до 1795 г. башня эта много раз получала сильные повреждения от молнии, а в 1745 г. она, построенная уже из камня и кирпича, дала трещины в тридцати семи местах. Однако, несмотря на то, что изобретение Франклина стало известно в Италии, башня св. Марка оставалась незащищенной вплоть до 1766 г.

Особенно поразительный случай, заставивший, наконец, окончательно принять открытие Франклина, произошел в Брешии. Правительство венецианской республики поместило под сводами одной из церквей этого города свыше 200 тыс. фунтов пороха. В 1767 г., т.-е. спустя 17 лет после открытия Франклина, на этой церкви громоотвода не было; молния ударила в нее, порох взорвался, одна шестая часть города превратилась в развалины, под которыми было похоронено свыше трех тыс. человек.

Такие и многие другие подобные им случаи, имевшие место во всех странах Европы, оказали свое действие. Формулы заклинания бурь, освящения колоколов для защиты от молний и грома сохранили еще свое место в богослужениях, но вместе с тем на сцене появились громоотвод, барометр и термометр. Могучее поколение исследователей, продолжавших дело Франклина, завершило победу. Путешественник в отдаленных областях Европы может услышать еще колокольный звон во время бури, польский или итальянский крестьянин продолжает еще верить в силу колокольного звона для защиты от градобития, но эта вера все больше и больше уступает место вере в громоотвод и стремлению застраховать свои дома от результатов метеорологических действий, в страховых обществах, точно так же, как и в настоящее время матросы совершенно потеряли веру в чудотворное действие святой воды или реликвий, полагаясь больше на предупреждения, рассылаемые по беспроволочному телеграфу во все концы мира в соответствии с научными наблюдениями.

Однако, в попытках оживить старую теологическую теорию метеорологии нет недостатка и в новейшее время. На одном из них мы остановимся подробнее.

Остров св. Гонората на южном побережье Франции считается одним из наиболее почитаемых католическим миром мест. Находящийся на нем Леренский монастырь, основанный в IV в. христианской эры, стал образцом такого рода учреждений в Западной Европе и центром религиозного преподавания. Здесь в изобилии выросли всякие легенды и мифы. Здесь, по словам летописца, св. Гонорат своим прикосновением вызвал появление источника живой воды, и чудо это некоторыми теологами считалось большим, чем чудеса Моисея. Здесь прикосновением своего жезла этот святой умертвил всех рептилий на острове и приказал морю унести их трупы. Здесь по его приказу, чтобы доставить

удовольствие его сестре, св. Маргарите, ежемесячно появлялось в полном цвету вишневое дерево; здесь он бросил свой плащ в воду, и он превратился в паром, на котором он переехал на соседний остров и т. д. и т. д. Папы и короли совершали паломничества на этот остров; отсюда по всей Европе рассылались святые, исповедники, епископы. Неудивительно, что монастырь этот получил широчайшую известность под именем «Средиземного острова святых».

Однако, в конце XVIII в. обитатели монастыря подверглись полному разложению, монастырь был закрыт, и остров стал собственностью одной французской актрисы, от которой перешел в руки некоего английского священника. В 1859 г. католическая церковь откупила этот остров. В течение 12 лет на нем не наблюдалось никакого оживления. Но после того как франко-прусская война 1870 г. подвергла унижению Францию и Ватикан, наступила реакция, и монастырь стал подавать признаки жизни. Папа Пий IX проявил большой интерес к нему, послал туда группу цистерцианских монахов, и монастырь этот стал главным местопребыванием этого ордена во Франции. Выброшенные за борт третьей республикой представители старой дворянской аристократии стали искать себе приюта в этом монастыре. Он был заново отстроен, и в нем были воздвигнуты многочисленные алтари. Чтобы придать ему больше славы, туда было доставлено множество реликвий: остатки креста, на котором был распят христос, остатки одежды его, тернового венца, которым он был украшен, губка, копье; волосы, платье, покрывало и пояс св. девы; остатки Иоанна Крестителя, Иосифа, Марии Магдалины, Павла, Вараввы, четырех евангелистов и множества других святых. Реликвий этих было столь большое количество, что перечисление их в опубликованном официальном каталоге монастыря занимает 24 главы. Сверх этого в монастырь были перевезены из римских катакомб кости первых христианских мучеников, которые были положены под алтарем.

Все было сделано для восстановления средневековой обстановки. Папа Лев XIII рекомендовал монахам изучение произведений Фомы Аквинского как единственного источника знаний.

Высоко над монастырем поднимаются колокольни с многочисленными колоколами. Последние были крещены и освящены в 1871 г. при весьма торжественной обстановке. Четыре епископа совершали этот обряд, на котором присутствовали многочисленные верующие, съехавшиеся из всех стран Европы. При крещении колоколов было торжественно провозглашено, что они обладают силой устранять действие молний и бурь. И после всего этого над всеми церквами с их реликвиями, алтарями и колокольнями, на самой высокой верхушке был поставлен г р о м о о т в о д!

ГЛАВА X.

ОТ МАГИИ К ХИМИИ И ФИЗИКЕ

I.

Между доисторическим дикарем, старавшимся воздействовать на силы природы путем магических средств, и современным человеком, переросшим это воззрение, лежит бесконечная цепь людских поколений, в тяжелой борьбе пролагавших путь к современным взглядам. С тех пор как ученые научились разбирать иероглифы, клинопись и различные другие памятники древности, стало возможным проследить развитие веры в магию в Египте, Индии, Вавилонии, Ассирии, Персии и Финикии. Из этих стран она перешла к грекам и римлянам и в особенности в священные книги евреев и христиан. Как в «Ветхом завете» так и в «Новом завете» мы находим постоянные ссылки на магию, колдовство, прорицание как на самые реальные вещи.

Первый толчок к преодолению этих первобытных взглядов и к исследованию законов природы был дан греческими философами. Правда, оппозиция философов против физических исследований была временами весьма сильна, и даже такой великий мыслитель, как Сократ, рассматривал некоторые физические исследования как нечестивое вторжение в работу богов. Правда также и то, что Платон и Аристотель, с большой силой и красотой изложившие свое учение, много способствовали впоследствии своими методами отвлечению человеческой мысли от правильного пути исследования природы.

Платон развил картину мира, в которой физическим наукам отводилось очень мало места. Аристотель дал учение о мире, в котором, правда, эти науки занимали обширное место в качестве дисциплин, изучающих то, что есть, но еще больше он возлагал на них задачу рассуждения о том, что должно быть. Учение Платона послужило источником многих отдельных взглядов средневековой теологии на магию, а учение Аристотеля легло в основу средневековой схоластики. Все же толчок, данный этими философами, оказал неоценимые услуги развитию человеческой мысли. Особенную роль сыграла идея их о том, что наука о природе возможна и что величайшим достижением человеческого духа является раскрытие законов природы.

Вера в науку, уважение к научным исследованиям и свободе научной мысли были особенно восприняты Александрийской школой

прежде всего Архимедом, который накануне появления христианства начал прокладывать новые пути в индуктивных науках, путем наблюдения, сравнения и опыта.

Появление христианства, открывшего новую эру в теологии, приостановило нормальное развитие физических наук свыше чем на 15 веков. Создалась атмосфера, в которой зародыши физических наук вряд ли могли дать ростки,— атмосфера, в которой всякие поиски истины в природе заранее были признаны ненужными. На основании некоторых текстов «Нового завета» христиане были убеждены, что в скором времени предстоит светопреставление, и что приближается день последнего суда; отсюда вытекало то величайшее презрение, с каким «отцы церкви» относились ко всякому исследованию природы, и то величайшее упорство, с каким они настаивали на том, что все, кроме забот о спасении души, является безумием. Это убеждение встречается часто на всем протяжении средних веков, в течение же первого тысячелетия существования христианства оно было господствующим. От Лактанция и Евсевия, в III в., высказавших, как мы видели, полное презрение к изучению астрономии, до Петра Дамиона, знаменитого канцлера папы Григория VII в XI в., объявившего все светские науки «абсурдом» и «глупостями», этот взгляд становится самым главным элементом в области мышления.

Кроме того, в этот период выработался шаблон, которому должно была соответствовать всякая наука, выросшая в этой атмосфере, шаблон, гораздо более благоприятный для магии, чем для истинного знания, так как это был шаблон строгого догматизма, основанного на буквальном тексте еврейских и христианских священных книг. Самым тщательным образом проверенные выводы из впол установленных фактов теряли все свое значение, если только они в чем-либо противоречили какому-либо указанию в какой-либо священной книге.

Но прошло тысячелетие, а конца мира все не наступало, и мы наблюдаем в XII и XIII вв. возрождение мысли. Теология и наука готовились вступить в бой. С одной стороны, усилился религиозный пыл, что получило свое выражение в могучих памятниках религиозной архитектуры в виде соборов и церквей, а с другой стороны, у целого ряда мыслителей появляется новый исследовательский дух.

Среди последних первым является Альберт Больштадтский, более известный под именем Альберта Великого, один из наиболее признанных ученых своего времени. Как ни был он пропитан методами, санкционированными церковью, как ни темна была атмосфера вокруг него, ему все же удалось подняться над этими методами и рассеять царивший вокруг него мрак. Он является одним из великих пионеров естествознания; он заложил основы ботаники и химии; он стоял значительно выше своего времени; он резко выступил против тех, кто возражал против возможности существования людей на противоположной стороне земли; он обратил внимание на влияние гор, морей и лесов на расы, так что Гумбольдт не без основания считал, что в его трудах заложены зародыши физической географии как определенной науки.

Но схоластическая теология возобновила старый метод выведения научной истины из библейских текстов, а власть священнослужителей, действовавших через тысячи всевозможных каналов, усилению способствовала развитию этой системы. Старая идея о бесплодности физической науки и огромном превосходстве теологии возродилась с новой силой. Хотя главные усилия Альберта были направлены на то, чтобы придать науке христианский характер, тем не менее духовные власти доминиканского ордена выступили с негодованием против него и взяли его под сильное подозрение. Ему удалось избегнуть преследования только тем, что он пошел на уступки требованиям церковников и, в конце-концов, стал работать схоластическими методами в духе господствовавшей теологии.

Следующим крупным мыслителем, которого теологи и духовенство вынудили свернуть с правильного пути, был Винцент из Бове. Последний в течение первой полозины XII в. посвятил себя изучению природы в нескольких наиболее интересных ее областях. Особенное внимание он обратил на астрономию, ботанику и зоологию, но вместе с тем он касался и общих вопросов космогонии и в некоторых своих трудах пытался дать обзор всей науки. Но труды эти приняли характер обширного комментария к библейскому рассказу о сотворении мира.

Но самое сильное свое выражение теологический дух XIII в. нашел в трудах Фомы Аквинского. Хотя одно время казалось, что он проявляет склонность к научному изучению природы, но это стремление скоро исчезло у него, и именно ему человечество обязано учением, которое на многие века полностью подчинило науку теологии. Это он воздвиг наиболее сильные барьеры против тех, кто в его время и в последующие века пытался проложить для науки особые пути и создать для нее собственные методы.

Экспериментальный метод к тому времени был уже фактически провозглашен, и Альберт Великий и Рожер Бэкон работали уже в согласии с ним. Но Фома приложил все усилия, чтобы заставить отвергнуть этот метод и вернуть науку к теологическим методам и поставить ее под контроль духовенства. В своем комментарии к трактату Аристотеля о «небе и земле» Фома дал миру превосходный образец того, к каким печальным результатам приводит соединение научных изысканий с теологическими рассуждениями и библейским истолкованием научных фактов, и этот труд остается до сих пор памятником научного гения, искаженного теологией.

В истории науки Фома Аквинский сыграл самую печальную роль. Он надолго закрыл для науки всякий путь для самостоятельного развития, загубив в корне чрезвычайно ценный для человеческого знания экспериментальный метод, и обрек человеческую мысль в течение многих веков на бесплодное плутание в дебрях схоластической теологии.

Начатые Рожером Бэконом на основе экспериментального метода исследования были забыты, и их место заняло смешение библейских легенд с недостаточно проверенными физическими фактами.

Следующей основной мыслью, безраздельно господствовавшей в теологии в течение всех средних веков, была идея о том, что наука является опасной. Эта идея также имеет весьма древнее происхождение. С того времени как египетские жрецы высказали свою страшную угрозу, что если их требования не будут выполнены, они опрокинут столбы на четырех углах земли, на которых держатся небеса, превратят в развалины жилища богов наверху и сокрушат все живущее на земле, страх перед этими представителями «науки» овладел древним миром.

Но в характере магии допускались различия. Некоторые роды ее признавались вредными, а другие полезными. К последним относили магические способы лечения болезней, определение благоприятного времени для того или иного предприятия и т. п. К первым относили ниспослание болезней на людей и животных и бурь на поля. Отсюда постепенно возникло различие между белой магией, имевшей дело с наиболее благодетельными силами природы, и черной магией, тайно связанной со скрытыми зловредными силами.

До христианской эры страх перед магией редко приводил к систематическим или очень жестоким преследованиям. В Греции и Риме временами издавались законы против лиц, занимавшихся магией, но насильственно законы эти применялись редко, и к концу язычества враждебное отношение к таким лицам, повидимому, исчезло совсем. В то же время такие люди, как Марк Аврелий или Юлиан, не стеснялись прибегать к советам людей, претендовавших на способность предсказывать будущее. Что же касается черной магии, то считали не особенно необходимым преследовать ее законом, ибо злейшие махинации ее считали возможным устранить при помощи амулетов и тому подобных средств.

Более того, в эпоху, предшествовавшую появлению христианства, появились зачатки истинной науки, и можно было ожидать дальнейшего прогресса ее. Как теория, так и практика магии все больше и больше стали подвергаться насмешкам. Еще Энний смеялся над идеей о том, что маги, будучи сами жалкими и голодными бедняками, якобы обладают способностью доставлять богатство другим. Плиний в своей «Естественной истории» разоблачал их глупость и обманы; другие писатели работали в том же духе, и вся теория магии теряла окончательно свое влияние, оставаясь в силе лишь у низших классов, где с нею еще считались.

Но с появлением христианской теологии наступила резкая перемена. Идея об активном вмешательстве сатаны в магические действия, заимствованная евреями из Персии во время их пленения, перешла из еврейских священных книг в христианство, где различные заявления «Нового завета» еще больше укрепили ее. Теологи особенное значение придавали словам псалмопевца, что «все боги язычников суть дьяволы», и евангелиста Павла, что «все, что жертвуют язычники, они жертвуют дьяволам». Считалось общепризнанным, что дьяволы, естественно, возмущены потерей ими власти и что они обуреваемы стремлением отомстить христианству. Колдуны считались активными агентами этих ди-

шенных трона богов, и это убеждение еще более усиливалось различными представителями магии, которые хвастали своей властью над сверхъестественными силами и которые пользовались старинными обрядами и формулами, заимствованными от язычников.

Вот почему, как только христианство приобрело силу, немедленно возобновлены были все прежние строгости по отношению к запрещенному искусству, и одним из первых актов императора Константина после его обращения было издание суровейшего закона против магии и лиц, занимающихся ею; по этому закону главный обвиняемый подвергался сожжению на костре. Однако следует отметить, что и здесь проводилось еще различие между двумя видами магии, так как Константин вскоре после издания вышеуказанного закона должен был выпустить воззвание, в котором указывалось, что стремлением его было лишь воспрепятствовать злокозненной магии; против магии же, направленной на лечение болезней или на защиту полей от града и бурь, он не имел никакого намерения выступить. Но по мере того, как на трон вступали новые императоры, стоявшие совершенно вдалеке от язычества, и по мере того как теология становилась все более могущественной, строгости против магии все усиливались. Всякую терпимость по отношению даже к более мягким формам ее стали отрицать. Между белой и черной магией перестали проводить различие.

Эти строгости приняли такой ужасающий характер, что стали угрожать всякому занятию физикой и химией. Даже на математику стали смотреть с ужасом. К XII—XIII столетиям, когда могущество старой теологии достигло в Европе своего апогея, ужас перед магией и колдовством овладел безраздельно народными массами. Этот ужас стал проявляться в скульптуре, живописи и литературе во все более и более поражающих формах. «Жития святых» были заполнены им. Он получил свое выражение в скульптурах соборов на каждом шагу. Художники выражали его не только в иллюстрациях к требникам, но даже псалмы, в которых не содержится ни малейшего намека на магию, иллюстрировались ими соответствующим образом.

Теологи утверждали, что подобно тому как дьявол поразил Иова, так его чада продолжают причинять болезни; что так как сатана является властителем сил природы, его чада причиняют бури; что примеры Навуходоносора и жены Лота показывают, что колдуны могут превратить людей в животных и даже в неодушевленные предметы; что подобно тому как у бесноватых из страны Гадаринской бесы были переселены в свиней, то же самое может случиться и с другими животными; и что подобно тому как сам христос был перенесен по воздуху могуществом сатаны, любое человеческое существо может быть таким же образом перенесено на «чрезвычайно высокую гору».

В 1317 г. папа Иоанн XXII издал свою буллу «Spondent pariter», направленную против алхимиков, но в действительности нанесшую смертельный удар начаткам химической науки. В этой булле, равно как и во множестве других подобных булл и посланий, папа осуждает не только псевдо-науку в лице многих алхимиков, но и истинное знание. В двух из этих документов он жалуется, что действия колдунов

подвергают опасностям как его самого, так и его стадо; он утверждает, что такие колдуны могут вселять бесов в зеркала и перстни и убивать мужчин и женщин при помощи магических слов; что они пытались убить его самого, протыкая его восковое изображение иголками во имя дьявола. Поэтому он призывает всех правителей, светских и духовных, уничтожать таких колдунов, смущающих верующих христиан. Этот папа особенно усилил для этой цели власть инквизиторов в различных частях Европы.

Этот страх и ненависть ко всякому исследованию природы давал себя чувствовать в течение столетий; химия все более и более становилась известной под именем одного из «семи дьявольских искусств».

В 1437 г. и затем снова в 1445 г. папа Евгений IV издал буллы, требовавшие от инквизиторов самых строгих расследований и наказаний для колдунов и ведьм, вызывающих дурную погоду. В результате преследования колдунов страшно усилились. Однако еще более ужасные события разыгрались сорок лет спустя. В 1484 г. папа Иннокентий VIII издал буллу «Summis Desiderantes», которая вызвала в одной только Германии гибель десятков тысяч людей от рук инквизиторов по обвинению в колдовстве и магии.

Такого же рода буллы были изданы в 1504 г. папой Юлием II и в 1523 г. Адрианом VI.

Начатая таким образом система репрессий продолжалась в течение нескольких сотен лет. Реформация не принесла с собой ничего нового в этом отношении, и в Германии, где католики и протестанты спорили между собой о том, чья вера лучше, положение было самым скверным. Полагают, что в течение ста лет (от середины XV до середины XVI столетия) в Германии жертвой этой системы пало свыше ста тысяч человек.

Таким образом от св. Августина до Фомы Аквинского, от Фомы до Лютера и от Лютера до Уэсли теологи обоих главнейших христианских исповеданий почти без исключений утверждали веру в магию и колдовство и по мере своих сил истребляли колдунов и ведьм.

Само собою разумеется, что атмосфера, созданная преследованием лиц, занимавшихся магией, была гибельна для свободного роста экспериментальной науки. Теология, повинуясь высшим церковным властям, выдвинула против научных исследований оружие, которое оказалось чрезвычайно действительным. Это было утверждение, что всякое занятие наукой связано с союзом с сатаной. В течение ряда столетий такое обвинение выдвигалось против всякого исследователя природы.

Вполне естественным является поэтому изданное папой Александром III в 1163 г. в согласии с Турским собором запрещение всем лицам духовного звания заниматься физикой, что для того времени было равносильно запрещению заниматься наукой вообще. В булле папы ясно было сказано, что воспрещается «изучение физики или законов природы», при чем прибавлено было, что с нарушившим это запрещение должно быть прекращено всякое общение, и он должен быть лишен причастия.

Первым великим мыслителем, который, несмотря на отдельные уклоны в сторону теологических методов, все же пошел по настоящему научному пути, был Рожер Бэкон. Многие считают его полным предрассудков алхимиком, случайно напавшим на некоторые открытия; в действительности же он сыграл большую роль в развитии человеческой мысли и может с полным правом считаться предшественником своего знаменитого однофамильца Фрэнсиса Бэкона.

Более чем за 300 лет до Фрэнсиса Бэкона, выступившего защитником экспериментального метода, Рожер Бэкон проводил этот метод на практике, и результаты, к которым он при этом пришел, являются прямо изумительными. Он изучал многие науки, и везде его знания были здравы и точны. Более чем кто-либо другой в средние века он способствовал выработке научного метода, приведшего к чрезвычайно ценным открытиям: часовые механизмы, линзы и зажигательные стекла были даны человечеству прямо или косвенно им. В его трудах мы находим указания, как получить фосфор, магний и висмут. Существует предположение, не лишенное оснований, что он изучал даже силу пара; кроме того, он был близок к установлению основных принципов современной химии. Необходимо однако подчеркнуть, что значение Рожера Бэкона заключалось не столько в результатах его работ, сколько в методах его исследований. В эпоху, когда только теологическая схоластика давала звание ученого, он настаивал на необходимости правильных логических рассуждений и помощи математики в деле изучения природы. В эпоху, когда занятие опытами было связано с опасностью потерять навсегда свою репутацию, он отважился на это дело. Таких смельчаков было в то время очень мало.

Само собою разумеется, что против Бэкона поднялся бой. Все его современники считали своим долгом выступить против него самым ярым образом. Его обвиняли не в неверии в христианство, не в измене церкви и даже не в расхождении с основной линией ортодоксии. Он подвергся нападкам и был осужден, как буквально выразились некоторые его противники, «за некоторые подозрительные новшества» («propter quasdam novitates suspectas»).

Когда Бэкон вернулся в Оксфорд в 1250 г., на него обрушились со всех сторон. Самым главным его врагом был Бонавентура. Последний был идолом для всех теологов той эпохи; ученые звали его «серафическим доктором»; Данте отвел ему почетное место в своей поэме; наконец церковь причислила его к лику святых. Благодаря большим своим познаниям в области теологии, он сделался около середины XIII в. генералом францисканского ордена. Ставши таким образом начальником Бэкона, он наложил свою тяжелую лапу на учение последнего, и в 1257 г. беспокойный монах был лишен права преподавать; было запрещено слушать его лекции, а ему самому приказано было явиться в Париж, где он был отдан под надзор монастырских властей. Причины такого отношения к Бэкону были совершенно ясны: он осмелился прибегнуть к научным объяснениям явлений природы, в то время как мистическая теология средних веков приписывала их сверхъестественным причинам. Типичным может служить в этом отношении объяс-

нение, данное Бэконом радуге. Это объяснение представляло собой громадный шаг вперед в области физики, но так как оно ни в малейшей мере не соответствовало объяснению, которое дает этому явлению библия, которая говорит, что радуга была вызвана непосредственно святым духом в знак того, что потопа больше на земле не будет, то, конечно, все теологи восстали против Бэкона, как один.

Но это было еще не все. Против Бэкона выдвинуто было еще худшее обвинение, а именно обвинение в колдовстве и союзе с сатаной.

Метод защиты, примененный Бэконом, оказался чрезвычайно несчастливым для него, ибо Бэкон выступил вообще против мысли о союзе с сатаной и стал доказывать, что многое, что приписывается действию сатанинских сил, является естественным результатом законов природы. Такое утверждение только подлило масла в огонь. Ограничение могущества сатаны считалось не меньшим богохульством, чем ограничение власти бога.

Мало пользы принесли ему его самые могущественные покровители. Его друг Гюи-де-Фульк, ставший в 1265 г. папой под именем Климента IV, защищал его некоторое время. Но бешенство его врагов было слишком сильным, чтобы эта защита могла продолжаться долго. Когда Бэкон пожелал продемонстрировать в Оксфорде несколько опытов перед небольшой аудиторией, весь город пришел в волнение. Священники, монахи, студенты стали бегать из кельи в келью, из залы в залу с криками: «Долой колдуна!»

Еще одно оружие применялось в то время теологами с большим эффектом. Арабские ученые, среди которых особенно выделился Аверроэс, сделали много ценных открытий. Это обстоятельство побудило теологов наделить христианских ученых, шедших против теологических методов, кличкой «магометанина». К Бэкону было применено и это оружие.

Борьба принимала все более ожесточенный характер. Два крупнейших религиозных ордена, доминиканской и францисканский, соперничали друг с другом в борьбе против новых идей в химии и физике. Св. Доминик торжественно осудил всякие исследования путем опыта и наблюдения. То же сделал и генерал францисканского ордена. В 1243 г. доминиканцы запретили членам своего ордена заниматься медициной и естествознанием, а в 1287 г. это запрещение было распространено и на занятия химией.

В 1278 г. руководители францисканского ордена, собравшись в Париже, торжественно осудили учение Бэкона, а генерал францисканцев Жером Асколи, ставший впоследствии папой, бросил Бэкона в тюрьму, где он оставался четырнадцать лет. Несмотря на покровительство пап Климента IV, Николая III и Николая IV, считали Бэкона слишком опасным человеком, чтобы дать ему свободу, и он был выпущен из тюрьмы лишь на восьмидесятом году его жизни, за год или два до смерти.

Некоторые представители церкви неоднократно делали попытки доказать, что суровые меры, принятые церковными властями против

Бэкона, были вызваны выступлениями последнего против подкупности и других отрицательных сторон духовенства того времени. В этих утверждениях верно лишь то, что эти выступления Бэкона, несомненно, создали ему множество врагов среди духовенства, но основной причиной, почему Бонавентура, Асколи и целый ряд пап преследовали его с такой жестокостью, было обвинение в «опасных новшествах» и подозрительном колдовстве.

Трудно себе представить, к каким ценным для науки результатам пришел бы Бэкон, развивая на основе своего метода свои открытия, если бы церковники не помешали ему. Можно не сомневаться, что многие научные открытия, сделанные в XIX в., были бы сделаны в тринадцатом веке.

Однако, несмотря на преследования Бэкона и отступничество тех, кто должен был следовать за ним, все же в течение последующих столетий время от времени появлялись борцы за экспериментальный метод. К сожалению, мы знаем о них очень мало, так как главным источником сведений о них являются документы об их преследованиях.

Такое отношение церковных властей к научным занятиям, естественно, создавало соответствующее отношение и светских властителей. Во Франции король Карл V запретил в 1380 г. владение кузнечными горнами и аппаратами, необходимыми для химических процессов. На основании этого закона был брошен в тюрьму химик Жан Бариллон, которому удалось спасти жизнь лишь с величайшим трудом. Такого же рода декрет издал в 1404 г. английский король Генрих IV. Этим примерам последовала венецианская республика в 1418 г. Антонио Доминис был подвергнут пыткам и казнен не только за ересь; ему вменены были в вину также исследования его в области явлений света. В Испании были уничтожены всякие следы научных занятий среди христиан. Некоторые серьезные усилия в направлении научных исследований были сделаны там впоследствии евреями и маврами, но и их скоро стали подвергать жесточайшим преследованиям. Испания, стоявшая одно время во главе культуры, с тех пор не могла справиться и до наших дней занимает в культурном отношении одно из последних мест.

Выступить против теологических взглядов на физические науки было необычайно опасным еще долго после средних веков. Мы видели, что одним из самых тяжелых преступлений Рожера Бэкона теологи считали его выступление против действия магии, и мы знаем, что в течение ряда столетий после Бэкона, Корнелий Агриппа, Вейер, Флэд, Лоос, Беккер и множество других исследователей и мыслителей подвергались конфискации имущества, потере положения и даже пыткам и казни за подобные взгляды.

Теологическая атмосфера, окружавшая все крупнейшие университеты и колледжи, душила всякую научную мысль во всей Европе. Можно только удивляться, как при таком положении вещей находились люди, посвящавшие себя изучению физических наук.

В Италии мы встречаем еще во второй половине XVI в. поразительный пример того, на какие затруднения наталкивалась наука да-

же после того, как эпоха Возрождения пошатнула основы старых воззрений. В это время Порта занимался своими исследованиями, которые, несмотря на значительную примесь псевдонауки, все же оказались весьма плодотворными. Его книга о метеорологии была первой, в которой высказывались здравые мысли об этом предмете; его работы по оптике дали миру камеру-обскуру и, быть-может, также телескоп; в химии он, повидимому, первый показал, как производить восстановление окисей металлов, заложив таким образом основу некоторых важных отраслей промышленности. Он много способствовал превращению естествознания из чернокнижного искусства в могучую открытую науку. В этих своих занятиях он сразу же натолкнулся на старую теологическую политику. Основанное им общество для физических исследований было закрыто, а сам он был вызван папой Павлом III в Рим, где ему было категорически воспрещено продолжать свои исследования.

То же самое видим мы во Франции. В 1624 г. группа молодых химиков в Париже, изучив экспериментальный метод и освободившись от оков аристотелевской схоластики, пожелала заняться опытными исследованиями, но теологический факультет пожаловался парижскому парламенту, и парламент запретил новые химические исследования под угрозой самых суровых наказаний.

Та же война продолжалась и в Италии. Даже после того как вера в магию значительно ослабела, старый теологический страх перед физической наукой все еще давал себя чувствовать. В 1657 г. происходило во Флоренции первое заседание Академии дель Чименто под председательством герцога Леопольда Медичи. Академия обещала очень многое для науки. Она была открыта для всякого таланта. Основным принципом ее работы провозглашен был «отказ от какой-либо одной излюбленной системы или секты в философии и обязательство исследовать природу при свете чистого эксперимента». Она энергично взялась за научные исследования. Борелли в математике, Реди в естествознании и многие другие значительно расширили область знания. Теплота, свет, магнетизм, электричество, метательные снаряды, пищеварение, несжимаемость воды стали предметом изучения путем экспериментального метода. Эти исследования дали очень ценные результаты, обогатившие человечество множеством открытий.

Академия сделалась крепостью науки, и эта крепость вскоре подверглась осаде. Приверженцы схоластики объявили ее антирелигиозной, затеян был ряд склок, Леопольда подкупили кардинальской шапкой и перевели в Рим, и крепость после десяти лет такой осады пала; Борелли впал в нищету, а Олива в отчаянии покончил самоубийством.

Точно так же знаменитая Академия дей Линчей нередко чувствовала на себе злую волю папства вследствие одного только того факта, что некоторые ее члены занимались научными исследованиями. Ее «патроном» был папа Урбан VIII, который выражал свое покровительство в том, что старался парализовать ее деятельность, а папа Григорий XVI впоследствии прямо преследовал ее. Еще совсем недавно против научных конгрессов выступал папа Пий IX.

Такое же враждебное отношение к науке проявляло и протестантское духовенство.

Даже после того как Томазий в Германии, Вольтер во Франции и Беккария в Италии нанесли смертельный удар вере в магию и колдовство, долго еще сохранялось старое теологическое недоверие к физическим наукам.

В Англии духовенство в лице значительной части своих руководителей обнаружило явно враждебное отношение к Королевскому обществу и позже — к Ассоциации научного прогресса.

Как правило, церковные власти как в католических, так и в протестантских странах в течение долгого времени противодействовали занятиям химией и физикой; когда же дальнейшее противодействие стало невозможным, духовенство приняло все меры к тому, чтобы изучение этих наук происходило по методам старой теологической схоластики.

Когда многие спрашивают, как это могло случиться, что арабы сделали в то время так много научных открытий по сравнению с христианскими учеными, то ответ дать не трудно: арабы были сравнительно гораздо менее заражены мистикой, которая подстерегала христиан на каждом шагу и заводила в самые отчаянные дебри, откуда не было выхода.

Такие исследователи, как Арнольд, Вилланова, Раймонд Люлли, Василий Валентин, Парацельз и их современники были таким образом отвлечены от того единственного пути, который мог быть плодотворен для науки.

В произведении, которое приписывают первому из этих теологов, говорилось, что студент, смешивая химические вещества, обязательно должен был читать при этом псалом «Восстань, господи!», что на определенных химических сосудах должны были быть помещены последние слова Иисуса на кресте. Винцент из Бове настаивал, что так как в библии говорится, что у Ноя родился ребенок, когда ему было пятьсот лет, то это могло иметь место потому, что он обладал алхимическими средствами для сохранения жизненной силы; много позже Диккинсон этим же объяснял долголетие патриархов. Утверждалось, что реальность философского камня доказывалась словами Иоанна в «Откровении»: «тому, кто победит, я дам белый камень». Поиски способа превращения низших металлов в золото основывались в течение многих поколений на учении о воскресении физического тела, которое стало догматом христианской церкви, несмотря на явное отрицание этого воскресения апостолом Павлом. Особенно верил в превращение металлов на этом основании Мартин Лютер. Католики и протестанты одинаково пользовались библией для поддержки этих мистических суррогатов науки, а один писатель еще в 1751 г. основывал свои алхимические аргументы на более чем сотне мест из библии.

Крупнейшие теологические мыслители посвятили себя созданию новых составных частей для этой смеси науки с религией. Католическая философия Фомы Аквинского, протестантский мистицизм Якоби

Бехе и алхимические фантазии Василия Валентина — все смешались в этой мистической куче.

А когда алхимия в ее старой форме была дискредитирована, то мы находим столь же бессмысленные и даже комические библейские доводы, которые пускались в ход против нее. В качестве примера приведем следующий силлогизм, который противопоставлялся (накануне великих открытий Сталя) ценным научным усилиям Бехера. «Царь Соломон воплощал в себе, согласно библии, соединенную мудрость неба и земли, но царь Соломон не знал ничего об алхимии (или химии как форме, которую алхимия в то время принимала), а в поисках золота он послал свои корабли к Офиру и налагал подати на своих подданных; с л е д о в а т е л ь н о алхимия (или химия) в действительности не существует». И вот мы видим, что Бехер должен оставить свои работы, будучи вынужденным доказывать, что Соломон обычно тратил больше денег, чем он мог получить от Офира или своих подданных; следовательно, он должен был обладать знанием химических методов и в результате владеть философским камнем.

Из множества примеров всех веков, свидетельствующих о тяжких оковах, которые теология накладывала на физические знания, мы приведем два, показывающих, как это смешение теологических идей с научными продолжало самым вредным образом влиять даже на сильнейших сторонников более правильных взглядов уже после того, как средневековая теология потеряла, казалось, под собой всякую почву.

Первым из этих примеров является Меланхтон. Он был ученым эпохи Реформации и вполне справедливо приобрел название «учителя Германии». Это был человек с открытым характером, широкими взглядами, и отсутствие в нем всякого ханжества навлекло на него жестокие преследования со стороны протестантских охотников за ересью, которые омрачили последние годы его жизни и подвергли его тяжелым мукам на смертном одре. Но и этот мыслитель в своих лекциях в Виттенбергском университете приводил библейские тексты в качестве доказательств научных истин, признавал вмешательство дьявола в физические явления и другие вещи и во всем своем курсе строго проводил средневековый метод.

Еще поразительнее пример человека, жившего столетием позже, который больше чем кто-либо другой способствовал уходу человеческой мысли с пути, проложенного Фомой Аквинским, на ту дорогу, которая привела человечество к современной науке. Как это ни может показаться на первый взгляд странным, Фрэнсис Бэкон, который так ясно видел всю обманчивость средневековой схоластики и весь вред для науки старого теологического метода, сам в своих произведениях является жертвой этих старых взглядов.

«Novum Organon» является, несомненно, одним из величайших выражений человеческого гения, принимая во внимание, конечно, эпоху, в которую это произведение писалось. Оно открыло человечеству того времени дорогу к экспериментальному методу, уничтожило преклонение перед догмой и научило его ставить на первое место факты. В этом произведении мы встречаем места, явно свидетельствующие о

ом, что великий философ отдавал себе ясный отчет об опасности, угрожающей науке от смешения ее с религией. «Вред для философии от предрассудков и теологии причинил величайшее зло всей системе философии», — говорит он. Он осуждает тех, кто «старается найти философию природы в «Книге бытия», «Книге Иова» и других священных писаниях», занимаясь таким образом «поисками мертвых среди живых». Он говорит, что в результате «нездорового смешения идей божественных и человеческих получается не только фантастическая философия, но и еретическая религия». Указывая на возражения «отцов церкви» против шарообразности земли, он говорит, что «благодаря некоторым из них дорога к какой бы то ни было разумной философии оказалась закрытой». Он указывает, что теологи «боятся, как бы более глубокое исследование природы не проникло за пределы, допускаемые теологическим здравым смыслом».

Читая произведения Фрэнсиса Бэкона, прямо поражаешься глубиной взглядов и смелостью изложения. Кажется, что ни один человек не выступал так горячо против злосчастного сожительства религии с наукой. И тем не менее, по мере того как мы глубже проникаем в главный труд его, нам приходится убедиться, что тяжелая рука учения Фомы Аквинского наложила свою печать и на этого великого мыслителя XVII в. Только через несколько глав после тех, из которых мы привели вышеуказанные цитаты, мы видим, как Бэкон, намекая на недавнее путешествие Колумба, говорит, что еще пророк Даниил предсказал, что «путешествие вокруг света и возрастание знаний произойдет в одно время».

Еще более ясно выражено влияние на Бэкона осужденных им самим методов в его большом произведении «Advancement of Learning». В первой книге этого труда он говорит, что «если внимательно читать «Книгу Иова», то не трудно убедиться, насколько она насыщена философией природы», и старается показать, что в «Книге Иова» имеются определенные указания «на шаровидность земли, неподвижность звезд, находящихся всегда на одинаковом расстоянии друг от друга», «склонение южного полюса», «вопрос о зарождении» и «вопрос о минералах». Любопытно отметить, что для доказательства этих положений он пользуется теми самыми текстами, которые употребляют «отцы церкви» для опровержения их. В другом месте Бэкон утверждает, что Соломон в своих «Притчах» сумел «по внушению бога дать естественную историю всего земного царства».

В течение ряда веков вся тяжесть христианской теологической мысли была направлена против идеи об удушающем действии некоторых газов и в особенности углекислоты. Хотя в древности мы встречаем правильные взгляды на природу газов в рудниках, это однако не помешало уже в самом начале христианства Клименту Александрийскому развить теорию, по которой эти газы представляют собой проявление действия дьявола; благодаря этой теории христианская теология приписывала удушение в пещерах, колодцах и подвалах непосредственному действию злых духов. Эта точка зрения господствовала в течение всех средних веков и в период Реформации. Агрикола, один из

серьезнейших исследователей того времени, верил, что газы в рудниках служат проявлением действия дьяволов; он различал два вида духов: злокозненных, задувающих лампы рудников, и дружественных, которые просто всячески дразнят рабочих. Он утверждает, что один из этих убил силой своего дыхания сразу двенадцать рудокопов в Аннабергском руднике в Саксонии.

В конце XVI в. мы находим писателя по минералогии, который жалуется, что рудники во Франции и Германии были в значительной части заброшены вследствие того, что ими завладели «злые духи металлов».

Даже в XVII в. Ван-Гельмонт, порвавший с алхимией и открывший широкую дорогу для химии, уже после того как он открыл существование различных газов и способ их образования, не мог отделаться окончательно от влияния теологических идей; он склонен был верить, что открытые им газы являются в некотором смысле живыми духами, благодетельными или сатанинскими.

К концу XV в. появился великий ученый, открывший много истин в химии, а именно Василий Валентин. Но мир не был еще готов к восприятию этих истин. Его открытия предвосхитили многое из того, что впоследствии принесло многим химикам славу и состояние, но он представлял для господствующих учений того времени такую страшную опасность, что его труд был тщательно скрыт. Его трактат об алхимии был найден лишь после его смерти, но и после этого долгое время оставалось неизвестным, где и когда он жил. Папская булла, о которой мы говорили выше, и вызванные ею преследования вынудили алхимиков скрывать свои лаборатории; скрывал свои занятия и Валентин, бывший для всех обыкновенным аптекарем в Эрфурте. Среди писаний, найденных после его смерти, имелось также учение о том, что газ, вызывающий удушение рабочих в рудниках, сходен с тем, который образуется при брожении солода, при чем для удаления зла и предотвращения несчастных случаев он рекомендовал вентиляцию рудников.

Благодаря таким людям, как Валентин, мысль о вмешательстве сатаны и его слуг в горной промышленности постепенно теряла свою силу, и работа в заброшенных рудниках возобновилась. Однако еще до сравнительно недавнего времени мы встречаем ее у руководителей духовенства в самом сердце протестантской Германии.

В 1715 г. один рабочий задохся при копании погреба; медицинский факультет университета заявил, что он погиб не от непосредственного действия дьявола, а от смертельных газов. В ответ на это профессор Лешер из Виттенбергского университета заявил торжественный протест, указывая, что решение медицинского факультета является «лишь доказательством достойной сожаления распущенности, завладевшей нами, и если мы серьезно не одумаемся, то в конце концов божья благодать от нас отвернется». Но такого рода выступления не оказывали никакого влияния на небольшую армию науки; несмотря на все противодействия, развитие физики и химии не останавливалось. Все больше и больше появлялось людей, порывавших с

старыми теологическими методами и оказывавших стойкое сопротивление подкупам и угрозам церковников.

2.

В химии эту новую эпоху начал Роберт Бойль, живший в середине XVII в. в самом центре оппозиции к новым наукам. Находясь под сильным влиянием писаний Бэкона и открытий Галилея, он посвятил себя научным исследованиям, устроив в Оксфорде лабораторию, в которую пригласил химика из Страсбурга. Это одно уже навлекло на него тяжкие нападки. Несмотря на его высокое положение, безупречную жизнь и большой преподавательский талант, оксфордская профессура выступила особенно сурово против него, заявив, что его исследования разрушают религию, а его опыты подрывают университет. Публичные ораторы осуждали его, его высмеивали, а лорды возмущались тем, что в их рядах нашелся человек, пожелавший посвятить себя столь недостойным занятиям. Но все это не остановило Бойля в его намерениях. Его работы открывали науке новые пути в различных направлениях и начали собой ряд открытий, достигших своего апогея в работах Блэка, Бергмана, Кавендиша, Пристли и Лавуазье.

Но и тут дело не обошлось без борьбы. Бирмингэмская толпа, руководимая англиканскими церковниками, разгромила дом Пристли, уничтожила его библиотеку и рукописи, содержавшие результаты многолетних его научных трудов, изгнала его и убила бы его, если бы он попался им в руки.

Но хотя теологические воззрения продолжали еще оказывать некоторое задерживающее влияние на развитие химии, они, однако, постепенно теряли всякое значение.

«Черная магия» с ее дьявольскими махинациями исчезла совершенно, появляясь случайно среди закоренелых теологов. «Белая магия» стала делом фокусников.

В первые годы XIX столетия физические исследования, хотя и развивались со все возрастающей силой, все еще с разных сторон испытывали на себе реакцию, которая последовала за Великой французской революцией. Сопротивление развитию науки сказалось не только в стране Бурбонов и Габсбургов, но даже в Англии старый дух долго давал себя чувствовать. Когда в 1832 г. Британская ассоциация для прогресса науки впервые посетила Оксфорд, Джон Кебль, игравший там большую роль в университете, с негодованием отверг присуждение почетных степеней руководителям этой ассоциации. В одном из своих писем от того времени он пишет: «Оксфордские доктора позорно поддались духу времени, оказав такой прием кучке философов». Не безынтересно отметить, что среди людей, о которых Кебль выражается столь презрительно, находились Брюстер, Фарадей и Дальтон.

Такое отношение к людям, занимающимся естественными науками, было не случайным явлением, а вполне установившейся традицией: вплоть до конца XIX в. как в английских, так и в американских высших учебных заведениях, где теология занимала господствующее положение, как например в Оксфорде и Кембридже, в Гарварде

и Ейле, студенты, изучавшие естественные науки, считались и социально и интеллектуально низшей породой в сравнении со студентами, изучавшими литературу. Первые работали в других зданиях, и получение ими ученых степеней сопровождалось совершенно другими церемониями, чем у вторых. В Америке первым уничтожил это различие Мичиганский государственный университет, в котором теологи никогда не играли большой роли.

С середины XIX в. успехи химии стали развиваться с необычайной силой. Труды Бунзена, Кирхгофа, Дальтона и Фарадея привели в последние годы этого столетия к установлению периодического закона Менделеева, давшего возможность предсказать открытие новых элементов, подобно тому как астрономия научилась предсказывать после вычислений Ньютона, а биология — после открытий Дарвина.

Среди ученых, открывших эпоху в истории физики, следует упомянуть ряд ученых от Галилея, Кеплера и Ньютона до Ома, Фарадея, Джоуля и Гельмгольца. Создавая все более и более твердую почву под тем положением, что в природе все происходит на основании строгих законов, они этим самым подрывали старый, теологический взгляд, заключавшийся в том, что в природе царит произвол. Ряд ученых от Галилея до Кельвина посвятили себя наблюдению над процессами природы. Они подрывали старое теологическое мировоззрение силой установленных фактов. Когда Галилей опустил различные тяжести с Пизанской башни, он положил начало концу авторитета Аристотеля в физике. Когда Торичелли уравновесил столб ртути столбом воды и каждый из них — столбом воздуха, это означало конец теологическому положению, что «природа не терпит пустоты». Когда Ньютон вычислил приблизительно скорость звука, то он этим покончил с теологическим утверждением, что мы видим блеск молнии раньше, чем слышим удар грома, потому, что «зрение благороднее слуха». Когда Франклин доказал, что молния происходит от электричества, а Ом и Фарадей доказали, что электричество подчинено определенным законам, они этим покончили с теологической идеей о боге, сидящем над облаками и посылающем на землю гром и молнию.

Трудами этих групп ученых установлены были основные законы сохранения энергии, соотношения сил и химического сродства. Эти законы положили конец различным религиозным учениям о вселенной, созданной из ничего, — учениям, которые стали догмой христианской церкви.

Были попытки возобновить войну против физических наук и в новое время. Среди руководителей этой борьбы против науки в новое время одно из первых мест занимает Жозеф де Местр, который, не скрывая своей ненависти к науке, пишет, что человечеству наука обошлась слишком дорого и что она должна быть подчинена теологии; он сравнивает науку с огнем: когда огонь ограничен, он приносит пользу, но, как только он вырывается из-под контроля, он становится опасным: точно так же и над наукой, по его мнению, должен быть сохранен строжайший контроль священного писания.

В католических странах усилия теологов были направлены главным образом на исключение или ограничение научных дисциплин в университетском преподавании. В самом начале XIX в. особенно постарался в этом отношении Фердинанд VII испанский. Он просто уволил в отставку профессоров Саламанкского университета, придерживавшихся научных взглядов, и до самого конца XIX столетия в испанские университеты вообще не допускались профессора, сторонники ньютоновских взглядов.

Во Франции борьба между теологией и наукой, долго таившаяся внутри, готова была открыто вспыхнуть в конце 60-х годов XIX в. Во время Великой французской революции власть церкви, продолжавшаяся более тысячи лет и в течение всего этого времени стремившаяся держать экспериментальную науку в рабстве, выступавшая против естественно-научных взглядов Бюффона и против физических теорий Ньютона, боровшаяся против системы народного просвещения Тюрго,— власть эта была сломлена, и наука получила полную свободу развития, освободившись совершенно от теологической опеки. Однако с реставрацией Бурбонов в 1815 г. теология снова стала возвращать себе прежнюю власть и начала вести против ненавистной системы борьбу, которая в 1868 г. готова была перейти в настоящую атаку против науки.

Борьба была направлена не столько против физики и химии, сколько против биологических наук, но ясно, что речь шла против всей науки вообще.

Первое выступление имело место в сенате, где с громовой речью выступил кардинал де Боннешоз, архиепископ руанский, доказывавший, что научное преподавание в высших учебных заведениях Парижа ведет к гибели религии и морали, что оно «подрывает основы», что оно является насквозь «материалистическим».

Справедливо будет отметить, что римско-католическая церковь не оставалась одинокой в этой борьбе. В 1864 г. в Англии было опубликовано заявление некоторых ученых-естественников, в котором они выражают «искреннее сожаление, что исследования научной истины были превращены некоторыми в орудие сомнения в истинность и подлинность священного писания». Однако $^{9}/_{10}$ научного мира Англии отказались подписать это заявление, авторы его были подвергнуты злым насмешкам и, в конце-концов, вызвали против себя общее негодование.

Нечто подобное имело место и в другой протестантской стране. В 1868 г. в Пруссии состоялся съезд пасторов для выработки мер борьбы с «ложной наукой». Результат был тот же, что в Англии. Собравшиеся пасторы обнаружили такое невежество в научных теориях, с которыми они хотели бороться, что навлекли на себя всеобщие насмешки.

Однако во всех более крупных европейских странах такого рода борьба против науки становилась со второй четверти XIX в. все более и более бесплодной. В то время как римские епископы и протестантские пасторы продолжали настаивать, что как литература, так и наука должны находиться под тщательным контролем духовенства; в то

время как испанские клерикалы не допускали в университеты профессоров, сторонников ньютоновских взглядов, а в Австрии и Италии — всех тех, кто сомневался в непорочном зачатии девы Марии; в то время как в Великобритании и Америке из профессуры исключались все, не верившие в крещение, в нетленность святых и т. д.; в то время как католические и протестантские теологи с одинаковым усердием изгоняли из университетов всякого, кто обнаруживал склонность признать идеи Дарвина, — в это самое время развивалось мощное движение в пользу такого преподавания естественных наук, которое уничтожало всякие следы подчинения их теологическому влиянию.

Начало этому движению было положено в эпоху Великой французской революции, когда в Париже был основан Музей искусств и промышленности; в первые годы XIX в. научное и техническое преподавание спокойно распространялось по всему континенту. В результате в середине XIX в. Франция и Германия оказались покрытыми целой сетью технических и общеобразовательных школ, снабженных хорошо оборудованными физическими и химическими лабораториями.

Америка и Англия оставались в этом отношении далеко позади. В Оксфорде и Кембридже это движение почти ничем не давало себя знать, так же как и в САСШ вплоть до 1850 г. Весьма характерно, что в этот период Ейльский колледж, имевший профессором химии Силлимена и профессором физики Олмстеда — двух знаменитых в Соединенных Штатах профессоров, не имел ни одной ни физической, ни химической лабораторий современного типа, и все преподавание этих дисциплин ограничивалось прохождением учебника и небольшим лекционным курсом. Нетрудно себе представить, каково было положение научных дисциплин в менее значительных колледжах и университетах, в которых клерикальное влияние было почти неограниченным!

В 1857 г. в американский конгресс было внесено предложение об издании закона, который обязывал бы открыть в каждом штате не менее чем по одному колледжу для изучения естественных и технических наук. Несмотря на оппозицию южных штатов, в которых господствовало клерикальное влияние на ряду с рабовладельчеством, закон этот прошел через обе палаты, но его не пропустил президент Бьюкенен, ярый клерикал и реакционер. Однако закон этот был вторично внесен в палаты, снова был ими принят и снова же был задержан президентом. Затем вспыхнула гражданская война, во время которой в 1862 г. закон был утвержден президентом Линкольном.

К концу XIX в. таких учебных заведений в Соединенных Штатах было около пятидесяти; многие из них развились в большие, прекрасно оборудованные всевозможными кабинетами и лабораториями университеты. Одновременно и более старые университеты и колледжи, как например Гарвардский, Ейльский, Чикагский и многие другие, также стали центрами развития новой науки.

ГЛАВА XI.

ОТ ЧУДЕС К МЕДИЦИНЕ.

1. СВЯЩЕННЫЕ ТЕОРИИ БОЛЕЗНЕЙ.

Ничто в развитии человеческой мысли не кажется более неизбежным, чем идеи о сверхъестественном возникновении и лечении болезней. Причины болезней являются до того сложными, что установить их стало возможным лишь после многих веков научной работы. В те же эпохи, когда везде и всюду человек видит чудеса, не подозревая о закономерности явлений, когда все, чего он не может понять, он приписывает действию такой же воли, как и его собственная, он естественно, причины своих болезней склонен усматривать или в гневе доброго существа, или злокозненности дурного.

На этом основании врачебное искусство связывалось с жреческим классом.

Эту связь мы наблюдаем у всех первобытных народов во всех странах мира и следы ее находим во всех древних цивилизациях. Особенная власть над болезнями приписывалась в Египте жрецам Озириса и Изиды, в Ассирии — жрецам Гибила, в Греции — жрецам Эскулапа, а в Иудее — жрецам и пророкам Иеговы.

В Греции представление о скрытых дурных силах как о причинах телесных болезней появилось очень рано, однако там же мы находим и первые начатки истинно научной теории медицины. За пять веков до христианской эры, в период высшего расцвета греческой культуры, в эпоху Эсхила, Фидия, Перикла, Сократа и Платона, в Греции появился Гиппократ — одно из величайших имен в истории человечества. Спокойно, но твердо порвал он со старыми традициями, развил научное мышление и заложил на основах опыта, наблюдения и логических рассуждений столь прочные начала медицинской науки, что многие из его положений сохранили свою силу до настоящего времени.

Методы Гиппократа были восприняты Александрийской школой, где медицинская наука стала развиваться дальше, особенно такими людьми, как Герофил и Эрасистрат. Под их руководством началось изучение анатомии человеческого тела путем вскрытий; казалось, что со старым предрассудком о недопустимости такого метода анатомических занятий, без которого, однако, невозможно достичь каких-либо реальных результатов, было покончено навсегда.

Однако с появлением христианства картина резко изменилась. Церковники восприняли доисторические представления о невидимых силах как о причинах болезней и, основываясь на букве священных писаний «старого и нового завета», развили эту теорию до крайности.

В основе христианско-теологического учения о болезнях лежали две идеи: во-первых, что причиной физической болезни является или гнев божий, или козни сатаны, или и то и другое вместе; и, во-вторых что болезни могут излечиваться только чудодейственным способом, основанным или на успокоении божьего гнева, или на отвращении козней сатаны.

На основе этого учения обильно расцвели всевозможные легенды о чудесном избавлении от болезней, легенды, в создании которых немалую роль сыграл на ряду с темнотой народных масс и сознательный обман со стороны церковников и духовенства.

2. ЛЕГЕНДЫ ОБ ИЗЛЕЧЕНИИ БОЛЕЗНЕЙ.— ЖИЗНЬ КСАВЬЕ В КАЧЕСТВЕ ТИПИЧНОГО ПРИМЕРА.

Легенды о чудесах связывались в первые века христианства с жизнью всех больших благотворителей, а также святых и вообще набожных людей. Биографии таких людей всегда сопровождались рассказами о приписываемых им чудесах, и эти рассказы занимали большое место в их жизнеописаниях.

Только в новое время, когда стала исчезать вера во всякие сверхъестественные чудеса, исчезли и такие легенды.

Мы проследим на одном примере, как создаются такого рода легенды. Для примера мы выбрали жизнь Франциска Ксавье. Мы остановили свой выбор на нем потому, что биография его нам известна в мельчайших подробностях как из его собственных писем, так и из писем его товарищей и из многочисленных описаний его жизни. Мы считаем необходимым отметить, что все наши сведения мы заимствуем исключительно из римско-католических источников, опубликованных с согласия церкви.

Рожденный в семье знатного испанского дворянина, Ксавье уже в раннем возрасте не проявлял никакой склонности к обычным стремлениям знатного дворянина и целиком посвятил себя умственным занятиям. Он быстро выдвинулся и достиг профессорского звания в Париже; в этой роли он стал приобретать большое влияние, когда встретился с другим, еще более выдающимся, хотя менее богато одаренным испанцем Игнатием Лойолой, основателем ордена иезуитов. В результате этой встречи молодой профессор, которого ожидала блестящая ученая карьера во французской столице, оставил кафедру и отправился в качестве простого миссионера на Восток, где посвятил остаток своей жизни проповедыванию христианства среди туземцев.

Переходя из деревни в деревню сначала в Индии, а затем в Японии, он собирал вокруг себя при помощи ручного колокольчика туземцев, которых старался обратить в христианство. После двенадцати лет такой

деятельности Ксавье поселился отшельником на пустынном острове Сан-Чан.

Во время своей миссионерской работы он написал большое число писем, которые сохранились и были затем напечатаны; эти письма вместе с письмами его современников дают полную картину всей его жизни. Ни в одном из этих писем мы не находим ни малейшего намека на какое-либо чудо, совершонное им. Во внешней жизни его имели место два-три происшествия, очень подробно изложенные им и его современниками; даже самый набожный человек вряд ли мог бы усмотреть в них вмешательство божественного промысла. О таких происшествиях мы часто читаем в письмах миссионеров как католиков, так и протестантов. Так, например, в начале его карьеры, во время путешествия его с одним послом по Европе, один из слуг попал в глубокую воду и стал тонуть. Ксавье рассказывает, что посланник стал горячо молиться, а слуга, в конце-концов, выкарабкался из опасного места и спасся. Спустя шестьдесят лет после смерти Ксавье при его канонизации многие биографы его превратили это обыкновенное происшествие в чудо, разукрашенное самым фантастическим образом. Ксавье рассказывает, что о спасении слуги молился посол, а биографы Ксавье передают, что это он молился, а позднейшие биографы представили дело уже в таком виде, что Ксавье сверхъестественным путем извлек из воды всадника с конем.

Характер чуда был придан биографами и другому самому обыкновенному случаю его жизни. Прибыв в Лиссабон, Ксавье застал своего друга Симона Родригеца больным лихорадкой. Ксавье в очень простой форме пишет, что Родригец до того обрадовался ему, что лихорадка прекратилась. Это вполне напоминает историю, которую Лютер рассказывает относительно Меланхтона. Меланхтон заболел, и все думали, что он уже не поправится. Но когда к нему приехал Лютер, то он так обрадовался этому столь долгожданному визиту, что встал с постели и после этого прожил еще долго.

Наконец рассказывают, что Ксавье, найдя однажды бедную туземку, которая была очень больна, окрестил ее и стал молиться об ее здоровье, после чего она поправилась.

Два или три подобных происшествия составляют всю фактическую базу для рассказов о чудесах Ксавье, поскольку речь идет о собственных писаниях Ксавье.

О чудесах в обыкновенном смысле слова в этих письмах не упоминается решительно ничего. Хотя все свои действия Ксавье описывает чрезвычайно подробно, он ничего не говорит о совершонных им чудесах и, очевидно, ничего о них не знает. Причина такого молчания отнюдь не лежит в его нежелании говорить об этом. Как мы видели, он очень охотно отмечает каждую мелочь, в которой можно усмотреть ответ на молитву или доказательство силы религиозной веры для улучшения телесного или духовного состояния тех, к кому он был послан.

Точно так же и в письмах его товарищей нет решительно никаких упоминаний о совершенных им чудесах. Его товарищи-миссионеры, находившиеся с ним в постоянных сношениях, ни словом не упоминают

об этом ни в переписке между собой ни в своих письмах к европейским миссионерам. Целый ряд собраний писем миссионеров-иезуитов, проживавших в Индии и на Востоке одновременно с Ксавье, был опубликован, и ни в одном из этих писем ни разу не упоминается о каком-либо чуде, совершенном Ксавье. Для примера укажем на собрание писем, опубликованное спустя двадцать лет после смерти Ксавье иезуитским монахом Эммануилом Акостой.

Ни в одном из писем, писанных в то время, когда Ксавье проживал в Индии и на Востоке, нет ни слова о каком-либо чуде, им совершенном.

Это умолчание ни в коем случае нельзя приписать злым умыслам или неверию. Наоборот, отцы-миссионеры рады использовать всякий пустяк, который можно было бы истолковать как божье знамение. Об этом свидетельствуют их письма. Так, один сообщает, что недавно на небе показался освещенный крест; другой пишет, что при помощи святой воды из туземцев изгонялись бесы; третий извещает, что крещение помогало от различных болезней и даже совершенно излечивало их; многие другие утверждают, что слепые становились зрячими, а немые начинали говорить и даже прокаженные исцелялись после приобщения к святой церкви; и все же никто из них не приписывает Ксавье во время его жизни и в течение первых лет после его смерти никакого чуда.

Наоборот, в письмах Ксавье мы находим множество признаний его в своей ограниченности и сообщения о затруднениях, этим вызванных. Так, например, впоследствии стали утверждать, что он был предназначен богом для своей миссии и обладал особыми способностями к языкам; но сам Ксавье в своих письмах пишет, что он совершенно не обладал такими способностями, что он очень много испытывал затруднений от незнания языков и что для изучения японского языка ему пришлось затратить очень много труда.

Так обстояло дело в течение десяти-двадцати лет после смерти Ксавье. Правда, кое-где уже стали появляться легенды о его чудесах, но в той стране, где он жил и которая, по утверждению церковных источников, была полна чудес, о последних ничего еще не было слышно. Точно так же о них не поступало никаких сообщений от тех людей, которые находились в самом центре этих предполагаемых чудес.

Но помимо этих данных отрицательного характера мы имеем положительные указания, исходящие от иезуитского ордена, что Ксавье не совершал никаких чудес. Один из современников Ксавье, находившийся в тесных сношениях с близкими к последнему людьми, член ордена иезуитов, считающийся одним из наиболее признанных историков этого ордена, не только определенно пишет, что Ксавье не совершал никаких чудес, но и объясняет, почему он этого не делал.

Мы имеем в виду Иосифа Акосту, одного из руководителей ордена иезуитов, впоследствии ставшего ректором Саламанкского университета. В 1571 г., т. е. спустя девятнадцать лет после смерти Ксавье, Акоста занялся исследованием пропаганды христианства в Индии

В этом труде он отзывается о Ксавье с величайшим почтением, считая его идеалом образцового миссионера. Тут же Акоста обсуждает вопрос, почему обращение иноверцев в то время шло не с такой быстротой, как в эпоху апостолов, и приходит к выводу, что причина этого лежит в самих миссионерах, которые «не обладают более способностью к сотворению чудес».

Затем он ставит вопрос: «Почему в наше время отсутствуют чудеса?» Смысл очень длинных рассуждений его в ответ на этот вопрос сводится к тому, что в апостольские времена безграмотным людям приходилось обращать ученых, теперь же происходит как-раз наоборот: ученым приходится обращать неграмотных; вот почему «в те времена чудеса были необходимы; в наше время необходимости в них нет».

Это заявление относится, как мы видели, непосредственно к Ксавье и к другим миссионерам того времени. Что орден иезуитов и церковь считали этот труд Акосты вполне достойным, видно из того, что он был опубликован в Саламанке спустя несколько лет после его написания и впоследствии переиздан с одобрения церковных властей во Франции.

Но вот вскоре после смерти Ксавье, последовавшей в 1552 г., начинают появляться рассказы о его чудесах. Сначала их было немного. Так, спустя два года после его смерти Мельхиор Нунец, заведывавший иезуитскими монастырями в португальских колониях, находившийся в переписке со всеми странами Восточной Азии, мог собрать всего только три таких чуда. Однако все это были рассказы понаслышке. Так, некий Дейро сообщал, что Ксавье обладал даром пророчества; но сам Ксавье прогнал этого Дейро за лживость и обман. Далее передавали довольно-таки неопределенно, что у мыса Коморин некоторые люди утверждали, будто Ксавье воскресил мертвого. Наконец, один патер будто бы слышал, что в Японии Ксавье вернул зрение слепому. Но уже в 1555 г. заведывающий иезуитскими монастырями в Эфиопии слышал уже о девяти чудесах и утверждал, что Ксавье излечивал больных и изгонял бесов. В следующем году, следовательно, спустя четыре года после смерти Ксавье, португальский король Иоанн III, весьма набожный человек, отправил своего вице-короля Баррето собрать и доставить ему точные сведения о чудесах Ксавье, приказав ему выполнить поручение «усердно и быстро». Нетрудно себе представить, какие легенды мог собрать такой посланник в своем усердном стремлении угодить набожному королю.

Однако в письмах сотрудников Ксавье и его непосредственных преемников о чудесах все еще царит полное молчание, и только в 1562 г., т. е. спустя десять лет после смерти Ксавье, в письмах начинают появляться первые легенды о чудесах.

В это время иезуит Альмейда сообщает, что он встретил благочестивую женщину, утверждавшую, что книга, оставленная Ксавье, излечивала больных, когда ее клали на них, а другой старик ему рассказывал, что он сохранил кнут, оставленный святым, оказавшийся при надлежащем применении целительным как для тела, так и для

души больных. Эти рассказы послужили началом целой массы легенд, которые впоследствии расцвели пышным цветом.

Эти легенды старательно собирались усердными монахами в Европе, хотя надо заметить, что некоторые руководители церкви первое время не придавали им особого значения.

Но легенды о чудесах Ксавье уже не заставили себя долго ждать. В 1594 г. отец Турселлин опубликовал свое «Жизнеописание Ксавье», в котором сведения, собранные португальским вице-королем и наиболее усердными монахами, занимают уже обширное место. Число приписываемых Ксавье в этой биографии чудес превосходит количество чудес, о которых говорится во всех источниках до того времени. Ксавье приписывается не только излечение больных, но и изгнание бесов, успокоение бури, воскрешение мертвых и множество других всевозможных чудес.

В 1622 г. произошло в Риме причисление Ксавье к лику святых. Среди речей, которые были произнесены в присутствии папы Григория XV в подтверждение прав Ксавье на звание святого, наиболее значительной была речь кардинала Монте. В своей речи Монте с очень большими подробностями останавливается на десяти великих чудесах из великого множества сотворенных Ксавье при жизни. Он утверждает, что в одном случае Ксавье при помощи крестного знамения превратил соленую морскую воду в пресную, так что пассажиры и команда судна могли утолить свою жажду, что в различных местах он излечивал больных и воскрешал мертвых; вернул к судну потерявшуюся в океане шлюпку, на глазах присутствующих однажды вознесся с земли и преобразился; для наказания богохульствующего города вызвал в нем землетрясение и похоронил оскорбителей под извержениями вулкана. Наиболее любопытным является восьмое из перечисленных кардиналом чудес: у Ксавье во время одного из морских путешествий упал в море крест; когда он прибыл на берег, крест этот был ему доставлен крабом.

Не мало внимания посвятил также кардинал и чудесам, совершонным останками святого после его смерти; наиболее оригинальным из этих чудес является следующее: помещенные перед изображением святого и наполненные святой водой лампады горели, как-будто вместо воды в них было масло.

Когда Ксавье был объявлен святым, появился целый ряд его биографий, каждая из которых превосходила предыдущую в числе приписываемых Ксавье чудес. В 1622 г. отец Вителлески составил и опубликовал биографию Ксавье, в которой не только появились рассказы о новых чудесах Ксавье, но и старые были значительно расширены и дополнены.

В 1682 г., т. е. спустя 130 лет после смерти Ксавье, появилась его биография, написанная отцом Бугуром и ставшая классической. В ней рассказы о старых чудесах оказались страшно преувеличенными и, кроме того, появились указания на множество новых. По рассказу Турселлина Ксавье в течение своей жизни спасает только одного утопавшего, у Бугура он спасает уже трех; у Турселлина он возвращает

к жизни четырех мертвых, у Бугура—четырнадцать, по Турселлину он добывает воду при помощи чуда один раз, по Бугуру—три; у Турселлина нет никакого упоминания о чудесном улове рыбы, у Бугура рассказ об этом уже имеется; по Турселлину Ксавье изменял свой вид дважды, по Бугуру—пять раз и т. д. и т. д.

Несколько странным казалось сначала, что сам Ксавье никогда не подавал даже малейшего намека на такого рода будто бы совершонные им чудеса. И вот для объяснения этой странности создается новая легенда. Рассказывают, что однажды один из братьев спросил Ксавье, правда ли, что он вернул жизнь умершему. Ксавье сильно покраснел и ответил: «Итак, говорят, что я вернул к жизни мертвеца! Ах, в какой обман ввел я людей! Однажды ко мне привели юношу, который находился в состоянии, напоминавшем смерть, я велел ему подняться во имя христа; он встал и пошел».

Интересна также эволюция и других чудес. Так Турселлин, писавший в 1594 г., рассказывает, что во время путешествия из Гоа в Малакку Ксавье покинул корабль и удалился на какой-то остров. Люди, посланные разыскать его, нашли его до того погруженным в молитву, что он совершенно не обращал никакого внимания на окружающее. У Бугура же этот рассказ принял уже такую форму: «Слуги нашли божьего человека витающим в воздухе, с устремленными к небу глазами, при чем лик его был окружен сиянием».

Но, быть может, наилучшей иллюстрацией этой эволюции чудес Ксавье является другая легенда, особенно поучительная тем, что она приняла необычайные формы, несмотря на полное отрицание ее как самим Ксавье, так и его современниками.

Во всех своих письмах, от первого до последнего, Ксавье постоянно останавливается на затруднениях, которые он испытывал вследствие незнания различных языков всевозможных племен, среди которых ему приходилось жить. Он рассказывает, как он преодолевал эти трудности: иногда изучая язык настолько, чтобы он мог перевести на него важнейшие церковные положения; иногда прибегая к помощи переводчиков; иногда прибегая в смеси различных диалектов, а иногда пользуясь жестами. В одном случае он рассказывает, что пришлось даже отложить путешествие в Китай, так как не явился переводчик.

В различных биографиях, появившихся в период между его смертью и канонизацией, об этих трудностях говорится очень много. Однако во время обряда канонизации в Риме, в речах, а также в папской булле сильно подчеркивается дар Ксавье к языкам. Было заявлено, что он с легкостью обращался к различным племенам на языке последних. Об этой чудесной способности Ксавье к языкам особенно много говорится в папской булле, изданной по поводу канонизации Ксавье. Известно, что смерть помешала папе Григорию XV подписать эту буллу, и она вышла за подписью папы Урбана VIII; таким образом тот самый папа, который осудил Галилея и потребовал, чтобы инквизиция не допускала идеи о вращении земли вокруг солнца, заставил мир верить во всевозможные чудеса Ксавье, в том числе в его дар к языкам и в благочестивого краба, доставившего Ксавье урезанный у

море крест. А отец Бугур пошел еще дальше и заявил: «Святой человек прекрасно говорил на языках т е х варваров, не изучая их и не прибегая к помощи переводчика». Мало того, еще совсем недавно один пастор писал: «Ксавье великолепно говорил на языках, которых он никогда не изучал».

Турселлин в своей биографии пишет: «Самые тяжелые затруднения он испытывал вследствие незнания японских наречий, ибо, когда он употреблял какое-либо неподходящее выражение, слушатели его смеялись». А Бугур о том же периоде говорит: «Он проповедывал японцам на их языке, при чем выражался так просто и естественно, что его трудно было принять за иностранца». И, наконец, еще в 1872 г. упомянутый нами пастор пишет. «Он говорил по-японски так бегло и изящно, как-будто он прожил в Японии всю жизнь».

Однако и этого оказалось мало. В конце-концов было заявлено, что, когда Ксавье обращался с проповедью к туземцам различных племен, каждый из них воспринимал его слова на своем языке.

Все это, как мы видим, находится в полном противоречии не только с собственными совершенно ясными утверждениями самого Ксавье и его современников, но и с заявлением Иосифа Акосты. Последний особенно останавливается на труде, который Ксавье должен был затратить на изучение японского и других языков.

Мы останавливались так долго на эволюции рассказов о чудесах Ксавье, ибо таким же путем развивались и все легенды о чудесах многочисленных христианских святых,— легенды, являющиеся, как мы видели, плодом чистейшей фантазии.

3. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ВЕРА В ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ ПРЕПЯТСТВУЕТ РАЗВИТИЮ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ.

Всем этим свидетельствам и рассказам о чудесах, которые в настоящее время могут вызвать лишь улыбку на устах любого школьника, в древности—в период раннего христианства и особенно в средние века—и даже вплоть до недавнего времени придавалась вера, и мысль о чудесах господствовала все это время в умах людей. Св. Августин, несомненно, был одним из умнейших представителей ранней церкви, и тем не менее мы находим у него упоминание о том, что некоторые трактирщики его времени клали в сыр снадобье, которое превращало людей в домашних животных, и что павлин пользуется таким благоволением со стороны всемогущего, что мясо его никогда не гниет. При таком отношении к самым диким рассказам неудивительно, что утверждение св. Григория в следующем столетии об исцелениях, совершавшихся мучениками Козьмой и Дамианом, встретило отклик во всех странах Европы, и в каждой деревушке появились свои чудотворцы.

Литература об этих чудесах прямо необозрима. Нет страны, где бы не были созданы легенды о чудесах, связанных с теми или иными святыми. Эволюция чуда во всех странах Европы явилась продолже-

нием целого ряда верований, уходящих не только в первые века христианства, но и далеко в эпоху язычества. Точно так же, как больные искали исцеления в храмах Эскулапа, так шли они в средние века да в наше время, к ликам и мощам святых. Точно так же, как рассказы о древних чудесах излагались на табличках с величайшими подробностями относительно имен, времени и места их совершения и эти таблички вешали перед изображениями богов, так же висят таблички перед иконами Ласалетской или Лурдской божьей матери с рассказами об их чудесах. Точно так же как вера в чудесное излечение при помощи древних богов упорно сохранялась, несмотря на полное отсутствие достоверных фактов такого излечения, так и сейчас вера во всякие чудотворные и целительные свойства всяких богоматерей и других подобных святых держится в умах темных людей, хотя никаких чудесных исцелений ни в Лурде, ни в других подобного рода местах не наблюдается. В качестве образца для такого рода чудес обычно брались чудеса, о которых говорится в священном писании; при всем разнообразии деталей основные черты оригиналов сохранялись во всех чудесах средневековья и нового времени с удивительным постоянством.

Но чудесные исцеления приписывались не только людям. Мы имеем массу рассказов о чудесах, источником которых являются реки, пруды и особенно реликвии. Эти рассказы также ведут свое происхождение от древнейших религий, и из этих источников происходят рассказы о Наамане Сирийском, излечившемся от проказы после того, как он выкупался в реке Иордане, о слепом, ставшем зрячим после того, как он вымыл свои глаза в Силоамском пруду, а также о чудесном исцелении лиц, прикоснувшихся к костям Елисея, к тени св. Петра или к платку св. Павла.

«Отцы» ранней христианской церкви поддерживали эту веру в чудотворную силу реликвий современных им святых; поэтому св. Амвросий заявлял, что «предписания медицины противоречат небесному знанию, бдению и молитве».

Такие утверждения подтверждаются представителями церкви в течение всех средних веков.

Исходя из этой идеи, теология окружала атмосферой сверхъестественности всякое лечение, даже основанное на научных методах.

В такой атмосфере теологического мышления научная медицина не могла развиваться. Александрийская школа под влиянием сначала иудейства, а затем и христианства ввела в теорию медицины бесов и чудеса и превратила ее вскоре в учение, полное мистики. В Восточной Византийской империи те же причины привели к тому же результату: эволюция научной медицины, основы которой были заложены Гиппократом и развиты Герофилом, приостановилась надолго. Медицинская наука, пытавшаяся итти вперед, похожа была на корабль, затерявшийся в Саргассовом море: как окружающая атмосфера, так и среда, в которой надо было двигаться, препятствовали всякому продвижению. Вместо того чтобы строить здание медицины на опыте и наблюдении, все внимание было обращено на сверхъестественные силы.

4. ОБЪЯСНЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ САТАНЫ

Особенно вредной для развития научной медицины была распространенная среди первых христиан идея о том, что причиной болезни является действие дьявола. Идея эта, как мы видели, очень древнего происхождения; она господствовала в Халдее, Египте, Персии и, естественно, попала оттуда в священные книги евреев. Апостол Павел объявил богов в аду дьяволами, и первые христиане усматривали поэтому во всякой болезни злые козни лишенных трона властителей зла. Споры гностиков и манихеян способствовали укреплению теологической идеи, что хотя болезни являются иногда наказанием со стороны всемогущего бога, все же главную роль в них играет сатана и его слуги. Отцы и руководители раннего христианства восприняли и укрепили эту идею. Ориген говорит: «Голод, неурожаи, воздушные бури, чуму производят демоны; они таятся, скрытые в облаках, в нижних слоях атмосферы и привлекаются кровью и ладоном, которые им как богам преподносит ад».

Св. Августин говорит: «Все болезни христиан следует приписывать этим демонам; главным образом мучают они только что крещенных христиан, не щадя даже невинных новорожденных младенцев». Тертуллиан настаивал, что за каждым человеком непрестанно следит злой ангел. Григорий назианцский говорил, что телесные страдания вызываются демонами; поэтому всякие лекарства бесполезны, исцеление же наступает часто от приложения освященной руки. Св. Нил и св. Григорий турский, подражая св. Амвросию, приводили примеры, которые должны были свидетельствовать о греховности людей, обращающихся к медицине вместо того, чтобы довериться вмешательству святых.

Св. Бернар в письме к некоторым монахам предупреждает их, что поиски облегчения от болезни в медицине противоречат как религии, так и чести и чистоте их ордена. Эта точка зрения получила свое выражение даже в каноне, который объявил предписания медицины противоречащими божественному знанию. Руководители церкви поэтому обычно выступали против учения о естественном происхождении болезней и предостерегали от обращения к врачам и лекарям.

Из таких взглядов развилась обширная система «пастырской медицины», не только столь влиятельной в средние века, но и сохранившей свою силу вплоть до новейшего времени среди христиан всех вероисповеданий. Чтобы понять это явление, не следует забывать о тех огромных доходах, стекавшиеся в разные монастыри и церкви, прославившиеся реликвиями, которым приписывалась способность исцеления. Если у некоторых и существовала искренняя вера в чудотворную силу этих реликвий, то в огромнейшем большинстве случаев главную роль играли здесь соображения материальной выгоды. Коммерческая ценность таких реликвий часто была очень высокой. В 1056 г. один французский правитель в ожидании решения суда о праве собственности на реликвии св. Юста и св. Пастора (спор шел между ним и архиепископом нарбоннским) должен был внести обеспечение в размере 10 тыс. сольдо. Германский император за разрешение

устроить городской рынок однажды потребовал руку св. Георгия. Тело св. Себастьяна принесло огромное богатство Суассонскому аббатству. Рим, Кэнтербюри, Трир, Марбург и все другие крупные города получали огромные доходы из этого источника, а Венецианская республика затратила очень большие суммы на покупку таких реликвий.

Естественно поэтому, что корпорации — светские или духовные, для которых реликвии служили источником больших доходов,— относились враждебно ко всякой науке, угрожавшей дискредитированием этих источников доходов.

Поучительным примером истории развития таких реликвий может служить Кельн. В знаменитом Кельнском соборе в великолепной раке хранятся с XII столетия черепа трех королей, или трех восточных волхвов, которые, руководимые Вифлеемской звездой, принесли дары спасителю. Эти реликвии были источником колоссальных доходов для собора в течение многих веков. Другим церковным корпорациям этого города стало завидно, несмотря на все их благочестие. И вот недалеко от собора в церкви св. Гереона раскапывается кладбище, в котором оказываются кости св. Гереона и его сподвижников. А в соседней церкви св. Урсулы через некоторое время открывают новое кладбище, на котором построены внутренние стены церкви, и на этом кладбище находят кости св. Урсулы и ее 11 тысяч девственниц-мучениц! Тот факт, что многие из этих костей при анатомическом исследовании оказались мужскими костями, нисколько не подорвал в средние века веры в подлинность этих костей и в их исцеляющую силу. Никакие ошибки в выборе исцеляющих реликвий не оказывали отрезвляющего действия на верующих. Когда проф. Бекленд, выдающийся остеолог и геолог, открыл, что реликвии св. Розалии, которые в течение многих веков будто бы исцеляли болезни и предупреждали эпидемии, оказались козьими костями, то этот факт ни в малейшей степени не подорвал у верующих их убеждения в чудотворной силе этих костей.

Столь же вредными для развития научной медицины оказались и другие формы фетишистского лечения. Среди последних большую роль играл Agnus Dei, кусок воска из пасхальных свечей с отпечатком ягненка, освященный папой. В 1471 г. папа Павел II возвестил церкви о действии этого фетиша, предохраняющего людей от пожара, кораблекрушения, бури, молнии и града и помогающего женщинам при родах; производство этих фетишей он сделал монополией папы. В 1517 г. пап Лев X выпустил карточки, на которых был изображен крест со следующей надписью: «Этот крест представляет одну сороковую человеческого роста христа; кто его поцелует, тот может считать себя обеспеченным на семь дней от падучей болезни, апоплексии и внезапной смерти».

Понятно, что такие идеи, распространяемые церковью, учение которой считалось непогрешимым в вопросах веры, создали огромный спрос на всякого рода амулеты.

Эти фетиши, действие которых основывалось на теологических учениях и церковной политике, долгое время служили помехой распространению настоящих медицинских знаний.

Конечно, нельзя было ожидать, чтобы папы, извлекавшие огромные доходы от продажи Agnus Dei, или священники, приобретавшие и славу и богатство от чудесных излечений при помощи всякого рода мощей, способствовали развитию науки, которая в корне должна была подорвать источники их богатства и славы.

5. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕОЛОГОВ ЗАНЯТИЯМ АНАТОМИЕЙ.

Еще более серьезной помехой, препятствовавшей развитию научной медицины и хирургии, была теория, считавшая недопустимым трогать трупы людей. Эта теория, взлелеянная христианской церковью как христианская теория, на самом деле была заимствована, как и многие другие христианские учения, из язычества. В Египте сила этой теории была так велика, что бальзамировщик трупов считался отверженным; следы ее можно найти и в греко-римской цивилизации, откуда она перешла в раннюю христианскую церковь, где была подкреплена одной из наиболее сильных мистических идей, а именно, что человеческое тело является храмом святого духа. Вот почему Тертуллиан объявил анатома Герофила мясником, а св. Августин в таких же выражениях говорил об анатомах вообще.

Еще хуже стало дело, когда к этой мистической идее прибавилось еще учение о воскресении. Это учение вызвало сильный страх перед анатомированием тел, ибо создавалось опасение, как бы оно не помешало телу воскреснуть в день страшного суда. Все это конечно служило добавочными доводами в пользу запрещения занятий анатомией.

К этим аргументам против анатомирования трупов прибавился еще один, исключительный по своему лицемерию и наглости. Известно, что ни одна организация в истории человечества не пролила столько невинной крови, как римско-католическая церковь. Вряд ли найдется человек, который взял бы на себя смелость отрицать это положение. И эта-то церковь выставляет в средние века как один из главнейших аргументов против анатомических занятий тот довод, что «церковь с отвращением относится к проливанию крови».

На этом основании Леманский собор запретил монахам заниматься хирургией. Так же поступили и многие другие соборы, а к концу XIII столетия анатомическим занятиям был нанесен самый тяжелый удар: папа Бонифаций VIII издал декрет, положивший конец практике, которая стала обычной со времени крестовых походов, а именно отделению мяса от костей в трупах, чьи останки желательно было отвезти на родину.

В основе этого запрещения лежала, повидимому, та же идея, которая побудила Тертуллиана выступить столь резко против Герофила; но, как бы то ни было, запрещение это было вскоре распространено на всякого рода анатомирование, и таким образом, хирургия и медицина были задержаны более чем на два столетия. Этот удар был еще особенно тяжел потому, что он создал представление, что всякое анато-

мирование является святотатством, и поэтому наиболее образованные люди в средние века уклонялись от занятий хирургией, предоставив ее всяким бродячим шарлатанам.

Эта мысль так глубоко укоренилась в умах верующих, что в течение более тысячи лет занятия хирургией считались бесчестными, и только в 1406 г. этому положению был нанесен первый удар германским императором Венцелем, снявшим пятно бесчестия с медицинской профессии.

6. НОВЫЕ НАЧАТКИ МЕДИЦИНСКОЙ НАУКИ.

Несмотря на все эти препятствия, медицинская наука все же продолжала развиваться, хотя и очень медленно. Во втором веке христианской эры большим авторитетом стал в Риме Гален, распространивший оттуда свои медицинские познания по всему миру; его гений одержал верх над дефектами его метода, но хотя он и дал большой толчок развитию медицины, однако его догматизм долго еще потом стоял помехой на ее пути.

Местами, где медицина в те времена могла применяться, были сначала главным образом больницы различных монастырей, особенно обширные у бенедиктинцев. Многие монахи посвящали себя медицинским занятиям в той мере, в какой это им разрешалось, и разные духовные и светские лица прилагали много усилий к обеспечению и сохранению копий старых медицинских трактатов. Точно так же в соборных школах, учрежденных Карлом Великим и другими, обычно одним из предметов преподавания была и медицина; но преподавание это как в монастырях, так и в школах было довольно жалким. Оно не стремилось к дальнейшему развитию наследства Гиппократа, Аристотеля и Галена, но состояло почти исключительно в буквальном повторении писаний этих авторов.

Развитие медицины стало делом двух групп людей, которые хотя также были пропитаны предрассудками, но все же в значительно меньшей степени, чем христианские монахи и студенты духовных школ. Это были евреи и арабы.

Еврейские ученые особенно много внимания посвящали медицинской науке. Им главным образом обязана своим возникновением школа в Салерно, процветавшая в X в.

Конечно, с точки зрения современной медицины школа эта может показаться нам жалкой, но по сравнению с уровнем медицинских знаний того времени работа этой школы стояла очень высоко: она особенно развивала идеи гигиены и подняла медицину на более высокую ступень.

Еще более важное значение имела школа в Монпелье, которая почти целиком обязана своим возникновением еврейским врачам. Эта школа способствовала еще большему подъему медицинских знаний и много содействовала созданию медицинской профессии, добившейся широкого признания во всей южной Европе.

Что касается арабов, то они в течение периода от X до XIV в. много занимаются, особенно в Испании, медициной и химией в качестве вспомогательной к медицине науки. В начале IX в., когда христианские писатели укрепляли фетишизм в медицине, Альмамон высказался о врачах следующим образом: «Они являются избранниками бога и наилучшими и наиболее полезными слугами его, ибо жизнь их посвящена усовершенствованию их умственных способностей». Влияние Авиценны, переводчика трудов Аристотеля, распространялось на всю Европу в течение XI в. Арабы, конечно, много питались традицией в медицине, но их переводы Гиппократа и Галена сохранили для мира лучшие достижения медицинской науки того времени. Особенно велики заслуги арабов в области фармации; здесь их работы сохранили свое значение и до настоящего времени.

Находились люди и среди христиан, которым удавалось вырваться из удушливой атмосферы теологии и которые сознавали важность развития научных знаний. Так, Карл Великий и его министр Алкуин не только ввели преподавание медицины в основанных ими школах, но и заботились об устройстве ботанических садов, в которых культивировались те травы, которым приписывались целебные свойства. В XIII в. Фридрих II собрал во время своих многочисленных путешествий, особенно крестовых походов, множество греческих и арабских рукописей и обращал особенное внимание, чтобы те из них, которые были посвящены медицине, сохранялись и изучались; он относился с большим уважением к медицине, которое он выразил в ряде изданных им законов.

Появлялись также время от времени люди науки в более строгом смысле слова, даже в эпоху полного господства теологической мысли и величайшей власти духовенства. Конечно, наука их была насквозь перемешана с теологией, но все же она заключала в себе драгоценные зародыши. К числу этих ученых надо отнести Арнольда Вилланову, Бертрана Гордона, Альберта Больштадтского, Василия Валентина, Раймонда Люлли и прежде всего Рожера Бэкона. Все они занимались вспомогательными для медицины науками и, несмотря на обвинения в колдовстве, угрожавшие им нередко тюрьмой и смертью, не давали угаснуть факелу знания и перенесли его через мрачную эпоху средневековья к новым поколениям.

И в самой церкви даже в эпоху, когда тяжелая теологическая атмосфера сгущалась самым сильным образом, появлялись иногда отдельные люди, стремившиеся к чему-то похожему на научные идеи. Так, в IX в. Бертарий, монах из Монте Кассино, написал два тома предписаний медицинского характера, собранных из древних писателей; другие монахи их изучали; и в течение последующих веков ряд ученых, как например Гюго, аббат Сен-Дени, Ноткер, монах из Сен-Галла, Мило, архиепископ беневентский и некоторые другие старались кое-что делать для медицины, в том смысле конечно, как они понимали эту науку. К несчастью, они обычно теорию медицины представляли себе как смесь выводов священного писания с догмами Галена, а медицинская практика для них заключалась в смеси колдовских чар

с фетишами. Папа Гонорий III также делал что-то для основания медицинских школ, но роль этого папы как душителя всякой мысли была так велика, что, конечно, его старания в области устройства медицинских школ не имели абсолютно никакого значения для развития этой науки.

Враждебное отношение теологии к научной медицине стало обнаруживаться очень рано. Еще в VI в. папа Григорий I проявил большую вражду к развитию этой науки. В начале XII в. Реймский собор запретил монахам заниматься изучением юриспруденции и физических наук.

Это запрещение было подтверждено впоследствии множеством других соборов. В середине того же века св. Бернар жалуется, что монахи слишком много занимаются медициной, а спустя несколько лет мы имеем декрет папы Александра III, запрещающий монахам изучать медицину и заниматься ею. В течение многих поколений у некоторых отдельных представителей духовенства проявляется более благоприятное отношение к медицине, так что папа Климент III и Сильвестр II даже как бы покровительствовали этой науке, а про одного из кентерберийских архиепископов рассказывали, что он был искусным медиком. В ответ на это в начале XIII в. четвертый Латеранский собор запрещает священникам, дьяконам и иподьяконам совершать хирургические операции, а спустя несколько лет папа Гонорий III возобновил это запрещение, еще более расширив его. В 1243 г. доминиканский орден запретил своим монастырям держать у себя медицинские книги. В конце-концов всякое участие представителей духовенства в медицинской науке прекратилось окончательно.

7. БОРЬБА ТЕОЛОГОВ ПРОТИВ МЕДИЦИНЫ.

В то время как отдельные церковники пытались кое-что делать для медицины, церковные власти, как правило, оказывали последней самое отчаянное противодействие. Одновременно получила свое полное развитие мысль о том, что стремление к естественным методам лечения заключает в себе нечто антирелигиозное, ибо имеется в изобилии столько сверхъестественных средств. При этом особенно указывали на случай с королем Азой, который доверился врачам вместо того, чтобы отдать себя на волю священников неговы, и в результате умер. Отсюда заявление св. Бернара, что монахи, принимающие лекарство, виновны в недостойном религиозного человека поведении. Многие строгие церковники относились отрицательно даже к салернской школе, так как она предписывала правила диэты, высказывая при этом уверенность, что болезни возникают от естественных причин, а не от злых козней дьявола; к тому же в медицинских школах изучали Гиппократа, который говорил, что одержимость бесами представляет собой болезнь, «нисколько не более божественную, нисколько не более дьявольскую, чем всякая другая болезнь». Вот почему Латеранский собор в начале XIII в. запретил врачам под страхом отлучения от цер

кви давать какие-либо лекарства, не посоветовавшись со священником.

Этот взгляд сильно поддерживался церковью, и спустя 250 лет папа Пий V придал ему новую силу, возобновив приказ папы Иннокентия и усилив его угрозой строгих кар. Он не только предписал всем врачам перед тем, как назначить лечение, призывать «врачевателя души», на том-де основании, что «телесная» болезнь часто возникает из греха, но он еще приказал следующее: если по истечении трех дней пациент не исповедуется перед духовником, то врач должен прекратить свое лечение под страхом лишиться права практики или изгнания из факультета, если он профессор, а всякий врач и профессор медицины должны дать клятву, что они строго будут исполнять все эти предписания.

Это породило еще одно отношение к врачам, сделавшее развитие медицины еще более затруднительным, а именно: ученых вообще стали ставить на одну доску с колдунами и магами. Отсюда возникло широко распространенное обвинение врачей в атеизме, о чем ярко свидетельствует поговорка: «Там, где находятся три врача, имеются два атеиста».

Обвинение в колдовстве было столь обычным, что многие врачи сами стали в него верить. В X в. Герберт, известный впоследствии под именем папы Сильвестра II, был однажды сам заподозрен в колдовстве, когда он обнаружил некоторое расположение к научным методам; в XI в. такое обвинение чуть ли не стоило жизни Константину Африкану, когда он сделал попытку сойти с избитой дорожки медицины; в XIII в. Рожер Бэкон поплатился благодаря такому обвинению многими годами тюремного заключения и едва не был казнен. Это лишь единичные примеры из огромного количества таких фактов.

Против врачей, обнаруживавших способности к научному исследованию, выдвигалось также обвинение в мусульманстве и аверроизме, а Петрарх объявил аверроистов «людьми, отрицающими «Книгу бытия» и лающими на христа». В результате такого отношения к врачам медициной стали заниматься только низшие слои монахов. Фома Аквинский утверждал, что силы тела не находятся ни в какой зависимости от его физической организации; вот почему эти силы должны изучаться схоластической философией и теологическим методом, а не путем исследования строения тела. В результате этой теории, к которой примешивались еще различные языческие предрассудки, мы имеем в анатомии и физиологии учения вроде того, что увеличение или уменьшение мозга связано с фазами луны; что жизнеспособность человека зависит от морских приливов и отливов; что функция легких заключается в проветривании сердца; что печень является центром любви, а селезенка — остроумия.

С этими теориями было близко связано учение о внешних признаках. Предполагалось, что бог отметил своими знаками различные средства для лечения болезней; так считалось, что кровянка, вследствие своего красного сока, полезна для крови; печеночница, имеющая листья, похожие на печень, излечивает болезни печени; очанка, имея пятно вроде глаза, излечивает болезни глаз; чистяк, вследствие своего

желтого сока, служит лекарством от желтухи; воловий язык, похожий на змеиную голову, служит средством от укусов змей; красная байка, похожая на кровь, излечивает заражение крови, а потому и ревматизм; медвежий жир, взятый от животного, покрытого густой шерстью, является средством для предохранения от лысения и т. д. и т. д.

Эта ложная наука развила еще один метод для лечения болезней: этот метод заключался в том, чтобы внушить демону отвращение к телу, которое он мучает. Вследствие этого пациента заставляли глотать или применять самые отвратительные, грязные вещи вроде печенки жаб, крови лягушек и крыс; веревки, которыми пользуется палач, или мази, приготовленные из тела повешенных преступников. Многие из этих средств перешли в христианский мир еще от язычников, но теология придала им особый, религиозный, смысл. В качестве примера такого смешения языческой и христианской магии приведем следующее место из одной средневековой медицинской книги; речь идет о мази против «ночных посещений домовых». «Надо взять хмель, кандийский тмин, лупин, курослеп, заячью капусту, козелец, вереск, чеснок, укроп; все эти травы положить в чашу, которую поставить под алтарем, прослужить над ними девять месс, проварить их в масле и бараньем жире, прибавить большую дозу освященной соли, профильтровать через материю, а травы бросить в текущую воду. Если кого-нибудь постигнет злое искушение или его начнут посещать ночные привидения, то тело его надо смазать этой мазью, приложить ее к глазам, обкурить его ладаном и осенить его много раз крестным знамением. Положение его вскоре улучшится».

Что касается хирургии, то то же самое смешение теологии с языческими верованиями служило помехой для развития этой отрасли медицинской науки вплоть до новейшего времени. Враждебное, конечно на словах, отношение церкви к пролитию крови отвлекло от занятий хирургией наиболее образованных людей из среды духовенства; благодаря этому хирургия вплоть до XV в. считалась презренной профессией, которая сосредоточилась в значительной степени в руках шарлатанов. Кличка «брадобрей», «оператор», сохранившаяся до самого последнего времени, является пережитком этого отношения к хирургии. В такой хирургии переломы костей лечились различными мазями; средством для излечения вывихов считалась веревка палача; яд изгонялся дыханием осла; натирание зубом мертвеца излечивало зубную боль.

Колоссальное развитие методов лечения при помощи чудес и фетишей продолжалось в христианстве из столетия в столетие, и это было одной из главных причин враждебных отношений между церковью и лучшими представителями врачебной профессии. Церковь полагала, что она обладает гораздо лучшими средствами для лечения болезней, чем научная медицина. Это убеждение вызвало к жизни чистейший фетишизм, основанный на почитании реликвий различных мучеников.

Так вода, в которую был погружен хотя бы один волос святого, считалась прекрасным слабительным; вода, в которую было окунуто

кольцо св. Реми, считалась средством от лихорадок; вино, в которое были опущены кости святого, излечивало лунатизм; масло из лампады, горевшей перед гробницей св. Галла, излечивало опухоли; св. Валентин исцелял эпилепсию, св. Христофор — горловые болезни, св. Евтроний — водянку, св. Овид — глухоту, св. Гервазий — ревматизм, св. Аполлина — головную боль, св. Витт, св. Антоний и множество других святых — болезни, носящие их имена. Еще в 1784 г. в Баварии был издан приказ, чтобы укушенные бешеной собакой немедленно становились на молитву перед ракой св. Губерта и не тратили попусту время на какие-либо попытки медицинского или хирургического лечения. Особенно действительным средством от различных болезней считались цветы, оставшиеся на гробнице какого-либо святого и вымоченные в воде. Церковные проповедники с большой настойчивостью вбивали в умы христиан веру в эти методы лечения, и работа их дала соответствующие результаты.

Насколько глубоко в умах масс сидела в то время вера в целебные свойства реликвий, свидетельствует следующий часто встречающийся в монашеской литературе рассказ. Два нищих лентяя — один слепой, другой хромой — пытались избегать останков св. Мартина, чтобы не выздороветь и быть таким образом вынужденными работать. Слепой взял к себе на плечи хромого, чтобы вести его, но толпа увлекла их с собой, и они излечились против своей воли.

Весьма большое целебное значение приписывалось в средние века слюне. Употребление этого средства имеет восточное происхождение. В Египте мы находим определенные указания на него. Плиний посвящает этому средству значительную часть одной из глав своей книги, Гален его одобрял; Веспасиан при своем посещении Александрии будто бы исцелил одного слепого, прикладывая к его глазам слюну. Но особенную роль для признания в средние века этого средства сыграл тот факт, что сам Иисус, согласно четвертому евангелию, применял его; благодаря этому слюна вошла не только в церковный церемониал, но и в медицинскую практику.

По мере того как сгущалась теологическая атмосфера, в каждой стране стало появляться множество своих местных святых, которым приписывалась специальная целебная сила для излечения того или иного органа или той или иной болезни. Духовенство, державшее в своих руках контроль над медицинскими школами, сознательно смешивало эту фетишистскую медицину с начатками научных знаний. В X в. даже в такой медицинской школе, как Салернская, больных лечили не только при помощи медицинских средств, но и при помощи реликвий св. Матвея и других.

Большую роль в выборе святых для исцеления от той или иной болезни играла мода. Так, например, в начале средних веков большой популярностью в качестве источника исцеления пользовались реликвии св. Козьмы и Дамиана, а впоследствии они уже не имели никакого значения; в XIII в. модными были кости св. Людвига, уступившие свое влияние в XIV в. реликвиям св. Роха из Монпелье и св. Екатерины Сиенской, в свою очередь вышедшим потом из моды и усту-

пившим свое место другим святым. В новое время мы видим, как падает значение святынь Ла-Салетт и подымается роль Лурда.

Точно так же обстояло дело со множеством священных прудов, рек и других мест. В Ирландии не было прихода, в котором не существовало бы такого священного центра. В Англии и Шотландии их также было множество. Еще в 1805 г. один католический священник вполне серьезно и подробно рассказывает о случае чудесного исцеления у такого священного колодца в Флинтшайре. Во всех странах Европы благоговейное отношение к такого рода священным колодцам и источникам сохранялось еще долго после средних веков.

Нечего и говорить, что огромную роль в происхождении и поддержании этих фетишистских методов лечения играл сознательный обман. Об этом свидетельствуют такие факты, как два различных судебных расследования чудес в Ла-Салетте, с несомненностью установившие наличие мошеннического обмана, или недавняя реставрация Трондьемского собора, во время которой было установлено, что голоса ангелов, с которыми связывалась целебная сила священного источника, шли через трубу в стенах (эта труба напоминает собой соответствующее устройство в храме Изиды в Помпее).

Еще одно обстоятельство наносило несказанный вред лечению при помощи научной медицины. Тем, кто считал невозможным прибегнуть к фетишистским методам лечения и готов был обратиться к помощи врачей, воспрещалось обращаться к лучшим из них. С ранних времен европейской истории во главе медицины стояли евреи. Роль их в основании больших медицинских школ в Салерно и Монпелье мы уже отметили, но и во всех других странах Европы они были признанными руководителями медицинского искусства. Но к ним-то церковные власти относились с особенной суровостью. Чтобы люди, открыто отказавшиеся от спасения и души которых осуждены на неминуемую гибель, могли исцелять христиан, это казалось оскорблением для провидения. Об этом не переставали кричать проповедники с кафедр, а правители светские и духовные официально запрещали обращаться к ним, что однако не мешало им самим тайно прибегать к их помощи.

Папы Евгений IV, Николай V и Каликст III особенно запрещали христианам пользоваться услугами евреев. Трульский собор в VIII в., соборы в Безье и Альби в XIII, соборы в Авиньоне и Саламанке в XIV, бамбергский синод и епископ нассауский в XV, Авиньонский собор в XVI и многие другие определенно запрещали верующим обращаться к помощи еврейских врачей и хирургов; такие проповедники, как Гайлер и Герольт, громили с церковной кафедры как самих еврейских врачей, так и тех, кто обращался к ним за советом. Когда в середине XVII в. городской совет в Галле в Вюртемберге предоставил некоторые льготы одному еврею-врачу «вследствие его изумительной опытности и искусства», то городское духовенство запротестовало против этого, заявив, что «лучше умереть с христом, чем получить исцеление от еврейского доктора, которому помогает дьявол». Однако в тяжелых случаях епископы, кардиналы, короли и даже папы настаивали на приглашении врачей, принадлежавших к этой ненавистной расе.

8. ФЕТИШИСТСКИЕ МЕТОДЫ ЛЕЧЕНИЯ ПРИ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ.— КОРОЛЕВСКОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ.

Реформация не внесла никаких изменений в теологическую теорию медицины. Лютер, как хорошо известно, неоднократно приписывал свои собственные болезни «чарам дьявола», заявляя что «сатана производит все болезни, которым подвержен род человеческий, ибо он является властителем смерти», и что он «отравляет воздух», «от бога же не происходит ни одна болезнь». С этого времени и до наших времен мы видим, что в протестантстве сохраняется ученье, которое причину болезней усматривает во влиянии сатаны, а лечение от них ищет в фетишизме.

Однако Лютер со своим грубоватым здравым смыслом покончил с одним предрассудком, служившим помехой для развития медицины с первых дней христианства вплоть до наших времен. Когда Карлштадт, этот беспокойный оратор, заявил, что «если кто заболеет, то он не должен употреблять лекарства, но обязан отдать себя в руки божии, молясь о том, чтобы исполнилась воля всемогущего», Лютер спросил его: «А вы принимаете пищу, когда чувствуете голод?» Получив утвердительный ответ, Лютер продолжал: «В таком случае вы должны также принимать лекарство, так как это такой же дар божий, как пища и питье и все другое, что мы употребляем для сохранения жизни».

Вот почему в протестантских городах Германии допускались более, чем в других местах, анатомические исследования при помощи препарирования трупов.

Теологическая теория в протестантской церкви получила свое развитие в Англии в форме учения о лечении при помощи королевского прикосновения, состоявшего в том, что прикосновение короля считалось наилучшим средством для излечения разных болезней, особенно эпилепсии и скрофулеза, при чем последний получил даже название королевской болезни. Этот способ лечения начался, насколько можно судить по историческим данным, со времен Эдуарда в XI в. и переходил от одного короля к другому, передаваясь от католических святых до протестантских развратников на троне, при чем этому способу лечения приписывалось все большее и большее чудотворное действие.

Свидетельства о действительности этого способа лечения имеются в изобилии. Можно сказать, что ни об одних чудесных излечениях не имеется столько рассказов для их подтверждения, как об исцелениях, совершонных прикосновениями Генриха VIII, Елизаветы, Стюартов и в особенности Карла II, этого «избранного сосуда» божьего. Хотя сама Елизавета не очень-то верила в свои исцеляющие способности, но ее придворный священник, д-р Тукер, категорически удостоверяет множество случаев исцеления от прикосновения королевы. То же подтверждает и королевский хирург Вилльям Клоус, а один церковный историк рассказывает о случае с одним католиком, который получил исцеление от прикосновения королевы и перешел благодаря это-

му в протестантство. Такие же рассказы имеются и об Якове I. Карлу I также приписывалась такая же сила, хотя парламент публично это отрицал. Рассказывают, что однажды король увидел больного в толпе. Так как последний находился слишком далеко от короля, чтобы тот мог к нему прикоснуться, то он просто воскликнул: «да благословит тебя господь, и да исполнится твое желание». После этих слов прыщи и мокроты исчезли из тела больного и очутились в бутылке с лекарством, которую больной держал в руке. Так по крайней мере, передает этот рассказ Джон Николас, директор винчестерского колледжа, который клянется в истинности каждого слова этого рассказа.

Но наиболее «неопровержимые» свидетельства этого чудесного дара мы находим по отношению к Карлу II, этому величайшему цинику и развратнику, который когда-либо сидел на английском троне до Георга IV. Он применял прикосновения почти к 100 тыс. больных, и расходы на выпуск золотых медалей для соответствующих больных достигал в некоторые годы 10 тыс. ф. ст. Джон-Броун, королевский хирург и автор многих ученых книг по хирургии и анатомии, опубликовал отчет о 60 случаях исцеления от прикосновения этого монарха, а хирург Уайзмен посвящает целую книгу доказательствам действительности этих исцелений и говорит: «Я сам был свидетелем многих сотен исцелений, наступивших от одного только прикосновения его величества без всякой помощи хирургии, при чем многие из этих больных до того обращались без успеха к выдающимся хирургам».

Однако не безынтересно отметить, что хотя ни в одно царствование не было столько королевских прикосновений к больным рахитом и ни один король не излечивал такого множества больных, все же ни при одном короле смертность от этой болезни не достигала таких размеров. Об этом с несомненностью свидетельствует статистика смертности, а причина этого без сомнения заключается в замене научных средств сверхъестественными. Этот факт является лишь одним из многих примеров, показывающих, как быстро рушится все здание рассказов о чудесах, лишь только к нему подходят с научной критикой.

Та же сила приписывалась и Якову II. По свидетельству доктора Хейлина, этот король отличался способностью излечивать маленьких детей на руках у матерей. Слава об исцелениях этого короля была так велика, что за год до лишения Якова II трона какой-то нищий в Портсмуте обратился в генеральные штаты с просьбой дать ему возможность отправиться в Англию для излечения при помощи королевского прикосновения.

Смена династии не внесла никаких изменений в приписываемые королям чудеса, и, хотя Вильям III сам смотрел на все это как на предрассудок (про него рассказывают, что, прикоснувшись однажды к больному, он ему сказал: «да ниспошлет вам господь лучшее здоровье и побольше здравого смысла»), все же Уистон уверяет, что Вильям излечивал больных, несмотря на собственное неверие.

Во Франции также существовало учение о лечении при помощи королевского прикосновения. Так рассказывают, что в одно пасхаль-

ное воскресение Людовик XV совершил прикосновение к 1600 лицам в Версале.

Исцеляющая сила королей была признана везде и всюду как католиками, так и протестантами, на континенте, в Великобритании и в Америке; она сохранилась не только при переходе английских королей из католицизма в протестантизм, но и несмотря на переход королевской власти от Стюартов к Оранскому дому. И все же эта вера, несмотря на то, что она сохранялась в течение многих столетий, быстро рассеялась, как дым, лишь только в нее проникли в конце XVIII столетия лучи научного знания.

9. БОРЬБА ЗА АНАТОМИЮ.

В течение всего периода средних веков находились, как мы видели, некоторые светские и духовные ученые, которые, не обращая внимания на указы церкви и народные предрассудки, продолжали заниматься медицинской наукой и практикой; особенно это имело место в больших университетах, которым удавалось до некоторой степени эмансипироваться от контроля духовенства. В XIII в. Парижский университет дал сильный толчок медицине. Начиная с этого и в следующем веке мы встречаем первые со времен появления христианства отчеты о медицинских случаях.

В XIII в. император Фридрих II, величайший враг папства, обнаружил свое свободомыслие, давая время от времени разрешение на препарирование трупов.

В следующие века некоторые другие монархи робко следовали его примеру. Так, Иоанн Арагонский разрешил университету в Лериде вскрывать раз в три года один труп преступника.

В течение XV и начала XVI вв. возрождение наук, изобретение книгопечатания и великие путешествия дали новый толчок развитию человеческой мысли. Это оказало влияние и на медицину: старый теологический метод был взят под сомнение и во многих областях уступил место новому, совершенно другому воззрению на вселенную.

В XVI в. появляется Парацельз, великий гений, много способствующий развитию медицины и разрыву ее со схоластическими и теологическими традициями, хотя сам он еще в значительной степени питается предрассудками. Все больше и больше развиваются анатомические исследования на основе препарирования человеческих трупов. Таким образом получило свое продолжение направление старой Александрийской школы. Мундин, профессор медицины в Болонье, в начале XIV столетия осмелился использовать анатомию человека в своих лекциях; и, в конце-концов, появился Андрей Везалий, великий борец за научную истину и основатель современной анатомии. Бои, которые вел этот ученый, являются одной из наиболее блестящих страниц в истории человечества.

С первых шагов своих Везалий проявил себя великим мастером. В поисках истинного знания он подвергал себя самым ужасным опасностям и особенно опасности обвинения в богохульстве. Как мы видели, «отцы» ранней церкви — Тертуллиан и Августин — с отвраще-

нием относились к анатомии, а декрет папы Бонифация VIII получил всеобщее признание как полное воспрещение всякого препарирования трупов под угрозой отлучения от церкви лиц, этим делом занимающихся.

Несмотря на это запрещение, несмотря на духовную цензуру, несмотря на величайшее противодействие своих коллег, Везалий бесстрашно продолжал заниматься своей наукой, применяя единственный метод, могущий дать благоприятные результаты. Чтобы обеспечить себе материал для анатомических исследований, он посещал всякие места казней и морги, не останавливаясь перед риском самому попасть на костер инквизиции или быть растерзанным невежественной толпой. Везалий впервые заложил основы современной анатомии человека, тщательно исследуя и наблюдая человеческое тело. Это был его первый великий грех в глазах теологов, к которому скоро прибавился еще один, считавшийся даже большим.

Подобно тому, как во времена Рожера Бэкона теология посвятила всю свою энергию, чтобы связать христианство с Аристотелем; подобно тому, как во времена Рейхлина и Эразма теологи настаивали на связи христианства с Фомой Аквинским, — так во времена Везалия представители церкви считали своей обязанностью связывать христианство с Галеном. Лозунг был тот же, который мы видим у церковников во все времена, лозунг, имевший целью задержать развитие научных знаний. Это лозунг «здравого учения». Отстаивая Аристотеля против Бэкона, Фому Аквинского против Эразма и Галена против Везалия, теологи шли под одним лозунгом — под лозунгом «здравого учения», предполагавшим, что всякие новшества являются вредными.

В возрасте 28 лет Везалий дал миру свое великое произведение «О анатомии человека. Этой книгой был закончен старый период развития этой науки и положено начало новому; его исследования по своей глубине были триумфом науки, его иллюстрации по своей верности представляли торжество искусства.

Чтобы по возможности защитить себя в боях, наступление которых он хорошо предвидел, Везалий посвятил свой труд императору Карлу V. В предисловии он выступает в защиту своего метода, осуждая анатомические препараты, изготовляемые врачами, упорно держащимися взглядов старого учителя Галена. Сторонники последнего не замедлили открыть против Везалия огонь. Согласно тактике той эпохи первые нападки выразились в приклейке ему соответствующих эпитетов; когда этот источник был исчерпан, в ход было пущено более тяжелое оружие — оружие теологическое.

Во-первых, был пущен против Везалия довод, что препарирование человеческого тела воспрещено христианам. Однако в этом вопросе Везалий сначала одержал победу, так как собрание духовных лиц, созванное для решения вопроса, является ли препарирование человеческого тела богохульством, дало на этот вопрос отрицательный ответ.

Причина такого либерального отношения духовенства к этому вопросу была чрезвычайно проста: Везалий был личным врачом императора Карла V, который очень им дорожил. Но, когда на испанский

престол вступил Филипп II, картина резко изменилась. Везалий понял, что в Испании ему не удастся даже получить человеческий скелет для своих исследований, так как теологическая реакция обосновалась в Испании прочно. Мы знаем, что опасения Везалия оказались более чем правильными, и в испанских университетах учение о кровообращении, по свидетельству одного английского путешественника, отрицалось даже в последние годы XVIII в., т.-е. спустя более чем 150 лет после того как Сарпи и Гарвей доказали его.

Еще одна теологическая идея стояла помехой на пути Везалия. В средние века господствовала вера в существование у человека невесомой, не уничтожающейся, не поддающейся действию огня кости, представляющей необходимое ядро воскресения тела. Вера в воскресение физического тела, несмотря на послание Павла к коринфянам, вошла в христианскую религию как одна из ее догм, признанная христианской церковью «всегда, всюду и всеми». Эта гипотетическая кость пользовалась большим почтением, и многие анатомы старались открыть ее. Однако Везалий, открывший столь многое, не нашел этой кости. На этом основании Везалий заявил, что вопрос о существовании этой кости он оставляет на усмотрение теологов. Признать существование этой кости он не мог, не имея для этого никаких данных; категорически отрицать ее существование он не хотел, не желая вступать в бой с инквизицией. Однако это Везалию не помогло, и он был взят под подозрение.

Какое большое значение придавалось этому теологическому доводу, можно видеть из того, что такой выдающийся хирург, как Риолан, советовал палачу следить, все ли части преступников, которых он предает казни, сгорают, и только после того, как окончательно было установлено, что после сжигания от тела не остается решительно ничего, кроме кучки пепла, вера в существование такой кости поколебалась. Однако еще в 1689 г. мы находим во Франции следы этого верования. Даже еще в XVIII в., когда Бернуйи доказал, что все частицы живого человеческого тела в течение определенного количества лет полностью обновляются, этот взгляд его был встречен до того враждебно теологами, усмотревшими в этом учении большую опасность для веры в воскресение из мертвых, что тот ради своего спокойствия вынужден был изъять этот пункт из собрания своих сочинений.

Еще во многих других отношениях новая школа анатомов и особенно Везалий подорвали теологические взгляды на анатомию. В течение всех средних веков теологические учения об анатомии развивались на основе рассуждений о том, чем д о л ж н о быть человеческое тело; естественно, что, когда анатомические исследования показали, что действительно представляет собой тело человека, все эти теологические учения рассыпались в прах. Примером теологического взгляда может служить распространенное в XII в. утверждение, что дети, родившиеся в год взятия Саладином креста христова, имели вместо тридцати или тридцати двух зубов только двадцать или двадцать два. Другой, подобный этому взгляд пользовался всеобщим признанием среди теологов во времена Везалия. Это было убеждение в том, что у мужчин

имеется с одной стороны одним ребром меньше, чем у женщин. ибо одно ребро было взято богом у Адама для создания Евы. Однако Везалий доказал, что это утверждение лишено всякого основания, и этим конечно подорвал веру в авторитет теологии вообще. Естественно, что все это вызвало страшное озлобление со стороны теологов против новаторов в анатомии.

Против Везалия было выдвинуто новое оружие. Его обвинили в анатомировании живого человека. В результате он вынужден был отправиться в паломничество к святым местам, очевидно для того, чтобы замолить свой грех. Судно, на котором он ехал, потерпело крушение, и этот великий ученый погиб в расцвете лет и умственных сил.

Смерть этого борца положила, повидимому, конец борьбе. Университеты стали получать от различных пап разрешение на препарирование трупов, и эти разрешения возобновлялись каждые 3—4 года, пока наука после эпохи Реформации не освободилась окончательно от этого теологического ига.

10. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕОЛОГИИ ПРИВИВКЕ ОСПЫ. ВАКЦИНАЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ АНЕСТЕЗИРУЮЩИХ СРЕДСТВ.

Я перехожу к изложению одного из наиболее странных эпизодов борьбы медицинской науки в новую эпоху. В начале XVIII в. француз Буайе предложил прививку как предохранительное средство от натуральной оспы. Его примеру последовали многие английские врачи. Однако консервативные врачи в обеих странах выступили против этого средства, и теология сейчас же пришла к ним на помощь с целым ворохом доводов против нового метода. Французские теологи из Сорбонны торжественно осудили его, а в Англии один из представителей церкви выступил с проповедью, озаглавленной: «Опасное и греховное применение прививок оспы». В этой проповеди почтенный представитель английской теологии утверждал, что болезнь Иова представляла собой, повидимому, натуральную оспу, что она была ему без сомнения привита дьяволом, что болезни вообще посылаются провидением в наказание за грехи и что предлагаемая попытка предохранить людей от этих болезней представляет собой «дьявольский замысел». В таком же духе выступали и другие английские теологи. Борьба продолжалась 30 лет. Такое же противодействие наблюдалось и в протестантской Шотландии. Большое число служителей церкви резко выступило против прививки оспы, усматривая в ней «упрек провидению» и «старание обойти божеский суд».

Такая же борьба разыгралась и в Америке. Здесь впервые применил прививку на собственном сыне бостонский доктор Бойльстон. Этот опыт был встречен так враждебно, что город запретил повторить его. Противники его утверждали, что прививка оспы равносильна отравлению и требовали привлечения Бойльстона к суду по обвинению в

убийстве. Устроив таким образом дела Бойльстона на этом свете, они не успокоились и перешли к тому свету. Они стали утверждать, что «прививать оспу в семье утром, а вечером молить бога об излечении от болезней—это богохульство»; что оспа—это «приговор божий над грехами народа» и что пытаться «отклонить его, значит только больше вызвать его», что прививка оспы означает оспаривание прерогатив Иеговы, который «в праве решать, кого миловать и кого поражать».

Борьба против Бойльстона велась с такой жестокостью, что даже жизнь его оказалась в опасности: ему нельзя было выходить вечером из дому; а в дом Коттона Мадзера, который высказался в пользу нового метода и укрыл у себя человека, позволившего привить себе оспу, была брошена зажигательная бомба.

Однако факты оказались вскоре против врагов Бойльстона. В течение одного-двух лет после первого опыта прививка была сделана почти тремстам лицам в Бостоне и соседних городах; из них умерло только шесть, между тем как из 6 тысяч других заболевших в течение этого периода натуральной оспой и лечившихся обычным путем умерла почти тысяча. Однако враги нового метода не остановились и выступили с новыми богословскими доводами, но факты все же оказались слишком сильными, и новый метод получил распространение как в Америке, так и в Европе, несмотря на жестокую оппозицию теологов всех видов.

Ближайшим этапом развития научной медицины было открытие Дженнером вакцинации. Здесь также различные пережитки старых теологических взглядов заставили духовенство выступить против нового открытия. В 1798 г. было основано общество противников вакцинации, в котором, на ряду с медицинскими противниками Дженнера, большую роль играло духовенство, призывавшее жителей Бостона бороться против вакцинации, представляющей «вызов небу и божьей воле», и объявившее, что «божественный закон запрещает применение вакцинации».

В 1803 г. против вакцинации выступил с громовой речью перед Кембриджским университетом д-р Рамсден, смешавший в одну кучу библейские тексты и грязные клеветнические слухи относительно Дженнера. Но и здесь вся злоба теологов и реакционных врачей не могла устоять против фактов.

Уменьшение числа смертных случаев от оспы, этого ужасного бича человечества, оказалось поразительным. В Берлине в течение восьми лет после 1783 г. умерло от оспы свыше 4 тысяч детей; в течение же восьми лет после 1814 г., когда прививка получила широкое применение, из гораздо более значительного числа заболевших умерло всего 535 детей. В Вюртемберге в течение двадцати четырех лет после 1772 г. каждый тринадцатый из умиравших детей умирал от оспы, в то время как в течение одиннадцати лет после 1822 г. от оспы умирал один из 1.600 умерших. В одном Копенгагене в течение двенадцати лет перед введением прививки от оспы умерло 5.500 человек, в то время как в течение шестнадцати лет после ее введения во всей Дании от оспы умерло всего только 158 человек. В Вене, где средняя

ежегодная смертность от оспы была выше 800 человек, она с введением прививки стала быстро уменьшаться, пока не пала в 1803 г. до тридцати и ниже, а в Лондоне, который когда-то страшно страдал от этого бича, в 1890 г. от нее умер один только человек из всего огромного населения этого города. Что касается значения открытия Дженнера для человечества в целом, то об этом свидетельствуют следующие слова, сказанные одним английским врачом: «Дженнер спас, спасает и будет спасать во все времена в течение одного поколения больше людей, чем сколько их погибло от всех наполеоновских войн». Это, конечно, нисколько не помешало церкви выступить весьма ожесточенно против Дженнера.

С каким упорством теология отстаивает свои реакционные воззрения даже в новейшее время, можно видеть из поразительного факта, имевшего место в сравнительно еще недавнее время. В 1885 г., в Монреале, главном городе Канады, вспыхнула эпидемия оспы. Протестантское население города, прибегшее сразу к прививке, почти совсем не пострадало от эпидемии; что же касается католической части жителей, то она, находясь под сильным влиянием духовенства, отказалась от прививки. В результате эта часть населения страшно пострадала. Когда развитие болезни приняло такой ужасающий характер, что торговля и приезд иногородных почти совершенно прекратились, а соседние города стали устраивать карантины, была сделана попытка принудительной прививки. Однако широкие массы католиков, даже из среды рабочих, оказали сопротивление этой попытке, и возникла опасность кровопролития. Католическое духовенство вполне одобрило поведение темных масс. Один аббат в своей проповеди сказал: «Эпидемия оспы поразила наш город потому, что здесь прошлую зиму устроили карнавал, явившийся оскорблением для бога... бог послал нам оспу, чтобы наказать нашу гордость». А клерикальная пресса пошла еще дальше: она призывала население с оружием в руках воспротивиться прививке. Когда министерство здравоохранения обратилось к католическому духовенству с призывом отказаться от этой вредной точки зрения, то это не оказало никакого действия. Большинство духовенства продолжало относиться явно враждебно к прививкам. Вместо прививок патеры рекомендовали католикам усилить исполнение церковных обрядов; с благословения высших духовных властей была устроена торжественная процессия с молебствием, обращенным к святой деве.

Конечно, от этих средств болезнь не уменьшалась и продолжала опустошать и истреблять католическое население, пока не были приняты медицинские меры в виде прививок, и этим не был положен конец эпидемии.

Такое же враждебное отношение теология обнаружила и по отношению к различным медицинским средствам.

Примером может послужить история с хиной. В начале XVII в. иезуитские миссионеры узнали в Южной Америке от туземцев о целебных свойствах хины при лечении лихорадки. В 1638 г. средство это, после того как на практике подтвердилась его лечебная сила,

было перевезено в Европу. Хотя хина является прекрасным лекарственным средством и применение ее в некоторых областях дало прекрасные результаты, тем не менее реакционные врачи, поддерживаемые церковью, долгое время оказывали применению ее упорное сопротивление. Хинин был объявлен «изобретением дьявола» и до 1653 г. не пропускался в Англию.

В то время как теологи, с одной стороны, боролись со всем новым в медицине, они, с другой стороны, посвящали свое внимание таким занятиям, как создание научного объяснения болезней Иова. Как ни смешна эта попытка успокоить теологический дух путем создания псевдонаучных теорий, она все же заслуживает быть отмеченной, так как она означает начало того компромисса, к которому теология прибегает всякий раз, когда она чувствует приближение окончательного своего поражения и торжества науки.

Приведу еще один пример из истории медицины. В 1847 г. шотландский врач Джемс Юнг Симпсон выступил с горячей защитой применения анестезирующих средств при родах. Его выступление немедленно встретило жестокий отпор, вытекавший из господствовавшего в Шотландии старинного верования.

Метод Симпсона (применение хлороформа) был объявлен с церковной кафедры нечестивым и противоречащим священному писанию. В доказательство этого приводились многочисленные тексты, при чем главный довод церковников заключался в том, что хлороформ применяется для «избежания части первородного проклятия, лежащего на женщине». Симпсон писал памфлет за памфлетом, красноречиво изображая все то облегчение страданий, которое приносит с собой применение хлороформа. Все же победа повидимому клонилась на сторону его врагов, пока ему не пришла в голову мысль воспользоваться оружием из арсенала своих противников. «Мои противники, — заявил он,— забывают 21-й стих второй главы «Книги Бытия», в которой упоминается о первой хирургической операции, произведенной на земле, когда творец, прежде чем вырезать у Адама ребро для сотворения Евы, погрузил его в глубокий сон». Теологи, для которых все доводы об облегчении человеческих страданий оказались бессильными, не могли устоять против такого довода, составленного вполне в их духе. Правда, они не сразу признали себя побежденными, утверждая, что Адам был погружен в сон до того, как в мир вошло страдание, ибо он находился еще тогда в состоянии невинности. Но в конце-концов наука и в этой области одержала победу, и анестезирующие средства получили всеобщее признание.

11. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ БОГОСЛОВСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

В результате всех этих побед научной медицины оказалась подорванной сама основа теологической теории медицины, а именно идея, что болезни являются или выражением божьего гнева или проявлением злых козней дьявола.

С конца XVIII в. в истории медицины наступил новый период, и эта наука стала быстро развиваться. Теологические теории медицины стали быстро терять свое значение, и медицинские школы окончательно освободились от влияния и контроля духовенства. Три открытия много способствовали рассеянию атмосферы чудес. Во-первых, научно установлена была роль внушения и самовнушения в медицине. Когда солдаты принца Оранского при осаде Бреды массами умирали от цынги, он послал врачам несколько небольших склянок со смесью из различных веществ, при чем сообщил, что это какое-то особенно замечательное лекарство, полученное им с Востока с большим трудом и опасностями, и что двух-трех капель этой смеси достаточно, чтобы сообщить целебные свойства целому галлону воды. Эти сведения были сообщены в торжественной обстановке солдатам, которые с жадностью стали принимать это лекарство и массами выздоравливать. Наблюдения над многочисленными случаями такого рода бросили яркий свет на эти явления и привели к естественно-научному объяснению многих чудес.

Вторая область — это гипнотизм. Открытия, сделанные в этой области многими исследователями и особенно Бредом в Англии и Шарко во Франции, также дали научное объяснение многим явлениям, до того казавшимся непонятными и относившимся вследствие этого к чудесам. Это научное объяснение явлений получило такое широкое развитие, что теологи перепугались и стали выражать свое опасение, что в «признанные церковью чудеса народ скоро перестанет верить»; учение о гипнотизме они объявили дьявольским и в доказательство приводили следующий более чем странный довод: так как гипнотизмом, мол, нельзя объяснить все упоминаемые в истории чудеса, то он вообще не заслуживает внимания. Это конечно не остановило дальнейших исследований в этой области.

Третья область, в которой наука одержала ряд блестящих побед, это — бактериология. Начало бактериологии было положено Левенгуком в XVII в.; ее продолжал в XVIII в. О. Ф. Мюллер, а в XIX в. она достигла блестящего расцвета в работах Эренберга, Кона, Листера, Пастера, Коха, Биллингса, Беринга и многих других. При помощи бактериологии удалось установить возбудителей многих болезней и вместе с тем выработать средства лечения последних. Таким образом для объяснения болезней путем сверхъестественного вмешательства бога или дьявола уже совсем не осталось почвы.

Хотя наука вообще, и в частности медицина, несмотря на блестящее свое развитие находится еще только на первых этапах своего пути, ибо перспективы науки бесконечны, медицина уже успела уничтожить самый фундамент, на котором стояла теология в течение двадцати веков, препятствуя развитию науки вообще и медицины в частности, так как особенно медицина отнимала у веры всякую почву в чудеса и сверхъестественное.

ГЛАВА XII.

ОТ ФЕТИША К ГИГИЕНЕ.

1. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЭПИДЕМИИ И САНИТАРИЮ

Характерной чертой первых периодов исторической жизни человечества являются большие эпидемии. Различные указания древних источников свидетельствуют об их частоте, а знаменитое описание моровой язвы в Афинах, данное Фукидидом, может служить примером их необычайной жестокости. В средние века они время от времени опустошали Европу, принося гибель большому количеству людей. Во время такой эпидемии в середине XIV в. погибло больше половины населения Англии и около 25 млн. жителей Европы. В 1552 г. погибло от моровой язвы в одном только Париже 67 тыс. человек, а в 1580 г. свыше 20 тыс. Такой же силой отличались эпидемии чумы в Англии и Европе в течение XVII и начала XVIII вв., а также эпидемии холеры в течение XIX в.

Уже в самых ранних источниках мы находим упоминания, что такие эпидемии обязаны своим появлением гневу или злым козням невидимых сил. Это воззрение было господствующим даже в эпоху наивысшего расцвета культуры до появления христианства. В особенности в Греции и Риме возникновение различного рода эпидемий приписывалось гневу богов. Что касается Иудеи, то упоминания в библии о различных эпидемиях, ниспосланных богом на землю в наказание за грехи, свидетельствуют о том же образе мысли. Среди многочисленных библейских примеров укажем на эпидемию, унесшую 14.700 израильских детей и прекратившуюся лишь после молитв и жертвоприношений первосвященника Аарона, а также на гибель 70 тыс. человек от чумы, посланной для наказания царя Давида и прекратившейся лишь после того, как гнев Иеговы был успокоен жертвоприношениями. Отсюда это воззрение на эпидемии перешло в христианскую церковь, в результате чего церковные власти в течение почти двух тысячелетий при появлении всякой эпидемии вместо того, чтобы оказать поддержку введению санитарных мероприятий, начинали проповедывать необходимость усиления церковного благочестия, дабы успокоить гнев всевышнего.

К тому же «знамениями и чудесами»—свидетельствами божьего гнева и вестниками страшных посещений — считались также кометы, падающие звезды и землетрясения; и эта вера, действуя на воображение масс, сильно способствовала возникновению панического ужаса при появлении всякой эпидемии, что в свою очередь не мало содействовало развитию и усилению последней.

В настоящее время можно считать вполне установленным, что главная причина гибели такого огромного количества людей заключалась в отсутствии всяких гигиенических мер как на Востоке, который был важнейшим очагом этих эпидемий, так и в европейских странах, на которые эпидемии распространялись. И здесь теологические рассуждения оказывали сильное сопротивление развитию правильных взглядов на санитарию. С Востока проникла в западно-европейское мышление теологическая идея о том, что унижение человека усиливает славу божию, что пренебрежение телом способствует спасению души; отсюда логический вывод, что чистота является признаком гордости, грязь же свидетельствует об уничижении. Жизнь в грязи, которую вели многие святые люди, признанные церковью примером для других, стала считаться свидетельством святости. Св. Иероним и католический требник подчеркивают тот факт, что св. Иларион провел всю свою жизнь в условиях крайней физической нечистоплотности; св. Афанасий превозносит св. Антония за то, что он никогда не мыл своих ног; наиболее яркое свидетельство святости св. Авраама заключалось в том, что в течение пятидесяти лет он ни разу не мыл ни рук, ни ног; св. Сильвия никогда не мыла ни одной части своего тела за исключением пальцев; св. Евпраксия жила в монастыре, религиозный устав которого содержал пункт, предписывающий монахиням воздерживаться от купания; св. Мария Египетская славилась своей нечистоплотностью; но всех превзошел в этом отношении Симеон-столпник; он жил в такой невыразимой грязи, что посетители не могли выдерживать окружающей его вони. В жизни святых имеется даже рассказ о том, что когда монахи одного восточного монастыря обнаружили однажды склонность к мытью своего тела, то бог был недоволен этим, выразив свое недовольство тем, что высушил соседнюю речку, служившую местом мытья монахов.

Таким образом религиозный мир был очень далек от признания приписываемого Джону Уэсли утверждения, что «чистота родственна божественности». Наоборот, из века в век приобретала все большее господство мысль, что грязь близка святости. Вот почему мы полагаем, что причина гибели сравнительно большого числа монахов во время эпидемии заключается не только в том, что духовенство больше других занималось лечением больных и уходом за ними, сколько в особой нечистоплотности монахов. Гюи де Шельяк, один из величайших врачей XIV в., отмечает, что некоторые кармелитские монахи особенно страдали от эпидемий, при чем он тут же указывает, что эти монахи отличались особой нечистоплотностью.

Естественно, что такой взгляд на эпидемии, распространяемый и проповедуемый духовенством, пользовавшимся большим влиянием на

широкие массы населения, не мог не оказать своего действия, оправдывая беззаботность и пренебрежение населения ко всякого рода санитарным мерам. Во всех крупнейших городах Европы, не говоря уже о деревне, вплоть до нового времени отсутствовали всякие заботы о гигиене и санитарии, и население попрежнему продолжало видеть в эпидемиях проявление божьего гнева и злых козней сатаны.

Что касается идеи о божьем гневе, то эта мысль получила в VI в. громадную поддержку в лице Григория Великого. В 590 г., когда он был избран папой, Рим страдал от страшной чумы; народ умирал тысячами; в одной процессии, снаряженной с целью вымолить небесное милосердие, в течение одного часа умерло не менее 80 человек. Эпидемия неистовствовала. Наконец в самом разгаре этого ужаса Григорий во главе покаянной процессии увидел над мавзолеем Адриана фигуру архангела Михаила, вкладывающего в ножны огненный меч и окруженного тремя ангелами, поющими «Regina Caeli». Легенда рассказывает дальше, что папа немедленно стал возносить хвалу богу за знамение о прекращении эпидемии, которая вскоре действительно стала ослабевать. После этого на вершине мавзолея была построена часовня, посвященная св. Михаилу, а еще позже была воздвигнута колоссальная статуя архангела, вкладывающего меч в ножны. Статуя эта стоит до сих пор. Таким образом один из величайших погребальных памятников древности превращен был в свидетельство средневекового поверья: мавзолей Адриана стал храмом архангела Михаила. Такая легенда, связанная с именем одного из самых авторитетных первых пап и нашедшая свое выражение в импозантном памятнике, несомненно имела большое влияние на укрепление теологического взгляда на эпидемии. Этот последний в свою очередь должен был вызвать работу мысли в направлении установления факторов, при помощи которых можно было бы успокоить божий гнев.

Первое место среди этих факторов естественно должны были занять проявления благочестия, особенно дарения земли, денег или привилегий церквам, монастырям и ракам, где находились фетиши, которым приписывалась способность давать исцеление. Накопившееся таким путем в руках духовенства богатство сыграло большую роль в истории не только церковной, но и светской. Известно, что в XIV в. после прекращения нескольких жестоких эпидемий в руках церкви оказались громадные земельные богатства во всех странах Европы. Не даром один церковный писатель заметил: «Эпидемии приносят с собой богатую жатву для служителей бога».

Другими средствами успокоения высших сил считались покаянные процессии, крестные ходы, с изображениями святой девы или святых, через пораженные города и бесчисленные фетиши. Особенно известны в XIII и XIV вв. процессии флагеллантов (самобичевателей), которые бродили по различным странам Европы, бичуя свои обнаженные тела, распевая покаянные псалмы и нередко переходя от диких эксцессов набожности к самым безумным оргиям.

Иногда эпидемии приписывались гневу менее высоких небесных чинов, чем сам господь. Так в 1680 г. церковные власти в Риме открыли,

что свирепствовавшая в то время чума возникла от того, что св. Себастиан гневается, ибо ему не воздвигнут памятник. Здесь мы имеем полное совпадение с верованиями греков, которые были убеждены, что Аполлон приходил в бешенство, если кто-либо из смертных недостаточно почтительно отзывался о нем.

Но, как известно, теологи были убеждены, что причиной эпидемий является не только божий гнев, но и козни сатаны. Поэтому необходимо было придумать средство для отвращения этих козней. Сама эта идея, как мы видели, имеет очень древнее происхождение. В священных книгах Индии и Персии мы находили ту же теорию происхождения болезней, какую мы имеем в «Ветхом завете» и «Новом завете», а следовательно и те же средства для исцеления их. Из многочисленных примеров практического осуществления этой идеи мы приведем один из наиболее поразительных. В 1552 г. в Риме свирепствовала чума. Некоторые жители этого центра божественного просвещения пришли к заключению, что эпидемия является результатом злых козней сатаны. Принимая во внимание заявление апостола Павла, что древние боги являются дьяволами, и имея в виду, что древние боги Рима представляют собой тех дьяволов, у которых больше всего имелось оснований для наказания Рима, ибо они были из этого города изгнаны, а также, что большой римский амфитеатр был излюбленным местом посещения этих дьяволов, — они взяли быка, разукрасили его гирляндами на древний языческий манер и в торжественной процессии повели его в Колизей, где он был принесен в жертву этим дьяволам. Так как это жертвоприношение оказалось бесплодным, церковные власти приказали устроить ряд процессий и церемоний для умилостивления бога и святых, которым было нанесено оскорбление временной попыткой подкупить их врагов.

Но этот метод теологического рассуждения имел еще один результат, повлекший за собой громадные бедствия. То была мысль о том, что сатана, посылая эпидемии, пользуется при этом особыми эмиссарами. Доказательством этого верования в отношении евреев служил тот факт, что во время больших эпидемий евреи погибали в относительно меньшем количестве, чем христиане. Этот факт на самом деле объяснялся главным образом тем, что евреи соблюдали многие правила гигиены, заимствованные ими из Египта и включенные ими в свою религиозную систему. Кроме того евреи были более воздержны в пище, чем христиане. Но для широкой публики такое простое объяснение оставалось непонятным, и она считала главной причиной покровительство, оказываемое евреям сатаной. В результате такого взгляда при наступлении эпидемий во всех странах Европы делались попытки умилостивить всемогущего творца, поразить сатану и приостановить эпидемию, предавая пыткам и смерти евреев. Во время чумной эпидемии в Баварии погибло таким путем 12 тыс. евреев; в одном только маленьком городке Эрфурте их погибло 3 тыс.; в Страсбурге Rue Brûlée (улица Сожжения) остается до сих пор памятником сожжения 2 тыс. евреев за то, что они будто бы отравляли колодцы и вызвали эпидемию 1348 г.; в королевском замке близ г. Тура была вырыта

огромная канава, которую наполнили горящими дровами, и в один день сожгли в ней 160 евреев. Такие картины наблюдались во всей Европе. В 1527 г. жители г. Павии, которому угрожала эпидемия, дали обет св. Бернардину, бывшему заклятым врагом евреев, что, если эпидемия минует их город, они изгонят из него евреев. Святой повидимому условие принял, и евреи были своевременно изгнаны.

Что касается идеи о колдуньях, как виновницах эпидемии, то и она внесла много кровавых страниц в историю человечества.

Особенно ужасно было развитие ее в Германии. С середины XVI до середины XVII в. католические и протестантские теологи соревновались друг с другом в поисках ведьм, виновных в причинении болезней или дурной погоды; женщины тысячами посылались на пытки и костры, а вместе с ними время от времени также мужчины и дети. Для католиков оправданием этих действий служила булла папы Иннокентия VIII; епископские дворцы южной Германии превратились в бойни, во главе которых стояли высшие духовные лица Зальцбурга, Вюрцбурга и Бамберга.

Не меньшую жестокость проявил протестантизм в Северной Германии. Здесь теория и практика преследования колдовства основывались непосредственно на библии, при чем протестантское духовенство всеми силами старалось доказать, что оно не менее правоверно в этом отношении, чем католики. В результате один большой авторитет в этой области считает, что число жертв в одной только Германии за это столетие превысило 100 тыс.

Среди обвинений, которые предъявлялись этим жертвам, особенно сильно было распространено обвинение в том, что они вызывают эпидемии путем обмазывания городских стен и мостовых особой дьявольской мазью. В 1530 г. был казнен после мучительнейших пыток Михаэль Каддо по обвинению в обмазывании таким путем мостовых г. Женевы. Значительно более мучительной казни было предано в следующем веке большое количество людей в Милане за обмазывание стен, несколько позднее такие же казни за подобные преступления имели место в г. Тулузе. Миланские события могут служить показателем уровня представлений о санитарии, которые господствовали в то время среди всех классов населения, от высших до низших. Город этот тогда находился под властью Испании. Городские власти получили сообщение от испанского правительства, что некоторые лица, подозреваемые в колдовстве, оставили недавно Мадрид и направились, возможно, в Милан, чтобы помазать там стены. Об этом было объявлено в церквах, при чем это приводилось как доказательство злых козней сатаны, воспрепятствовать которым может одна только церковь. Это возвещение с церковной кафедры заставило народ насторожиться. Однажды утром (это произошло в 1630 г.) какая-то старуха, выглянув в окно, увидела прохожего, вытирающего пальцы о стену одного дома. Она обратила на это внимание другой старухи, и кумушки решили, что это наверное один из тех слуг сатаны, которые мажут стены, чтобы вызвать эпидемии. Если бы настроение жителей не было заранее подготовлено в соответствующем духе, то было бы нетрудно

убедиться, что этот несчастный прохожий просто вытирал со своих пальцев чернила, которыми он запачкался. Но такое объяснение оказалось слишком простым, чтобы удовлетворить толпу, и несчастный прохожий был брошен в тюрьму. Будучи подвергнут пыткам, он сначала даже не понимал, в чем ему надо сознаться; однако из разговора с тюремщиком и другими он узнал, в чем его обвиняют, и, когда его стали снова пытать, он не выдержал и сознался во всем, чего от него требовали; когда же его снова стали пытать, он начал называть своих участников, приводя первые приходившие ему в голову имена жителей города. Последние были арестованы и также подвергнуты невыносимым пыткам, под влиянием которых они также стали приводить имена вымышленных соучастников, запутывая таким образом все новых и новых людей, пока в деле не оказались замешанными представители знатнейших семейств города. И они не избегли мучительнейших пыток.

В древности пытки разрешались при условии, чтобы их можно было выдерживать. Поэтому Цицерон высмеивал их как средство раскрытия преступлений, ибо упорный преступник с крепкими нервами мог спокойно выдерживать такие пытки и добиться свободы, в то время как физически слабый человек, хотя и будучи невинным, этих пыток не выдерживал и сознавался в преступлении, которого он не совершал. Таким образом в древности пыткам был поставлен какой-то предел. Когда же в Европе христианство стало господствующей религией, картина переменилась, и пытки приняли неслыханно жестокий характер. Была создана теория «исключительных случаев», при чем к этим «исключительным случаям» были специально отнесены всякого рода ереси и колдовство. Теологи рассуждали таким образом: сатана предоставляет своим особым слугам, т. е. еретикам и колдунам, сверхъестественную силу, а потому по отношению к ним можно применять пытки без всякого ограничения. В рассматриваемом нами миланском случае результат был такой же, как и в десятках тысяч других подобных случаев: обвиняемые сознавались во всем, чего от них требовали, при чем нередко в безумной агонии они в своих признаниях шли гораздо дальше, чем этого ожидали сами судьи. В результате суду было предано большое число достойнейших людей. Все они были присуждены к самой мучительной казни, какую только можно было придумать. Отчеты об этом деле нельзя читать без содрогания. Вышедшее в конце XIX в. сочинение, в котором впервые дано в связной форме основанное на подлинных источниках изложение всего этого процесса и к которому приложены портреты осужденных, изображение их пыток и места казни, является одним из страшнейших памятников человеческого безумия, вызванного влиянием теологии.

Среди осужденных по этому делу находился также один бедный аптекарь, который под пытками сознался в изготовлении им колдовской мази; когда он был казнен, семья его вынуждена была переменить имя и была изгнана из города; дом его был разгромлен и на его месте был воздвигнут «позорный столб», стоявший до конца XVIII в., пока группа молодых радикалов однажды ночью не уничтожила этот действительно позорный памятник церковного благочестия.

Миланский процесс был кульминационным пунктом действия буллы Иннокентия VIII. С этого времени влияние теологии начинает падать. Против папы, считавшегося, как известно, всеми верующими непогрешимым в вопросах веры и морали, выступил Беккария, высказавшийся в своей книге «Преступление и наказания» самым решительным образом против пыток, и хотя книга эта конечно немедленно попала в папский список запрещенных книг, это не помешало ей пользоваться широким распространением.

В течение XVII в. фетишизм стал принимать в Европе все новые формы. Любопытный памятник этого развития сохранился в картинной галлерее в Неаполе, где можно видеть несколько картин, изображающих мероприятия, которые предпринимались городом для спасения от эпидемий в течение XVII в. и в особенности от чумы 1656 г. Одна огромная картина представляет любопытную иллюстрацию теологического учения. На заднем плане изображен пораженный чумой город; на переднем плане народ молит городские власти об отвращении эпидемий; городские власти умоляют об этом картезианских монахов; монах обращается с мольбой к св. Мартину, св. Бруно и св. Януарию: те моляются святой деве, последняя — христу, а христос умоляет бога-отца. Другая картина представляет народ, подвергающий под руководством духовенства ужаснейшим пыткам евреев, еретиков и ведьм, которые будто бы вызвали эпидемию 1656 г., а в это время на небесах пресвятая дева и св. Януарий умоляют христа вложить свой меч в ножны и остановить эпидемию.

Неудивительно, что в такой обстановке смерть собирала богатую жатву. Мы встречаем упоминания об областях, в которых погибало девять десятых, а иногда и все население.

Обращение к фетишам как к могущественному средству спасения от эпидемий сохранилось в Европе до новейшего времени. Автору этой книги пришлось самому наблюдать такую картину в Неаполе в 1856 г. Чудо заключалось в превращении в жидкое состояние застывшей «крови св. Януария». «Чудо» это происходило в большом неапольском соборе. Церковь была полна молящимися, среди которых были представители всех слоев населения, от разодетых в роскошные придворные костюмы представителей королевской семьи Бурбонов до последних лаццарони. Серебряная рака в форме большой человеческой головы, содержащая будто бы скелет святого, была помещена на алтаре; возле головы были поставлены два сосуда, содержавшие какое-то темное вещество, представлявшее якобы кровь святого. Службу совершало многочисленное духовенство; время от времени патеры поворачивали сосуды; так как чудо что-то задержалось, то вся толпа разразилась страстными требованиями и мольбами, обращенными к святому. Перед самым алтарем стояли лаццарони, утверждавшие, что они являются прямыми потомками семьи святого. В такие минуты они проявляли особенную назойливость: они умоляли, бранились и даже угрожали; известно, что они неоднократно заявляли святому, что если он не окажет милости городу, совершив чудо превращения в жидкость своей крови, то ведь Козьма и Демьян тоже не плохие святые, которые не

откажутся принять город под свое покровительство. Наконец, один из священников, повернув сосуды, заявил, что чудо совершилось. Моментально молящиеся и хор запели «Te Deum», заиграл орган, раздался торжественный звон колоколов и грянул пушечный салют; образовался крестный ход, и рака святого была пронесена по улицам, где народ падал ниц перед нею и осыпал ее путь розами. Все это чудо представляет собой типичный пример самого простого обмана и жульничества. Оно объясняется чрезвычайно просто: сосуды содержат вещество с низкой температурой плавления; пока сосуды хранятся в холодном месте, вещество остается твердым, но, попадая в атмосферу, разогретую присутствием множества народа, и подогреваемое руками священников, оно постепенно расплавляется, пока не переходит полностью в жидкое состояние. А между тем даже представители высших властей, т.-е. люди, не лишенные некоторого образования, с благоговением отнеслись к этому «чуду» и уверяли меня, что здесь дело не обошлось без чудесного вмешательства высшей божественной силы.

К счастью жителей Неаполя, появилось новое поколение, перестав-шее верить во все эти «чудеса» и поэтому заменившее св. Януария санитарными мероприятиями. В необходимости последних их особенно убедили холерные эпидемии второй половины XIX в. Старые колодцы были засыпаны, был проведен водопровод, питавшийся источниками из соседних гор. Результаты оказались самыми благоприятными. Смертность значительно упала, и эпидемии становились все более и более редкими гостями.

Та же картина наблюдалась и в Испании, другом государстве, где влияние церковников оставалось непоколебленным вплоть до нового времени. До эпохи наполеоновских войн всякое санитарное мероприятие рассматривалось там как глупое или даже нечестивое предложение. Все отчеты путешественников по Испании вплоть до XIX столетия в один голос рассказывают с изумлением о том упорстве, с каким испанцы противодействуют всяким санитарным улучшениям в борьбе с эпидемиями, ища спасения от последних в колокольном звоне, крестных ходах и новых нарядах, даруемых многочисленным местным мадоннам. К счастью, и здесь научный скептицизм сделал свое дело, — санитарное положение этой страны значительно улучшилось.

2. ПОСТЕПЕННОЕ ПАДЕНИЕ ВЛИЯНИЯ БОГОСЛОВСКИХ ТЕОРИЙ В ВОПРОСАХ САНИТАРИИ.

Мы видели, какое сильное противодействие духовенство оказывало развитию гигиены, особенно в странах, находившихся под бесконтрольным его влиянием. То же самое противодействие, правда, не в столь сильной форме, мы находим и в странах, бывших до некоторой степени более свободными от теологического влияния. В Англии в течение средних веков время от времени имели место преследования евреев, а иногда и колдуний, но так как в Англии пытка применялась редко, то и признаний в колдовстве в духе тех, которые давались под пытками в таком большом количестве в Европе, имеется немного. До XVI — XVII вв.

в обыденной жизни английского города и особенно в деревне царила невероятная грязь; в деревнях остатки гниющих органических веществ составляли часть земляных полов в домах. Ясно, что такие полы представляли богатейшую почву для развития всевозможных болезней. Об этом говорят многие источники. Даже пол приемной во дворце королевы Елизаветы в Гринвиче был покрыт сеном «по английской моде», как говорит одна хроника того времени. Такая обстановка способствовала развитию многочисленных болезней и эпидемий.

В XVII в. главное средство против таких эпидемий видели в особых церковных службах. Английские церковники этого столетия с величайшим усердием изучали отцов церкви. Естественно, что они целиком придерживались теологического взгляда на эпидемии. Поэтому, когда в Лондоне в 1665 г. разразилась величайшая эпидемия чумы, от которой погибло свыше 100 тыс. жителей, роль санитарных мер в борьбе с ней была крайне ничтожна и слаба, ибо медицинская мысль того времени была насквозь пропитана средневековым духом. Главная причина эпидемии приписывалась гневу божьему «за нарушение субботы». С церковных кафедр произносилось множество проповедей, сопровождавшихся многочисленными библейскими текстами и имевших целью доказать, что эпидемии посылаются господом в наказание за грехи.

Не подлежит сомнению, что причиной эпидемий действительно является «грех», но не тот грех против бога, о котором так любят много распространяться всякого рода церковники, а грех против санитарии. Случаи чумы имели место в Лондоне до и после эпидемии 1665 г. в течение всего XVII в. Однако в начале XVIII в. они становятся все реже и реже. Большие пожары уничтожили множество очагов заразы, появились более широкие улицы, более усовершенствованные мостовые, лучшее водоснабжение. Все это привело к исчезновению чумы, а вместе с ней и других болезней, особенно дизентерии, бывшей до того настоящим бичом Лондона.

Но в то время как развитие этих эпидемий в Лондоне было приостановлено, в этом городе, равно как и в других местах, получили благодаря санитарному невежеству широкое распространение другие эпидемии. Среди последних быть может наиболее ужасной была тюремная лихорадка. Тюрьмы того времени были невероятно отвратительны. Людей сажали в камеры, в которых отсутствовали всякая дезинфекция и вентиляция. Грязь никогда не убиралась. Везде царила сырость, против которой не принималось никаких мер. Неудивительно поэтому, что тюрьмы становились очагами заразы, из которых тюремная лихорадка распространялась по всем соседним городам. Особенно сильно развивалась эта болезнь в XVI и XVII вв. В 1577 г. в Оксфорде во время сессии суда шериф и 300 человек умерли от этой болезни в течение сорока часов. Лорд Бэкон объявил тюремную лихорадку «наиболее гибельной заразой после чумы». В 1750 г. болезнь эта так свирепствовала в Ньюгетской тюрьме, в самом сердце Лондона, что от нее погибли лорд-мэр и множество других городских должностных лиц.

Следует отметить, что в то время как в санитарном отношении против этого безраздельного господства заразы не принималось ни-

каких мер, церковники создали специально для этой цели новую молитву, которая и была помещена в ирландском молитвеннике.

Вплоть до половины XVIII в. эти молитвы повидимому оставались главным средством борьбы с тюремными болезнями. Только около 1750 г. Джон Говард обследовал английские тюрьмы и добился после долгой борьбы санитарного улучшения их. После его смерти, последовавшей от болезни, которой он заразился во время одного из тюремных посещений, предложенные им гигиенические мероприятия стали получать все большее признание, и с эпидемиями началась действительная борьба.

Та же самая картина наблюдалась и в колониях и в Америке. Здесь интересно отметить следующую особенность. Эпидемии, истреблявшие индейцев, признавались проявлением божьей милости, имевшей целью очистить Новую Англию для вестников евангелия в лице европейских колонистов; эпидемии же, поражавшие белое население, приписывались действию дьявола и колдунов. В произведении Коттона Матсера «Чудеса невидимого мира», вышедшем в свет в Бостоне в 1693 г., мы читаем следующие строки:

«Эпидемии — это те бедствия, которыми вас тревожит дьявол... Это дьявол распространяет в мире чуму и разные другие заразные болезни... Дьяволу нетрудно заразить воздух вокруг нас вредными солями, которые, встретившись с солями нашего микрокосма, вызывают в последнем брожение и гниение, окончательно разрушающее все живое внутри нас... Вот где источник всех этих эпидемий, уничтожающих население английских городов...».

Точно таким же образом развивались события и во Франции. Одна эпидемия сменяла другую, и как единственное средство борьбы против них везде выставлялись фетиши. Во всех странах Европы и Америки мы встречаем до самого последнего времени эпидемии, главной причиной которых являются легкомыслие и предрассудки, прикрывающиеся священной формулой «неисповедимых путей провидения». В конце XVIII в., когда Австрию опустошали страшнейшие эпидемии, главное средство против них видели в молитвах, обращенных к св. Севастьяну, и приглашении «докторов против колдовства», т.-е. монахов, изгоняющих бесов. Обращаться к врачам считалось нечестивым, и только в XIX в., когда начала пробивать себе дорогу научная гигиена, развитие эпидемий приостановилось.

3. ТОРЖЕСТВО САНИТАРНОЙ НАУКИ

При всем том не прекращались проблески научной мысли, и, как всегда в этих случаях, теология пыталась создать компромисс с наукой и в этой области. Большую роль при этом сыграл выдающийся ученый XVII в. Роберт Бойль. Вдохновленный открытиями в других областях науки, положившими конец теологическим теориям, Бойль пришел к убеждению, что некоторые эпидемии обязаны своим возникновением трагическому стечению естественных причин». Для верующего человека, как католика, так и протестанта, все труднее было по-

нять, почему благочестивые города, твердые в своей вере, подвергались наказанию, в то время как многие еретические города щадились; непонятно им было также, почему в церковных областях беднейшее население, слепо верующее во всякого рода фетиши, погибало во время эпидемий массами, в то время как скептики из среды более состоятельных классов выживали. Постепенно и протестанты и католики стали приходить к выводу, что если эпидемия и является наказанием за грехи, то грех этот — грязь, и все более популярным становилось выражение Уэсли, что чистота родственна божественности. В настоящее время считается аксиомой, что вода является распространителем худших эпидемий, но факт этот, повидимому, был известен очень давно. Во время пелопонесской войны афиняне утверждали, что враги отравили их цистерны с водой. В средние века среди народных масс была широко распространена уверенность, что евреи отравляют колодцы. Во время парижской холеры 1832 г. толпа убила некоторых водовозов, убежденная, что они отравили воду из Сены. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что если бы не влияние, которое заставило таких людей, как Фома Аквинский, Винцент из Бовэ и Альберт Великий, сойти с пути науки и перейти на запуганные, неизвестно куда ведущие тропинки теологии, то человечеству значительно раньше удалось бы разрешить великие проблемы санитарии и освободиться от многих тяжелых болезней, бывших настоящим бичом человечества.

Следующее положение можно считать вполне установленным: по мере того как человечество от пути Гиппократа переходило на путь слепой веры, эпидемии усиливались; и, с другой стороны, по мере того как теология теряла свое могущество, эпидемии исчезали одна за другой.

Остановимся для примера на истории санитарии в Великобритании. В этой стране положение вещей до 30-х годов XIX в. было очень тяжелым, несмотря на предупреждения выдающихся врачей XVII и XVIII столетий. Из 77 тыс. лондонских нищих 14 тыс. болело лихорадкой в 1837 и 1838 гг. Только в 1838 г. санитарные предприятия начали систематически проводиться властями. Среди лиц, посвятивших себя этой проблеме, особенно выдавался Эдвин Чедвиг, но работа его встретила жестокое сопротивление со стороны духовенства. Однако он не испугался и упорно продолжал свое дело. Результаты оказались блестящими: в XVII в. ежегодная смертность среди лондонского населения достигала не менее 80 на 1.000, в середине XVIII в. она опустилась до 24 на 1.000, в 1899 г. она достигла 18 на 1.000, а в конце XIX в. упала до 14—15 на 1.000. В десятилетие 1815—1860 гг. в Англии от отсутствия канализации и загрязнения воды умирало ежегодно свыше 4 тыс. человек на миллион. К 1888 г. число это упало более чем на половину. Такие же цифры показывает и детская смертность.

ГЛАВА XIII.

ОТ „БЕСОВСКОЙ ОДЕРЖИМОСТИ" К ПСИХИАТРИИ

1. ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ О БЕЗУМИИ И ЛЕЧЕНИИ ЕГО

Из всех побед, одержанных наукой, одной из наиболее благодетельных для человечества является лечение психических заболеваний. Но победа эта является результатом длительной и жестокой борьбы между двумя силами. На одной стороне стояли пережитки всевозможных предрассудков, метафизические рассуждения разных философий, догматизм различных теологических доктрин, буквальные истолкования всевозможных священных книг и в особенности христианских — все это, получившее выражение в вере, что безумие является главным образом или в значительной степени бесовской одержимостью; с другой стороны стояла наука, постепенно накопляющая доказательства того, что безумие всегда является результатом физического заболевания.

В настоящей главе я постараюсь изложить по возможности кратко историю этой борьбы.

На ранних стадиях цивилизации нет ничего проще и естественнее, чем вера в тайные силы зла. Человека постигают бедствия и несчастия, его невежество в области законов природы мешает ему приписывать их физическим причинам; поэтому он видит в них иногда действие доброго существа, но чаще козни злого.

Особенно это проявляется при определении причин болезни. Истинные причины болезни настолько сложны, что постичь их удалось лишь после целых веков научного труда; вот почему влиянию злых духов приписывались прежде всего болезни.

Но если действию дьявола приписывались обыкновенные болезни, то тем более это имело место по отношению к душевным болезням, которые представляются особенно таинственными. Огромное большинство невежественных людей видело в душевных болезнях лишь вмешательство сатаны.

На протяжении всей известной истории человечества время от времени появлялись люди, которые предчувствовали истину, но для огромного большинства людей вплоть до XVIII в. было бесспорно, что

безумие во многих, если не во всех случаях, представляет собой бесовскую одержимость.

Проблески правильных взглядов мы встречаем в Греции и Риме уже очень давно. В V в. до христианской эры Гиппократ утверждал, что всякое безумие является просто болезнью мозга, положив таким образом начало развитию истины, которая была окончательно установлена лишь спустя много веков. В I в. христианской эры Артей продолжал эти мысли еще дальше, тщательно наблюдая явления безумия, и достиг еще более ценных результатов. Дальнейшее развитие этих идей мы наблюдаем у Сорана в начале следующего века. В конце того же века новую эпоху в развитии этой истины открыл Гален, который рекомендовал весьма определенно мягкое обхождение с психическими больными. В III в. в том же направлении работал Целий Аврелиан, который дал весьма ясное выражение великой идее, получившей окончательное признание лишь в начале XIX в., а именно идее о том, что безумие является болезнью мозга и требует мягкого и нежного лечения. В VI в. с большим успехом продолжал эти исследования Александр Тралльский, и, наконец, в VII в. ряд приверженцев этой мысли завершился Павлом Эгинским, который под покровительством калифа Омара много работал над этим вопросом, особенно подчеркивая необходимость деликатного лечения безумия как болезни.

Дальнейшему развитию этих идей был положен конец теологией. В христианской церкви появилось течение, приведшее к вере в то, что безумие представляет собой главным образом или в значительной степени бесовскую одержимость. Эта идея свела на-нет все достижения науки в вопросе о психических заболеваниях и открыла кровавую страницу в истории человечества, стоившую жизни сотням тысяч невинных людей.

Идея о том, что психические болезни представляют собой результат действия дьявола, получила широкое развитие в священных книгах всех восточных народов. В сериях ассирийских мифологических таблиц, в которых мы находим легенды о сотворении мира, о грехопадении, о потопе и других ранних воззрениях, из которых евреи так щедро черпали материалы для библии, открыты были также формулы изгнания злых духов, причиняющих болезни. Высшего своего развития эта идея достигла в персидской теологии, касающейся борьбы между великими силами добра и зла. Из этих, равно как и других древних источников, эта идея перешла к евреям: насмешник эдемского сада стал сатаной, с легионами злых ангелов, находящихся в его распоряжении. И теория, утверждавшая, что причиной душевных заболеваний является вмешательство дьявола, заняла прочное место в священных книгах христиан. Об этом свидетельствуют такие рассказы в «Ветхом завете», как рассказ о злом духе, сидевшем в Сауле, или различные легенды об изгнании духов, излагаемые в «Новом завете». Близкую к этой теории мысль мы встречаем также в Греции, где она нашла себе выражение как в народных поверьях, так и в философии Платона и Сократа; и хотя великие вожди медицинской науки, как мы видели, более или менее ясно высказывались в пользу того, что ду-

шевные болезни являются результатом физического заболевания, все же в народе наблюдалась тенденция приписывать наиболее тяжелые случаи враждебным действиям духов.

Из всех этих источников, в особенности же из священных христианских книг и сочинений Платона, эта теория дьявольского происхождения душевных заболеваний перешла в раннюю церковь. Во времена апостолов этот взгляд сильно упрочился. Ранние «отцы церкви» в следующем веке безоговорочно приняли ее, а апологеты обычно говорили о способности изгонять бесов, как о важнейшем доказательстве божественного происхождения христианской церкви.

Эта вера владела самыми сильными умами. Такой человек, как Григорий Великий, считающийся одним из ученейших теологов западной церкви, торжественно рассказывает, что какая-то монахиня, съевшая, не перекрестившись, какой-то овощ, проглотила беса, а когда священник приказал бесу выйти вон, то он ответил: «Чем я заслужил порицание? Я сидел на овоще, и эта женщина, не перекрестившись, проглотила меня».

В результате этой веры христианская церковь уже в первый период своего существования совершенно отказалась от достижений греческой и римской науки в этой области и создала учение о людях, одержимых бесами, целиком покоящееся на догматической теологии. В течение столетия, пока теология не стала господствующей силой, учение это не отличалось еще особой суровостью. Одержимый допускался к публичному служению, лечение заключалось главным образом в пользовании святой водой, священными мазями, прикосновении к реликвиям, паломничестве к святым местам и применении мягких форм заклинаний.

Из тысяч разнообразнейших фетишей, которые в то время применялись, укажем в качестве типичного примера на святой носовой платок в Безансоне. В течение многих столетий толпы людей из самых различных мест приходили для того, чтобы прикоснуться к нему, ибо раз люди верили, что прикосновение к одежде апостола Павла в Эфесе исцеляло болезни, то чего же следовало ожидать от прикосновения к носовому платку самого спасителя.

С идеями такого рода перемешивалось убеждение в пользе медицинского лечения, и в результате получались предписания вроде следующих:

«Если приходит злой дух, то смажь лоб больного этой мазью, окури его ладаном и осени его несколько раз крестным знамением».

«Когда бес овладевает человеком и проявляет свое присутствие изнутри болезнью, то следует принимать рвотное питье из лупина, кандийского тмина и других трав. Смешать все это вместе и прибавить пива и святой воды».

Если бы теологический метод лечения душевных болезней остановился на этих средствах, то человеческая история была бы избавлена от некоторых кровавых глав. К несчастью, мысль о бесовской одержимости привела к попыткам наказать вселившегося в человека беса. По мере того, как эта теологическая теория и вытекавшая из нее

практика все больше развивались, а духовенство становилось все более могущественной силой и приобретало возможность силой принуждать к этой практике, мягкие способы лечения душевных болезней стали исчезать, заменяясь все более и более жестокими методами.

Отдельные теологи и светские люди пытались, правда, оказать некоторое сопротивление этому стремлению. Так, в IV в. епископ Немезий открыто проповедывал языческие взгляды на этот предмет. В VII в. лангобардский кодекс закрепил в законе мягкое отношение к душевным заболеваниям. В IX в. лионский архиепископ Агобар пытался проводить именно эту точку зрения, а в начале X в. один аббат из трирского прихода настаивал на лечении безумия как болезни. Но все эти попытки не привели ни к чему. Верх одержало другое течение, которое основывалось на различных текстах из христианских священных книг и поддерживалось теологией.

Первый крупный вклад в это новое теологическое учение о душевных заболеваниях внес в средние века Михаил Пселл. В начале XII в. он выпустил трактат под названием «Работа демонов», который представлял собой смесь из библейских текстов, платоновской философии, теологических утверждений различных богословов и диких высказываний заболевших безумием людей. Из выводов Пселла два заключения сыграли особо важную роль и оказали особо сильное влияние на умы. Первое из этих положений, основывавшееся на библии и писаниях св. Василия, сводилось к следующему: так как все бесы не выносят материального огня и серы, то они следовательно должны обладать материальными телами; второе же гласило: так как все бесы от природы холодные, то они с радостью ищут тепла в телах людей и животных.

Питаясь этим течением мысли и развиваясь в благоприятной атмосфере средневековой набожности, идея о бесовской одержимости как главном источнике душевных заболеваний все более и более расцветала и давала все более обильные плоды.

Правда, научное наследство не затерялось окончательно и в средние века. Идеи Гиппократа, Целия, Аврелиана, Галена и их последователей время от времени воскресали. Арабские врачи, салернская школа, писатели, вроде Салицета и Гюи де Шолиака делали кое-что для сохранения научных доктрин, но течение теологической мысли было слишком сильно; становилось опасным даже упоминать о возможности ограничения сатанинского могущества. Отрицание сатаны означало атеизм; и ничто быть может не способствовало так закреплению за медицинской профессией клички «атеистической», как подозрение, что медики не признают полностью вмешательства дьявола в душевные болезни. Следуя учениям ранних «отцов церкви», Ансельм, Абеляр, Фома Аквинский, Винцент из Бовэ — все богословы средневековья поддерживали идею о том, что умопомешательство представляет собой в значительной степени или главным образом бесовскую одержимость.

Первым и главным оружием против вселившегося в тело человека беса продолжало оставаться заклинание; однако под влиянием различных текстов из священного писания и теологических рассуждений

первоначальные мягкие формы заклинания были забыты и заменены другими, о которых мы скажем ниже.

Основная предпосылка заклинания заключалась в положении, что согласно священному писанию отличительным признаком сатаны является гордость. Гордость привела его к восстанию; вследствие его гордости он был низвергнут. Поэтому первое, что надо делать при изгнании беса из тела душевнобольного, это — нанести решительный удар его гордости, а именно вызвать к нему отвращение.

Эта теория проводилась чрезвычайно последовательно. Сочинения, посвященные этому вопросу, просто поражают нас обилием отвратительнейших эпитетов, которые применял заклинатель при изгнании бесов. Самое худшее воображение не может придумать более грязных слов и выражений, которыми заполнены сотни страниц «Сокровищницы заклинаний», сочинения, служившего руководством для заклинателей.

В добавление к этой попытке унизить гордость сатаны при помощи отборнейших ругательств считалось также необходимым оглушить его страшными названиями, заимствованными из еврейских и греческих языков.

Делались также усилия изгонять бесов при помощи различных дурно пахнущих лекарств, вроде вонючей камеди, серы и тому подобных веществ, которые должны были сжигаться под носом больного.

Чтобы нанести ему дальнейшие мучения, топтали ногами изображения дьявола и обливали их грязными жидкостями.

Все это было лишь предварительной подготовкой к настоящему заклинанию. В этом последнем теологическая мысль средних веков достигала своего апогея. Мы не станем приводить многочисленных форм этих заклинаний; скажем лишь, что они представляли собой набор слов, нередко лишенных смысла. Часто совершались также длительные молебствия, полные площадной ругани, проклятий и угроз.

Процедура заклинаний и их результаты считались одним из величайших достижений церкви. В качестве примера укажем на заклинание, которое совершал один епископ из Бовэ и которое произвело такое действие, что пятеро бесов — каждый за себя и за своих подчиненных духов — подписали соглашение, что они не будут более тревожить этого больного. Точно так же венские иезуиты хвастались, что им удалось в 1583 г. изгнать 12.652 живых беса.

Духовые летописи средних веков изобилуют рассказами о «великих подвигах» такого рода.

Результатом такого подхода, вполне естественно, явилось то, что лечение душевнобольных людей всецело перешло в руки тюремщика, инквизитора и палача.

Вернемся на минуту к первым стадиям этого процесса. Уже в 315 г. анцирский синод приказал изгнать из церкви одержимых людей. Вестготские крестьяне подвергли их бичеванию, а Карл Великий, несмотря на некоторые мягкие действия свои, заключил их в тюрьму. Душевнобольные мужчины и женщины, которые могли бы излечиться при соответствующем режиме, становились безнадежными сумасшедшими

вследствие жестокостей, которые к ним применялись. Счастливы были те немногие, на которых переставали обращать внимание; огромное же большинство подвергалось наказаниям, как орудия сатаны.

Одним из наименее ужасных и наиболее часто применявшихся наказаний было изгнание демонов из тела несчастных при помощи бичевания последних. Даже такой просвещенный и вдумчивый человек, как Томас Моор, рекомендовал это средство в XVI в. Но если болезнь не прекращалась, что конечно было неизбежно, то власти часто считали себя в праве прибегать к пытке для изгнания демонов.

Почти во всех крупных городах центральной Европы сохранились памятники этого способа лечения душевных заболеваний в виде «башен ведьм», где подвергались пыткам ведьмы, и «башен глупцов», где сидели в заключении более спокойные душевнобольные.

Многочисленные памятники этой идеи мы находим также в виде церковной скульптуры, живописи и стеклописи, на которых изображение сатаны и других злых духов встречается очень часто. Среди ранних памятников этого рода хорошо известно изображение дьявола в виде дракона, сидящего у изголовья умирающего человека в ожидании момента, когда ему можно будет схватить душу умирающего, как только она выйдет изо рта его. Типичным является колоссальный портрет сатаны и живое изображение бесов, изгоняемых из одержимого и переселяющихся в свинью, которое мы находим на окнах страсбургского собора. Интересно также изображение на окнах Шартрского собора, где показано, как святой исцеляет душевнобольного: святой изображен с длинной противодьявольской формулой на латинском языке, исходящей из его рта, изо рта сумасшедшего исходит маленький отвратительный рогатый бесенок. Эти примеры являются лишь немногими из огромного числа изображений, рассеянных по всей Европе. Все они имели целью запечатлеть в умах масс ужас перед всем, что носит на себе печать дьявола, а также ненависть ко всем одержимым. Эти скульптурные проповеди предшествовали печатным. Это была каменная библия, появившаяся раньше лютеровской печатной.

Сатана и чертенята были главными лицами во всякой популярной драме, и «Пасть ада» была пьесой, постановка которой не прекращалась. Представление без полного изображения дьявольского элемента в нем не имело шансов удержаться на сцене.

Эти мысли находили себе выражение не только в народном искусстве, но и в народных легендах. Летописцы с восторгом говорят о них. «Жития святых» изобилуют ими. В каждой церковной проповеди упоминается о них. Неудивительно, что мужчины и женщины получили столь живое представление о могуществе сатаны, что их охватывал ужас перед ним, как перед чумой; этот ужас содействовал огромному распространению душевных болезней, так что нередко можно было встретить монастыри, деревни и даже целые округа, охваченные эпидемиями душевной болезни.

И этот ужас, естественно, не только вызывал активную жестокость по отношению к тем, кто подозревался в одержимости, но и равнодушие к страданиям окончательно признанных душевнобольными.

Время от времени, даже в худшие времена, появлялись, правда, люди, пытавшиеся высказывать более мягкие взгляды на этот вопрос. Когда один священник осмелился высказать предположение, что некоторые душевнобольные, о которых говорится в «Новом завете», обязаны своей болезнью действию луны, то ему было сказано в ответ, что их безумие вызвано не луной, а дьяволом, который прикрывается лунным светом для своей работы.

Был еще способ лечения, который особенно содействовал усилению и распространению душевных болезней, это — большие религиозные процессии. Толпы мужчин и женщин с криками, воем, с обращенными к святым мольбами, бьющие себя плетками, посещали различные священные раки в надежде освободиться от могущества дьявола. Единственным результатом всего этого было увеличение числа больных.

Идея о бесовской одержимости развивалась в течение ряда столетий. Принято было верить, что бесы входят в животных, и соответственно с этим животных заклинали, пытали и казнили. Св. Амвросий рассказывает про одного священника, который был обеспокоен во время мессы кваканьем лягушек близлежащего болота; совершив над ними заклинания, он прекратил их шум. Св. Бернар, по рассказам монастырских летописцев, поднявшись однажды на кафедру для произнесения проповеди, был атакован тучей мушек; немедленно провозгласил он священную формулу заклинания, и мушки все пали мертвыми на мостовую, так что их пришлось сгребать лопатами. Формула заклинания, приписываемая одному святому IX в. и применявшаяся вплоть до недавнего времени, объявляет одержимыми злым духом особенно насекомых, приносящих вред злакам. И среди животных, подлежащих заклинанию, он называет мышей, моль и змей. Обычным также было заклинание против гусениц и кузнечиков. В XIII в. Лозаннский епископ, узнав, что угри в Женевском озере мешают рыбакам, пытался устранить затруднения при помощи заклинания, а двумя столетиями позже один из его преемников отлучил от церкви всех майских жуков своего прихода. Еще в 1731 г. мы встречаем следующую запись в одном из городских документов города Тоннона: — «П о с т а н о в и л и, чтобы город вместе с другими приходами провинции получил из Рима отлучение от церкви всех насекомых и чтобы он участвовал пропорционально в расходах на этот предмет».

Если кто осмеливался отрицать возможность вселения бесов в животных, то ссылка на вхождение сатаны в райского змия и на вселение бесов в свиней, совершенное самим христом, немедленно приводила такого смельчака к молчанию.

Одно из суеверий, связанное с этой теорией и державшееся особенно упорно, заключалось в убеждении, что человек может превратиться в низшее животное. Эта мысль вскоре стала одной из основ всей теории. Одними из наиболее страшных хищных зверей в средние века были волки. Под влиянием голода спускались они зимой с гор и лесов и пожирали не только домашних животных, но иногда вторгались в деревни и похищали детей. Время от времени мужчины и женщины под влиянием душевных болезней воображали, что они превратились в животных и

в особенности в волков. Сознавшись в этом и припутав нередко других, они вызывали ряд процессов, кончавшихся казнями душевнобольных; более того, бесчисленное множество здоровых, заподозренных в том же преступлении, подвергалось той же участи.

Реформированная церковь во всех своих видах полностью восприняла это учение о колдовстве и бесовской одержимости и развила его еще дальше. Никто не содействовал так усилению этого учения, как Лютер. Правда, он отверг некоторые части этого учения, но влиянию дьявола он приписывал не только свои болезни, но и свои видения и все то, что мучило и терзало его. Мухи, которые садились на его книгу, мыши, которые будили его ночью, — все это были, по его мнению, бесы; сопротивление, которое оказывал его идеям архиепископ майнцский, он приписывал сатане буквально, сидящему в сердце прелата. Он был глубоко убежден, что безумие причиняется сатаной, и по отношению к душевнобольным он применял заклинания. Для некоторых из таких больных он рекомендовал более сильное средство; его ужас перед идиотизмом, как результатом действия сатаны, был так велик, что однажды он посоветовал убить ребенка-идиота, как прямого отпрыска дьявола.

Кальвин также придерживался этой теории, которую он проводил с неослабной суровостью. Беза был особенно строг к тем, кто полагал, что безумие является естественной болезнью: «Такие взгляды, — говорил он, — опровергаются как священной, так и общей историей».

В каждой крестьянской хижине можно было прочитать историю о сатане, уносящем христа на вершины храма, о женщине, одержимой семью бесами, и т. д.; каждый крестьянский ребенок мог ознакомиться с рисунками в семейной библии или катехизисе, которые оживляли эти рассказы. Вот почему так трудна была задача борьбы с этой смесью безумия и жестокости, которая началась в XVII в.

Таково было учение о происхождении душевных болезней и способах их лечения, развитое теологией и проводившееся на практике духовенством всех исповеданий.

Перейдем теперь к изложению истории борьбы науки с этой теорией, закончившейся, как и в других областях, полной победой науки.

2. НАЧАЛО БЛАГОТВОРНОГО СКЕПТИЦИЗМА

Мы видели расцвет теологической теории душевных заболеваний и утвердившейся жестокой практики лечения последних; мы отметили, что под влиянием Лютера и Кальвина реформация скорее углубила, чем ослабила веру в злые козни и могущество единичных бесов. В реформированной церкви, так же как и в старой, это далеко не было вопросом одной лишь теории. Подобно тому, как в ранние века христианства христианские священники в доказательство своей божественной миссии ссылались на свою власть над врагом человеческого рода, вселившимся в тела людей, так теперь духовенство различных конкурирующих вероисповеданий жадно искало подходящих случаев для подтверждения

истинности своей веры и ложности веры противника путем изгнания бесов. Правда, методы представителей различных вероисповеданий несколько различались между собой: там, где католик употреблял святую воду и священный воск, протестант довольствовался текстом из священного писания и соответствующей молитвой. Однако это различие нисколько не отразилось на методах физического воздействия на вселившегося беса. От конкуренции церквей жестоко страдали больные. Каждая церковь утверждала, что только она обладает силой действительного изгнания бесов, и поэтому она не признавала действий других церквей. И нередко бедной жертве приходилось попеременно выносить методы заклинания лютеранской, римско-католической, а иногда и кальвинистической церкви.

Значительно более серьезные последствия имела другого рода конкуренция, к которой было вынуждено прибегнуть в XVI в. духовенство всех вероисповеданий. Оживление медицинской науки под влиянием возродившихся идей древности стало угрожать изъятием из рук духовенства профессии, которая до сих пор была его монополией. Только один род болезней оставался бесспорно в его власти: это были болезни, причина которых приписывалась личному вмешательству сатаны и среди которых первое место занимали душевные болезни. Неудивительно, что в век религиозных споров и возбуждения умов число душевных заболеваний значительно увеличилось. Однако духовенство не желало принимать такого простого объяснения этого предмета. Они придумали более соответствующее их интересам объяснение: «Больные, — говорили они, — околдованы, и увеличение их числа объясняется увеличением числа человеческих союзников сатаны, т. е. колдунов и колдуний».

Уже в конце XV в. папа Иннокентий VIII издал буллу, призывающую архиепископов, епископов и все остальное духовенство Германии оказать содействие его инквизиторам в искоренении добровольных слуг сатаны, которыми переполнена вся страна и которые совершают самые ужасные преступления. Другие папы возобновляли этот призыв, и хотя ни один из их документов не говорит о колдовстве, связанном с бесовской одержимостью, тем не менее в «Молоте ведьм», этом ужасном руководстве для инквизиторов, мы находим указания на специальные меры, которые должны быть применяемы к изгнанию бесов из тел, ими одержимых. Эти взгляды крепко укоренились, и в течение эпохи преследования ведьм и усиленного сжигания их на кострах, последовавшей за реформацией, вряд ли какая группа дала большее количество жертв, чем душевнобольные.

Ужасы такого преследования, — ужасы, сопровождаемые сознанием вечно присутствующего дьявола и панического страха, им внушаемого, могли только отягчать душевные заболевания. Один из наиболее выдающихся авторитетов в области душевных болезней утверждает, что среди несчастных осужденных за колдовство он на основании документов смог установить множество явных жертв душевных заболеваний; другой не менее видный знаток этого дела пишет, что при знакомстве с документами средневековых следствий и пыток по делам о колдовстве он часто находил ответы и встречал беседы, совершенно

совпадающие с ответами и разговорами, которые он наблюдает в современных больницах для душевнобольных; при этом он приводит ряд болезней, которые часто встречались среди лиц, осужденных за сношения с дьяволом.

Результатом такого широко распространенного ужаса явилось, естественно, постоянно увеличивающееся число душевных заболеваний. Этот факт вполне объясняется методами лечения, которые применялись к одержимым. Упомянем об одном таком методе, который применялся к обвиненным в колдовстве, а именно о пытке бессонницей. Можно считать вполне установленным, что наиболее благоприятно действуют при душевных заболеваниях покой и правильный сон; и вот полупомешанные существа лишались ночь за ночью и день за днем сна и даже покоя. Таким путем временное заболевание превращалось в хроническое безумие, легкие случаи становились тяжелыми, пытки кончались смертью, и «пути господа» находили себе оправдание.

Но самое жалкое положение занимали в течение этих веков врачи, становившиеся на сторону религиозных ортодоксов. Если мы, с одной стороны, имеем Фледа, жертвующего своей жизнью, Корнелия Агриппу — своей свободой, Вира и Лооса — своими надеждами на повышение, Беккера — своим положением и Гомазио — своим покоем, репутацией и друзьями, — то, с другой стороны, мы встречаем множество врачей, ставших на сторону теологии и одобрявших ее жестокости.

Против одной формы душевных заболеваний как католики, так и протестанты выступали с особенной жестокостью. Во все эпохи религиозного возбуждения весьма обычным является учащение личных галлюцинаций, сопровождающихся верой больного, что он является лицом божественного происхождения. В каждой больнице для душевнобольных можно встретить больных, уверяющих, что они спасители мира. Такие случаи вносили большое возбуждение в умы и преследовались с особенной жестокостью. В качестве типичного примера укажем на случай с Симоном Мареном, который, впав в безумие, вообразил себя божьим сыном и за это был живым сожжен на костре в Париже.

Множество теологов-юристов постоянно развивало новые теории о способах вхождения бесов в «одержимых». Одна такая теория гласила, что сатана может быть поглощен через рот с пищей — возможно в форме насекомого, поглащаемого вместе с листом салата, как это утверждал Григорий Великий, папа и святой. Согласно другой теории сатана входит в тело, когда рот открыт для дыхания, и мы имеем документы, свидетельствующие, что врачи и духовники, изгоняя бесов, принимали предосторожности, чтобы бес не перескочил изо рта пациента в их собственный рот. Наконец, третья теория гласила, что бес входит в человеческое тело во время сна, и мы знаем случай, когда испанский король спал всегда между двумя монахами, охранявшими его от дьявола.

Монастыри служили нередко источником той формы душевных заболеваний, причина которой приписывалась колдовству. Уже издавна было известно, что монастырская жизнь способствует душевным заболеваниям. Особенно благоприятную почву для такого рода заболеваний представляли женские монастыри. Среди большого числа собранных

в них женщин и девушек, из которых многие попали сюда против своей воли, только потому, что у родителей их не было для них приданого, и которые были подвержены неопределенным мечтаниям, подозрениям, дрязгам и склокам, столь обычным в монастырской жизни, душевные заболевания могли возникнуть в любой момент. Истерическое возбуждение, царившее в женских монастырях, иногда принимало комическую форму, но в большинстве случаев оно кончалось трагически. Интересно отметить, что последние места, в которых были совершены казни за колдовство, лежали главным образом по соседству с женскими монастырями, а последней знаменитой жертвой из бесчисленного количества казненных в Германии за это воображаемое преступление была Мария Рената Зенгер из женского монастыря возле Вюрцбурга.

Та же картина наблюдается среди молодых женщин в различных фанатических протестантских школах. Безумие как временное, так и хроническое, было сильно развито также среди гугенотов во Франции.

Во все времена, начиная от Агобара Лионского в IX в. до Помпаная в XVI в., не прекращались попытки, более или менее смелые, отдельных людей выступить против этой системы.

Медицина сделала некоторые шаги вперед, но теология не давала хода научным воззрениям. Только в конце XVI в. два человека начали более серьезный поход против теологического мировоззрения. Возрождение наук, «век открытий», давший толчок научной работе, создали более благоприятную обстановку для работы этих людей. В 1563 г., в самый разгар процессов против ведьм, когда теологи и судьи заседали в своих средневековых одеяниях, посылая на пытки и костры несчастных женщин, появился человек, имевший смелость прямо заявить, что в лице этих ведьм мы имеем дело с душевнобольными людьми. Это был Иоганн Вир.

В настоящее время выступления Вира не производят впечатления особенной смелости. В своих книгах «De Praestigiis Daemonum» и «De Lamiis» он сделал все возможное, чтобы не оскорбить церковников; но он чувствовал себя обязанным обратить внимание, что многие из обвиняемых в колдовстве нуждаются прежде всего во враче.

Книга Вира вызвала возражения всех выдающихся теологов. Один из крупнейших светских писателей того времени—Жан Боден—тоже выступил против него и, казалось, одержал полную победу при помощи умелого использования библейских текстов. Можно было подумать, что теологическая теория укрепилась в Европе еще на тысячу лет, но сомнение носилось в воздухе, и спустя четверть века после опубликования книги Вира во Франции появились очерки Монтэня. Дух скептицизма, которым проникнуты эти очерки, много способствовал созданию во Франции атмосферы, при которой вера в колдовство и бесовскую одержимость должна была поколебаться. И действительно, такой процесс имел место, но он шел скрыто, и внешне казалось, что победа находится на стороне теологии.

Развитие новой истины и борьба последней против теологии продолжались. В Голландии Валтазар Беккер написал свою книгу против худших форм теологической практики и пытался помочь людям науки

текстом из второго послания Петра, показывая, что дьяволы были осуждены всемогущим богом и потому не могут работать на земле. Беккер был лишен звания и едва спас свою жизнь.

Последние усилия всякой погибающей теологической теории являются всегда самыми упорными. Так было и здесь. В первой половине XVII в. жестокости старого учения невероятно усилились. В Испании, Швеции, Италии и прежде всего в Германии мы видим постоянные усилия подавить развитие истины.

Но все же среди этого расцвета реакционного бешенства все чаще и чаще появляются проблески новых взглядов. Интересно отметить, что в то самое время, когда старая теория торжествовала, казалось, везде, заявление Пуле, что он, его брат и кузен при помощи различных мазей превратили себя в волков и пожирали детей, не повлекло за собой никакого тяжелого наказания. Судьи послали его в дом для умалишенных.

Несмотря на бешеные усилия теологов спасти свое положение, писатели и юристы, особенно во Франции, стали все чаще выступать с проповедью новых научных взглядов. Таковы выступления Мальбранша, Сегье, д'Аресco.

Как раз в это время, в самом конце XVIII в., теологическая партия получила подкрепление со стороны величайшего теолога Франции, а именно Боссюэ. Были основания предполагать, что Боссюэ выступит с целью смягчения старой теории, ибо в своих писаниях он не раз указывал, что многое, приписываемое действию дьявола, вызывается душевным заболеванием. К сожалению, приверженность к буквальному истолкованию священных книг заставила его выступить против всех научных высказываний его времени. Мало того: он решил перейти к нападению на научную теорию и опубликовал две проповеди, которые свидетельствуют, что он упорно придерживался теории бесовской одержимости. Свою точку зрения он очень характерно выразил следующим положением: «Один дьявол может так же легко перевернуть мир, как мы переворачиваем камень».

3. КОНЕЧНАЯ БОРЬБА И ПОБЕДА НАУКИ. ПИНЕЛЬ И ТУК

Теологическое течение, получив таким образом подкрепление, казалось, снова стало несокрушимым. На самом же деле это было не так. Французский скептицизм, несмотря на видимую победу теологии, продолжал развиваться. Все чаще стали появляться признаки перемены взглядов мыслящих людей; так, когда в 1672 г. руанский парламент присудил 14 колдунов к сожжению на костре, исполнение казни было отложено на два года, очевидно, по причине сомнений, овладевших официальными лицами; наконец, знаменитый министр Людовика XIV Кольбер издал приказ, запретивший такого рода суды и предлагавший рассматривать уже осужденных как душевнобольных.

Победа, казалось, стала склоняться на сторону науки, и в 1725 г. придворный врач Андре опубликовал книгу, в которой определенно доказывает, что бесовская «одержимость» является не чем иным, как душевной болезнью.

Французская философия в лице Монтескье и Вольтера конечно сильно поддерживала это научное течение; результаты исследования мозга одержимых после смерти подтвердили это, и в 1768 г. парижский парламент постановил, что «одержимые» лица должны рассматриваться просто как больные. Окончательный удар теологии был нанесен работами Шарко и его сотрудников, которые доказали, что те многие сотни маленьких девочек и старух, которые были присуждены к самой жестокой смерти по обвинению в колдовстве, просто страдали истерией.

В Англии шла та же борьба. Научную точку зрения принял Джон Локк, но теологическое направление продолжало владеть умами. Из сторонников теологии наибольшим влиянием пользовался Джон Уэсли. То самое преклонение перед буквой писания, которое привело его к заявлению, что «отказ от идеи колдовства означает отказ от библии», определяло его взгляды на вопросы душевных заболеваний. Основываясь на авторитете «Ветхого завета», он настаивал, что телесные болезни иногда причиняются дьяволами; на основании же «Нового завета» он утверждал, что боги ада суть демоны; он цитирует врача, чтобы доказать, что большинство душевнобольных является действительно бесноватыми. В своей речи о злых ангелах он особенно настаивает на этом пункте; он возражает против мысли, что «одержимость» может быть простой эпилепсией, даже если налицо обычные признаки последней; он протестует против отказа от таких доказательств невидимого мира, которые можно найти в «бесовской одержимости», и очевидно верит, что некоторые, кого его собственные проповеди сделали истеричными, одержимы сатаной.

Но наука продолжала свою работу. Старая вера непрерывно подрывалась. Атмосфера становилась все более и более благоприятной, и парламентский акт 1735 г., изгнавший из уголовного кодекса преступления колдовства, можно считать началом конца старого учения.

В Германии мы также наблюдаем начало торжества науки. При Фридрихе Вильгельме I в протестантской Германии старая доктрина была выброшена из церковных формул, катехизисов и гимнов. Правда, некоторые из наиболее консервативных теологов продолжали в силу привычки повторять старые аргументы, но они уже оказывали весьма слабое действие.

В Америке вера в действие дьявола в ранний колониальный период господствовала так же, как и в Европе. Мадзерсы полностью поддерживали эту точку зрения, но Калеф нанес ей жестокий удар,от которого она уже не могла оправиться.

В середине XVIII в. вера в бесноватость практически исчезла из всех культурных стран, а в течение XIX в. она потеряла силу даже в тех местах, где средневековый дух сохранился дольше всего. В течение средних веков, как мы видим, сатана был одним из важнейших действующих лиц в пьесах с чудесами, но в 1810 г. баварское правительство отказалось дать разрешение на представление страстей в Обергаммергау, если сатана не будет исключен из числа действующих лиц. Весьма значительный интерес представляет одно судебное дело в Эмдинге в 1892 г. Какой-то мальчик заболел истерией, и капуцинский

монах попытался применить к нему заклинание, обвинив какую-то крестьянку в том, что она околдовала ребенка. Такое обвинение в XVII в несомненно стоило бы жизни этой женщине. Но теперь времена были другие. Муж крестьянки привлек капуцина к суду по обвинению в клевете. Монах в свою защиту указывал, что если кто-либо когда-либо был одержим злым духом, то это именно тот мальчик, что все, что он делал и говорил, находилось в полном соответствии с правилами церкви, изложенными в декретах, формулах и ритуалах, неоднократно подтверждавшимися папами, соборами и бесчисленными епископами в течение многих веков. Однако все красноречие монаха пропало даром, — суд присудил его к штрафу и тюрьме.

Но хотя старый предрассудок был окончательно дискредитирован, все же неизбожный консерватизм в теологии и медицине привел к тому, что многие пережитки старых взглядов сохранились еще в течение долгого времени. Так, например, нередко и сейчас можно наблюдать плохое отношение к душевнобольным, как пережиток враждебности к ним, господствовавшей в старые времена.

Какое отрицательное влияние имела теологическая теория даже на выдающихся людей, показывает пример Томаса Мора, рекомендовавшего публичное сечение душевнобольных; у Шекспира одно из действующих лиц говорит, что они заслуживают «темного дома и меча». В соответствии с такими взглядами больницы для умалишенных находились в ужасном состоянии.

Впервые изменение в это дело внесли американские колонисты. В 1751 г. в Пенсильвании было основано небольшое убежище для умалишенных, которое действовало на совсем других основах. Спустя 20 лет такое же убежище было устроено в Виргинии, а затем и в других колониях.

Но настоящую революцию в дело лечения душевнобольных внесли французы. В 1756 г. некоторые врачи большой парижской больницы выступили с заявлениями, что жестокие методы лечения душевнобольных только отягчают болезнь. О том же стали поступать заявления и из других мест. Сначала на них не обращали никакого внимания, но перед самой революцией вопрос этот снова стал предметом обсуждения, и в 1791 г. была образована комиссия для проведения соответствующей реформы.

По счастливой случайности во главе этого дела стал Пинель. Последний был назначен в 1792 г. врачом в Биссертре, одной из наиболее обширных больниц для умалишенных во Франции. Здесь Пинель целиком отдал себя делу лечения душевнобольных, которое привело к полной революции в этой области.

Первым его шагом было окончательно дискредитировать все теологическое учение об одержимости. Он стал проводить на практике теорию, что душевная болезнь является просто результатом физической болезни.

Интересно отметить, что если бы не французская революция, то Пинель был бы по всей вероятности лишен места и отлучен от церкви за ересь. Не подлежит сомнению, что церковь стала бы применять

к нему те же меры, которые она применяла несколько раньше против прививки оспы. К счастью, священникам было в то время не до того: они были заняты спасением своих собственных голов от гильотины. Пинель получил возможность спокойно работать, и через некоторое время царству бесноватости в Биссертре был положен конец. То, чего не могли сделать в течение 18 веков ни заклинания и фетиши, ни молитвы и крестные ходы, ни питье святой воды и звон колоколов, Пинелю удалось выполнить в течение немногих месяцев. Метод его был чрезвычайно прост: грубость и жесткость, которые господствовали до того в обхождении с этими больными, он заменил мягкостью и деликатностью; больные были выпущены из темниц, им были предоставлены солнечные комнаты, им дана была возможность гулять и упражняться на вольном воздухе, цепи с них были сняты. В то же время умственная сила каждого пациента развивалась при помощи соответствующих упражнений; болезнь стали лечить при помощи средств, освященных опытом, наблюдением и разумом. Таким путем была одержана одна из величайших побед на научном фронте.

Результаты метода Пинеля сказались очень скоро, и способы его лечения стали быстро распространяться во всей Европе.

Такую же эволюцию мы наблюдаем и в Англии. Несмотря на враждебность, с которой церковные власти встречали каждую новую идею о душевных заболеваниях, научный метод постепенно начинал приобретать все большую силу. В 1750 г. условия, в которых находились душевнобольные, стали привлекать большое внимание. Было найдено, что методы лечения этого рода больных представляли нечто чудовищное. Обычно пациентов вмуровывали в клетки, привязывали цепями к стенам; в некоторых случаях их били и держали впроголодь, а иногда их просто убивали. Неудивительно поэтому, что Джон Говард заявил в 1789 г., что он нашел в Константинополе больницу для умалишенных, содержащуюся в несравненно лучших условиях, чем большой лондонский госпиталь.

В 1792 г. Вильям Тук начал в Англии такую же работу какую в том же году проводил во Франции Пинель. Эти два человека, повидимому, не знали друг друга и пришли к своим выводам совершенно самостоятельно. Богатые классы и духовные власти не оказали Туку никакой помощи. С прежним упорством представители этих классов защищали теологическую точку зрения.

В такой атмосфере трудно было ожидать быстрых успехов нового учения. Еще в 1815 г. член парламента назвал английские больницы для умалишенных позором нации, и даже в 1827 г., а в некоторых случаях и в 1850 г., мы встречаем следы старой практики.

Несмотря на то, что Туку и Пинелю, совершившим полный переворот в области лечения душевнобольных, не пришлось так страдать за свои идеи, как это выпало на долю многих из их предшественников в других областях, как например Гроцию и Томазию и многим другим, — мы все же должны поставить их на ряду с величайшими борцами за науку. В борьбе с теологией они сыграли немалую роль.

ГЛАВА XIV.

ОТ БЕСНОВАТОСТИ К ИСТЕРИИ

1. ЭПИДЕМИИ „ОДЕРЖИМОСТИ"

В предшествующей главе я обрисовал торжество науки, выразившееся в установлении истины, что безумие представляет собой физическую болезнь, и в замене основанной на суевериях жестокости в лечении душевнобольных мягкими, основанными на твердо установленных фактах методами лечения.

Таким образом сатана, который так долго беспокоил отдельных мужчин и женщин, исчез; сохранились лишь его «ископаемые» остатки в виде скульптуры и стенописи в средневековых соборах, формул различных молебствий и народных оборотов речи.

Но остался еще в живых другой дьявол, действовавший в более широком масштабе, осталась еще группа душевных расстройств, которые нельзя было лечить в больницах, которые еще не были полностью освещены наукой и которые поэтому давали еще почву для сторонников старой теологической теории. Я имею в виду эпидемии «бесноватости», которые в течение многих веков поражали различные части мира.

Вынужденные отступить от своей старой позиции в вопросе индивидуальных случаев безумия, наиболее консервативные теологи быстро перешли на эту новую позицию, утверждая, что область этих массовых эпидемий лежит вне власти науки и является поэтому очевидным доказательством могущества сатаны. В качестве обоснования этого своего утверждения они приводили многочисленные ссылки из «Ветхого завета» на колдовство, а из «Нового завета» указания на возможное околдование галатян и околдование народа самарийского Симоном-кудесником.

Позиция этих людей казалась сильной. Хотя явления такого рода наблюдались на протяжении всей человеческой истории и хотя каждый знакомый с историей античного мира знает о диких оргиях жрецов и жриц Дионисия и Кибелы и о других эпидемиях, «отцы церкви» тем не менее возражали против этих фактов, приводя один единственный довод: ссылку на заявление апостола Павла, что боги ада являются демонами и что следовательно эти эпидемии свидетельствуют о власти сатаны.

Однако главную силу для своих воззрений теология черпала из эпидемий бесноватости средних веков и нового времени, из которых я приведу несколько типичных примеров.

Начиная с XI в. мы встречаем ясные упоминания о бесноватости, выражающейся в эпидемиях бреда, прыгания, пляски и судорог, поражавших главным образом женщин и детей. Трудно ожидать, чтобы сведения об этих явлениях носили в то грубое время систематический характер; любопытно однако отметить, что уже в начале XI в. упоминания о них встречаются в разных концах Европы — в северной Германии и южной Италии. Следующие упоминания об этих явлениях мы встречаем уже в XIII в. В 1237 г. эпидемия прыгания и пляски охватила 100 детей возле Эрфурта, из которых многие умерли; эпидемия эта распространилась по всей области. Спустя 50 лет мы слышим о ней в Голландии.

Самые крупные эпидемии такого рода имели место в последней четверти XIV в. Много причин способствовало этому. Это было время подавленности, голода, чумы и дикого мистического фанатизма, пришедшего на смену эпохи крестовых походов. Одна из страшнейших эпидемий опустошала города и деревни, и в Европе царила та смесь набожности и распущенности, которая наблюдается всегда во время больших эпидемий.

В этой обстановке вспыхнула в 1374 г. в Нижнерейнской области одна из величайших в мире эпидемий — эпидемия пляски, прыгания и дикого бреда. Больные плясали часами, пока не падали в полном изнеможении. Некоторые заявляли, что они чувствуют себя как бы искупавшимися в крови, некоторые галлюцинировали, другие пророчествовали.

В эту массу одержимых проникли и просто мошенники, что конечно еще больше увеличивало беспорядок. Эпидемия началась повидимому с диких оргий, связанных с Ивановым днем. В этих оргиях сохранились различные древние языческие пережитки, принявшие внешнюю христианскую форму. Дикие вакхические танцы превратились таким образом в полурелигиозный обряд. Религиозная и социальная атмосфера способствовала тому, что оргии эти получили большое распространение в населенных пунктах, лежащих на широких торговых путях Нидерландов и Германии, и в особенности во всей Рейнской области. В Кельне эпидемия охватила сразу 500 человек, в Метце мы видим 1.100 пляшущих на улицах; в Страсбурге наблюдаются явления еще более тяжелого характера. Из городов эпидемия распространяется по деревням и деревенским округам.

Значительное большинство охваченных эпидемиями составляли женщины, но не мало встречалось и мужчин. Были пущены в ход обычные средства — прежде всего заклинания, но главным образом паломничество к раке св. Витта. Заклинания конечно не оказывали никакого действия, а паломничества только усиливали эпидемии, подвергая заразе огромные толпы людей. Другим исцеляющим средством считались процессии самобичующихся — большие толпы людей бродили по стране с криками, бичуя себя плетками, воссылая мольбы о божественном ми-

милосердии и вмешательстве св. Витта. Но самым страшным были преследования евреев, в которых видели средство избавления от эпидемии. Среди народа было широко распространено убеждение, что бог преисполнен гнева за то, что терпят его врагов, и что он смилостивится, если уничтожить последних; в главных городах Германии начались еврейские погромы, во время которых были ограблены, подвергнуты пыткам и убиты сотни тысяч евреев. Нет сомнения, что на ряду с фанатизмом в этих погромах играло большую роль стремление к грабежу. Что касается доводов фанатизма, то они были очень просты и целиком заимствованы из библии: гнев божий был возбужден против тех, кто терпел его врагов, и эта терпимость вызвала божье проклятие на Европу.

В этой атмосфере жестоких суеверий наука в течение многих поколений оставалась бессильной. В течение всего XV в. врачи повидимому совершенно избегали этой темы. Случайно некоторые люди осмеливались приписать ту или иную фазу болезни естественным причинам, но такие мысли были крайне не популярны и весьма опасны для их автора.

Однако в начале XVI в. случаи такой массовой одержимости стали попадать в поле зрения медицинского исследования. Первый, кто высказал открыто мысль, что эти болезни не причиняются ни святыми, ни дьяволами, но что «эпидемия плясок» представляет собой одну из форм болезни, которая может быть излечена при помощи лекарств и режима, был Парацельс.

Идея, высказанная Парацельсом, повидимому не встретила особенных нападок. Для вождей теологии потребовалось некоторое время, чтобы раскусить смысл высказанных Парацельсом взглядов. Однако они вскоре поняли это и приняли свои меры: в течение 80 лет идея Парацельса хранилась под спудом. Но в 1563 г. другой врач — Иоганн Вир — с большой опасностью для своей репутации и положения стал продолжателем идей Парацельса.

Влиянием новых идей объясняется повидимому тот факт, что во второй половине того же века пляска св. Витта и родственные ей формы бесноватости стали встречаться менее часто, при чем они иногда рассматривались, как обыкновенная болезнь. Что касается северной Европы, то там эти массовые эпидемии прекратились совершенно. В то время как в северной Европе действие сатаны появлялось в таком широком масштабе, в Италии происходило нечто подобное и в то же время отличное. Здесь тоже эпидемии пляски и прыгания охватывали целые группы и коммуны; но здесь они приписывались физической причине. Предполагалось, что укус тарантула каким-то образом вызывает сверхъестественное вмешательство, сопровождаемое пляской.

В середине XVI в. фра Кастро стал успешно применять новое средство для лечения одержимых. Мы знаем теперь, что средство это принадлежало к числу тех, которые действуют на воображение больных. В то время оно сыграло большую роль, так как соответствующая форма одержимости перестала считаться сверхъестественной и стала известной под названием «тарантизм». Хотя она сохранилась здесь значи-

гельно дольше, чем соответствующая эпидемия в северной Европе, все же к началу XVIII в. она почти исчезла; в настоящее время пережитки ее сохранились в форме «тарантеллы», столь широко распространенного в Италии танца.

Но прежде чем исчезла эта форма эпидемий, возникли новые эпидемии, на первый взгляд более необъяснимые. Подобно тому, как первые крупные эпидемии, пляски св. Витта, были связаны с религиозными обрядами, так различные новые формы эпидемий возникли главным образом в монастырях, и особенно в женских.

Приведем несколько типичных примеров таких эпидемий.

В XV в. в одном их германских женских монастырей монахини были охвачены эпидемией кусания друг друга; эта мания, переходя из монастыря в монастырь, распространилась по всей Германии, перешла в Голландию и проникла даже в Италию.

Рассказывают, что в одном из французских монастырей одна монахиня начала мяукать по-кошачьи; другие стали ей подражать, и болезнь распространилась по всей стране.

В XVI в. протестантская реформация с новой силой взялась за преследования колдовства в Германии, как бы желая показать, что новая церковь в этом своем усердии превосходит даже старую. Во Франции обстановка была значительно лучше, и не малую роль сыграли в этом «Очерки» Монтэня, вышедшие в 1580 г.

В 1588 г. во Франции имел место случай, показывающий, что дух скептицизма проник даже в некоторые группы высших церковных властей. В некую Марту Броссье, крестьянскую девушку, будто бы вселился дьявол. Она кричала, умоляла, чтобы у нее изгнали его, богохульствовала и сильно смущала окружающих. Капуцинские монахи стали проповедывать по всей Франции, что этот случай является подлинным доказательством могущества сатаны. Дело дошло до высших властей. Однако последние, несмотря на всю агитацию монахов, обратились к парижским врачам, которые, тщательно исследовав Марту, установили, что дело идет об обмане на почве истерии. Марта была изолирована, и все успокоились. В следующем году произошел еще более характерный случай. Четырнадцать человек были присуждены к смерти по обвинению в колдовстве, но общественное мнение потребовало нового расследования особой комиссией, которая установила, что «заключенные нуждаются во враче, а не в палаче», и они были освобождены.

Однако власть теологии в этом вопросе далеко не была уничтожена. Взрывы теологического человеконенавистничества не прекращались в течение всего XVII в. В 1611 г. в Эксе был сожжен на костре житель этого города по обвинению в том, что он вызвал там эпидемию бесноватости. Михаэлис, один из духовных заклинателей, утверждал, что из одного из одержимых он изгнал 6500 бесов.

Спустя 20 лет в Лудене, в западной Франции, произошел еще более поразительный случай. В находившемся там женском урсулинском монастыре вспыхнула эпидемия, представлявшая все признаки сатанинского действия. Одна за другой монахини впадали в судорожное

состояние, обнаруживая при этом сверхъестественную физическую силу и изумительную чувствительность; многие произносили богохульные и грязные слова.

Возле монастыря жил аббат Урбен Грандье, известный своим красноречием, но также и безалаберной жизнью. Некоторые из заболевших монахинь повидимому были влюблены в него и, находясь в возбужденном состоянии, произносили его имя. Некоторые из соседей Грандье, находясь с ним в ссоре и будучи опекунами монастыря, обвинили последнего в околдовании молодых женщин.

Епископ из Пуатье взялся за это дело. Было снаряжено следствие, установившее, что при всяком появлении Грандье «одержимые» начинали кричать, обнаруживая все признаки бесноватости. Грандье отчаянно защищался. Он обратился к архиепископу бордосскому, который назначил новое, более тщательное следствие. Отделив монахинь друг от друга, а также устранив от них некоторых монахов, ярых врагов Грандье, следствие обнаружило такие вопиющие дефекты в свидетельских показаниях, что обвиняемый был оправдан и дело прекращено.

Но враги сатаны и Грандье не успокоились. Кардинал Ришелье, имевший повидимому какие-то давнишние счеты с Грандье, послал туда своего уполномоченного, и следствие было возобновлено в третий раз. Монастырь снова наполнился криками, стонами и проклятиями. В конце-концов Грандье, не сознавшийся в приписываемых ему преступлениях даже под ужаснейшими пытками, был повешен и сожжен.

Из этого центра эпидемия стала распространяться дальше; она охватила множество мужских и женских монастырей и даже несколько больших городов на юге и западе Франции. Она продолжалась несколько лет, после чего постепенно затихла, хотя отдельные случаи не прекращались еще долго.

Еще более поразительный пример такой эпидемии мы находим несколько лет спустя среди французских протестантов. Гугеноты, нашедшие себе убежище в Севенских горах от жестокостей Людовика XIV, начали обнаруживать признаки сильнейшего религиозного возбуждения. Среди беженцев, собравшихся во имя бога в диких и пустынных местах, вспыхнула эпидемия, вызванная, по мнению самих гугенотов, всемогущим творцом, а по мнению их противников — сатаной. Мужчины, женщины и дети начали проповедывать и пророчествовать. Толпы народа тряслись, как в лихорадке. Некоторые подвергали себя ужаснейшим пыткам, не испытывая при этом ни малейших страданий. Отправленный против них маршал де Вилье заявил, что он видел город, все население которого было одержимо дьяволом и бегало по улицам, скача и прыгая. Такие случаи, которых наука того времени не в состоянии была объяснить, придавали новую силу теологическим взглядам.

К концу того же века подобного рода массовые явления стали наблюдаться в Америке.

Жизнь первых колонистов в Новой Англии благоприятствовала быстрому росту учения об одержимости, занесенного туда со старой

родины. Окруженные вековыми лесами, имея соседями индейцев, считавшихся детьми сатаны, преследуемые дикими зверями, повидимому посланными злыми духами для мучения избранных, без книг и развлечений, вечно корпя длинными зимними вечерами над библией, которая поддерживала их мрачные взгляды, — они естественно представляли подходящий материал для восприятия идей о темных силах природы.

Страх перед колдовством еще более усиливали в них полные суеверий «ученые» труды, которые приходили к ним из Европы и которыми проповедники пользовались для воздействия на массы. Неудивительно поэтому, что во второй половине XVII в. мы имеем много случаев эпидемий одержимости, имевших место в Бостоне, Спрингфильде, Хартфорде, Кротоне и других городах и кончавшихся нередко смертными казнями.

В 1688 г. одна бедная семья в Бостоне заболела бесноватостью: четверо детей, из которых старшему было 13 лет, начали скакать и лаять по-собачьи или мяукать по-кошачьи и жаловаться, что их щиплют, колют и режут. Чтобы им помочь, одну старую ирландку подвергли пыткам и казням. В это время теологическая теория колдовства получила сильную поддержку в лице Коттона-Матзерса, сына Инкриза. Это был человек больших способностей и знаний, и во многих вопросах он стоял гораздо выше других теологов. Он отрицал божественное происхождение еврейского правописания; он признавал значение прививок как защиты от оспы, в то время как многие теологи и светские ученые противодействовали этому средству; он был сторонником ньютоновой астрономии, несмотря на крики об «атеистическом характере» последней; он выступал против теологической догмы о кометах как «знамениях и чудесах». Он отбросил значительную часть отцовской теологии, но в одном вопросе он никак не мог сойти с теологической точки зрения. Он был большим знатоком библии и хорошо знал, что священное писание определенно признает реальный характер колдовства и бесовской одержимости и считает необходимым наказывать их смертью. Этот свой взгляд он проповедывал в своих выступлениях.

Все эти причины привели к новому взрыву эпидемий в 1692 г. В это время священником церкви в Салеме был некто Самюэль Паррис.

Это был человек, считавший себя более непогрешимым, чем сам папа, имевший сильное пристрастие ко всем церемониям и любивший всюду совать свой нос. Эти черты Парриса вызывали недовольство многих прихожан, и на этой почве возникли дрязги и склоки, которым скучная, лишенная всяких умственных интересов жизнь маленького городка сильно благоприятствовала.

В такой-то атмосфере вдруг открылось, что две молодые девушки в семье Парриса заболели бесноватостью: они стали жаловаться, что их щиплют, колют, режут; они впали в странные судороги и стали произносить странные речи; одним словом, они обнаруживали все признаки бесовской одержимости, описываемые в многочисленных книгах о колдовстве. Обе девушки, спрошенные Паррисом и другими, кто их

околдовал, сначала указали на одну старую индианку, к которой вскоре присоединился ее старый муж. Тут-то открылось для Парриса широкое поле деятельности. Напустив на себя много важности, он потребовал вызова двух судей. В одной из гостиниц был устроен суд, который привлек большую толпу. При приближении обвиняемых одержимые впали в судороги, и когда несчастные старики попытались засвидетельствовать свою невинность, крики одержимых, цитаты из библии, приводимые присутствующими священниками, и угрожающие возгласы толпы заставили их замолчать. Мания вскоре охватила многих детей, а затем перешла и на взрослых женщин, которые стали обвинять множество других лиц. Индианку подвергли побоям, которые наносил сам Паррис, пока она не созналась в сношениях с сатаной; таким же путем вынудили сознание и у других обвиняемых. Эти истерические признания, явившиеся результатом невыносимых пыток или воспоминаниями о видениях, навеянных легендами о всевозможных колдовствах и проповедями того времени, заключали в себе рассказы о полетах через воздух на шабаш ведьм, участии в колдовских служениях, пении дьявольских песен и сатанинском крещении.

Одержимые начали с обвинения старых, бедных женщин, но постепенно, одушевляемые своими успехами, они стали привлекать и более известных лиц. Дело дошло до того, что ни один житель Салема, независимо от своего положения, не чувствовал себя в безопасности и находился под вечным страхом. Многие бежали из города, а некоторые находились всегда в полном вооружении и держали наготове оседланных лошадей, чтобы можно было немедля бежать, как только они услышат, что их обвиняют в колдовстве.

Истерическая изобретательность одержимых не знала пределов. Они утверждали, что видели дьяволов, побуждавших обвиняемых защищаться на суде. Если кто-либо из обвиняемых в отчаянии сжимал свои руки, одержимые делали то же самое; если обвиняемые, взывая к небу, делали какой-либо жест, одержимые немедленно подражали ему; если обвиняемые в тоске опускали свою голову, одержимые опускали также свои, заявляя, что колдунья хочет сломать им шею. Судебный зал был наполнен стонами, криками, молитвами и проклятиями: судьи, присяжные, зрители были в ужасе, и сами обвиняемые нередко настолько теряли голову в такой обстановке, что начинали сами верить в свою вину.

Характерным был во всех этих случаях союз безумия с обманом. Некоторые из колдуний, обвиняемые одержимыми, странным образом принадлежали к числу тех лиц, которые находились не в ладах с салемским духовенством. Другие из обвиняемых были в ссоре с Паррисом. Третьи, наконец, были замешаны в старых процессах против лиц более или менее близких к первоначально заболевшим девушкам. Одно из самых ужасных обвинений, которое стоило жизни одной благородной женщине, возникло только потому, что она одевалась и жила лучше других. Все старые ссоры всплыли наружу, и люди мстили друг другу беспощадно, ибо ведь основа веры всякого фанатика заключается в том, что его враги являются также врагами бога.

Всякому, кто осмеливается сделать малейший намек на недоверие к происходившим процессам, угрожала опасность немедленно быть обвиненным в союзе с сатаной. Мужья и дети попадали таким путем на виселицу только потому, что осмеливались не верить в виновность своих жен и матерей. Некоторые духовные лица были осуждены за то, что старались спасти своих прихожан.

Одна бедная женщина была обвинена в том, что она «бросила взгляд на дом собраний в Салеме, и немедленно дьявол вошел в этот дом и оторвал кусок его». Эта причина отпадения куска плохо прибитой обшивки казалась вполне удовлетворительной как для Коттона Матзерса, так и для судьи и присяжных, и женщина была повешена, несмотря на то, что она настаивала на своей невинности. Другая женщина, принадлежавшая к одному из наиболее почтенных семейств округа, была обвинена в колдовстве. Обвинение покоилось на том, что всякий раз как она приближалась к детям, те начинали волноваться. Никому не приходило в голову, что между Паррисом и семьей осужденной издавна существовала ссора и что вследствие этого дети были предубеждены против этой женщины. На тот факт, что вся ее жизнь была безупречна, не обращено было никакого внимания, и все же отсутствие доказательств заставило судей вынести ей оправдательный приговор. Когда приговор был произнесен, все дети стали кричать и стонать, пока суд вторично не привлек ее. Чтобы оправдать это поведение суда, судья сослался на одно совершенно невинное и вполне естественное выражение, употребленное женщиной на следствии. При вторичном разбирательстве присяжные вынесли обвинительный приговор. Она была осуждена и, будучи приведена в тяжелых оковах в церковь, была торжественно отлучена и передана сатане. Губернатор не хотел утверждать приговора, но нажим духовенства был так силен, что он вынужден был конфирмовать приговор, и женщина была казнена, не переставая настаивать на своей невинности.

Такой же случай произошел со священником, который находился в ссоре с одной могущественной семьей. Так как член этой семьи — двенадцатилетняя девочка — играла большую роль среди одержимых детей, то этот священник, несмотря на его безупречность, был обвинен в околдовании детей, осужден и казнен.

Через некоторое время одна из девочек созналась, что она оговорила несколько человек, в том числе вышеупомянутого священника. Однако это признание не оказало никакого действия. Лица, не желавшие сознаться в приписываемом им колдовстве, подвергались пыткам, при помощи которых исторгались новые признания.

Жестокость преследования достигла своего апогея в случае с Джайлсом Кори. Убедившись, что судьба его предрешена и желая охранить свою семью от преследования, а имущество от конфискации, Кори отказался от показаний; несмотря на его восьмидесятилетний возраст, он был присужден к смерти, и когда в последней агонии у него выпал язык, то шериф своей палкой снова втолкнул его в рот осужденному.

Все делалось для того, чтобы укрепить ортодоксальную точку зрения на одержимость. Когда однажды телега, в которой везли к месту

казни восемь осужденных, сильно застряла в грязи, то некоторые из одержимых заявили, что они видели, как дьявол пытался помешать наказанию своих соучастников. Сознания в колдовстве сыпались одно за другим. Что же касается пути, каким получались эти сознания, то о них свидетельствует следующее безыскусственное показание, сделанное несколькими женщинами.

В ответ на вопрос, почему они, обвиняясь в колдовстве, сделали ложные показания, они заявили:

«Несмотря на то, что мы чувствовали себя совершенно невинными в этом преступлении, мы от ужаса потеряли разум; наши близкие и дорогие родственники, видя это наше ужасное состояние и зная грозящую нам большую опасность и уверенные, что нет другого пути для спасения нашей жизни, из нежной жалости к нам убедили нас сознаться в том, в чем мы сознались. А сознались мы в том, что нам подсказали некоторые господа; они говорили нам, что мы ведьмы, и они это знали, и мы знали, что они это знали, что заставило нас думать, что это так и есть, а так как мы почти окончательно потеряли способность понимать и почти окончательно лишились разума, то мы не в состоянии были судить о нашем положении; точно так же жестокие меры, которые они применяли к нам, сделали нас неспособными защищаться, и мы говорили все, чего они от нас требовали, и большая часть того, что мы говорили, была на самом деле лишь согласием с тем, что говорили они...»

Между тем положение вещей несколько изменилось. Одержимые в своем усердии обвинили несколько человек, пользовавшихся величайшим уважением. Это заставило многих призадуматься. Здесь мы видели повторение того же, что произошло в Германии, когда обвиняемые в колдовстве под влиянием отчаяния или безумия стали обвинять самих епископов и судей. Сторонники разума все более усиливались. Паррису пришлось перейти от нападения к обороне, ибо некоторые из одержимых начали сознаваться, что они ложно оговорили многих осужденных. Духовенство делало отчаянные усилия, чтобы поддержать старые взгляды, но это не могло уже задержать поворота в умах. Многие присяжные торжественно отказывались от своих приговоров и открыто признавали ошибочность их.

Спустя 40 лет после описанных эпидемий в Америке ряд подобных явлений имел место во Франции.

В Германии в это время результаты веры в колдовство оказались значительно более жестокими. В 1749 г. Мария Рената Зенгер, помощница аббатиссы монастыря в Вюрцбурге, была обвинена в околдовании своих монахинь. Здесь повторилась та же история, что в Лудене: женщины, запертые против своей воли, видения сатаны в образе молодого человека, мелкие дрязги и ссоры, таинственный шум и обман, передвигающиеся без видимой причины предметы, истерические крики и судороги и, наконец, пытка, сознание и казнь предполагаемого виновного.

Различные эпидемии такого рода время от времени вспыхивали и в других странах, но, к счастью, они не имели столь ужасных результатов.

2. НАЧАЛО СКЕПТИЦИЗМА

К концу XVIII в. был установлен факт, весьма важный для науки. Было найдено, что душевные болезни можно излечить естественным путем. В 1787 г. произошел знаменательный случай в Ланкшайре. Работница с хлопчатобумажной фабрики положила мышку на грудь другой девушки, сильно боявшейся мышей. Последняя впала немедленно в судороги, которые продолжались двадцать четыре часа. Вскоре после этого три другие работницы были охвачены такими же судорогами, затем еще шесть, затем еще и еще, пока число заболевших не достигло двадцати четырех. Эпидемия эта, о которой стало известно за пределами фабрики, вскоре распространилась на другую фабрику, находившуюся в пяти милях от первой. Больные задыхались, плясали, рвали на себе волосы и бились головой об стены. Народ считал, что это была болезнь, заключавшаяся в хлопке, но местный врач под видом забавы применил к пациенткам электризацию, и болезнь прошла.

В 1801 г. такой же случай произошел в Берлине. Одна девушка впала в сильные судороги. Болезнь оказалась заразительной и распространилась на других, но почти все больные, в конце-концов, вылечились от применения опия, бывшего в то время модным лекарством.

Такого же рода случай имел место в Лионе в 1851 г. В одной мастерской работало шестьдесят женщин. С одной из них после жестокой ссоры с мужем случился сильный нервный припадок. Другие женщины стали выражать ей сочувствие и собрались вокруг нее, как вдруг одна за другой стали падать на землю в таком же припадке. На полу лежало уже двадцать человек, и только то обстоятельство, что оставшихся заставили выйти из помещения, приостановило дальнейшее распространение эпидемии.

Но в то время, как эти случаи в глазах людей науки казались роковыми для теологической теории, огромное большинство таких эпидемий, оставшихся необъясненными, продолжало поддерживать старые взгляды.

В 1853 г. больная девочка в Морзине обратила на себя внимание своими странными поступками; ее заподозрили в том, что в нее вселился бес, и отвезли в Безансон, где она будто бы была исцелена при помощи реликвии, находившейся в тамошнем соборе. Об этом случае, естественно, пошли разговоры среди крестьян, и вскоре такие больные стали появляться все чаще. Морзинский священник пытался успокоить народ, высказывая собственное неверие в такие случаи одержимости. Против него немедленно поднялись крики, особенно среди самих одержимых. Об этом заговорили еще больше, и болезнь стала быстро распространяться. Началось созидание легенд и рассказов о всяческих чудесах, которые распространялись далеко за пределы городка. Про одержимых рассказывали, что они лазали на деревья, как белки, что они обнаруживали сверхчеловеческую силу, что у них оказывался дар языков и они заговорили по-немецки, по-латыни и даже по-арабски, что они излагали исторические события, о которых никогда не слышали, и что они читали тайные мысли окружающих их людей. Одновременно с появлением этих способностей они извергали богохульства

и непристойности, но вдруг наступило чудо, большее, чем все эти чудеса. Без всякой видимой причины эпидемия стала ослабевать, и дьявол исчез.

Вскоре после этого проф. Тиссо, выдающийся член медицинского факультета в Дижоне, посетил это место и начал серию исследований, о которых он впоследствии опубликовал подробный отчет. В нем он рассказывает, что нашел объяснение внезапному исчезновению сатаны. Он открыл, что правительство спокойно удалило одного-двух слишком усердных священников, направило в Морзин полицию для поддержания порядка и отдало приказ рассматривать тех, кто будет действовать слишком бурно, как обыкновенных сумасшедших и направлять в больницу. Эта политика привела к удалению дьявола. Одержимые в большинстве случаев исцелились, и делу, казалось, на этом кончилось.

Но д-р Тиссо застал еще нескольких больных, по исследовании которых он убедился, что они просто страдают истерией. Один из его опытов был особенно любопытен. Чтобы иметь возможность ближе наблюдать пациентов, он приглашал некоторых из них на обед, вливая им в вино или пищу, без их ведома, святую воду; конечно, эта вода не оказывала на больных никакого действия; хотя, когда больные знали о наличии воды, действие ее было весьма заметно. Получив указанным путем большие порции святой воды, одержимые продолжали кричать, что надо изгнать дьявола, а некоторые из них даже впадали в судороги. Было очевидно, что сатана не имел ни малейшего представления, что он принял огромную дозу наиболее действительного лекарства из известных старой теологии.

Наконец, Тиссо опубликовал результаты своих опытов. Со стороны теологии последовал стереотипный ответ. Он напоминал ответ, данный клерикальными оппонентами Галилею, когда тот показал им луны Юпитера, а они ответили, что луны созданы телескопом. Клерикальные оппоненты Тиссо настаивали, что отсутствие действия святой воды на демонов доказывает необычайную хитрость сатаны; что этим враг рода человеческого хотел заставить думать, что его не существует; ради этого он преодолел свое отвращение к святой воде.

Тиссо расследовал также вопрос о необычайной способности к языкам, обнаруженной одержимыми. Что касается немецкого или латинского языков, то дело объяснялось чрезвычайно просто: некоторые из девочек весьма легко могли научиться немногим немецким словам в соседних швейцарских кантонах, где жители говорили по-немецки, или даже в самой Германии; относительно же латыни нетрудно было предположить, что они запомнили несколько слов на этом языке, которые они с детства слышали в церкви. Что же касается арабского, то если больные действительно говорили на нем, то это можно было объяснить сношениями с зуавами или спаги из французской армии. Но Тиссо не удалось установить наличие таких сношений. Поэтому он занялся исследованием этого наиболее поразительного пункта.

После тщательного расследования оказалось, что все чудесные примеры разговоров на арабском языке свелись к одному случаю. Тогда он спросил, имеется ли в городе кто-нибудь говорящий или пони-

мающий по-арабски? Ему ответили, что таких нет. Тогда он спросил, не жил ли здесь раньше такой человек, но и на этот вопрос он получил отрицательный ответ. Тогда он спросил свидетелей, как же они узнали, что язык, на котором говорила больная, был арабский? На этот вопрос он, конечно, не получил ясного ответа. Зато ему рассказали множество историй вроде того, что свинья при виде креста на городской церкви отказалась итти дальше; клерикальные газеты осыпали его самыми ярыми нападками за отказ принять такое доказательство.

Когда Тиссо вторично посетил городок в 1863 г., эпидемия в общем уже прекратилась, а оставшиеся немногие случаи протекали спокойно. Посещение Тиссо вызвало новые споры. Верующие утверждали, что сатана был удален вмешательством святой девы, неверующие же настаивали, что главную роль сыграл страх попасть в больницу.

При таких обстоятельствах появилось извещение епископа о предстоящем его посещении Морзина. Немедленно появилось несколько новых случаев болезни, которая достигла своего апогея с приездом епископа.

Вскоре после этого в дело вмешались общественные власти, пытавшиеся излечить больных от их мании при помощи концертов, танцев и всякого рода спорта. В конце-концов, эпидемию удалось прекратить.

Сцены подобного характера разыгрались совсем недавно в протестантских странах, с той только разницей, что то, что католическое духовенство приписывало сатане, протестантские патеры приписывали богу. Из наиболее крупных проявлений этого рода укажем на эпидемию судорог, прыгания, начавшуюся в методистской часовне и охватившую около 4 тыс. человек.

3. ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ТОРЖЕСТВО НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ И МЕТОДОВ

К счастью, еще задолго до изложенных только-что событий этими болезнями занялась наука, которая стала успешно излечивать таких одержимых. Церковь, как всегда в таких случаях, попыталась отступить на позиции компромисса. В начале XVIII в. появилось новое издание книги иезуита Дельрио, в течение ста лет служившей руководством для духовенства в борьбе с колдовством. В этом издании роль, приписываемая сатане в болезнях, была несколько видоизменена; в книге было высказано предположение, что болезни имеют естественные причины, но для того, чтобы причины могли действовать, необходимо, чтобы сатана вселился в тело человека. В книге этой говорится, что сатана «нападает на умалишенных в полнолуние, когда их мозги полны испарений», что в других случаях он «бередит черную желчь» и что в случаях слепоты и глухоты он опутывает глаза и уши. К концу столетия это объяснение было найдено неудовлетворительным, и в Англии была сделана попытка другого сорта.

В третьем издании Британской энциклопедии в статье «Бесноватые» теологическая точка зрения была выражена следующими словами:

«Реальность бесовской одержимости доказывается тем же путем, что и вся евангельская система в целом».

Хотя это утверждение считалось необходимым для удовлетворения теологических взглядов, все же было признано слишком опасным оставить его без некоторых пояснений. Поэтому в другом месте говорится, что лица, упоминаемые в «Новом завете», «применяли простонародный язык, говоря о тех несчастных, которых считали одержимыми бесами».

Однако наука не хотела примириться ни с одним из этих взглядов, и к концу XVIII в. мы видим, как некоторые врачи излечивают случаи одержимости при помощи сильных рвотных средств. Но и тут теологи пытались примешать свою точку зрения, утверждая, что многие видели, как при действии рвотного изо рта одержимых выходило множество зеленых и желтых чортиков. Последний случай проявления старого взгляда имел место в Англии в 1788 г. Возле Бристоля жил в то время пьяница-эпилептик Джордж Лукинс, занимавшийся нищенством. Он утверждал, что он «одержим», доказывая это прыганьем, криками, лаем и т. д.

Его торжественно ввели в храм, и семеро священников соединили свои усилия, чтобы изгнать из него злого духа. В ответ на заклинания, направленные против него, сатана клялся адом, что он не выйдет из человека, но семеро священников одержали верх и изгнали семь бесов, после чего Лукинс удалился на покой, получая, повидимому, пенсию в качестве живого памятника теологического милосердия.

Это было последнее проявление старой теории в Англии. Везде наука одержала полную победу. Это конечное торжество науки наступило во второй половине XIX в. В области душевных заболеваний было сделано множество ценнейших открытий, установивших все многообразие форм этих болезней. Одновременно ряд ученых занялся изучением этого рода явлений и в прошлом, и таким образом с душевных болезней был снят всякий сверхъестественный покров.

ГЛАВА XV.

ОТ ВАВИЛОНСКОЙ БАШНИ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЛОЛОГИИ.

1. ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ БОГОСЛОВСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Среди наук, сыгравших роль клина, вбитого в тяжелую массу теологической ортодоксии, большое значение имеет сравнительная филология. В одном отношении история этой науки сильно отличается от других, а именно — это единственная наука, выводы которой теологи, в конце-концов, приняли полностью, как свои собственные.

Уже на очень ранней ступени культуры люди начинали задавать себе вопросы относительно языка: ответы на эти вопросы, естественно, запечатлелись в мифах, легендах и рассказах священных книг.

Первыми из этих вопросов были следующие три: «Откуда возник язык?», «Каков был первый язык?», «Как возникло различие языков?».

Ответ на первый вопрос был весьма прост: каждый народ, естественно, полагал, что язык был ему дан прямо или косвенно его собственным специальным или национальным божеством; халдеи получили его от Оанеса, египтяне — от Тота, евреи — от Ягве.

Еврейский ответ выражен полностью в библии. Ягве разговаривает с Адамом, который его прекрасно понимает; змей разговаривает с Евой и вполне понят ею; Ягве проводит животных перед Адамом, который каждому дает имя. Таким образом, было ясно, что язык дается богом в полном и развитом виде. О том, что язык является результатом длительного процесса развития, составители наших священных книг не имели ни малейшего подозрения.

Такой же простотой отличался ответ и на второй вопрос. Подобно тому, как каждый народ верил, что его главное божество является «богом над всеми богами», подобному тому, как каждый народ считал себя «избранным народом»,—так каждый народ верил, что его собственный язык является первым из всех остальных языков.

Ответ на третий вопрос представлял значительно больше трудностей. Естественно, что объяснение различия языков часто давало повод для возникновения довольно сложных легенд.

Когда люди не знают естественных причин вещей, они просто приписывают их проявлению чьей-то воли, аналогичной их собственной. Таким образом, они получают теорию, которая временно занимает место науки, и эта теория образует основу для теологии.

Для объяснения существования различных языков была привлечена божественная воля. Так как разноязычие создавало неудобства, то его приписывали воле гневного божества. Чтобы объяснить этот гнев, считали, что он был вызван человеческим грехом.

Такого рода объяснения, естественно, вызвали к жизни множество мифов и легенд на эту тему. Из них наиболее ранними являются мифы о Вавилонской башне, найденные в вполне законченной форме в халдейских сказаниях.

Найденные в конце XIX в. среди ассирийских руин надписи, текст которых был полностью расшифрован и восстановлен, раскрыли перед нами как этот миф, так и многие другие библейские сказания в их самой первоначальной форме.

Библейская история о Вавилонской башне, подобно многим другим священным рассказам, заключала в себе различные элементы. Слово «Вавилон» (bab-el) означает «ворота бога» или «ворота богов». Все ученые-филологи сходятся в этом обозначении данного слова. Между тем еврейский глагол «смешивать» несколько напоминает слово «babel». Этого было достаточно, чтобы евреи поставили в связь эту башню со смешением языков и включили этот рассказ в свои священные книги.

Библейский рассказ об этом, как известно, сводится к следующему.

Сыны земли, на которой существовал лишь один язык, пожелали построить город и в нем башню, верхушка которой достигала бы неба. Бог, опасаясь, как бы люди не добрались до его местопребывания, спустился на землю, смешал язык строителей, дабы они не могли понимать друг друга, и таким образом дальнейшая постройка башни должна была прекратиться.

В этом виде рассказ лишь весьма незначительно отличается от первоначальной халдейской формы, которую мы находим в ассирийских надписях. Рассказ этот возвращает нас к тому веку, когда люди верили, что боги обитают на видимом небе, и когда предполагалось, что Иегова для полного ознакомления с башней должен был спуститься с неба на землю.

Что касается действительных причин постройки башен, которые представляют характерную черту халдейской архитектуры, то ученые исследователи все согласны между собой в том, что они представляли собой части храмов и имели целью служить местом астрономических наблюдений, которые имели огромное значение для халдейского хозяйства.

Разрушения таких построек объясняются действием воды. Об этом свидетельствует одна надпись, в которой говорится о процессе разрушения башни, отождествляемой археологами с Вавилонской.

Весьма поучительно сравнить с рассматриваемым нами мифом в

его первоначальной халдейской форме различные другие легенды, созданные для объяснения той же разноречивости языков. Индусская легенда о смешении языков говорит следующее:

«В центре земли росло чудесное «дерево мира», или «древо познания». Оно было столь высоко, что почти достигало неба. Оно сказало в сердце своем: «Я буду держать свою голову на небе и распространю свои ветви над всей землей и соберу всех людей под свою сень и буду защищать их и не дам им отделиться друг от друга». Но Брама, чтобы наказать гордость дерева, отрезал его ветви и бросил их вниз на землю и ввел различия в вере, речи и обычаях людей, дабы рассеять их по земле».

Еще более поразительна мексиканская легенда: по ее словам, гигант Кселул построил великую пирамиду Чолуло, чтобы добраться до неба; боги разгневались на его дерзость, зажгли постройку и превратили ее в развалины, после чего каждая семья получила свой собственный язык.

Такого рода мифы получили широкое распространение по всей земле. Хорошо известную форму легенды, напоминающую больше халдейскую, чем позднейшую еврейскую, мы находим у греков. Согласно этой легенде, алоиды нагромоздили гору Оссу на Олимп и Пелион на Оссу, стараясь достигнуть неба и лишить трона Юпитера.

Несколько иную форму мы находим у Платона. Он говорит, что в золотом веке люди и животные говорили на одном языке, но Зевс смешал их языки, так как люди возгордились и стали требовать вечной молодости и бессмертия.

Само собой разумеется, что на христианство наибольшее влияние оказала та версия халдейской легенды, которая получила развитие среди евреев и попала в их священные книги.

Так появился ответ на третий вопрос относительно языка. Все три ответа, запечатленные в священных книгах евреев, создали для христианской церкви основу для теологического развития филологии. Эта теория стала быстро развиваться в атмосфере невежества и религиозности первых веков христианства и превратилась в правоверную теорию языка, упорно державшуюся в христианстве в течение почти 2 тыс. лет. С этой теорией всякая наука должна была под страхом строжайшего наказания согласовывать свои выводы.

Конечно, проблески правильных научных взглядов на филологию появлялись уже издавна. Лукреций предложил теорию конечно неправильную, но все же представлявшую какой-то намек на истину. Природа, говорил он, побуждала человека испытывать языком различные звуки, и таким образом были даны названия вещам. Нечто подобное мы наблюдаем, когда неспособность говорить заставляет детей пользоваться жестами. Что касается «отцов церкви», то только один Григорий Нисский стоял в этом вопросе на точке зрения, отличной от теологии. Все остальные основатели христианской теологии, поскольку им приходилось высказываться по этому вопросу, стояли на той точке зрения, что первоначальный язык, на котором говорил бог и который он передал людям, был еврейский, а из последнего при разрушении

Вавилонской башни развились остальные языки. Это учение особенно поддерживали Ориген, св. Иероним и св. Августин.

Против таких авторитетов взгляды Григория Нисского конечно не могли играть большой роли. Несмотря на то, что Григорий Нисский очень упорствовал в этом вопросе, не только возражая своим противникам, но высмеивая их, перевес получили Ориген, Иероним и Августин, и учение последних упрочилось в церкви на многие века.

Эта идея пустила корни в различных направлениях и принимала самые разнообразные формы. Все ученые знают теперь, что гласная пунктуация в еврейском языке возникла лишь между II и X вв., в средневековой же церкви ее скоро стали рассматривать как часть великого чуда, как произведение правой руки всемогущего творца, и вплоть до XVIII в. не допускалось ни малейшего сомнения в божественном происхождении этих раввинских прибавлений к тексту. Усомниться в том, что эти точки были вычернены рукой самого бога, значило впасть в ужасную ересь.

Серия битв между теологией и наукой в области сравнительной филологии открылась как раз на этом пункте, на первый взгляд столь незначительном, а именно по вопросу о непосредственном божественном происхождении раввинской пунктуации. Первым выступил с опровержением божественного происхождения этих гласных знаков и ударений повидимому испанский монах Ваймунд Мартин в своей книге «Pugio Fidei» (Кинжал веры), которую он опубликовал в XIII в. Но учение его исчезло в волнах теологического океана и очевидно не оставило следов. В течение следующих трех столетий теологическая доктрина господствовала безраздельно.

Реформация с ее приверженностью к букве писания конечно явилась опорой теологической теории языка. Существовала твердая вера, что рукой писавших библию водил сам бог, и поэтому считалось, что не только смысл, но и самые слова, буквы и даже пунктуация исходили от святого духа. Только по вопросу о происхождении еврейской пунктуации происходили споры среди теологов, принимавшие иногда весьма жаркий характер. Стали указывать, что этой гласной пунктуации не существовало в синагогальных списках, в еврейской библии, что об ней не упоминается в талмуде, и она повидимому не была известна св. Иерониму. На этом основании некоторые люди осмелились высказывать предположение, что пунктуация не входила в состав языка, первоначально переданного богом Адаму. Особенно настаивал на этом Цвингли, у которого сторонники позднейшего происхождения еврейской пунктуации долгое время находили прибежище.

Однако огромное большинство теологов как католической, так и протестантской церкви принимало ортодоксальную теорию полностью. Взгляды католиков получили полное развитие в каноне Марини, появившемся в Венеции в 1593 г. под заглавием «Новая сокровищница священного языка», который начинается заявлением, что еврейский язык явился в результате «божественного откровения в самом начале мира», при чем подчеркивается, что это откровение относится не только к буквам, но и к пунктуации.

Только в XVII в. появился ученый, который открыто выступил против этого учения. Это был Капелл, профессор еврейского языка в Сомюре. Но и он не осмелился выступить со своей книгой во Франции, и ему пришлось издать ее в Голландии, хотя и здесь ему для этого нужно было преодолеть не мало помех.

Многие ученые, в том числе и Гуго Гроций, признали, что книга Капелла окончательно решает этот вопрос. Но многие теологи увидели в этом покушение на святость и целость священного текста, и в 1648 г. Джон Бэксторф младший выступил с книгой, в которой повторяет все «ученые» доводы в пользу учения, утверждавшего, что раввинская пунктуация была начертана десницей самого бога. Несмотря на то, что в пользу этой теории высказался во Франции Боссюэ и ее поддержал ряд теологов в других странах, победа оказалась на стороне Капелла, и все попытки вырвать ее из его рук оказались тщетными. Вопрос о происхождении еврейской пунктуации был решен раз и навсегда.

2. ВТОРАЯ ФОРМА СВЯЩЕННОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Борьба однако была вскоре перенесена на более широкое поле. После того как теологии пришлось отказаться от учения о божественном происхождении пунктуации еврейского языка, теологи с тем бо́льшим упорством стали отстаивать неприкосновенность остальной части учения о языке, а именно, что еврейский язык был первым языком, что именно на нем говорил всемогущий творец, что ему он научил Адама, что именно он был передан миру через Ноя после потопа и что от «смешения языков» произошли все остальные языки.

Эпоха Возрождения и Реформация вызвали в XV и XVI вв. новый интерес к изучению еврейского языка. В результате старая теологическая теория о роли и происхождении еврейского языка получила новое подкрепление. Все ранние исследователи еврейской филологии, начиная от Рейхлина, подтверждают божественное происхождение и чудодейственную роль еврейского языка. Его иначе и не называют как «священный язык — «sancta lingua». В 1506 г. Райхлин, сам преследуемый частью теологов за некоторые свои несогласные с официальной церковью взгляды, говорил о еврейском языке, как о языке, которым говорили «уста божьи».

Эта идея была популяризирована в издании Margarita Philosophica, опубликованном в Страсбурге в 1508 г. Эта книга, представлявшая собой в дальнейших своих изданиях зеркало человеческих знаний конца средних веков и начала нового времени, содержит любопытное указание по вопросу о еврейском языке. Этот язык, говорится там, был тем первоначальным языком, на котором «бог разговаривал с человеком и люди с ангелами»; здесь же указывается, что скрижали завета, которые Моисей получил от бога, были написаны по-еврейски и что сам христос, избрав себе матерью еврейскую девушку, сделал этот язык своим материнским.

В 1538 г. Постилл сделал весьма важную попытку сравнительного изучения языков, но исходил он при этом из теологической предпосылки, что все языки произошли из одного источника, а именно еврейского. Естественно, что сравнительная филология, построенная на такой основе, должна была привести к бесконечным нелепостям. Делались самые отчаянные усилия сводить все к священному языку. Появились английские и латинские словари, в которых каждое слово сводилось к еврейскому корню. Никакое предположение не казалось слишком абсурдным, если только оно имело целью создать указанную связь. Цель, которую преследовали все эти ученые филологи, заключалась не в создании правильной классификации языков и открытии истинного источника их происхождения, но в доказательстве того, что заранее считалось необходимым поддержать как священную истину, а именно, что все языки произошли от еврейского.

Это стремление дает себя чувствовать в работах всех ученых того времени. В XVI в. швейцарский ученый Конрад Геснер говорит: «В то время как из всех языков еврейский является первым и самым древним и один только представляет собой язык чистый и несмешанный, все остальные являются языками смешанными, ибо не существует языка, в котором не было бы слов еврейского происхождения». Такого же рода заявления мы встречаем и у других теологов.

Только два диссонанса можно отметить в этом многочисленном единодушном хоре. В Англии Придо и в Америке Коттон Матзерс, о котором мы уже неоднократно упоминали, не были согласны с господствующей теорией.

Но эти разногласия не оказали никакого действия, и в начале XVIII в. священная теория, покоющаяся на библейских текстах, стояла, казалось, так прочно, как никогда. В каждой стране она построила себе такие крепости, которые считались совершенно неприступными для отдельных ученых, не соглашавшихся с нею. А за этими крепостями стояли армии духовенства и верующих, готовые биться за священную теорию до конца. И все же как раз в этот момент судьба теологического учения была решена. Прошло немного лет от периода этого величайшего торжества теологии, как гарнизоны всех этих неприступных крепостей теологии оказались в безнадежном смущении, а стоявшие за ними армии — в полном отступлении, а спустя короткое время все эти крепости уже перешли в руки представителей научной филологии.

Мы сейчас расскажем, как это произошло.

3. ПОРАЖЕНИЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Со времени Реформации изучение языков было излюбленным занятием в руководящих кругах всей западной церкви—католической и протестантской. Прежде всего к этому изучению их побуждало важное значение понимания древних языков, на которых сохранились священные книги, и церковные миссионеры дали много материала для рас-

ширения этого изучения, равно как и для применения того сравнительного метода, который оказался столь плодотворным в филологии так же, как и в других науках. Поэтому наиболее крупным представителям теологии пришлось очень рано познакомиться с основными принципами филологии. Что же касается соответствующих выводов из этих положений, то конечно здесь теология себе не изменила и с большим упорством долгое время отказывалась делать их.

Голоса в пользу научной теории языка сначала конечно звучали слабо. В 1661 г. профессор Готтингер из Гейдельберга, выступая в защиту священной теории языка, вместе с тем указывает, что в одних языках сходства с еврейским больше, чем в других. Готтингер объясняет это тем, что смешение языков было двоякого рода: полное и частичное; арабский и халдейский, по его мнению, подверглись лишь частичному смешению, египетский же, персидский и все европейские—полному. Таким образом мы здесь слышим уже новую ноту—идею о группировке и классификации языков—идею, которой суждено было позже окончательно убить священную теорию языков. Но, повторяем, эта новая нота звучала слабо, и мы уже видели, что до самого конца XVIII в. теологическая теория господствовала безраздельно.

Но тут начали появляться люди, положившие конец этому торжеству навсегда. Первым выступил против теологической теории Лейбниц. Он заявил: «У нас так же мало оснований признавать еврейский язык первоначальным языком человечества, как принять точку зрения Горопия, который опубликовал в 1580 году в Антверпене труд, где доказывал, что языком, на котором говорили в раю, был голландский». В письме к Тенцелю Лейбниц пишет: «Называть еврейский язык первоначальным языком это все равно, что называть ветви дерева первоначальными ветвями, или вообразить, что в какой-либо стране вместо деревьев могут расти срубленные стволы». Далее он спрашивает: «Если первоначальный язык существовал во времена Моисея, то откуда взялся тогда египетский?»

Выступление Лейбница не ограничивалось одними общими соображениями. Он широко применял индуктивный метод в изучении языков, всячески старался собирать словари и грамматики всех тех языков, с которыми приходили в соприкосновение миссионеры и путешественники. Таким путем ему удалось положить начало трем крупнейшим коллекциям этого рода — русской императрицы Екатерины II, испанского иезуита Лоренцо Гервас и позже «Mithridates» Аделунга. Екатерина проявляла большой интерес к своей коллекции лингвистических материалов и по ее просьбе Вашингтон поручил своим губернаторам и генералам собирать для отсылки ей материалы со всех мест Америки. Труд Герваса охватил период от 1735 до 1809 г.; будучи миссионером в Америке, Гервас расширил свой каталог языков до шести томов, которые были опубликованы в Испании в 1800 г. и содержали образцы более трехсот языков и свыше сорока грамматик. Гервас с особой тщательностью определил границы семитической группы языков и в качестве одного из выводов своей обширной работы заявил, что различные языки человечества не могли произойти от еврейского.

В Германии в это время работал Аделунг. Он собрал молитву «Отче наш» почти на 500 языках и наречиях, сравнительное изучение которых положило в самом начале XIX в. решительный конец влиянию теологической теории.

Надо отметить, что период, непосредственно следующий за Лейбницем, был периодом теологического хаоса. Он начался с выступления Лейбница и кончился лишь с началом изучения санскрита во второй половине XVIII в. и со сравнительным изучением материалов коллекции Екатерины, Герваса и Аделунга. Старая теория о том, что первоначальным языком был еврейский, была разбита, но взамен ее никакой определенной теории не было создано. История Вавилонской башни продолжала мешать научным исследованиям в области филологии в течение всего XIX в. Любопытной иллюстрацией к этому факту может служить книга лорда Нельма «Происхождение и элементы языка», в которой автор утверждает, что одновременно со смешением языков произошло отделение Америки от Европы. Другой автор, Джонс, пытался доказать, что первоначальным языком был кельтский, благополучно переживший столпотворение. Одновременно целый ряд теологов фанатически взывали к церкви о поддержке старой теории, столь существенной для сохранения библейских положений. Но теология уже предвидела невозможность сохранения старой теории и пыталась отдельными уступками вступить в компромисс с наукой. Скоро однако стало ясно, что этих уступок недостаточно. Вторая половина XVIII в. знаменует собой блестящее развитие французской материалистической философии и энциклопедистов, выступление на сцену английских деистов и появление ряда германских мыслителей, как Гердер, Кант и Лессинг. Попытки отстоять теологическую точку зрения, которые делались время от времени отдельными теологами, конечно, не имели никакого успеха.

4. ТОРЖЕСТВО НОВОЙ НАУКИ

В 1784 г. в Калькутте было основано азиатское общество и началось деятельное изучение санскрита.

Небольшая группа ученых, посвятивших себя этим исследованиям, сразу была признана теологами смертными врагами всей священной теории языка. Открытие санскрита не только разрушало догму о происхождении разноречивых языков от вавилонского столпотворения, но и угрожало такой же опасностью положению о божественном происхождении языка, ибо стало очевидно, что такое огромное разнообразие наречий могло возникнуть только путем естественного развития.

Поэтому теологи стали употреблять героические усилия, чтобы дискредитировать новое учение. Некоторые говорили, что открытие санскрита вообще основано на обмане и что брамины создали его из греческого и латинского словарей. Другие просто объявили все разговоры о санскрите махинациями сатаны.

С другой стороны, более осторожные теологи пытались спасти хоть что-нибудь от старой теории. Они старались доказать, что если еврейский язык и не был первоначальным языком, то он по крайней мере был родственен этому последнему. Но тут они натолкнулись на возражение весьма авторитетного в христианском мире ученого Вилиама Джонса, который писал: «Я высказываю свое твердое убеждение, что язык Ноя безвозвратно потерян».

Точно так же и в Германии последовало полное признание новой истины. Фридрих Шлегель полностью принял открытие старого языка и литературы Индии и прекрасно понял все значение этого открытия для филологии. Он впервые установил принятую впоследствии всеми группировку языков Индии, Персии, Греции, Италии и Германии в одну индо-германскую языковую семью.

Стало ясно, что старые теологические догмы о происхождении языка оказались совершенно ложными и что правы были Лукреций и Григорий Нисский.

Но это не было единственным крушением для теологии. В течение ряда веков теологи обращали внимание всего мира на изумительный подвиг Адама, заключавшийся в том, что он дал название всем животным, которых творец провел перед ним, предлагая принять историю языка в свете этого подвига. Ранние «отцы церкви», средневековые схоластики, крупнейшие религиозные вожди эпохи Реформации, католики и протестанты, — все были единодушны в этих вопросах.

Вся эта теория однако рассеялась в прах, когда было найдено, что для этих животных существовали другие и более ранние названия, чем те, которые были им даны на еврейском языке. Особенно стала ясна мыслящим людям бессмысленность библейской теории, когда в Египте стали открывать изображения животных с их гиероглифическими именами, относящиеся к периоду несравненно более раннему, чем признанная всеми церковными хронологами дата сотворения мира.

Смертельный удар получила также другая часть священной теории. С вопросом о происхождении языка был тесно связан также вопрос о происхождении письмен. Ранние писатели считали, что письмена также представляют собой дар Адаму от бога, но в XVIII в. теологи склонялись к мысли, что дар этот был дан Моисею. Этого взгляда придерживался св. Иоанн Златоуст; в этом же духе высказался выдающийся теолог XVIII в. Джон Джонсон, говоря, что «Моисей первый научился буквам на скрижалях завета».

Но и эта теория происхождения письмен была осуждена на гибель так же, как и остальные части священной теории. Работы в области сравнительной филологии, основывавшиеся на изысканиях в Индии, начали подкрепляться фактами, относящимися к надписям в Египте, к клинописи Ассирии, легендам Халдеи и фольклору Китая, в священных книгах которого говорилось, что животные получили свои названия от Фоги (Fohi), при чем они даны были с такой мудростью и предвидением, что каждое название включало в себе природу соответствующего животного.

Но, несмотря на то, что старая теория была обречена на гибель, героические усилия поддержать ее не прекращались. В 1788 г. такую

попытку сделал Джемс Витти, заявивший, что новая теория филологии «принижает нашу природу» и что учение о естественном развитии языка обязано своим происхождением просто красоте поэзии Лукреция.

Вскоре в защиту старой теории происхождения языка вступил еще и другой теолог, доктор Адам Кларк. Он проявил такую же суровость по отношению к филологии, как и к геологии. В 1804 г. в качестве президента Манчестерского филологического общества он произнес речь, в которой заявил, что люди всех исповеданий имеют право вступать в общество, за исключением лишь тех, кто «отвергает божественное откровение, нарушает покой мирных людей, смущает неискушенные умы сомнительными рассуждениями и старается свести с пути мирного и разумного подчинения ничего не подозревающих сограждан...»

Цель этого выступления была чрезвычайно проста. Она сводилась к тому, чтобы выдающиеся филологи, в роде Вильяма Джонса, Кольбрука и их соратников, не вступали в Манчестерском филологическом обществе в споры с Адамом Кларком по вопросу о санскрите и на другие подобные темы, где они были в курсе всех современных им знаний, в то время как Кларк был полнейшим невеждой в этих вопросах.

Во Франции в течение первой половины XIX в. была пущена в ход еще более тяжелая артиллерия. Во главе защитников теологической теории стали три крупных церковника — де Местр, де Бональд и Ламене. Утверждение Кондиляка, что «языки приобретаются постепенно и незаметно и что в этом общем деле участвует каждый человек», они отвергали при помощи цитат из «Книги бытия». Своими насмешками над научной теорией особенно отличался де Местр.

Но и им не удалось остановить прогресс мысли. В то время как во Франции они, казалось, сметали все на своем пути, исследования ученых в области филологии, работавших в Сорбонне и Коллеж де Франс, подводили мины под последнюю крепость теологии. Любопытно отметить, что Сорбонна, бывшая в течение многих столетий опорным пунктом теологии, стала в XIX в. центром новой научной мысли. Но наиболее сильное расстройство внес в ряды борцов за теологию переход в ряды научных борцов самого Ламене, который пренебрег ради этого кардинальской шапкой и не испугался папской анафемы.

В Германии филологическая наука заняла такое твердое положение, что позиции ее были признаны неприступными. Такие ученые, как братья Шлегели, Вильгельм Гумбольдт и прежде всего Франц Бопп и Яков Гримм, придали такую силу научным положениям, что никто не мог им больше противостоять. Не говоря о других победах, укажем лишь на доказательство великого закона филологии, носящего имя Гримма и сделавшего очевидным для всех мыслящих людей, что эволюция языка не была предопределена философскими рассуждениями Адама, но совершалась в полной согласованности с естественными законами.

В то время как к середине XIX в. теория естественного происхождения языка получила на континенте полное признание, в Велико-бри-

тании пользовалось большим влиянием старое теологическое учение, несмотря на то, что наиболее выдающиеся ученые в области филологии были англичанами. Руководители каждой английской церкви и секты соперничали друг с другом в отрицании филологической науки и в поисках других объяснений происхождения языка.

Но вскоре и здесь наступила новая эпоха. Д-р Уайзмен, впоследствии вестминстерский архиепископ, вступил на путь, обычный для представителей церкви в последних стадиях борьбы ее с наукой. Путь этот заключается в том, что представитель церкви признает все выводы науки, а затем старается убедить себя и других, что церковь всегда принимала эти выводы и принимает их сейчас как «добавочные доказательства истины священного писания».

Некоторое жонглирование словами, небольшое смешение текстов, преднамеренные кое-какие пропуски, незначительные воображаемые выводы — и дело сделано. После выступления Уайзмена прежнее безоговорочное отрицание выводов науки стало уже неудобно и для самих теологов, и последние стремились спасти хотя бы некоторую видимость своей позиции.

Конечно, попытки вернуться к старым взглядам не прекращались и после этого. Наиболее абсурдная попытка такого рода принадлежит Австралии. В 1857 г. в Мельбурне была издана книга некоего Аткинсона под заглавием: «Торжество истины, или популярная лекция о происхождении языков». В этой книге автор начинает с утверждения, что «еврейский язык был первоначальным языком, от которого произошли все остальные». Интересны также мотивы посвящения его книги: «Будучи убежден, — говорит он, — что литературные люди должны кормиться сильными мира сего, я посвящаю настоящее произведение «его превосходительству сэру Баркли, бывшему в то время губернатором Виктории».

В заключение отметим еще сравнительно недавнее выступление Гладстона. Со свойственной ему способностью уверовать в то, во что ему хочется верить, — способность, которую он однажды уже показал, связывая трезубец Нептуна с учением о троице, — Гладстон перескакивает легко через все затруднения первоначальной легенды о вавилонском столпотворении и через все завоевания науки и высказывает положение о результатах филологии, с которым ни один филолог не мог бы согласиться, и окончательно утопает в облаках риторики. Надо признать, что в лице Гладстона мы имеем последнего могикана старых взглядов.

5. ВЫВОДЫ

Мы считаем не лишним дать краткое резюме истории всей борьбы.

Во-первых, что касается происхождения речи, то мы вначале видим, как вся церковь упорно придерживается учения, что первоначальным языком был еврейский; что этот язык, даже включая средневековую раввинскую пунктуацию, был непосредственно внушен богом; что бог сам обучил Адама этому языку в своих беседах с ним;

и что все другие языки произошли от еврейского после «вавилонского столпотворения».

Далее мы видим, как части этой теории постепенно теряют свою силу; теория божественного происхождения раввинской пунктуации начинает исчезать; Адам уже не обучается языку непосредственно богом, но «вдохновляется» им.

Затем наступает третья стадия — теологи стараются создать компромисс.

Наконец, в новое время полное господство приобретает научная теория, в основе которой лежит мысль, что язык является результатом эволюционного процесса, совершающегося согласно законам, более или менее твердо установленным. Таким образом Вавилонская башня заняла полагающееся ей место среди священных мифов.

Во-вторых, что касается происхождения письма, то мы видим, как наиболее выдающиеся теологи сначала настаивали, что бог научил Адама писать; затем мы видим, как они постепенно отступают от этой позиции, но настаивают, что мир был обучен письму Ноем. Вынужденные оставить и эту позицию, они стали настаивать, что бог обучил письму Моисея. Однако с прогрессом науки теологи перешли к утверждению, что письмо было изобретено Моисеем; за этим последовало новое отступление, и теологи стали развивать мысль, что письмо было изобретено в эпоху после Моисея. В конце концов теология отступила по всему фронту и сдала все позиции, и только время от времени появляются отдельные мрачные фигуры, пытающиеся примирить легенду о «вавилонском столпотворении» с современной наукой.

В 60-х годах XIX в. мы наблюдаем последнюю стадию теологической защиты — стадию, которую мы встречаем в истории почти всякой науки, после того как последняя пробила себе путь сквозь теологический барьер, и которая состоит в утверждении церкви, что она всегда была согласна с выводами науки, которые только конкретизируют общее положение церкви.

Можно только удивляться ловкости рук и казуистике теологов, делающих такого рода заявления. Насколько такие заявления лишены всякого основания, можно видеть, из того факта, что еврейский язык не только не является первоначальным и древнейшим на земле, но не представляет собой даже древнейшей формы семитической группы языков, к которой он принадлежит. «В настоящее время, — говорит один из крупнейших авторитетов в этой области, — считается общепризнанным, что по своему грамматическому строению арабский язык сохраняет несравненно больше первоначальных форм, чем еврейский или арамейский».

История, этнология и филология с неумолимостью привели нас к выводу, что рассказ о смешении языков и «вавилонском столпотворении» является мифом. Вместе с тем установлено, что развитие языка, как и все в природе, представляет собой естественный эволюционный процесс.

ГЛАВА XVI.

ОТ БОЖЕСТВЕННОГО ОТКРОВЕНИЯ К НАУЧНОЙ КРИТИКЕ.

1. ДРЕВНЕЙШИЕ ТОЛКОВАНИЯ ПИСАНИЯ

Священные книги всех народов представляют большой интерес, так как они отражают в себе жизнь человечества того периода, когда они создавались. Конечно все они заключены в оболочку многочисленных, веками наслаивавшихся мифов и легенд, разобраться в которых стоило науке не мало труда. Следующий пример наглядно свидетельствует о том, как создавались легенды вокруг самых естественных явлений.

В III в. дохристианской эры еврейские ученые Александрии, бывшей тогда центром человеческой мысли, затеяли греческий перевод главнейших книг «Ветхого завета». В то время и в том месте ничего не могло быть более естественного, чем такой перевод. Тем не менее вокруг такого, казалось бы, простого дела возник целый ряд мифов и легенд. В первой своей стадии легенда об этом переводе гласила, что занимавший тогда египетский трон Птоломей по просьбе своего главного библиотекаря послал за переводчиком в Иерусалим; что еврейский первосвященник Елеазар послал Птоломею наиболее ценную из хранившихся в храме копию священного писания вместе с шестью самыми почтенными, набожными и учеными представителями от каждого из двенадцати колен израилевых; что таким образом число переводчиков совпало с таинственными семьюдесятью двумя названиями бога и что соединенными усилиями этих семидесяти двух переводчиков создан был чудесный совершеннейший перевод.

В дальнейшем легенда эта стала расцвечиваться новыми красками. Согласно новому варианту, Птолемей приказал каждому из семидесяти двух переводчиков сделать самостоятельный перевод всего «Ветхого завета» и запер каждого из них в отдельную келью на острове Фаросе, пока они не закончили полностью перевода; дальше легенда рассказывает, что каждый переводчик закончил свою работу ровно в семьдесят два дня и что когда по истечении семидесяти двух дней

все семьдесят два перевода были между собой сравнены, то оказалось, что они абсолютно совпадают. Это будто бы ясно показывало, что бог одобряет этот перевод.

Таковы были легенды по поводу этого перевода, созданные теми евреями, которые относились положительно к переводу. Евреи же, которые оставались верными старым традициям, смотрели на этот перевод, как на профанацию, и среди них возникла легенда, что, когда перевод был окончен, всю землю охватила тьма, продолжавшаяся три дня. Это, по их мнению, явно свидетельствовало о недовольстве иеговы.

Если такие легенды вырастали в период, считавшийся весьма просвященным, то нетрудно представить себе, какая была почва для возникновения всяческих мифов и легенд на более ранних ступенях развития человечества, когда люди все объясняли чудом и не имели никакого представления о законе.

К этому надо прибавить, что всякий народ всегда считал свои священные книги самыми точными по изложению, самыми глубокими по смыслу и самыми совершенными по форме. Исходя из этого, он приходил к заключению, что его священные книги единственные в мире, что только они одни являются божественным откровением и что священные книги всех других народов, также претендующие на это, являются подлогом и обманом.

Естественным результатом такого убеждения является наконец тот взгляд, что когда священные книги данного народа приняли определенную форму, то форма эта считается окончательной и из нее нельзя отнять ни одной буквы. Даже явные ошибки, если они освящены традицией, нельзя изменять.

Интересный пример, иллюстрирующий последнее положение, представляет следующий факт.

Во второй половине XIX в. группа английских теологов предприняла пересмотр английского перевода библии. Старый перевод изобиловал ошибками и, казалось бы, в интересах самих церковников было скорее исправить эти ошибки, тем более что новые переводчики были верующими христианами, придерживавшимися самых реакционных теологических взглядов.

Не успели однако переводчики окончить свое дело, как на них посыпались со стороны почти всего духовенства нападки и осуждения, и до сих пор в Англии, в Америке, в Австралии предпочтение отдается старому переводу, сделанному в XVII в.

Далее следует отметить следующее. Когда какая-либо группа священных книг отливается в одну систему, то эта группа считается одним нераздельным целым, в котором отдельные положения отдельных частей каким-то чудодейственным образом в точности совпадают между собой и каждое положение в отдельности и все вместе буквально соответствуют действительным фактам и в то же время полны скрытого смысла.

Все эти особенности в развитии священной литературы особенно ярко выражены в больших раввинистических школах, процветав-

ших в Иерусалиме, Тивериаде и других местах после возвращения евреев из вавилонского плена и особенно в период появления христианства. Эти школы развили такую утонченность в изучении «Ветхого завета», которая производит впечатление почти сверхъестественной. В результате мы получили огромную систему жонглирования словами, фразами и числами, ставшую в конце-концов «священной наукой» с различными признанными отделами, в которых толкование иногда основывалось на приписывании буквам числовых значений, иногда — на перестановке букв из различных алфавитов, иногда — на созидании новых текстов из начальных букв старых, при чем все это проделывалось со все увеличивающейся утонченностью.

Яркое выражение эта система нашла в высказанном раввинистическими школами утверждении, что всякое место в законе имеет семьдесят различных значений и что сам бог ежедневно посвящает три часа изучению их.

Нетрудно представить, к каким положениям должен был привести такой метод изучения священных книг. В качестве примера приведем учение о том, что плетка, которой следует наносить тридцать девять ударов нарушившему закон, должна быть сделана из кожи вола и кожи осла, а в качестве доказательства именно такого изготовления плетки приводится текст: «Вол знает хозяина своего и осел — ясли господина своего», и иегова потому и предписывает приготовлять указанным образом плетку для нарушающих закон, «дабы люди, которые не знают (своего хозяина), были бы биты теми животными, знание которых должно их пристыдить».

Когда теологи начинают убеждаться, что буквальное толкование священных текстов теряет свой смысл благодаря росту науки, то они начинают искать убежища в мистических толкованиях. Это мы наблюдаем во всех религиях — от браминов, ищущих скрытых смыслов в ведах, до Платона и стоиков, пытающихся найти таинственный смысл в греческих мифах, и от Суфи, открывшего новое значение текста корана, до крупнейших христианских теологов XIX в., придающих сверхъестественный смысл самым простым утверждениям библии.

Все это вполне естественно. Когда наивные рассказы составителей священных книг, в полном согласии со взглядами своего времени, заставляют Браму совершать жестокости, которые заставили бы содрогнуться разбойника, Юпитера — принимать участие в приключениях, достойных дон Жуана, а иегову — прибегать к жульничеству, жестокости и несправедливости, предусмотренным любым уголовным кодексом, то понятно, что, когда взгляды людей изменились, для спасения авторитета священной литературы пришлось прибегать к аллегориям.

Первым крупным мастером в этом деле был Филон, доставивший большое удовлетворение и евреям и христианам. Он стал применять метод аллегорий, как никто до него. Четыре потока райского сада стали у него четырьмя добродетелями; страна Авраама и родственники, которых он должен был оставить, стали человеческим телом и его членами; пять городов Содома — пятью чувствами и т. д. и т. п.

По мнению Филона и его последователей в самых незначительных словах и фразах — и даже особенно в них — скрывалось самое глубокое значение.

Вполне понятно поэтому, что Филон, пропитанный греческой культурой и вскормленный благочестивыми традициями вещаний оракулов в Дельфах и Додоне, почтительно отзывался о еврейских священных книгах как о «прорицаниях».

Стремясь связать эти прорицания с наукой, Филон стал предтечей того длинного ряда теологов, от Августина и Козьмы до Гладстона, которые пытались извлечь из библейских мифов и легенд сведения по естественным наукам. Так, Филон утверждал, что золотые подсвечники в скинии были символом планет, одеяние первосвященника — символом вселенной, колокольчики на этом одеянии — символом гармонии между сушей и водой. Таким же образом Козьма, спустя тысячу лет, утверждал, что стол в скинии указывал на форму и строение вселенной, а Гладстон, спустя еще тысячу лет, высказывал предположение, что трезубец Нептуна имеет таинственную связь с христианским учением о троице.

Эти методы толкования были полностью перенесены с «Ветхого завета» и на «Новый», и в трудах ранних «отцов церкви» они расцвели пышным цветом.

Юстин-ученик и Климент Александрийский сильно способствовали их развитию. Так, Юстин в простой ссылке Исаии на Дамаск, Самарию и Ассирию умудрился открыть явное пророчество о восточных волхвах, принесших дары божественному младенцу, а в колокольчиках на одежде первосвященника — представление о двенадцати апостолах.

Работая в том же духе, Климент Александрийский нашел в форме, размерах и цвете еврейской скинии целый клад для толкований: алтарь представляет землю, помещенную в центре вселенной, одежда первосвященника — видимый мир; драгоценности на этой одежде — зодиак, а трехдневное путешествие Авраама к горе Мория — три стадии, которые проходит душа на своем пути к познанию бога. Истолковывая «Новый завет», он устранял все затруднения, связанные с чудом насыщения 5 тыс. человек ячменным хлебом и рыбами, предположением, что истинный смысл этих чудес заключается в том, что Иисус при помощи закона и философии подготовлял человеческий род к восприятию евангелия; ибо, как говорит он, ячмень, подобно закону, созревает раньше пшеницы, представляющей евангелие, и подобно тому как рыбы живут в волнах океана, так философия развивается в волнах языческого мира.

Из таких и тому подобных рассуждений Козьма, как мы видели в одной из предыдущих глав, развил полную теологическую теорию географии и астрономии.

Но наиболее сильным орудием толкователей было таинственное значение, которое придавалось некоторым числам. Современная ассириология и египтология открыли главный источник этого направления мысли; хорошо известны нам также рассуждения Платона по это-

му поводу; но то, что мы видели в этой области у евреев и у первых христиан, превосходит самое дикое воображение жрецов Мемфиса и Вавилона.

Филон нашел для объяснения библии особенно глубокое значение в числах четыре, шесть и семь; но другие истолкователи вскоре превзошли его. В самом начале эта таинственная сила была применена для установления числа канонических книг священного писания. Иосиф утверждал, что так как в еврейском алфавите имеются двадцать две буквы, то число священных книг «Ветхого завета» должно равняться двадцати двум; другие еврейские авторитеты предполагали, что книг должно быть двадцать четыре, так как стража храма состояла из двадцати четырех человек. Гилярий из Пуатье утверждал, что книг должно быть двадцать четыре по числу букв греческого алфавита. Ориген видел главный довод в пользу существования четырех евангелий в том, что существуют четыре стихии. Ириней настаивал, что число евангелий может быть не больше и не меньше четырех, потому что земля имеет четыре стороны, воздух — четыре ветра и херувимы — четыре лица; а тех, кто отказывался признавать эти доводы, он наградил эпитетами «пустых», «невежественных», «наглых» людей.

В первой половине III в. на сцену выступил Ориген, сыгравший огромную роль в закреплении на многие века этой системы толкований. Исходя из ошибочного перевода одного стиха из «Книги притч», Ориген положил в основу своего учения идею о тройном смысле священного писания: буквальном, моральном и мистическом, что вполне соответствовало представлению Платона о троякой природе человека. В результате мы имеем такие утверждения его в роде основанного на пятом стихе XXV главы «Книги Иова», что звезды представляют собою живые существа, или что общеизвестное место в двенадцатой главе евангелия Матфея свидетельствует в пользу самооскопления. Но особенно отличился Ориген в области аллегорического метода. Он превратил библию в собрание прорицаний или, вернее, в книгу загадок. Список царей в «Ветхом завете» превращается у него в перечисление грехов; каменные кувшины при бракосочетании в Кане обозначают буквальный, моральный и духовный смысл священного писания; осел, на котором спаситель совершил торжественный въезд в Иерусалим, превращается в «Ветхий завет» и так далее в том же духе.

Влияние Оригена на последующих теологов было огромно. Св. Иероним назвал его «величайшим учителем церкви после апостолов»; так же выражается о нем и Афанасий.

Работу Оригена продолжали руководители церкви в последующие века. На этом поприще не мало потрудились св. Гилярий из Пуатье и св. Иероним. Что касается Августина, то он целиком стал на сторону этого метода. Особенное наслаждение находил Августин в раскрытии смысла священного писания в мистической силе чисел. Он рассказывает нам о глубоком смысле, скрытом в библейском применении числа сорок и особенно в качестве числа дней, требуемых для поста. Сорок, — говорит он, — это четырежды десять. Четыре же — это число,

специально представляющее время, ибо и день и год распадаются на четыре части; что же касается десяти, то это число, состоя из трех и семи, означает знание творца и его творений, ибо три — это троица, воплощение трех лиц в триедином творце, семь же означает соединение трех элементов — сердца, души и ума — с четырьмя элементами — огнем, воздухом, сушей и водой, что вместе составляет творение. Поэтому число десять, означающее знание, будучи помножено на число четыре, означающее время, напоминает нам о необходимости жить в течение времени согласно со знанием, т. е. поститься в течение сорока дней.

Основываясь на таких рассуждениях, сильно напоминающих бред сумасшедшего, Августин заявляет, что «незнакомство с числами мешает нам понять такие вещи в священном писании». Одним из наиболее поразительных примеров его рассуждений этого рода представляют замечания Августина по поводу 153 рыб, пойманных, согласно евангелию Иоанна, апостолом Петром и другими апостолами. Приведем кое-что оттуда. В 153 рыбах, говорит он, скрыта тайна; число десять, соответствующее числу заповедей, означает очевидно закон; но так как закон без духа только убивает, то мы должны прибавить семь даров духа; таким образом мы должны получить число семнадцать, означающее старые и новые заветы; прибавив же к числу семнадцать сумму чисел от одного до семнадцати, мы получим число 153.

Надо сказать, что аллегорические рассуждения Августина основывались не на одних только числах; он нередко проявляет меньшую глубину и другими путями. Так, по его словам, осуждение змея на питание землей означает грех любопытства, ибо, питаясь землей, он проникает в темное и неясное, а ноев ковчег «был осмолен смолой внутри и снаружи», чтобы показать безопасность церкви от проникновения в нее ереси.

Укреплению этих методов в христианской церкви сильно способствовал далее Григорий Великий. В своем известном труде о книге Иова «Magna Moralia» он сильно подчеркивает мистический смысл утверждения, что у Иова было семь сыновей. По его словам семь сыновей означают двенадцать апостолов, ибо «апостолы были отобраны семикратной милостью святого духа; кроме того, двенадцать происходит от семи, а именно от умножения друг на друга трех и четырех, составных частей семи». Глубокий смысл он находит также в числе апостолов, ибо это число происходит от умножения числа лиц в троице на число частей света. Надо отметить, что у Григория появляются иногда замечания, не лишенные здравого смысла. Так, ссылаясь на одно место в первой главе «Книги Иова», где говорится об ослах, пашущих землю и о находящихся рядом с ними ослах, принимающих пищу, он с огорчением говорит, что это означает две группы христиан: волы — это энергичные христиане, работающие на пользу церкви, а ослы — это ленивые христиане, занимающиеся только кормежкой.

Таким образом были заложены основы теологических толкований библии. Творцами этого метода были, как мы видели, палестинские раввины и александрийские эллинизированные евреи, а вместе

с ними и четверо авторитетнейших «отцов церкви»: Ориген, Августин, Иероним и Григорий. В течение десяти последующих столетий этот метод упрочился и стал излюбленным способом толкования священного писания.

Антиохийская школа, представленная Иоанном Златоустом, пытавшаяся итти другим путем, была решительно отвергнута руководителями церкви.

В IX в. были сделаны две попытки выступления против господствующей системы. Первая попытка исходила от лионского епископа Агобарда. С той же прозорливостью, с какой он возражал против обманов и безумий обожествления икон, преследования колдовства, ордалий и «божьего суда», он выступил против бесплодности аллегорического метода толкования библии. «Если, — спрашивал он сторонников этой системы, — вы раз вступили на этот путь, то кто может измерить те абсурды, к которым вы впоследствии придете?»

Другим противником этого метода выступил Скот Эригена. Он указывал, что «отцы церкви», несмотря на весь свой авторитет, часто противоречат друг другу в своих толкованиях и что для разрешения этих противоречий необходимо прибегать к помощи разума.

Но эти попытки оказались тщетными. На Агобарда не обратили никакого внимания, а труд Эригены был осужден, как «комментарий дьявола». Спустя 400 лет Гонорий III приказал сжечь его как «изобилующий ядом наследственной развращенности», и наконец спустя восемь веков папа Григорий XIII поместил его в индекс, где он и остался до сих пор на ряду с многими другими произведениями, неугодными теологии.

Не больше успеха имел и Абеляр, сделавший подобную же попытку спустя три столетия после Агобарда и Эригены. Судьба Абеляра общеизвестна.

Таким образом полное господство приобрела система аллегорического толкования священных книг. На этот путь встали Беда, Альфред Великий и Фома Аквинский. Особенно яркое выражение получила эта старая система толкования в проповедях Саванароллы в 90-х годах XV в. на исходе средних веков.

Возрождение наук в XV в. вызвало к жизни новое течение и в этой области. Впервые внес дух современного критицизма в библейские исследования Лоренцо Валла. При помощи истинно научных методов он доказал, что знаменитое «письмо христа к Абгару» представляет собой подлог, что «дарение Константина, являющегося одной из основ светской власти духовенства», представляет собой обман; что «апостольский символ веры» является творением, созданным спустя несколько веков после жизни апостолов. Еще большее значение имеет его работа по «Новому завету», в которой он предвосхищает современный метод сравнения рукописей для установления истинного характера текста.

В то время как Валла открыл новый путь для исследования библии в Италии, на севере Европы появился человек, сыгравший несравненно большую роль в деле подрыва и уничтожения старой си-

стемы толкования библии. Это был Эразм со своим изданием «Нового завета».

Однако усилия Эразма критически отнестись к библейскому тексту встретили, казалось, непреодолимые затруднения. На одном из них мы несколько остановимся. Он нашел, как и некоторые другие до него, что знаменитый стих в пятой главе первого послания Иоанна является интерполяцией. Тщательное исследование всех ранних рукописных списков доказало, что в них указанный стих отсутствовал. Даже после того, как библия была исправлена в XI и XII вв. «в соответствии с ортодоксальной верой», стиха этого все еще не было даже в самых авторитетных латинских рукописях. Не было ни малейших оснований верить в аутентичность текста, наоборот, было с несомненностью доказано, что после всеобщего молчания ортодоксальных «отцов церкви», старых вариантов писания и всех важнейших рукописей, стих этот впервые появился в катехизисе веры, составленном каким-то неизвестным автором в конце V в. В виду всех этих данных Эразм в первых двух изданиях своего греческого завета выпустил этот стих. Результаты не заставили себя ждать. В Англии Ли, впоследствии архиепископ йоркский, в Испании Стуника, один из издателей библии на многих языках, во Франции Бюде, синдик Сорбонны, вместе с огромной армией монахов всех стран набросились на Эразма с величайшей яростью. Он был осужден Парижским университетом, и многие его заявления были объявлены еретическими и нечестивыми.

К счастью, он оказался вне пределов досягаемости для своих преследователей, иначе его постигла бы та же судьба, что и его ученика Беркена, которого в 1529 г. сожгли в Париже.

Судьба этого поддельного текста может служить яркой иллюстрацией к тому, с каким упорством теология отстаивает каждую бессмыслицу в священном писании. Хотя Лютер в своем переводе «Нового завета» выпустил это место и не позволял вставлять его ни в одну копию в течение своей жизни и хотя многие выдающиеся христианские ученые утверждали, что этот текст не имеет никакого права на место в библии, все же после смерти Лютера он был снова вставлен в немецкий перевод, и во все дальнейшие издания последнего за исключением одного. Точно так же вошло это место и в официально признанные английской и шотландской церковью тексты.

Столь же неприязненно были встречены и другие новые истины, возвещенные Эразмом. Его утверждение, что «некоторые из посланий, приписываемых Павлу, принадлежат несомненно не ему», вызвали бурю негодования, хотя в настоящее время это является общепризнанной истиной.

Реформация только усилила систему слепой веры в буквальную и историческую достоверность всякого библейского утверждения, в глубокий аллегорический смысл простейших текстов и даже в божественное происхождение гласной пунктуации. Реформация, отвергнув авторитет папы и вселенской церкви, с тем большим успехом уцепилась за непогрешимость священных книг.

Весьма характерно отношение к этому вопросу Лютера. Обычно он упорно придерживался буквального толкования священного писания; об этом ярко свидетельствуют его доводы против Коперника. Однако время от времени он отступал от этой точки зрения. Так, некоторые места «Ветхого завета» он понимал в смысле, отличном от того, какой им придавал «Новый завет», а аллегорическое толкование Павлом истории Сары и Агари он объявил «слишком противоречащим здравому смыслу». Он так же решительно отрицал, что Павел был автором послания к евреям. Его суждение о послании св. Иакова общеизвестно. Он открыто заявил: «Я не считаю его апостольским посланием и не включу его в канонические книги своей библии».

Под влиянием Лютера Меланхтон, обычно понимавший библию в весьма буквальном смысле, иногда отступал от этой точки зрения, но эти отступления ни в малейшей степени не носили характера принципиально отрицательного отношения к старому методу толкования. Лютер и Меланхтон неукоснительно отстаивали самую дикую и самую бессмысленную систему толкования, когда это, казалось им необходимым для поддержки тех или иных положений реформированной церкви. Оба они твердо придерживались принципа: сначала учение принять, а потом уже искать для него доказательств в библии. Для иллюстрации отношения Лютера и Меланхтона к этому вопросу мы приведем пример, весьма для них характерный.

В 1523 г. Лютер и Меланхтон опубликовали совместный труд под заглавием «Папский осел» (Der Papstesel). Книга эта была посвящена истолкованию значения якобы появившегося незадолго до того в водах Тибра чудовища, похожего на осла. Как самый текст книги, так и многочисленные яркие иллюстрации, сопровождавшие текст, имели целью показать, что чудовище это является «божьим знамением», предвещающим гибель папства. По мнению авторов, этих двух основателей германского протестантизма, голова осла означала самого папу, «ибо, — говорили они, — папа так же мало подходит для руководства церковью, как мало подобает ослиной голове возглавлять человеческое тело». Этот довод подкреплялся текстом из «Книги исхода». Правая рука чудовища, которая будто бы была похожа на ногу слона, должна означать духовное правление папы, так как «при помощи этого правления он попирает ногами все слабое», это утверждение доказывается ссылками на «Книгу Даниила» и второе послание Тимофея. Левая рука чудовища, похожая на руку человека, должна означать светское правление папы; для доказательства этого положения они приводят цитаты из «Книги Даниила» и евангелия Луки. Правая нога, похожая на ногу быка, должна означать слуг по духовной линии; в доказательство приводится цитата из евангелия Матфея. Левая нога, подобная лапе гриффона, символизирует слуг светской власти папы, а сильно развитая грудь и другие члены — кардиналов, епископов, священников и монахов, «жизнь которых проходит в обжорстве, пьянстве, разврате»; это положение подкрепляется цитатами из второго послания к Тимофею и послания к филиппийцам. Рыбная чешуя на плечах, бедрах и шее чудовища должна

означать светских князей и властителей, «ибо, — говорят авторы, — у Матфея и Иова море является символом мира, а рыбы — людей». Голова старика у основания позвоночника чудовища означала, по их толкованию, «конец папства»; доказательством служит ссылка на послание к евреям и «Книгу Данийла». Дракон, извергающий огонь из своей пасти, является символом «ужасных вредоносных булл и книг, выпускаемых ныне в свет папой и его слугами». Далее авторы утверждают, что так как чудовище было найдено в Риме, то оно может иметь отношение только к папе, «ибо, — говорят они, — бог посылает всегда свои знамения в тех местах, к которым эти знамения должны относиться». Из всех этих данных авторы выводят заключение, что конец папства близок.

Успех такого метода толкования был столь велик, что Лютер, услыхав, что возле Фрейбурга родился какой-то уродливый теленок, опубликовал по этому поводу трактат, в котором доказывает при помощи многочисленных ссылок на псалмы, Исаию, Даниила и евангелие Иоанна, что это новое чудовище является произведением рук дьявола, но что оно вместе с тем имеет глубокий смысл для разрешения спорных вопросов между реформистами и старой церковью.

Другая главная ветвь реформированной церкви, казалось, склонна была стать на другой путь; но общее усиление теологии и влияние германских реформистов вскоре одержали верх, и кальвинисты, так же как и лютеране, упорно защищали старую точку зрения. Неудивительно поэтому, что когда в конце XVII в. Веций, профессор в Утрехте, заявил: «В священом писании нет ни единого слова, не исключая и пунктуации, которое не было бы продуктом божьего откровения в самом строгом смысле этого слова», то это заявление было подхвачено огромной армией теологии в лице священников, епископов, синодов и соборов.

Как бы для усиления этой системы в католической церкви появилось учение о том, что латинский перевод библии, приписываемый Иерониму, также явился результатом божественного откровения. Руководители католической церкви настаивали, что этот перевод был в такой же мере продуктом божественного откровения, как и еврейский оригинал. Некоторые доходили до того, что утверждали, что там, где еврейский оригинал и латинский перевод между собой расходятся, то преимущество должно быть отдано латинскому переводу, ибо последний, сделанный при новом откровении, должен быть лучше, чем еврейский текст, явившийся результатом старого откровения.

Фанатическая приверженность к букве священного писания не ограничивалась одной Западной Европой. В середине XVII в., в царствование Алексея Михайловича, патриарх Никон занялся исправлением старославянских священных книг. Это вызвало возмущение почти всего православного духовенства и темных народных масс, находившихся под его влиянием. А монахи Соловецкого монастыря заперли ворота и никого не хотели пускать к себе, так что монастырь пришлось осадить при помощи военных сил, и только после семи лет борьбы его удалось покорить. До сих пор еще на ряду с ортодоксальным

православием продолжает существовать секта старообрядцев или староверов, не признающая никоновских книг.

Таким образом к началу XVIII в. эта система библейского толкования упрочилась настолько, что, казалось, нигде не удастся сломить ее и открыть истинный характер священных книг. Однако в то самое время, когда господство этого метода достигло высшей силы, началось движение научной мысли, которое быстро подготовило полное разрушение всего этого веками воздвигавшегося теологического здания.

К концу XIX в. от всех этих теологических аллегорий и мифов не осталось и следа.

2. НАЧАЛО НАУЧНОГО ТОЛКОВАНИЯ

В основе всей системы старого теологического толкования библии лежат некоторые положения, касавшиеся первых пяти книг «Ветхого завета». Считалось установленным, что они были продиктованы Моисею богом около 1500 лет до христианской эры; что некоторые части из них были написаны собственноручно иеговой и что все они не только излагали мысли иеговы, но что ему же целиком принадлежала и форма выражения этих мыслей. Далее вселенская церковь признавала, что в то время, как каждый рассказ или утверждение в этих книгах представляет собой точное изложение исторического или научного факта, весь текст вместе с тем содержит множество скрытых смыслов. Все эти положения считались церковными догмами, и ни один христианин не имел права подвергать их сомнению.

«Книга бытия» считалась всеми единственным божественным и точным объяснением происхождения вселенной и начала жизни на земле; с этим объяснением должны были быть согласованы все открытия во всех областях науки. В английских странах такое положение вещей продолжалось до самого конца XIX в. Один из наиболее выдающихся английских биологов рассказывает, как на каждом шагу своей естественно-научной работы он наталкивался на барьер с надписью: «Нет прохода. Моисей».

Излюбленной темой теологического красноречия было совершенство «Пятикнижия» и особенно «Книги бытия», при чем не только в качестве памятника прошлого, но и как откровения будущего.

В протестантской церкви этот взгляд достиг своего апогея в книге «Pansophia Mosaica» Пфейффера. Он говорит, что текст «Книги бытия» должен приниматься строжайшим образом, что «Книга бытия» содержит все знание — божественное и человеческое, что в ней можно найти 28 статей Аугсбургского исповедания веры, что она заключает в себе арсенал доводов против всех сект и всех видов атеистов, против евреев, турок, татар, папистов, кальвинистов, социалистов и баптистов; что она является источником всех наук и искусств, в том числе юриспруденции, медицины, философии и риторики, «источником и квинтэссенцией всех историй и всех профессий, торговли и промы-

слов»; «выставкой всех добродетелей и пороков», «источником всякого утешения».

Спустя сто лет такого рода взгляды развивал во Франции Гюэ. Он цитирует сотню авторов, духовных и светских, чтобы доказать, что автором «Пятикнижия» был Моисей, что от еврейского законодателя ведет свое происхождение вся языческая теология, и что фактически под именами Вакха, Адониса и Аполлона почитался Моисей.

Около середины XII в. появился, как мы теперь знаем, первый противник этой общей теории. Это был Ибн-Эзра, один из величайших библейских ученых средних веков. Он осмелился в весьма скромной форме обратить внимание на некоторые места в «Пятикнижии», несовместимые с верой в то, что все «Пятикнижие» написано Моисеем и передано им нам в своей первоначальной форме. Это его мнение основывалось на тех хорошо известных ныне текстах, которые в XIX в. привели исследователей библии к убеждению, что содержание самого «Пятикнижия» опровергает авторство Моисея; сюда относится рассказ о смерти и погребении самого Моисея, а также ссылка на имена и события, имевшие место лишь в эпохи после Моисея.

Но Ибн-Эзра не имел повидимому никакой склонности к мученичеству, свои сомнения он приписал какому-то равви, жившему до него, и, облекши свое положение в форму загадки, прибавляет: «пусть тот, кто разгадает ее, держит язык за зубами».

В течение четырех столетий ученый мир старательно следовал последнему совету Ибн-Эзры и только в XVI столетии появились двое исследователей — один католик, другой протестант, — воскресивших идею Ибн-Эзры. Первый из них, Карлштадт, утверждал, что автор «Пятикнижия» неизвестен и установить его нельзя; второй, Андрей Мас, выразил свои мысли в форме, которая в настоящее время была бы приемлема для самого ортодоксального человека: он заявил, что «Пятикнижие» было издано Эзрой и в процессе издания в него было внесено множество внушенных богом слов и фраз для разъяснения смысла. С обоими новаторами разделались очень быстро. Карлштадта за эти и другие беспокойные идеи заставили с полного одобрения протестантской церкви замолчать, а книга Маса была помещена в индекс запрещенных католической церковью книг.

Но, возвращаясь к эпохе возрождения и великих открытий, мы видим, что, несмотря на все кажущееся могущество церкви, на сцену стали выступать новые люди с новыми методами работы, которые в конце-концов должны были привести к полному свержению господства теологических взглядов.

В течение XVI в. эти новые люди дали сильный толчок развитию критических методов в области исследования библейской литературы. На двух из них мы несколько остановимся.

В течение многих веков в церкви огромным авторитетом пользовались так называемые «Исидоровы декреталии». Они заключали в себе массу канонов, папских писем, постановлений соборов и т. п. за период от времени апостолов до VIII в.; все эти документы били в одну точку, имея целью подкрепить и обосновать претензии церковной иерархии

Но вот в XV в. Николай Кузанский стал настаивать на необходимости проверить документы и после тщательного исследования открыл в них множество анахронизмов и полное смешение имен и событий.

В течение некоторого времени церковь делала отчаянные усилия, чтобы скрыть эти факты. Лица, настаивавшие на них, встречали сильное недовольство со стороны церковных властей и нередко подвергались жестоким преследованиям, а книги их попадали в индекс. Наоборот, те, кто отрицал их, поощрялись церковью вплоть до награждения кардинальской шапкой. Но все это было напрасно. Все новые и новые исследователи раскрывали все яснее искусство «отцов церкви» в области подделки документов с целью укрепить и сохранить власть духовенства.

В это время новое открытие нанесло удар теологии. В течение более тысячи лет теологи придавали очень большое значение писаниям, приписываемым Дионисию Ареопагиту афинянину, обращенному в христианство апостолом Павлом. В виду того, что автором их предполагался столь близко стоявший к апостолу человек, писания эти считались наиболее ценным дополнением к священному писанию. Существовало поверье, что когда Павел вернулся на землю, после того как он был вознесен на третье небо, он открыл Дионисию все, что он там видел. Вот почему изложенные в писаниях Дионисия разнообразные картины небесной иерархии и ангельского служения на небесах оказали такое сильное действие на вселенскую церковь; его десять посланий к Иоанну, Титу, Поликарпу и др., относящиеся к самому раннему периоду христианства, считались сокровищем священной истории. Восточный император посылает их к западному в качестве драгоценнейшего царского подарка. Скот Эригена переводит их, Фома Аквинский занимается их толкованием, Данте восславляет их, Альберт Великий утверждает, что все имеющиеся в них сведения действительно сообщены Павлом и внушены ему святым духом. Подлинность этих документов подтверждалась «отцами церкви», папами, соборами и всей вселенской церковью.

Но в свете эпохи возрождения все это сокровище оказалось мусором. Один исследователь за другим стали доказывать, что все эти документы в огромном большинстве поддельны. Чтобы не приводить других доказательств, укажем лишь на тот факт, что писания Дионисия постоянно ссылаются на учреждения и события, которые возникли лишь значительно позже эпохи Дионисия. В конце-концов писания Дионисия, так же как и декреталии Исидора, должны были быть признаны подложными.

Таким образом, создалась атмосфера критицизма, шедшего на смену атмосфере безмолвной веры во все, что исходило из рук духовенства. Созданию этой новой атмосферы значительно способствовали, как мы видели выше, выступления Валлы и Эразма.

Естественно, что в такой новой атмосфере идеи Ибн-Эзры, высказанные им за много столетий до того, снова ожили, и мы видим, как они получают дальнейшее развитие в середине XVII в. у Гоббса в его

«Левиафане» и у Ла-Пейрера в его «Преадамитах». Результаты их выступлений скоро дали себя знать. Гоббс за этот и другие грехи был объявлен отщепенцем, и даже политическая партия, которая сильно в нем нуждалась, отказалась от него. Что же касается Ла-Пейрера, то он за эту и другие ереси был посажен в тюрьму, где его держали до тех пор, пока он не отрекся полностью от своих еретических взглядов; кроме того книга его была опровергнута семью теологами в течение года после ее появления, а затем на протяжении одного поколения на нее было написано тридцать шесть подробных ответов, а парижский парламент постановил публично сжечь ее.

В 1670 г. появился «Tractatus Theologo-Politicus» («Богословско-политический трактат») Спинозы. Последний взялся за этот вопрос весьма почтительно, но с большой твердостью. Выдвигая новые доводы и суммируя старые, он с величайшей точностью доказал, что Моисей не мог быть автором «Пятикнижия» в их настоящем виде; что в этих книгах имеются вставки и пересмотры; что библейские книги развились как целая литература; что содержание их не может быть признано божественным; что, изучая их, люди были введены в заблуждения, принимая человеческие мысли за божественные мнения; что пророческий дар не был особенностью одного только еврейского народа; что искать в священных книгах знания естественных и духовных явлений — это величайшая ошибка; что между «Ветхим заветом» и «Новым заветом» существует глубокое различие, не только с литературной точки зрения, но и с точки зрения заключающихся в них учений. Что касается автора «Пятикнижия», то Спиноза пришел к выводу, что оно было написано много лет после Моисея, но что Моисей, возможно, написал несколько книг, из которых библия была скомпилирована; кроме того многочисленные повторения и противоречия в различных книгах свидетельствуют как о невнимательном отношении к их изданию, так и о разнообразных первоначальных источниках.

Хотя книга Спинозы вышла в нескольких изданиях, она повидимому оказала слабое действие на современников. Но для самого Спинозы результаты оказались весьма плачевными. Он был отвергнут, как еретик, и евреями и христианами: первые предали его публичной анафеме, а вторые видели в нем предвозвестника антихриста. Все это однако не помешало Спинозе спокойно отдаться своим размышлениям и писаниям и заниматься тем физическим трудом, которым он себя содержал. Он отвергал все предлагаемые ему почести, в том числе и профессорскую кафедру в Гейдельберге, и спокойно умер в кругу своих немногочисленных друзей, не видя никаких результатов от своего учения, кроме ненависти к себе.

Эта ненависть к Спинозе сохранилась у теологов надолго. Когда в 1880 г. зашла речь о сооружении памятника Спинозе в Амстердаме, то с синагогальных амвонов и церковных кафедр поднялись одновременно предостерегающие голоса, предсказывавшие гнев божий за такую профанацию; а когда памятник был закончен, то пришлось прибегнуть к помощи полиции для защиты статуи от повреждений со стороны разъяренных церковников.

Идеи Спинозы все еще дожидались признания. Особенно яркое отражение получили они в трудах Лессинга («Воспитание мира» и пьеса «Натан Мудрый»).

Ту же самую эволюцию мысли мы наблюдаем и во Франции. В течение многих поколений ученые знали, что в тексте священного писания имеется множество ошибок. Роберт Стефенс нашел свыше двух тысяч вариантов в старейших рукописях «Ветхого завета», а в 1633 г. Жан Морен указал на наиболее яркие из них. Спустя семнадцать лет Капелл в своей книге «Критика священных книг» показал, что не только библейская пунктуация гласных не есть продукт божественного откровения, но и сам еврейский текст, с которого сделаны все современные переводы, полон ошибок, обязанных своим происхождением небрежности, невежеству и слепому усердию первых переписчиков, и что никакого чудесного сохранения «первоначальных автографов» священных книг не существует.

Вскоре появилась «Критическая история Ветхого завета» Ришара Симона, в которой автор отрицает, что Моисей написал «Пятикнижие», и доказывает, что эти книги были составлены значительно позже Моисея различными лицами, а изданы еще позже. Он доказал также, что другие части «Ветхого завета» были заимствованы из более старых источников, и выступил против теории, что еврейский язык был первоначально языком человечества. Хотя книга Симона была пропущена цензурой в 1678 г., однако, когда Боссюэ увидел ее заглавие и прочитал страницу из предисловия, он страшно возмутился, заявив, что она «полна богохульства и атеизма», и немедленно же добился приказа о задержании книги и сожжении всего издания. К счастью, несколько экземпляров удалось спасти, и через несколько лет она была издана в Голландии, а спустя еще два года появился английский перевод ее.

За первым трудом Симона последовали другие. Боссюэ обрушился на него со всяческими преследованиями, Симон был удален со службы. Однако это не помешало появлению ряда других писателей, подхвативших и развивших идеи Симона. Среди последних одно из первых мест занимает Леклерк. Изгнанный из Женевы, он нашел убежище в Амстердаме, где опубликовал ряд трудов о еврейском языке, о толковании священного писания и других подобных вопросах. В них он выступил против учения о еврейском языке как о первоначальном языке человечества, выразил мысль, что библейское название бога «Элогим» (форма множественного числа) указывает на халдейский политеизм (многобожие), а при обсуждении рассказа о змее и соблазненной им Еве он указывает, что лишение змея конечностей и пресмыкающийся способ передвижения его не может считаться наказанием, ибо это соответствует естественным условиям жизни животного. Он выразил также сомнение в правильности объяснения смешения языков историей Вавилонской башни, в разрушении Содома, обращении жены Лота в соляной столб и разделении Красного моря. Что касается «Пятикнижия» в целом, то он решительно отрицал авторство Моисея.

Вполне естественно, что весь теологический мир обрушился на Леклерка с бешеной злобой. Католики и протестанты соперничали друг с другом в выступлениях против него и преследованиях его. В результате они добились полуотречения Леклерка от своих идей.

В 1753 г. появилась книга, сыгравшая большую роль в истории критических исследований библии. Это была книга доктора медицины Астрюка «Предположения о первоначальных источниках, которыми пользовался Моисей при составлении Книги бытия». В этой книге автор впервые указывает, что «Книга бытия» представляет собой смесь отрывков из различных старых писаний, среди которых ясно выделяются два главных рассказа. Каждый из этих двух рассказов характеризуется особым названием для бога: «Элогим» и «Иегова». Это два совершенно различных рассказа, различающихся между собой и ходом мыслей и формой выражения; каждый из этих двух рассказов представляет собой в отдельности нечто целое и последовательное, и только смешением их объясняются повторения и противоречия «Книги бытия», которые так долго смущали умы благочестивых исследователей библии.

Книга Астрюка встретила, само собой разумеется, самое враждебное отношение со стороны теологического мира как католического, так и протестантского. Хотя Астрюк выступил против Спинозы в защиту того, что автором «Пятикнижия» был Моисей, однако это ему очень мало помогло и не изменило отношения к нему теологов. В Германии против Астрюка с особенной яростью выступал знаменитый протестантский теолог Михаэлис.

Конечно даже для Михаэлиса со всей его теологической ученостью оказалось невозможным опровергнуть доводы Астрюка. Интересно отметить, что не кто иной, как один из учеников Михаэлиса Эйхгорн больше других способствовал развитию и укреплению идей Астрюка. Эйхгорн вместе с другими исследователями подтверждал, что «Книга бытия» и все «Пятикнижие» составлено целиком из отрывков старых писаний, ничем между собой не связанных. Мало того, они усиленно развивали мысль, что библия не представляет собою одной книги, но что она состоит из различных книг, из которых каждая характеризуется особым стилем, свойственным тем условиям и той стране, при которых и где она составлялась. Поэтому каждую из них следует изучать в свете истории развития соответствующего народа и страны.

Хотя Эйхгорн был религиозным человеком и целью его писаний было вернуть образованные классы в лоно христианской церкви, однако это нисколько не примирило с ним теологов, и они осыпали оскорблениями не только самого Эйхгорна в Германии, но и переводчиков его в других странах.

Еще хуже обстояло дело в католической Германии. В 1774 г. майнцский священник Изенбиль, хороший знаток греческого и еврейского языков, коснувшись вопроса о том месте Исаии, где говорится о рожденном от девы Марии Иммануиле, заявил, что это относится к событиям из древней истории Израиля. Цензор и факультет немедленно привлекли его к ответственности перед епископом. Случайно епископом был тогда какой-то легкомысленный князек, который ограничился тем,

что заяв л священнику, что, быть может, он и прав, но все же ему не следует «сходить с проторенного пути, и надо избегать всего того, что может вызвать смущение».

Однако вскоре после смерти этого епископа нападения на Изенбиля возобновились, и он был лишен кафедры и сана. Следует отметить одно унижение, которому его подвергли: было объявлено, что ложное толкование им библии свидетельствует о недостаточном знакомстве его со священным писанием, и его послали в теологическую школу для юнцов, изучающих основы теологии.

Вскоре однако ему вернули кафедру греческого языка — под условием, что он не будет больше писать о священном писании. Но какой-то коварный книгопродавец снова выпустил его первую книгу и так как место и дату издания он скрыл, то все нападки обрушились на автора. Изенбиль был снова лишен кафедры и брошен в тюрьму; книга его была запрещена, и все имевшиеся в этой части Германии копии были конфискованы.

В 1778 г. он бежал из тюрьмы, но был пойман, выдан майнцским властям и снова попал в тюрьму. В это время папа Пий VI выступил по поводу книги Изенбиля с письмом, в котором книга объявляется «ужасной», «ложной», извращенной, разрушительной, пропитанной ересью, всем же читателям ее грозит отлучение от церкви. Тогда Изенбиль выступил с заявлением, что он написал ее в надежде причести пользу церкви, отрекся от своих взглядов и остаток жизни своей провел в неизвестности. Он умер в 1818 г.

Но, несмотря на все это, новые идеи завоевывали себе все новые и новые позиции. К концу XVIII в. эти идеи получили поддержку из двух новых источников, весьма друг от друга отличных.

Первым из них было произведение Гердера. С замечательной интуицией он предвосхитил некоторые идеи об эволюционном процессе в природе и литературе, которые получили полное признание лишь спустя три четверти века.

В области изучения библии он выступил с замечательной работой «Дух еврейской поэзии». В этой книге Гердер, на ряду со многими другими положениями, доказал, что псалмы были написаны различными авторами в различные эпохи и что они представляют собой расцвет великой поэтической литературы. Особенно поразительно было его суждение о «Песне песней» Сломона, ибо в течение свыше двух тысячелетий этим песням придавался какой-то мистический смысл, и если существовали отдельные люди, подозревавшие истину, то они подобно Ибн-Эзре старались молчать об этом.

Какие кары постигали тех, кто пытался бросить свет на истинный характер этой книги, можно видеть на примере Кастеллио, которого Кальвин и Беза довели до голодной смерти своими преследованиями за его толкование «Песни песней», или на примере Луи де Леона, которого с разрешения Филиппа II заключили за такой же поступок в тюрьму инквизиции, где его держали в течение пяти лет, пока он не заболел телом и духом и не согласился опубликовать новый коммен-

тарий к «Песне песней», написанный в таком теологическом и темном духе, что самый ортодоксальный теолог не мог бы желать большего.

Здесь перед нами снова пример, как теология подавляла человеческий дух всякий раз, когда делались попытки выйти за пределы теологических воззрений. Чтобы открыть простейший факт, относящийся к построению «Книги бытия», человечеству пришлось ждать две тысячи лет; столько же, если не больше, прошло, пока не нашелся поэт, открывший истинный характер «Песни песней». Бесчисленные комментаторы снабдили ее толкованиями; по поводу первых двух глав ее св. Бернар произнес свыше восьмидесяти проповедей; Палестрина переложил на священную музыку наиболее эротические части ее; евреи и язычники, католики и протестанты — от Оригена до Инб-Эзры и от Лютера до Боссюэ — говорили о скрытых смыслах ее и открывали в ней все, что угодно, только не то, чем она была в действительности. Среди всех этих бесчисленных толкований было объявлено, что она символизирует любовь Иеговы к Израилю; любовь христа к церкви; восхваление св. девы; союз души с телом; священную историю от Исхода до Мессии; церковную историю от распятия до Реформации; а некоторые из наиболее усердных протестантских церковников нашли в ней даже указание на религиозные войны в Германии и мир в Пассау. В настоящее время трудно даже представить себе, как могли рассуждающие люди говорить такие вещи, не считая это издевательством. Гердер показал, что «Песня песней» является просто восточной поэзией любви.

Но это выступление стоило Гердеру многих хлопот. Он подвергся жестоким нападкам и вынужден был скитаться в поисках убежища, пока не нашел приюта в Веймаре, в обществе Гете, Виланда и Жан Поля.

Другим человеком, оказавшим большое влияние в области библейских исследований, был человек, представлявший полную противоположность Гердеру. Это был шотландец Александр Джедс, католический священник. Обратив на себя в раннем возрасте большое внимание своей ученостью и получив весьма редкое для католика отличие, а именно докторскую степень от Эбердинского университета, он начал издавать в 1792 г. новый перевод «Ветхого завета», за которым последовал в 1800 г. том критических замечаний. Его взгляды в основном сводились к следующим трем пунктам: во-первых, «Пятикнижие» в настоящей его форме не могло быть написано Моисеем; во-вторых, оно является произведением многих авторов и, в-третьих, оно не могло быть написано раньше эпохи Давида. В настоящее время все это давно признано, но не так обстояло дело тогда. Джедс и его труд были сразу осуждены как католиками, так и протестантами.

Однако это не могло остановить движения критической мысли по отношению к священным книгам. За Астрюком и Эйхгорном, за Гердером и Джедсом последовал ряд других исследователей, которые продолжали итти по намеченному ими пути.

Против всех этих исследователей выступил в середине девятнадцатого века столп ортодоксии — Генгстенберг, соединивший в своем лице высокомерие прусского фельдфебеля, усердие испанского инкви-

зитора и назойливую грубость французского журналиста. Вместе со своим высоким покровителем — сумасшедшим королем Вильгельмом-Фридрихом IV — он выступал крайне резко против новых идей. Но эта оппозиция не имела никаких последствий. Целый ряд исследователей усердно работал в Германии и Голландии над распространением и развитием новых взглядов.

Среди этих ученых, из которых мы назовем Ватке, Блека, Рейса, Графа, Кайзера, Гупфельда, Делича и других, особенного внимания заслуживает Гупфельд, опубликовавший в 1883 г. книгу: «Источники книги бытия», в которой он окончательно установил положение, высказанное за сто лет до него Астрюком, а именно, что «Книга бытия» представляет собою соединение трех документов, из которых каждый отличается своими особенностями.

Благодаря трудам всех этих ученых все очевиднее становилось для всех, что «Пятикнижие», равно как и другие священные книги христиан, представляет собой смешение различных идей и различных эпох, компиляцию различных документов. Это открывало новое широкое поле для исследователей: надо было раскрыть эту литературу, привести ее в порядок и поставить ее в надлежащую связь с историей еврейской расы и других народов.

Таким образом Астрюк и Гупфельд нашли ключ к раскрытию характера моисеевых писаний, но для того, чтобы привести в порядок этот хаос, этого было еще недостаточно. Дело в том, что на протяжении многих поколений одна вещь особенно смущала комментаторов: это был тот факт, что упоминаемые в библии Самуил, Давид, Илья, Исаия и весь еврейский народ вплоть до периода изгнания обнаруживали во всех своих выражениях и действиях полное неведение обширной системы обрядовой законности, которая по приписываемым Моисею рассказам и другим частям священных книг действовала в полной силе в течение почти тысячи лет до эпохи изгнания.

«Везде, всегда и всеми» признавалось, что хронологический порядок откровений «Ветхого завета» был следующий: сначала закон, потом псалмы, а затем пророки. Это положение считалось неопровержимым в течение свыше двух тысяч лет вплоть до середины XIX в.

Но вот в 1835 г. Ватке в Берлине высказал в своей «Религии Ветхого завета» убеждение в неосновательности этого положения. Рассуждая, что развитие еврейской мысли должно было быть подчинено тем же законам, которые управляют другими системами, он пришел к выводу, что система законодательства, приписываемая Моисею, и особенно сложные церемонии ритуала не могли возникнуть на той стадии развития, которая изображена в моисеевых рассказах.

Хотя Ватке облек свое изложение в туманную форму геллевской метафизики, все же зоркие очи прусских блюстителей благочестия поняли смысл его книги и забили тревогу. Боясь Генгстенберга и его покровителя Фридриха-Вильгельма IV, Ватке счел для себя более выгодным замолчать.

Но новые идеи носились уже в воздухе, и за год до выступления Ватке эти же мысли зародились в голове Рейса, жившего на другом бе-

регу Рейна, в Страсбурге. К сожалению, и он не мог похвастаться храбростью и поэтому опубликовал свои мысли лишь спустя более чем сорок лет.

Но ученики Рейса, Граф и Кайзер, не только развили эти мысли, но и имели смелость опубликовать их. В то же время Кюнен в Голландии также выступил с теми же идеями.

Таким образом труды этих трех человек окончательно доказали, что левитский закон был установлен не в начале, а к концу существования еврейской нации, главным образом тогда, когда еврейская нация перестала существовать как независимая и политическая единица; и что этот кодекс вступил в жизнь тогда, когда место героев и пророков заняли жрецы. Таким путем развитие еврейских учреждений было поставлено в связь с теми же законами, по которым совершалось естественное развитие и других народов, было доказано, что подробнейшим образом разработанные обрядовые учреждения появились после первобытных стадий развития, а не до них.

Исследования Кюнена пошли еще дальше. При помощи большой эрудиции и неотразимой логики Кюнен доказал, что история в изложении «Ветхого завета» весьма значительно перемешана мифами и легендами; что не только законы, приписываемые Моисею, явились результатом значительно более позднего развития, но что многое из их исторической подкладки было плодом позднейшей мысли; что все пророчества «Ветхого завета» не заключали в себе ничего пророческого и меньше всего по отношению к событиям, упоминаемым в «Новом завете».

Так были заложены основы критического исследования священного писания. Нечего и говорить, что церковь как таковая с ними не примирилась и до сих пор, несмотря на то, что для многих отдельных представителей ее они оказались приемлемыми.

3. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ КРИТИКИ

Начала библейской критики были положены, как мы видели, главным образом в Германии и Голландии. В Англии новое течение мысли казалось совершенно невозможным.

Центром и оплотом этой реакции против философии XVIII в. был Оксфордский университет. Ортодоксия была гордостью этого университета. Толпа, заполнявшая константинопольский цирк во времена византийских императоров, вряд ли была более дико ортодоксальна, чем толпа студентов этого английского центра науки и цивилизации в середине XIX в. Примером этой нетерпимости может служить случай с американским посланником в Лондоне Эдуардом Эвереттом. Это был весьма образованный классик, впоследствии занявший кафедру греческого языка в Гарвардском университете. Кроме того он считался одним из выдающихся государственных деятелей Соединенных штатов. В виду всех этих его заслуг ему предложили звание почетного доктора Оксфордского университета. Во время торжественной церемонии вру-

чения ему этого звания он был грубо оскорблен толпой студентов на том основании, что во время своей юности он обнаружил отношение к таинству троицы не такое, какое требовалось ортодоксальным образом мышления Оксфорда.

Еще в последнем десятилетии XVII в. возгорелся спор по поводу «Писем Фалариса». Против Чарльза Бойля и его сторонников в Оксфорде выступил Ричард Бентлей, утверждавший, что письма эти были подложны. Несмотря на то, что в этом споре победа сначала оказалась на стороне Бойля, все же в конце-концов доводы Бентлея оказались неопровержимыми. Основываясь на огромной своей эрудиции, Бентлей доказал, что письма не могли быть написаны в эпоху Фалариса, подтверждая это положение указанием на стиль, совершенно не обычный для эпохи Фалариса, а также и на то, что в письмах имеются ссылки на события, имевшие место значительно позже.

Спустя сто лет после Бентлея в Германии появилась другая книга, также сделавшая эпоху в этой области. Мы говорим о книге Вольфа «Введение к Гомеру». В этой книге подробно излагалось учение, что Иллиада и Одиссея не являются произведениями одного великого поэта, но являются собранием народной литературы, соединенным в одно целое. Эта книга Вольфа нанесла смертельный удар идее о том, что классические произведения надо слепо принимать за то, за что они внешне выдаются.

Все очевиднее становилось, что древние переписчики и владельцы ценных рукописей допускали чрезвычайно свободное обращение с рукописями, внося в их текст множество вставок, а выпуск целых книг под вымышленными именами был широко распространен.

В 1811 г. Нибур развил по отношению к древней истории идеи, родственные идеям Бентлея и Вольфа по отношению к древней литературе. В своей «Истории Рима» он впервые широко и с блестящим успехом применил научные принципы к изучению исторических источников. До того времени суждения древних авторитетов принимались обычно как окончательные, как бы они ни были абсурдны; малейшее отклонение от них признавалось подозрительным и даже опасным.

Благодаря трудам Нибура и его последователей стало ясным место, занимаемое в истории мифами, и исторические исследования, по крайней мере в области светской истории, стали вестись в духе все более и более научном. Распространение этих новых методов на всю древнюю литературу и историю стало лишь вопросом времени.

В 1829 г. появилась «История евреев» Мильмана. В этой книге мы видим дальнейшую эволюцию принципов, провозглашенных Бентлеем, Вольфом и Нибуром, и необходимость их применения к священной истории стала очевидной. Мильман рассматривает историю избранного народа в свете современных ему знаний восточных и особенно семитических народов. Различных героев библии кочевого периода жизни Израиля он рисует в качестве шейхов или эмиров или главарей бедуинов; а израильские племена, по его мнению, в своем развитии подчинялись тем же законам, по каким происходит развитие всех кочевых народов. С сомнительными источниками он обращался в духе Бентлея.

а с мифическими, легендарными и чудесными — в духе Нибура. Этот взгляд на историю евреев, как на развитие всякого другого восточного племени, вызвал резко враждебное отношение к себе со стороны теологов. Столпы ортодоксии не замедлили выступить против Мильмана, и в результате журнал, в котором была напечатана «История» Мильмана, должен был прекратить свое существование, а сам Мильман должен был в течение многих лет жить в удалении и безвестности. Только в конце своей жизни он дождался признания своих идей.

В 1860 г. появилась книга под заглавием «Очерки и обозрения» («Essays and Reviews»). Книга была составлена семью авторами и рассматривала различные вопросы библейского толкования, на которые новая школа исследователей давала ответы, совершенно отличные от ответов ортодоксальной теологии.

Сначала книга эта не обратила на себя особенного внимания. Только в некоторых клерикальных газетах были даны о ней пренебрежительные отзывы. Но в октябре 1860 г. в «Westminster Reviews» появилась статья, свидетельствовавшая о том, что руководители английской церкви обратили наконец внимание на вышеуказанную книгу. Статья эта принадлежала перу оксфордского епископа Уильберфорса, приобретшего за несколько месяцев до того печальную славу своими нападками на Дарвина. В этой статье епископ заявляет, что автор вышеуказанной книги обнаруживает тенденцию «к неверию, если не к атеизму», что авторы виновны в «преступном легкомыслии», что все их писания полны «софистики и скептицизма». Особенное возмущение епископа вызвало положение одного из авторов, гласившее: «Священное писание надо толковать так же, как и всякую другую книгу». Вся статья была полна таких эпитетов, как «неверный», «атеистический», «ложный», «развращенный». Статья Уильберфорса привлекла к себе всеобщее внимание, и первым результатом ее было то, что книга «Очерки и обозрения» приобрела чрезвычайную популярность, и одно издание ее следовало за другим. Среди церковников началась паника. Посыпались многочисленные петиции с требованием спасти христианство и церковь. Семь авторов «Очерков» были названы «Семью тушителями семи светильников Апокалипсиса», «Семью борцами, но не за христианство». В результате этого давления церковников группа высших руководителей англиканской церкви во главе с архиепископом кентерберийским выпустила заявление, в котором говорилось, что они очень скорбят по поводу появления «Очерков», но что вряд ли можно с этим что-нибудь поделать. Это заявление никого не удовлетворило, и страсти разгорелись еще пуще. Вопрос стал обсуждаться на различных церковных съездах и даже в парламенте. В палате общин один из представителей духовенства требовал величайшей строгости к авторам книги «во имя спасения молодого поколения, которое эта книга развращает и осуждает на пребывание в аду». В верхней палате выступление представителей духовенства было в том же духе.

В результате против двух из семи авторов «Очерков» было возбуждено преследование, которое кончилось в первой инстанции присуждением их к лишению должности в течение года. Когда высшая ин-

станция отменила этот приговор, среди духовенства поднялся невообразимый шум. Оксфорд стал штаб-квартирой новой кампании, и вскоре под петицией, поданной с целью вновь осудить авторов, собрано было в короткое время одиннадцать тысяч подписей духовенства. Весь этот инцидент, приведший в движение все силы официального английского общества вплоть до обеих палат парламента и высшего судебного трибунала, с чрезвычайной яркостью свидетельствует, с каким упорством теология защищает свои позиции против науки.

4. КОНЕЧНАЯ БОРЬБА

Не успел еще утихнуть шум от книги семи авторов, как разразилась новая буря. В 1862 г. появилась новая книга под заглавием «Пятикнижие и книга Иисуса в свете критического анализа». Автором ее был Коленсо, епископ Наталя в Южной Африке. Он учился в Кембридже, где обратил на себя внимание своими ценными математическими учебниками. В своей книге он приходит к выводу, что «Пятикнижие» на ряду с ценным историческим материалом заключает в себе много неисторического; что значительная часть «Пятикнижия» относится к сравнительно позднему периоду еврейской истории; что многие места из «Второзакония» могли быть написаны только после того, как евреи поселились в земле Ханаанской; что Моисеево законодательство начало функционировать только после пленения; что книги хроник были написаны лишь впоследствии для упрочения власти жреческой касты и что во всех этих книгах имеется очень много мифического и легендарного.

Книга Коленсо, несмотря на весьма скромные с современной точки зрения утверждения ее, вызвала бурю негодования со стороны теологов. Особенно были они возмущены доводами арифметического характера, при помощи которых он, например, доказывал, что армия в 600 тыс. человек вряд ли могла быть мобилизована в одну ночь, что население в 3 млн. душ со стадами и домашними животными не могли найти себе пропитание на пространстве столь небольшой и бесплодной пустыни, по которой они, по словам священного писания, бродили в течение сорока лет, а воды из одного колодца безусловно не могло хватить на удовлетворение их нужды в питье, и что убийство двухсот тысяч мидян двенадцатью тысячами израильтян, к счастью, произошло только на бумаге.

Против Коленсо началась кампания. На церковных съездах выносились осуждающие его резолюции, а один из колониальных епископов, основываясь на формальном праве, даже отлучил его от церкви, как «предавшегося сатане». Между прочим много шуму со стороны теологов вызвало утверждение Коленсо, что упоминание в книге Левита о зайце, жующем свою жвачку, является ошибкой. Этот пункт вызвал следующее замечание со стороны профессора Гитцига и одного из лучших гебраистов своего времени: «ваши епископы делают себя посмешищем для Европы. Каждый гебраист хорошо знает, что животное, упоминаемое в книге Левита, есть действительно заяц... а каждый зоо-

люг знает, что заяц жвачки не жует». Одновременно была сделана попытка сбречь Колепсо и его сторонников на нищету при помощи суда. Но эта попытка кончилась неудачей; английский суд не согласился с доводами обвинителей, и за Колепсо, а также за его приверженцами были сохранены их должности. Такой приговор суда вызвал со стороны особенно ярых теологов заявление, что английский суд также является «орудием сатаны», а Уильберфорс высказал глубокое сожаление по поводу «преданности англичан закону в делах этого рода».

Неудача в суде только усилила ненависть теологов. Они развили еще более яростную кампанию против Колепсо, в результате которой от него отшатнулись почти все его друзья, и теологическая среда отвергла его еще решительнее, чем за тридцать лет до того Ляйелля после опубликования им «Принципов геологии». Однако в конце-концов верх одержали новые идеи, которым удалось пробить себе дорогу даже в Англии.

Чтобы искоренить все зачатки новой мысли, чтобы уничтожить все семена, посеянные Колепсо и его приверженцами, теологи начали кампанию, существенная часть которой заключалась в учреждении при Оксфордском университете особого колледжа, в котором молодые люди всесторонне снабжались бы духовным оружием против новых взглядов. Здесь они должны были изучать детальнейшим образом творения отцов церкви, сочинения средневековых докторов и апологетов XVII и XVIII вв., и таким образом вооружиться против научного духа XIX в.

Новый колледж приобрел большую известность среди английских теологов. Всевозможные щедрые дары полились в него широкой рекой. Пусть Кьонен одерживает верх в Голландии, пусть Велльгаузен торжествует победу в Германии, пусть Робертсон Смит считает себя победителем в Шотландии, пусть даже в самой Англии старых теологов сменяют люди с более современными взглядами, но этот колледж, одним из руководителей которого был Гладстон, должен был возвышаться неприступной скалой ортодоксии среди океана вольномыслия.

И вот в 1889 г. появляется книга под заглавием «Lux mundi», руководящие авторы которой оказались людьми, связанными с этим колледжем. В этой книге мы имеем полный отказ от старой теологической точки зрения и утверждение, что «Книга Бытия» не является историческим документом; далее в ней говорится, что все рассказы в еврейских священных книгах о событиях до эпохи Авраама являются мифическими и легендарными; что книги, приписываемые Моисею и Иисусу, составлены главным образом из трех документов, представляющих различные периоды, в том числе поздний период изгнания; что вообще в ветхозаветной истории имеется значительно идеализирующий элемент; что книги «Хроник» обнаруживают идеализацию истории; что пророчество не обязательно должно быть связано с предсказаниями и что «пророческое вдохновение нередко сопровождается ошибочными предположениями». Снова ужас охватил сторонников церкви, и стали раздаваться угрозы.

Такая же тенденция стала проявляться и в Кембриджском университете. Там глашатаем новых идей явился Робертсон Смит.

Во Франции происходил такой же процесс, но в несколько иной форме. До середины XIX в. ортодоксальное учение Боссюэ, державшееся за каждую букву священного писания и упорно сопротивлявшееся каждому шагу науки, занимало, казалось, твердое и непоколебимое положение. Но к этому времени произошло событие, резко изменившее положение вещей.

В это время к профессору Жюлю Симону (будущему академику и государственному деятелю) явился студент по имени Эрнест Ренан. Принятый Симоном, он рассказал ему свою историю. В качестве студента теологии он целиком отдался изучению еврейских и семитических языков; присутствуя аккуратно на лекциях по библейской литературе, он вынужден выслушивать постоянные комментарии профессора, основанные на переводе Иеронима, но совершенно расходящиеся с собственными взглядами Ренана, основанными на его знании еврейского языка. Обратившись за разъяснениями к лектору, Ренан получил следующий ответ: «Как вы осмеливаетесь отрицать авторитет перевода святого Иеронима, освященного святым духом и церковью. Идите немедленно в часовню и в течение часа читайте «Ave Maria» перед статуей святой девы». «Дело, — заявил Ренан Симону, — приобретает слишком серьезный характер; это повторяется каждый день, и не могу же я проводить все свое время в чтении молитв перед статуей святой девы». В результате между Ренаном и Симоном завязалась сильнейшая дружба.

Ренан получил возможность работать самостоятельно и вскоре был назначен профессором «College de France». Однако его «Жизнь Иисуса» и другие книги, написанные в том же духе, повлекли за собой лишение его кафедры и многочисленные другие неприятности. Однако после падения империи он был восстановлен в качестве профессора. Работа Ренана завершена была его «Историей израильского народа». Само собой разумеется, что церковные власти осыпали его проклятиями в течение всей его жизни и не оставляли его в покое даже после смерти.

Однако эти преследования не спасли католической церкви от проникновения и в нее новых идей.

В Германии в конце XIX в. католический профессор Ян в Вене осмелился в своем «Введении в изучение ветхого завета» поставить книги Иова, Ионы и Товия ниже других канонических книг; исправление своей дерзости, сделанное им во втором издании, спасло его от серьезных неприятностей.

Еще позже подавал большие надежды в качестве библейского исследователя бреславльский профессор Моверс, но духовное начальство просто запретило ему издавать свои труды.

В течение второй половины XIX в. духовные власти в католической Германии не переставали оказывать давление на исследователей. Многие из таких ученых превращались вследствие этого в апологетов или «примиренцев», а кто не поддавался влиянию, тех просто изгоняли из церкви.

Только в 1890 г. во Франции и Италии среди преподавательского состава католических университетов наметился некоторый, конечно

весьма слабый, перелом, и вопросы библейского исследования стали трактоваться с более современной точки зрения. Особенно выделились в этом отношении работы Бартоло, профессора Ленормана и некоторых других. Результаты появления этих трудов сказались очень быстро. Высшие духовные власти немедленно поместили эти труды в индекс, авторы были лишены своих должностей, пока не раскаялись и не замолчали, а занимавшие высокие духовные посты были даже вызваны в Рим, где их заставили прекратить свои выступления.

Появление указанных трудов католических ученых вынудило выступить в ноябре 1893 г. папу Льва XIII с заявлением об «Изучении священного писания». Это выступление весьма характерно для двусмысленной политики пап. После Бенедикта XIV католический мир считал Льва XIII одним из самых образованных и просвещенных из всех занимавших когда-либо папский престол. Все ожидали от него ясного и определенного ответа на поставленный вопрос. Старые реакционеры надеялись, что папа всей своей властью обрушится на новых критиков библии и положит раз навсегда конец всяким колебаниям среди верующих католиков; приверженцы же новых идей рассчитывали по выражению одного из них, что папа проложит мост над пропастью, отделяющей признанную ортодоксию от установленной науки.

Ожидания как тех, так и других не оправдались. Трудно найти более двусмысленный документ, чем это папское послание. С одной стороны, он категорически заявляет, что в священном писании не может быть ошибок; он даже настаивает например на том, что книга Товия составлена не человеком, а написана богом. Конечно его папское святейшество осуждает критическое отношение к священным книгам. Но, с другой стороны, он в то же время настаивает на необходимости самого тщательного изучения священных книг и особенно на важности согласования библейских положений с научными фактами. Такая формулировка дала повод сторонникам обоих течений признать папскую энциклику доводом в свою пользу. Так например самый ярый защитник этой энциклики среди англичан, иезуит Кларк, решительно выступил публично в защиту таких положений, которые способны были не только шокировать итальянских и испанских католиков, но и английских и американских протестантов. Так он заявил, что папа и не думает отрицать разнообразия документов, легших в основу «Пятикнижия», или множественность источников книги Самуила, или принадлежность книги Исаия двум авторам, или, что все после девятого стиха последней главы евангелия Марка является подложным. Мало того, он заявил, что в «Ветхом завете» числа вероятно применялись «по-восточному» и все эти упоминания о семидесяти и сорока не следует понимать буквально, и что «в библии имеется человеческий элемент, предусмотренный божественной волей».

Развитию новых взглядов на священные книги в Америке много способствовала война между Югом и Севером из-за рабства. Многие противники рабства видели, что священное писание санкционирует рабство. Естественно, что перед многими из них возникал вопрос: «раз библия санкционирует рабство — тем хуже для библии».

Все же надо сказать, что дело сторонников новых взглядов в Америке казалось достаточно безнадежным. «Syllabus of Errors», выпущенная в 1864 г. папой Пием IX, и многие другие документы, исходящие из Ватикана, создавали огромные затруднения для перехода к новым взглядам. В этом отношении англиканская церковь в Америке ничем не отличалась от католической. Еще в 60-х годах XIX в. представители англиканской церкви выступали с заявлениями в роде следующих: «все библейские рассказы являются совершенно точными», «библия — это откровение вечности; она представляет собой настолько собственные слова бога, как будто бы небо раскрылось перед нами и мы слышали бы бога, говорящим человеческим голосом», «мы должны или принять, что «Ветхий завет» есть божественное откровение, или отрицать истинность существования Иисуса христа как учителя божественной истины».

Все это однако не остановило движения мысли, и в конце-концов после длительной и упорной борьбы новое течение одержало верх также и в Европе.

5. ПОБЕДА НАУЧНЫХ МЕТОДОВ

Великие открытия, сделанные Боттой и Лапардом в Ассирии и дополненные исследованиями Раулинсона, Джорджа Смита, Опперта, Сайса и многочисленных других авторов, совершенно ясно доказали, что в то время когда, по словам священного писания, происходило сотворение мира, в Месопотамии имелась уже вполне развитая цивилизация, что за две тысячи лет до той даты, когда, по словам библии, Авраам переселился из страны Халдейской, эта халдейская цивилизация переживала уже расцвет искусства, науки и литературы, что надписи, открытые в центрах этой и родственных ей цивилизаций, установили существование мифов и легенд еврейских священных книг в более ранних формах, и что рассказы о сотворении мира, о древе жизни в раю, об учреждении и даже о самом названии субботы, о потопе, вавилонской башне и о многих других событиях, упоминаемых в «Пятикнижии», представляют собой эволюцию более ранних халдейских мифов и легенд. Факты эти были до того неотразимы, что ни один ученый не мог их отрицать. Даже христианские ученые вынуждены были их признать.

Весьма плодотворными оказались также исследования в Египте. Они раскрыли весьма значительное число археологических и географических фактов, доказывающих происхождение рассказов, приписываемых Моисею. Они установили факты, окончательно доказывающие полную нелепость всей библейской хронологии; они доказали соответствие десяти допотопных патриархов, о которых говорится в книге «Бытия», десяти первым династиям египетских богов, десяти допотопным королям халдейских преданий, десяти героям Армении, десяти доисторическим королям персидских священных книг, десяти «отцам» индусских священных книг и многим другим такого же рода десяткам, указывая таким образом общие пути развития священной литературы древних народов.

Эти ученые нашли также, что легенды о египетских казнях в главнейшем представляют собой лишь естественные преувеличения того, что

происходит ежегодно, так например, превращение воды Нила в кровь повидимому покоилось на явлениях, наблюдаемых каждое лето, когда по словам многих ученых вода Нила «около середины июля в восемь или десять дней превращается из серо-синей в темнокрасную, напоминающую по своему цвету свеже пролитую кровь». Точно так же египтологи перевели нам старую нильскую сказку о двух братьях и показали нам, что история Иосифа заимствована в значительной своей части из этой книги; что история Моисея с корзинкой и его спасением была рассказана за много лет до жизни Моисея не только о короле Саргоне, но и о многих других героях; они опубликовали планы египетских храмов и копии украшавших их стены скульптур, которые раскрывали перед нами истинный источник происхождения многих еврейских обрядов; они нашли в «Египетской книге мертвых» и на многих различных надписях нильских храмов и гробниц более ранние источники многого из того, что содержится в книге Завета и в десяти заповедях; они дали миру копии египетских текстов, доказывающих, что нильская теология была одним из наиболее плодотворных источников позднейших идей и рассказов о медном змее, о золотом тельце, о троицах и чудесных зачатиях, о воплощениях, о воскресениях, о вознесениях и т. п. Точно так же они установили, что многие положения ранней иудейско-христианской священной литературы о сотворении мира, об астрономии, географии, магии, медицине, влияниях дьявола тоже в большей или меньшей степени имеют свое начало в халдейских или персидских источниках.

Одновременно с тем, как археологи способствовали таким образом развитию критицизма по отношению к священным книгам, другая группа ученых дала переводы священных книг восточных народов, доказав таким путем что идеи, считавшиеся божественным откровением, встречаются также в религиях и священных книгах наиболее восточных народов и являются результатом не внезапного творения или откровения, а медленного процесса эволюции.

Конечно, сторонники ортодоксальных теологических взглядов встречали все эти выступления весьма враждебно, и быть может ни одно из положений Ренана не вызвало столько недовольства с их стороны, как утверждение его, что «самым могущественным влиянием, которому подвергся Израиль, было персидское». Изучение Зенд-Авесты и «Ветхого завета» и «Нового завета» скоро показало, что идеи их, касающиеся действия сатаны и других дьяволов, происходят главным образом из персидских источников; точно так же идея о бессмертии развилась у евреев главным образом в период их близких сношений с персами. Но это еще не все. В Зенд-Авесте найдены были в более ранней форме различные мифы и легенды, которые имеют близкое сходство с историей христа. Типичным примером может служить искушение Зороастра.

В 1894 г. д-р Миллс напечатал статью, в которой обращает внимание на «предполагавшийся ранее и ныне не подлежащий никакому сомнению факт, что богу угодно было открыть некоторые из наиболее важных положений католической веры сначала приверженцам Зарату-

стры и через их литературу евреям и христианам». Сюда относятся многие атрибуты, приписываемые иудаизмом богу и в особенности сатане. Тут же он нашел рассказы о чудесном зачатии, девственном рождении и испытании Заратустры. Последнее поразительно совпадало с рассказом евангелия. Миллс показал, что вообще среди персов за много веков до появления христианства была распространена легенда о тщетной попытке самого главного демона, местопребыванием которого была вершина горы Арезура, соблазнить Заратустру к почитанию сатаны, причем Миллс передает диалог между ними и окончательный отказ Заратустры. Далее Миллс доказывает, что «учение о бессмертии впервые встречается у евреев во время позднего Исайи, т. е. в эпоху пленения, между тем как священные книги Заратустры представляют собой сплошную массу положений, имеющих отношение к райскому или адскому мирам». Свою статью Миллс заканчивает заявлением, что «религия маздеизма давала много материала для учений еврейских учителей веры, для идей же о бессмертии и воскресении она служила главнейшим источником».

Еще более поразительными оказались результаты критического изучения священной литературы народов Южной и Восточной Азии. Особенно поражало сходство главнейших рассказов и представлений иудейско-христианских священных книг с соответствующими представлениями буддизма.

Здесь также прошло много времени, пока эти выводы получили признание. Открытия в санскритской филологии, сделанные во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. Джонсом, Кэри, Уилкинсом, Фатером, Колбруком и др., встретили сначала резкую оппозицию со стороны теологов. Об этом свидетельствует заявление Стюарта, что открытие санскрита является обманом, а санскритская грамматика представляет собой смесь греческой и латинской. Но исследования продолжались. Бопп, Лассен, Вебер, Уитней, Макс Мюллер и др. не прекращали своих исследований в течение всего XIX в. Все более и более раскрывались источники, из которых заимствовано было содержание иудейско-христианских священных книг.

В 1852 г. вышло описание путешествия миссионера Хюка в Тибет.

Буддизм предстал перед европейским миром с его иерархией, во главе которой стоит непогрешимый великий лама в качестве представителя наивысшего существа, окруженный низшими ламами, напоминающими кардиналов; с его митроносными епископами, безбрачными священниками и с их тонзурой камилавкой, стихарем и кадилом; с его соборами, в которых духовенство собирается на хорах; с его обширными монастырями, наполненными монахами и монахинями, обрекшими себя на бедность, целомудрие и послушание; с его церковными порядками; с раками святых и ангелов; с его применением икон, картин и требников; с его службой, поразительно напоминающей мессу; с его антифольными хорами; с его молитвенными напевами; с его процессиями; с его церковными обрядами и курением ладана; с его причастием; с его молитвами за умерших; с его благословениями распростер-

тыми руками; с его постами, исповедью и учением об очищении — все это предстало в ясном виде перед всеми. Хюк был повидимому до крайности поражен этими изумительными фактами, но он быстро нашел решение загадки: это сатана, желая предупредить христианство, открыл буддизму этот божественный порядок вещей. Однако это объяснение не удовлетворило папских кардиналов. Они предпочли запретить книгу Хюка, хотя различные переводы ее уже были сделаны; самого же Хюка они больше никуда не послали.

Но это еще не все. По мере более близкого ознакомления с буддийской религиозной литературой открывались чрезвычайно интересные факты, с точностью установившие, что многие рассказы иудейско-христианских священных книг были предвосхищены буддистскими писаниями. Чудесное зачатие будды и его девственное рождение, подобно Гору в Египте и Кришне в Индии; предвозвещение об этом его матери Майе; звезда, появившаяся на востоке, и ангелы, поющие на небесах при его рождении, — все это и многие другие рассказы из священного писания были найдены в буддистских книгах. Даже католические ученые вынуждены были признать этот поразительный факт. Фаузбелль нашел в буддистских народных рассказах историю о суде Соломона, а Эдвин Арнольд своей поэмой «Свет Азии» способствовал широкому распространению представления о том, что в буддизме заключается много идей, до недавнего времени приписываемых исключительно христианству. Все эти факты с необходимостью приводили к мысли о взаимозависимости развития человеческих религий вообще.

Не менее богатым результатами оказалось также ближайшее исследование и «Нового завета». Мы не можем останавливаться здесь подробно на этом вопросе; приведем лишь некоторые данные новейших исследований.

Можно считать вполне доказанным, что первые три евангелия, которые теология считала всегда тремя независимыми друг от друга свидетельствами, одинаково излагающими ряд событий, в действительности очень далеки как от взаимной независимости, так и согласованности изложения. Все библейские исследователи, в том числе даже самые консервативные, вынуждены были признать, что все три синоптических евангелия произошли из одного общего источника, причем каждое из них с течением времени обрастало различными вставками и дополнениями, в немалой степени заимствованными из более старых религий, в результате чего и получилось в них множество противоречий. Что же касается четвертого евангелия, то в настоящее время считается вполне установленным, что оно ни в малейшей степени не излагает идей Иоанна, но представляет собой смесь греческой философии с еврейской теологией, окончательная же его форма, представляющая, по выражению одного ученого, «неисторический продукт абстрактного мышления», принадлежит талантливому перу одного или нескольких представителей александрийской школы.

К концу XIX в. огромное большинство библейских исследователей вынуждено было признать, что Иоанн ни в малейшей степени не является автором приписываемого ему евангелия.

Получил окончательное разрешение в конце XIX в. и вопрос о каноне священного писания. Было с несомненностью установлено, что священное писание отнюдь не вышло сразу целиком и полностью в виде готового творения из рук всемогущего господа, но представляет собою собрание книг, которые составлялись постепенно, причем некоторые книги «Ветхого завета» считались уже священными за много столетий до христианской эры, а другие приобретали священный характер лишь постепенно, а в отдельных случаях они стали священными много лет после появления христианства. Тот же процесс был установлен и для «Нового завета».

Было доказано, что отбор книг, из которых состоит «Новый завет», и отделение их от обширной массы других сомнительных евангелий, посланий и всякого рода апокалиптической литературы, представлял собой постоянный процесс, причем в отборе одних книг и отклонений других немалую роль играла случайность.

Научное исследование библии установило также роль мифов и легенд в содержании не только «Ветхого завета», но и «Нового завета». Путем сравнительного изучения литератур был установлен процесс, при помощи которого книги как «Ветхого» так и «Нового» заветов составлялись и пересоставлялись, обогащаясь всевозможными вставками и дополнениями, выражавшими мысли владельцев рукописей или их переписчиков, в то время как авторство их приписывалось лицам, которые не могли их написать.

Все эти факты привели к тому, что оппозиция научным методам исследования библии со стороны теологов постепенно слабела, а теология стала искать новых путей для борьбы с наукой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Глава I.

От акта творения к эволюции 13

Глава II.

География 47

Глава III.

Астрономия 57

Глава IV.

От «знамений и чудес» к астрономическим законам 78

Глава V.

От «книги бытия» к геологии 88

Глава VI.

Древность человека 107

Глава VII.

Древность человека и доисторическая археология 106

Глава VIII.

Грехпадение человека и антропология 115

Глава IX.

От «властителя сил воздуха» к метеорологии 122

Глава X.

От магии к химии и физике 143

Глава XI.

От чудес к медицине 161

Глава XII.

От фетиша к гигиене 190

Глава XIII.

От «бесовской одержимости» к психиатрии 201

Глава XIV.

От бесноватости к истерии 216

Глава XV.

От Вавилонской башни к сравнительной филологии 229

Глава XVI.

От божественного откровения к научной критике 241

Редактор А. Рановичъ. Тех. редактор Л. Гинзбург.

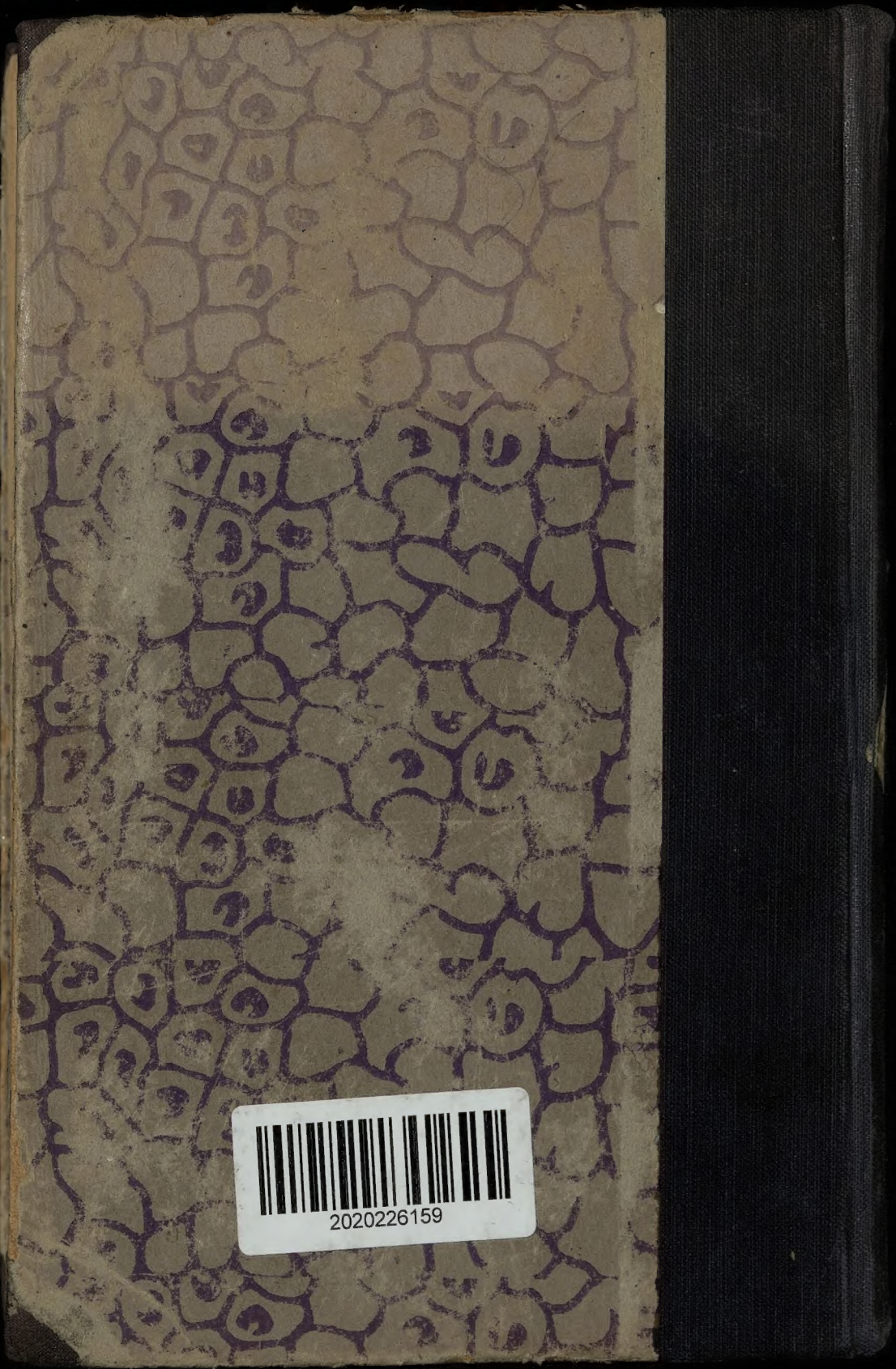
МП 53. № 181-Б. Подписано к печати 13/XII 1931 г. Формат 62 × 94. 1/16. 17 п. л. 45.312 зн. в п. л.

Уполн. Главлита № Б-13930. Заказ № 43. Тираж 3.000.

Типография «Гудок». Москва, ул. Станкевича, 7.

На стр. 7, строка 12 сверху, имеется опечатка: напечатано: **Шпренгера,** должно быть: **Шпенглера.**

Ц3РУБ


2020226159